

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД
2021

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД
Литературно-художественный журнал

1 (39)
2021 год

1

Иллюстрация Юрия Воронова к книге Василия Белова «Старый да малый»

Отцовское. 1977.
ДВП, масло. 97 x 77.
ВСКГ ОФ-8184

Деревенский натюрморт

Юрий Воронов: «Всю жизнь их рисую»

Художник устроил небольшую выставку в музее-квартире В. И. Белова

Юрий Воронов. Натурный набросок, сделанный в Тимонихе

Юрий Воронов - заслуженный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств - с литературой и литераторами, в том числе и вологодскими, связан со студенческих лет: его дипломная работа была посвящена поэзии Николая Рубцова. Не раз иллюстрировал

Юрий Александрович произведения Василия Ивановича Белова, в том числе и книгу о народной эстетике «Лад». «Мне, как и любому вологжанину, Белов очень близок, - говорит Юрий Воронов. - Он рассказал о жизни, которая ушла, но осталась живой благодаря его художественному слову».

Бывал Юрий Александрович и в Тимонихе, написал портреты Василия Ивановича и его мамы, Анфисы Ивановны. Писал Юрий Воронов и портреты других литераторов-вологжан - критика и литературоведа Василия Оботурова, Виктора Астафьева, Александра Рачкова...

Предметы крестьянского быта изображены Вороновым на большом монохромном живописном полотне «Деревенский натюрморт»: оно объединяет в единое целое все графические работы художника, связанные с Беловым. Крепление для кросен и челнок от ткацкого станка, коклюшки в коробочке, принадлежавшие бабушке художника, северная прялка, веретёна, полый стеклянный шарик - поплавок от рыболовных сетей... «Лапти тут настоящие - им больше стает, - поясняет Юрий Александрович. - Все вещи на этой картине - из моей мастерской, всю жизнь их рисую».

Писатель В. А. Оботуров. 1988. Холст, масло. 100 x 80

Набросок этот художник сделал во время пребывания на родине Василия Белова. Писатель беседует с местным жителем

«Она всё говорила нам: берегите Васю», - вспоминает Юрий Воронов о встрече с Анфисой Ивановной в Тимонихе. Художник использовал этот портрет как иллюстрацию к изданию беловского «Лада» в Северо-Западном книжном издательстве

Высокий полёт

В преддверии главного литературного юбилея нынешнего года - 60-летия Вологодской писательской организации - сотрудники музея-квартиры В. И. Белова провели цикл встреч: с Анной Беловой, Александром Коротаевым, Александром Романовым-младшим, Ингой Никитиной и многими другими родственниками и друзьями литераторов.

Разговоры шли живые, искренние, очень непосредственные. Сложилось впечатление, что писательское сообщество в Вологде шестидесятых - восьмидесятых годов двадцатого века было не просто содружеством профессионалов, не просто союзом единомышленников или кружком по интересам. Круг людей, составивших знаменитую «вологодскую школу», был по сути одной семьёй. И не только вологодские жители входили в эту семью - и входят, разумеется! Родными людьми ощущаем мы Василия Шукшина и Владимира Личутина, Евгения Носова и Владимира Крупина, Фёдора Абрамова, Валентина Распутина... Каждый из них не раз с охотой приезжал в Вологду, потому что чувствовал себя здесь на родине - русскому писателю в северных краях привольно и тепло. В Сибири издавна старообрядцев называли «семейскими» - потому что они жили дружно, объединённые общим трудом и общей молитвой.

Вот и писателей «вологодской школы» объединяет общее миропонимание, мироощущение. Делает семьёй. Это не значит, разумеется, что каждый из них белый и пушистый, нет - все мы люди, и в каждой семье мало ли что бывает... Это значит лишь, что их объединяет то, что они считают главным в жизни - и своей, и общества. Это свойство русских писателей подмечено не вчера.

«Русские литераторы, во-первых, очень хорошие люди, а во-вторых, живут между собой в примерном или, скорее, беспримерном согласии», - считал Александр Васильевич Дружинин, литератор середины XIX века. А вот что сказал о Николае Рубцове Виктор Лихонос: «В строчках его стихов столько родного, русского». Виктор Иванович не только стихи Рубцова прекрасно знал, он и с Николаем Михайловичем был знаком. Совсем недавно, в августе 2021-го, Виктор Иванович скончался, но слова его от этого точными быть не перестали. Их ведь и к нему самому можно отнести, и к любому из тех, кто близок Белову, Распутину, Шукшину, Фокиной...

Вспомним, как начинается рассказ Евгения Носова «За лесами, за долами»: «На рассвете меня будили журавли...» Слышна переключка с Рубцовым: «И разбудят меня, позовут журавлиные крики...»

Репродукция картины Евгения Ивановича Носова «Журавли» украшает обложку журнала, который вы держите в руках. Словно призывает вслед за Николаем Рубцовым: «Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих!»

Кстати, для журнала нашего нынешний год тоже особенный: первый его номер вышел 15 лет назад, осенью 2006 года.

Всё это время мы знакомим читателей с произведениями писателей, вологодских не только по месту рождения или жительства, но и по духу, по отношению к людям и Отечеству. Не забывая, разумеется, авторов, живущих в родимом краю.

Андрей САЛЬНИКОВ,
главный редактор
журнала «Вологодский ЛАД»

Ольга
Фокина

Стихи замечательной русской поэтессы Ольги Александровны Фокиной публикуются в «Вологодском ЛАДЕ» почти в каждом номере - начиная с первого. Редакция старается не оставлять читателей без задушевной фокинской поэзии: люди говорят, в нынешние годы без легкого, теплого слова сложно жить...

Замедлите шаг!

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

* * *

Что в жару вкуснее квасу?
Что в мороз милей тепла?
...Захотелось - нету спасу! -
Сбечь туда, где встарь была.
Там едва ли небо - выше,
Гуще - лес, просторней - луг.
Там продавленная крыша,
Не посажен в грядку лук,
Не исправлено крылечко,
Заколочено окно,
Расщелявшаяся печка,
Не топимая давно.
В непрочерпанном колодце
Там - прокисшая вода...
Сердце бьётся, сердце рвётся
Лишь туда, туда, туда:
Прокачать в колодце воду!
Отогреть родную печь!
Зекам-окнам дать свободу!
Устранить на крыше течь!..

Столько счастья, столько дела -
Не до отдыха и сна!
Но скрипит больное тело:
«Ты там больше не нужна!
Не поднять тебе бревёшко,
Не принести ведра воды
(Дай Бог - занавесь к окошкам
Прицепить - и то лады!)
Не вскопать родную грядку
И не переборонить,
Лук, готовый на посадку,
И морковь - не посадить...

И Двина (пересыхает,
За неё - ни вброд, ни вплавь!),
Словно мама, наставляет:
- Что по силам, то и правь!
А того, что позабыто,
Не задёывай, не трожь!

...Деревянное корыто!
...Непосянная рожь!

* * *

Воркую песенку такую
(Кругом одна - что хошь воркуй!):
«Как я тоскую по Кокую,
Так ты, Кокуй, по мне тоскуй!»

Кругом в лесах - берёзки, сосны,
А на Кокуе - пихтачи
Да ели, сумрачно-серьёзные,
Да ручеёк чуть-чуть журчит
В овраге, полном бурелома,
Где ни тропинки, ни следа...
Но я люблю уйти из дома
В тихую - именно сюда.
Наедине с природой дикой
Природы чувствую привет:
Корзинка полнится черникой,
Грибами грузится пакет.
На невеликой боровинке
Не удержу восторга вздох:
Ни паутинки, ни травинки -
Ковром махровым - белый мох!
Такой он мягкий и хороший,
Такой он тёплый и родной,
Что я сниму свои галоши
(Не сразу две, а - по одной).
...И никогда б не расставаться
С тобой, природная краса!
Но время - начало смеркаться,
И громыхнуло в небесах.
...С трудом корзину волоку я,
За сучья чалится пакет...
И не могу найти реку я...
Нашла реку! Но - брода нет!
Уже к отчаянью близка я, -
Придётся, видно, пропадать:
Кокуй меня не отпускает!

Впредь буду знать, что напевать.

* * *

Дерево, посаженное мной, -
Пихта, принесённая с Кокуя.
Я её, малюточку такую,

Выкопала голою рукой
В глинистом распадке, где обрыв
И непроходимая чащоба...
Я её взяла с Кокуя, чтобы
Там она не сгубла до поры.
...Бережно расправив корешок,
Тайно ото всех, боясь содома,
Я её воткнула возле дома
В солнечный приветливый лужок.
«В честь рожденья доченьки -
примись,
Будь здорова и расти большая! -
Я шептала, пихту утешая, -
На меня за вольность не сердись!»
С той поры полвека пронеслось.
Пихта и не думает сердиться:
В хвое пихты - гнёздышко
жар-птицы,
Это - не у каждого, небось!

* * *

Одна средь леса дикого
Живёт Агафья Лыкова.
Без сахара, без солицы,
Живёт да Богу молится.
В речонке ловит рыбицу,
Обидят - не обидится.
Пугнёт, но не рассердится
Агафья на медведицу,
Что в гости к ней повадилась, -
Живая тварь, не гадина!

Кругом одна: ЯГА - ФЕЯ!
Живёт в лесу Агафия...

* * *

К Пасхе растаял последний сугроб
Возле стены у театра...
Скоро ли кончится время хвороб?
Господи, если бы - завтра!
Всюду - запреты, кругом - карантин,
Люди - в перчатках и масках...
Боже, перстом у виска покрути:
Али Тебе это баско?

*Масло кончается, нету пшена,
Гречка опять в дефиците,
И у одних тяжелеет мошна,
А у других - извините!
Только и этим, и тем - умирать,
Вирус сильнее монеты...
Бога за бороду стоит ли брать?
Ждать от Него ли ответа?
Всё нам дано - и земля, и вода,
Солнце, и звёзды, и воздух!
Жадность - отдельных,
  а прочих - нужда,
Сгиньте, куда не поздно!
Птицы над полем бесплодным
  кричат,
Травы в безлюдье пылают,
А человек в мегаполисный чад
Явно намерен селить и внучат:
Пусть, не пожив, умирают.*

* * *

*Взрослые люди всё время спешат
С самого раннего утра и до ночи.
Папы и мамы! Замедлите шаг! -
Не успевают за вами ребёночек.*

*Ваши шаги чересчур широки,
В вашей горсти потонула
  ладошечка, -
Ей не убраться из вашей руки, -
Бечь-семенить запыхавшейся
  крошечке.*

*Взрослые люди! Не стоит спешить!
Будете старые, будете хворые, -
Будут ли «крошечки»
  вас не строжить,
Что - неваровые вы?
  Что - нескорые?*

* * *

*Весь год: работа - дом... тоска!
Но существуют отпуска.
Билеты летом - нарасхват:
Куда подальше - в рай ли, в ад!
На самолёт, на теплоход!
...А тот сколачивает плот,
А этот прёт велосипед,
А эта жмёт ему вослед!
Их мают ямы и бугры,
Изводит зной тягун-горы,
Их заедают комары,
Но до поры они бодры:
Рыбалка, песни, костерки,
Ночлег в палатке у реки,
Внезапный холод, недосып,
И «всё жуёшь, а всё - не сыт!»*

*Доволен? Вот и хорошо!
И - хватит? Или, всё ж, - ещё?
...Во лбу - чирьяк, под мышкой - клещ...
И всё же отпуск - это вещь!*

* * *

*Мальчики, не выходите на лёд:
Вас прибылая вода унесёт!
Девочки! Не порывайтесь спасать:
Может стихия и вас засосать,
Взять в ледяную бездонную жуть,
К маме родной никогда не вернуть...*

* * *

*Утро морозное. Улицы убраны.
Мороки угнаны. Мир - не узнать!
...Бомж, наклоняясь
  над чистыми урнами,
Сник, опечаленный: нечего взять.*

Надежда Юрова

Надежда Михайловна Юрова родилась в Тарногском районе. Окончила областное культпросветучилище в 1980 году, до 1994 года трудилась в районной библиотеке, с 1994 по 2017 год - корреспондент районной газеты «Коншеньга». Член Союза журналистов России.

В 2019 году Надежда Михайловна выпустила первую книгу - сборник рассказов о любви «Ниточка с иголкой», некоторые из них были опубликованы в «Вологодском ЛАДЕ».

- Жизнь - такая интересная штука! - говорит Надежда Михайловна. - Она открывает в нас таланты, дает возможность создавать новые картины, писать стихи...

В прошлом году в Вологде с успехом прошла выставка «Поэзия акварели»:

Наталья и Вера Шашерины представили свои работы, навеянные хокку Надежды Юровой, и наш журнал рассказывал об этой выставке. В июле нынешнего года жители Тарногского Городка любовались пастелями писательницы-художницы на выставке «У каждого дня есть в сердце родня». Работы Надежды Михайловны дополнили фотографии её сына Сергея, фотокорреспондента «Красного Севера».

«Пишет она легко, воздушно, чисто и честно» - так охарактеризовала известная вологодская писательница Татьяна Андреева творчество своей давней подруги.

Легкость, честность и чистота - эти черты свойственны любому произведению Надежды Юровой, будь это рассказы, картины или стихи, с которыми мы знакомим читателей.

Перелётная птица счастья

90-е

*У себя самой в долгу
Я барахтаюсь, как могу.
Среди множества будних дел,
Среди едких словесных стрел,
Среди зависти злой и лжи,
Где и слова-то не скажи,
Там, где ночи длиннее дня,
Там, где нету в печи огня.*

*На обрывистом берегу
Я барахтаюсь, как могу.*

*И не верю почти себе,
Что я выстою в той борьбе,
Что меня не побьет мороз,
Что отмоюсь от горьких слез,
Что закончится нищета,
Что я буду совсем не та.*

Что всё сделанное - не зря,
И не важно, что говорят.
На судьбу свою не ропщу.
Всё забуду. И всех прощу.

24 апреля 2020 г.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Подруге юности

Белая ночь, такая недлинная,
Бьется тугая волна,
Берег рыжий сыплется глиною,
И отмель цветами полна.

И соловьи, как сумасшедшие,
А ты - у реки на краю,
Как будто с картины сошедшая,
Напоминаешь юность мою.

Глаз глубина искрами светится -
Отблеск дальней зари,
Это здорово - снова встретиться.
И обо всем говорить.

Как хороша эта ночка белая,
И снова нам двадцать лет...
И неожиданно в то поверю я -
Срока давности нет.

24 апреля 2020 г.

ДЕНЬ ТАКОЙ

Танцуют по лужам
холодные струйки дождя.
Промок и простужен,
закончился день, уходя.

Запрыгнул в маршрутку
и маме своей позвонил.
Устал не на шутку,
но к ужину что-то купил.

У этого дня не имеется
«прочих примет»,
таких, как шампанское
или фиалок букет.

Таких, как футбол
или свадьба хороших друзей,
зачет по английскому
или поездка в музей.

Был день неприметен,
хотя и ни разу не глуп,
не вздорный, не шумный,
не паинька, но и не груб.

Был день беспокойный
немножко и чуть размазня...
Такой вот, похоже,
не раз посецал и меня.

16 января 2020 г.

МЕТЕЛЬ

Какая метель налетела
На тихие наши дома!
Нехитрое, в общем-то, дело
Разбрасывать снег задарма,

Трепать молодые осины,
Под крышу загнать голубей,
И с криком, почти что ослиным,
Полночи смеяться в трубе.

Всё выше и выше сугробы,
И всё непролазней тропа.
По снегу протопать попробуй!
Насмелишься только едва.

Какая метель-непогода!
Но лучше, чем злые дожди,
Предательство или невзгоды.
Метель не на век. Пережди.

13 января 2020 г.

ОБЕЩАНИЕ

Пообещай жениться!
С жарким потоком слов
в сердце мое внедрится
преданная любовь.
Стань ожиданием страстным,
памятью и золой,

майским восходом ясным
и непогодой злой.
Пообещай, поверю -
Годы с тобой впереди...
Всем покажу на двери.
Маме не разубедить.

Пообещай жениться...
Раздумай - и не женись,
И городской дурехе
перекрой всю жизнь.
Ради чего-то, как-то,
в общем-то жизнь идет...
Вместо фиалок - кактус,
он тоже порой цветет.
Сделай ошибку кучу,
Бизнес начни и брось,
И пожалей при случае,
что мы безвозвратно врозь.

26 декабря 2019 г.

ПОЛУНОЧНЫЕ СТИХИ

Стихи - они полуночный бред,
Спасательный круг от слез и бед,
Моя надежда, самообман,
Обрывки мыслей - полный карман!

Стихи, крикливые, как петухи,
Порой ироничны, порой тихи.
Другие прилипчивы, как репей,
И спать мешают, ну хоть их бей.

Слова как рыбки в большом пруду,
Крупных много, ловлю ерунду.
В рифму вплетаю, швыряю прочь.
Стихами забита сырая ночь.

Стихи о прошлом, к чему они?
Давно погашены те огни.
А будет завтра? Не мне решать...
Сейчас бы надо вольней дышать.

Но вновь подковой стучит Пегас,
И не до сна мне в котормый раз.

Пишу, как Ленин из шалаша,
И вновь за строчкой летит душа.

И где бывает - сама дивлюсь,
Порой полетов ее боюсь.
А что потом уложит в стих?
Вот наконец-то поток затих.

Придут ли снова? И да, и нет?
Пришлет ли Муза новый привет?
А ожидание встречи
Делает жизнь полегче...

17 июля 2019 г.

«ПОМОЛИСЬ ЗА МЕНЯ...»

- Ты, старая, все дни от нечего делать
по церквям да монастырям шастаешь.
Хоть бы за меня помолилась, что ли? -
бросил с обидой подвыпивший мужичок
набожной родственнице.

- Сколько тихих часов подряд
Пред иконою зрячею плачу
и не вымолю для тебя
ни здоровья, ни легкой удачи.

Как же вымолить, хоть стремлюсь,
Сам к себе ты, увы, не строгий,
И на сердце горою грусть,
Беспричинна она и убога.

Так случилось, что у тебя
Нет ни дела, ни силы, ни цели,
А товарищи, все подряд,
Обогнали и преуспели.

Как послушать - кругом враги,
Не жалеют, не любят, не ценят,
Не прощают твои долги...
И в словах нет смущения тени.

Все неправы, а ты вот прав...
Ты - герой, а другие гады!
И не прячешь недобрый нрав,
И в пороках видишь отраду.

За тебя помолюсь и впредь,
Мне не трудно. Всё в Божьей воле.
Чтоб с грехами не умереть,
Сам, родимый, молись поболее...

26 апреля

РАЗЛАД

Промозглый вечер, мокрый сад
Бумагою помятою...
И ты кричишь: «Не виноват!»
И я: «Не виноватая!»

В снегу пожухлая трава,
И хмурится акация.
И все слетевшие слова -
Сплошная провокация.

И ты клянешься в правоте,
и я: «Уеду к мамочке!»
И все ненужные, не те
Слова, как в черной рамочке.

И ты бежишь куда-то прочь...
И я в порыве ревности...
Не в силах мы себе помочь,
Мы сотканы из вредности.

И я в слезах. И ты назло:
«Все разберем по полочкам!»
И всё, что дальше быть могло,
Разбито на осколки.

6 апреля 2020 г.

СОЖАЛЕНИЕ

Я замерзла. И нет тебя...
Та утрата невосполнима.
Ты был лучший из всех ребят,
Лучше даже героев Рима.

Да, на смену пришел другой,
Он был добр, но тобою не был.
Затянуло дурной травой,
Поле, созданное для хлеба.

Я иду, а навстречу мне,
Незнакомые вторят: «Здрасьте!»
Жизнь - она удачна вполне,
Если веришь - пройдет ненастье.

Если веришь, на склоне дней,
будет то, что мы заслужили.
Нет тебя... оттого больней,
Что все вместе мы не прожили.

25 марта 2020 г.

***

Такого не будет, не повторится...
И все на тебя не похожие лица.
Улыбка не та, и не те разговоры,
На окнах морозных другие узоры.

А кажется, та же дорога и дали,
Мы это с тобою когда-то видали.
И здесь проходили легко, неспешно
Полднем холодным и малоснежным.

Вот речка на солнце искрится, играет.
И счастье, наверное, разным бывает.
И следует жизни опять улыбаться,
Но с мильми сердцу - не расставаться.

26 ноября

***

Ты был в меня влюблен. И не перечь!
Не говорил, но я-то это знаю.
И ты искал со мной случайных встреч,
Быть может, сам того не понимая.

Ты узнавал в толпе мои шаги,
Смеялся громче и смотрел теплее,
Не обращал внимания на других,
Когда я поправляла шарф на шее.

Но так горда, что Боже сохрани,
Яшла надменно, что не подступиться.
Ни разу не остались мы одни...
Порхнуло счастье перелетной птицей.

11 февраля 2020 г.

Алла Касецкая

Алла Георгиевна Касецкая (Воробьёва) родилась в деревне Гончарка Вологодского района. Закончила десятилетку, выучилась на художника росписи по дереву. В данное время заочно учится в Вологодском областном колледже культуры и туризма в Кириллове.
- Стихи пишу с раннего детства, - рассказывает Алла. - В школе была постоянным автором стихов и песен для различных мероприятий. На публику вышла с серьезными стихами впервые в 2010 году в вологодском литературном клубе «Диоген». Прозу начала писать чуть позже. Алла была финалисткой литературных семинаров и конкурсов «В начале было слово», «Гринфест» и других. «Вологодский ЛАД» впервые опубликовал подборку её стихов в 2019 году. В 2021 году в Вологде вышла первая книга Аллы Касецкой «Снег пахнет небом», читайте о ней на стр. 12.

Воспоминанье нежных лет

СЕВЕРНЫЙ АВГУСТ

*Северный август, деревня Корнилово.
Август - мне время расстаться
с намечтанным.*

*Содонга-речка притихшая, стылая.
Дремлет туман
над мостками-дощечками.*

*Банька, черёмуха, домик бревенчатый.
Сохнут грибы. Запах яблочный в горнице.
В августе трудно расстаться
с намечтанным.*

Небо к земле по-осеннему клонится.

*Вновь мироточат янтарными каплями
В чёрное озеро сосны столетние.
Ивы застыли печальными цаплями.
Спасом медовым итожится летнее.*

ЖИВАЯ ВОДА

*Водой - живой, студёной, жгучей -
В сосуд вливалась золотой.
И голос ярок был и звучен.
Был водопадом, был рекой.*

*Текучей влагою струилась
В серебряную благодать -
Без сожаления делилась.
Живую силу отдавать.*

*Смесь, звеня, дрожа, стекая
В хрустальный бережный сосуд,
Легко могла вода живая.
Делиться - разве это труд?*

*И даже в деревянной плошке
Свежо плескалась и светло.*

*Всем отдаваясь понемножку,
Осталась чистой, как стекло.*

*Вода жила, вода дышала
И не заметила когда -
Твоим ладоням в плен попала.
...теперь я мёртвая вода.*

НЕ ПРЕКОСЛОВЬ

*Зима приходит неизбежно -
не прекословь,
и не отринь небесно-снежных
её даров.
Внимай восторженно-смирненно
её речам.
Пуховой шали неизменность
идёт плечам.
Прими ресницами, как данность, -
морозный свет.
Ей аллилуйя и осанна,
и смерти нет.
Зима лишь сон глубокий, долгий,
как сон-трава.
Пророк уснёт. Язык умолкнет.
Любовь - жива.*

У МЕНЯ УМИРАЮТ БАБУШКИ

*мамаша с мальшом
играют в ладушки
а у меня умирают бабушки
одна за одной...
вот и баба Дуся умерла
91 прожила и умерла
сухонькая была
серенькая, как воробей,
жизнь прожила
не для себя
всё больше для людей
сын-кровинушка инвалид
30 лет сиднем сидит
сломана спина... а она
без мужа одна
тянула всё на своей спине
фотография мужа на стене*

*грамоты-благодарности в комодё...
морковь-капуста прут в огороде
полоть поливать
окучивать убирать
солить варить
всё одна да одна
у сына спина
муж на стене
герань на окне
а у бабушки сто жил
только бы сын жил
да герань цвела
да сама подольше жила.
...а вот - умерла.*

ЖИЗНЬ СОБАЧЬЯ

*Я, когда заводила щенка,
наперед перечислила годы,
что останутся нам, а пока
я свою оградила свободу
подтиранием лужиц мочи,
тихим воем щенячьим ночами.
и теперь - хоть кричи, хоть рычи,
но сроднились клыками, хвостами.
И теперь мне нельзя умирать,
ибо в доме собака, и значит,
кто-то должен собаку гулять
дважды в день. Вот она - жизнь собачья.*

БЕЗДЕЛЬНИЦА

*Облетают листья с клёна.
Облака сулят тоску.
Тащит веточку ворона
По размокшему песку.*

*Дождь струится канителью -
Занят, надо полагать.
Мне же - сущее безделье -
За вороной наблюдать.*

*Тётка злобная с балкона:
«Прочь, бездельница!» - кричит.
...а ворона есть ворона -
Молча веточку тащит.*

Я стою в раскисших ботах.
Дождь по маковке стучит.
У вороны есть работа -
Ветку тащит и молчит.

БОТИНКИ

Я купила ботинки намедни.
Славные, черт подери, ботинки! -
Самое то, чтобы в них навсегда из дома
Вечером майским. Рюкзак за плечом.
Дорога.
Солнце лениво - яблочек глазных не выест.
Соком морковным пролиты травы, небо.
Длинная юбка гладит колени, бедра.
Счастье - кулак разжать, отпустить
на волю...
...Жаль, амнезия не прилагалась
к шузам в нагрузку.

ДАР

И.

Что я могу тебе отдать?
Что не украли, то сгорело.
Стихов разрозненных тетрадь
Да увядающее тело.
Всё, что имею - не ценно,
Что потеряла - не оплачешь.
Мне было многое дано.
Велик и спрос, а как иначе?
Не взять ни ветру, ни огню
Моё нехитрое наследство:
я долгий век тебе храню
Лесное яблоко из детства.

ГЕРАНЬ

Люблю цветы герань.
Все остальные - дрянь.
Н. Рубцов

Есть магия в цветке герани.
Поправьте, если не права.
Как лёгкий ситец в царстве ткани,
Проста, неброска, дешева.

Сейчас герань - уже не ново
И архаично - ха! герань!

А помните, как у Рубцова, -
Когда цветы другие - дрянь!

Ведь приживается, кустится
В любой избе, в любом доме.
Какая сила в ней таится,
Я и поныне не пойму.

Мне не пройти спокойно мимо
Старух, торгующих цветком...
И детство вдруг необъяснимо
Обступит вновь со всех сторон.

Там бабушка ещё живая,
В простенке в рамке - дед-боец.
Там снова мама молодая,
И не ушёл от нас отец.

Там в поле след темнеет санный,
Рябина на ветру дрожит.
И брат с винтовкой деревянной
Мой сон «двухлетний» сторожит.

И дом родной на поруганье
Ещё не отдан за гроши.
... Там на окне цветы герани
Просты, неброски, хороши.

ЧЕРЕМУХА

Черё-черё-черёмуха!
Чего, чего тебе вздыхать?
О. Фокина. «Черёмуха»

Цветёт черёмуха - как много
Душевных песен и стихов.
Черё-черё... Ах, недотрога!
Задень - и «пепел» был таков.

О, этот терпкий, лёгкий «пепел» -
Воспоминание нежных лет.
Рук юных первый, робкий трепет,
И первых слёз горчее нет.

Но оправдать слезу - не спрятать,
Мол - ест черёмух горький дым...
И над чужим стихом заплакать,
Как над несбывшимся своим.

Гибкая ива

О первой книге Аллы Касецкой

Вступительное слово к дебютной книге Аллы Касецкой, выпущенной автором в Вологде нынешним летом, написал известный прозаик и кинорежиссер Анатолий Ехалов. И начинается он своё предисловие, вспоминая, с какой осторожностью открывал рукопись: «Мне казалось, что сборник женских стихов будет походить на дамскую сумочку». А в этой сумочке, как известно, можно найти что угодно - от губной помады до гаечного ключа...

«Я ошибался, - признается Анатолий Константинович. - Книжка захватила меня с первых стихов». Приведем одно из поразивших маститого писателя стихотворений. В нем автор сравнивает себя с ивовым деревцом.

*Гордо раскинут кроны
Тополь, берёза в срок.
Я же стою склоненной -
Ивовый я пруток.
Мне ль тополиной статью,
Ростом ли щеголять?
Белой берёзы платье
Иве ли примерять?
Иве, вдове плакучей,
В реку ронять печаль.
Небо набухнет тучей,
Ветер совьёт в спираль.
Смерч пролетит, ломая
Гордые тополя.
Я же стою. Живая.
Гибкая ива - я.*

Конечно, ива не поражает ни красотой, ни статью. Зато она при всей своей скромности необычайно жизнестойка, и в этой своей стойкости внимательный человек не может не заметить особой красоты. Ивовому прутку свойственно умение следовать гармонии жизни, а это ли не красота, не

высокое искусство... Книга «Снег пахнет небом» говорит об артистическом опыте автора, и дело не в том, что Алла Касецкая нередко и охотно перед выступает публичкой как певица. Артист здесь - синоним слова «художник», то есть человек искусства.

Стихи и рассказы в Аллиной книге показывают автора как человека, который именно в искусстве ищет опору для выстраивания жизни. Ищет - и находит. И помогает другим в подобных поисках.

Вот еще стихотворение Аллы Касецкой, в нем она раскрывает смысл названия своей первой книги.

*Сын смеётся, румяный от бега:
- Мам, тебе нравится запах снега?
- Нравится, сынок. Очень.
А впрочем...
- Чем пахнет снег? - Душа то ведает...
- Мама, небом ведь!*

Небом пахнет не только снег, конечно. В жизни важно уметь это почувствовать, увидеть отблески небесной глубины и выси в обыденности или даже в беде. Ива это умеет...

*Людмила
Новикова*

Детство Людмилы прошло в Тотьме. Затем - учёба в Ленинградском институте связи имени Бонч-Бруевича, рождение и воспитание двоих сыновей, работа на предприятиях связи. В 2003 г. вышла книга «Бабушкин дом». Участвовала в конференции молодых литераторов Северо-Запада в 2003 году, лауреат Российского литературного конкурса им. Вячеслава Кузнецова. Стихи печатались в «Морской газете», «Невском альманахе», в газетах «Литературный Санкт-Петербург», «Тотемские вести», во многих сборниках, в том числе «Гармония», «Окно», «Петербургские строфы», «Свет победы». Занималась в мастерской Юрия Шестакова. В 2007 году вышла книга стихов «Свет мой засушенный», в 2012 - «Нерастроченное». Член Союза писателей России с 2013 года.

Вологодский говорочек

ДОРОГА В ТОТЬМУ

*Город мой во всей красе
За леском открылся.
Ошвартован у шоссе,
Словно возле пирса.*

*А над ним кресты парят
В штиле огородов...
Бросил в небо якоря
Город мореходов.*

ТИХАЯ ПРОГУЛКА

*Ночь.
Отправиться не лень мне
В заповедное затишьё.*

*Спит родимое селенье,
Ни единый звук не слышен.*

*Свежий снег загладил шустро
Прошлый день двора и сквера.
Окрик дворника под утро -
Будто выстрел браконьера!*

СУХОНА В ЯНВАРЕ 2018 ГОДА

*Не пленят реку морозы,
Несмотря на все труды...
И январской ночью звёзды
Вновь всплывают из воды.*

*Крут с рекою поединок,
Нет управы на неё,*

*И катается на льдинах
Городское воронье.*

*До чего сильна водица!
Как царица, гнёт своё.
И в морозный день искрится
Шлейф величества её.*

ЗИМНЕЕ УТРО

*Хорош морозный небосвод,
Когда рассвет едва забрезжит,
И луч лиловый упадёт
На дремлющее побережье.*

*Над лесом солнце польхнёт,
Взойдёт над тихими домами.
Деревня глубоко вздохнёт
И выдохнет в мороз дымами.*

* * *

*Утром встану на лыжню...
Пахнет лес брусничкой.
Ёлке лапу я пожму
В радости великой.*

*Ну, а ёлка щедро свой
Скинет плат «пуховый», -
На-ка, житель городской,
Получай обнову!*

*И посыплется снежок
На румянец жаркий!
До чего же хорошо
В ёлкином подарке!*

КУПАНИЕ НА СУХОНЕ

*Брошен лёгкий мой халатик
На прибрежную траву.
В тихих водах на закате
Я плыву, плыву, плыву...*

*Далеко оставив плотик,
Развожу руками тишь.*

*С колокольни, что напротив,
В тишину ныряет стриж.*

*Отмель, полоса песка - и...
Шаг в объятья к облакам.
Упоительно стекает
Тишина к моим ногам...*

* * *

*Дом начинается с забора.
Весьма прозрачен наш забор -
В переплетениях узора
Округа и речной простор.*

*Он охраняет дом нестрога,
Сосновую имея стать,
И на штакетине сорока
О птичьём любит стрекотать.*

*И видит каждый местный житель
Двор, и скамейку, и кусты,
И дом - счастливую обитель,
Где наши помыслы чисты.*

* * *

*Для нехитрого застолья
У хозяйки всё готово -
Вот грибочки из подполья,
Полграфинчика перцовой.*

*Над картошкой пар - как тонкий
Кружевной узор салфетки.
К чаю - чудом от внучонка
Утаённые конфетки.*

*Чайник в третий раз поставлен,
К разговорам - кипяточек.
Доброй шуткою приправлен
Вологодский говорочек.*

* * *

*Взяла его за пуговку,
А он меня - за талию.*

*Ему со мной - в Калугу бы,
А мне бы с ним - в Италию.*

*А может, даже в Грецию -
Забывать дела житейские.
Сбежала бы погреться я
На пляжи на эгейские.*

*Пройтись по лавкам модненьким -
Мечта моя несбыточна,
Ведь я за ним, за родненьким,
Как за иголкой - ниточка.*

*Покажутся неважными
Любви любые тернии,
Когда мигнут ромашки нам
Родной его губернии.*

БАБЬЕ ЛЕТО

*В огороде у Галины,
Словно праздничный салют,
Сортовые георгины
Ранней осенью цветут.*

*У её подруги Наты
По рябиновой поре,
Будто пуговики, опята
Раскатились во дворе...*

*Обе спят поодиночке
Вот уже немало лет...
На плите шкворчат грибочки,
На столе стоит букет.*

*Пребывая в формах пышных
Без супружеских оков,
Поминают пивших, бивших
И почивших мужиков...*

СЕМЬЯ

*Вечер обычный...
Сидит жена,
Напротив неё - муж.
Свеча единая зажжена
Парой согласных душ.*

*Ткут семейное полотно
Две пары согласных рук:
Один проявит уменье одно,
Другое - другой супруг.*

*Приобретённое родство,
Стук согласный сердце...
Их дети радостны от того,
Что с ними - мать и отец.*

*Мало таких семей по стране...
Бюджет бы не пострадал,
Выделив каждой счастливой семье
«Супружеский капитал».*

* * *

*Чайки белые, красные лапки -
Украшенье гранитной оградки.
Отражаются кепка и шляпка
В мутных водах весенней Фонтанки.*

*Не нашлась для беседы зацепка,
Не хотелось опять - про погоду.
До бровей нахлобучилась кепка,
Шляпка грустно смотрела на воду...*

*Приживается счастье не просто -
За сюжетом сюжет под копирку.
Шляпка вышла к Аничкову мосту,
Кепка двинулась в сторону цирка...*

Николай
Дегтерёв

Николай Дегтерёв родился в 1986 году в посёлке Шексна. Работал дворником, воспитателем в детском лагере, корректором, литературным редактором на радио, режиссером народного театра. Выпускник Литературного института им. Горького и Вологодского православного духовного училища, участник Форума молодых писателей России в Липках. Несколько лет преподавал в воскресной школе при храме Казанской иконы Божией Матери в Шексне. Печатался в «Литературной газете», поэтических сборниках «Новые имена России», «День поэзии Литературного института», в альманахах «Литературная Вологда», «День поэзии», в газете «Вологодский литератор», а также в журналах. «Вологодский ЛАД» опубликовал стихи Николая Дегтерёва и его «Записки катехизатора». В издательстве Московской Патриархии в 2016 году вышла книга Николая Дегтерёва «Преподобный Сергей Нуромский». Стихи молодого автора переведены на болгарский и вьетнамский языки. Н. Дегтерёв - лауреат Всероссийской литературной премии имени Евгения Курдакова (2015) и литературной премии имени Н. В. Груздевой «Твоё имя» (2016). В 2020 году по итогам областной литературной премии имени Сергея Чухина стал лауреатом II премии в номинациях «Поэзия» и «Критика и литературоведение». Член Союза писателей России.

Поздняя любовь

***

*Не будем говорить. Мы не юнцы.
Мы поняли, как сводятся концы
с концами, научились выживать,
смотреть на мир со скукою, но прямо;
не грезить, сны не видеть, ни о чем
не думать идеальном, палачом
для наших мечт несбыточных бывать
и гибель мира считать с экрана.*

*Не говори. Я знаю, ты мертва.
Я тоже мертв, особенно слова,
в просторный стих поставленные с ходу.*

*Особенно такой вот желтизны,
где ты и я, закатом обданы,
стоим и молча смотрим на природу.*

*Не будем говорить. К чему пустых
трясений воздуха, ушных вибраций
и этих стертых смыслов холостых
плодить вотще и с ними
разбираться?*

*Дай руку мне, и шею я возьму,
и всю тебя томительно раздену,
потом войду в зияющую тьму,
а ты начнешь хватать руками стену.*

И вот игра - как будто не игра.
И мы - не куклы в пластиковой коже,
и мы как будто любим, как вчера,
где было все опасней и дороже.

Нет, не вчера, а двадцать лет назад,
когда еще мы верили и жили,
и был такой же пламенный закат,
и мы взаправду, кажется, любили.

Но только тело помнит прошлых дней
любовный жар. Душа мертва, и ясно,
что мы с тобою не родим детей
и друг без друга проживем прекрасно,

и нам всего лишь надобно суметь
отдаться полностью движеньям тела.
Поэтому молчи, как Филомела,
чтоб ласточкой довольной улететь.

***

Нам вина осталась, только лишь вина,
Не любовь, не верность, ничего такого.
Лишь она одна на свете и прочна,
Лишь она заслуживает слова.

Я теперь на фото даже не взгляну.
Ты меня давно забыла, знаю.
Но не забывай свою вину.
Я своей не забываю,

Потому что истина в вине.
И в конце, у мира на пределе
Не отправят нас гореть в огне -
Мы свое при жизни отгорели.

***

Я жду, что она напишет.
А она не пишет, она
где-то с другим или одна у окна
смотрит на дождь вовне и внутри себя,
губы кусая, волосы теребя.

Я ей не пара. Вряд ли в её глазах

я вообще мужчина, а не бесполое
существо.

«Ты уже слишком старый, -
шепчет внутренний страх. -
Ты уже старый, тебе
не достанется ничего».

И я говорю: «Я знаю. Я понял,
что мир жесток,
что человек - животное
со слишком болтливым ртом,
что сексуальный рынок таков,
что я одинок,
что я неликвид, я лузер. Но дело совсем
не в том,

а в том, что я жду её слова.

Мне достаточно слов,
чтобы потом забыться под сенью
чудесных снов,
что было бы много хуже, если б она пришла,
если б у нас (как пошло!)

тоже «любовь» была,

потому что - я знаю это - на свою и её беду
я бы сгубил её душу в моем ледяном аду.

***

На базаре или на вокзале -
Да не в этом суть -
Мы с тобою встретимся глазами
И продолжим путь.

А потом пройдет сухой остаток
Жизни, точно сон,
Прочерков, помарок, опечаток
Не исправит он.

И тогда, на жизненном исходе,
Полье внутри,
Мы с тобой задумаемся: «Вроде
Жили, а смотри,

Знать, судьба-злодейка обманула:
Помню лишь глаза

Те, в которых жизнь моя сверкнула,
Да базар-вокзал».

***

Постой, не тебя ли я видел на том конце
жизни, на том конце,
где ты, словно скульптор,
что-то меняла в моем лице.

Может быть, это ты мне в глаза
вложила надежды блеск,
может быть, под твоей рукою раздался
камень, и я воскрес.

И вот я хожу по миру, в потоке лиц
я тебя ищу,
согретый мечтой, неизвестное имя
твое шепчу.

Я уже не бегу от правды, не боюсь
увидеть, что жизнь прошла.
Я боюсь одного: узнать, что придумал
тебя, что ты никогда не была,

что напрасно в движении улиц ловлю
я твой мимолетный взгляд,
что напрасно хватаюсь за воздух,
не в силах тебя найти.

Но кто же тогда воскресил меня?
Кто жизнь мою отмотал назад?
Кто вернул мне юность на долгом
моем пути?

А после судачить будут: седина, мол,
в бороду, в ребра бес.
Но люди слепы, им не узнать судьбы,
ни чужой, ни своей.
Ведь так сложно поверить, что кто-то
любовью твоей воскрес.
Что кто-то остался жив из-за любви
твоей.

***

Есть литературная игра.
Ну а кроме? Ну а что же кроме?
Ты выходишь в осень со двора,
Будто с фото в голубом альбоме.

Как банально, пошло, как старо!
Но тогда зачем, скажи на милость,
Изменился, как расклад таро,
Целый мир, а ты не изменилась?

Ты все та же девочка, и вот
Юный я с собой тебя уводит...
Много-много лет с тех пор пройдет,
А вот эта близость не проходит.

И теперь, раскрыв свою тетрадь,
Старый я всё слово подбирает,
Чтоб опять в любовь с тобой сыграть,
Как в стихи, как в жизнь и смерть играют.

***

Скажи: «Люблю»...
Начало многих стихотворений

Скажи: «Люблю», - и сразу мир другой,
Как будто свет зажгли,
Как будто мы под радугой-дугой
Вдвоем прошли,

Как в детстве, где душа еще чиста
И совесть не больна,
Где нас еще не гложет суета,
Не жжёт вина.

Скажи: «Люблю», - и я тебя пойму
(мы в этом заодно),
Что очень грустно в мире одному
Смотреть в окно,

Где ни огня, ни тайны не видать,
Нет откликов и встреч,
На мир, где ничего нельзя создать
И нечего беречь.

Скажи: «Люблю», - и я скажу в ответ,
И всё, не надо слов.
Мы не заметим ни часов, ни лет,
Ни сроков, ни эпох,

А будут разговоры до утра,
Прогулки средь зимы

Да полные уюта вечера,
Где только мы.

***

Ты думала, что взрослая, но нет
На самом деле взрослых, только дети,
Совсем одни, кантуются на свете,
Пытаясь переделать этот свет.

Найти любовь и смерть переиграть -
Кроме детей, кто в этот бред поверит?
И смысл найдет, и целый мир измерит,
И передаст другим его печать?

Поэтому, родная, не жалеи,
Мы дети, просто старого призыва.
Взгляни-ка лучше, как кругом красиво,
И как с детьми уютней и теплей.

Махни рукой и отложи печаль,
Иди ко мне, сюда, под одеяло,
Нам мира много, а себя нам мало,
И май цветет, и ничего не жаль!

ДУША

Обманула. Пошла за делами,
Но одни лишь слова принесла.
И под пристальными прожекторами,
Легковесны, прозрачней стекла,

Те слова невесомой толпою
Суеются, пусты и нежны,
Замечают, любуясь собою,
Что они никому не нужны.

Но на глупость душевную эту
Я, как прежде, сквозь пальцы смотрю,
Говорю ей: «Порыскай по свету,
Принеси мне еще, - говорю, -

Этих слов, мимолетных, минутных
И прозрачных до боли в груди,
Этих песенных чаяний смутных,
Эту горечь любви впереди,

Чтобы наша не сгнула лира,
Чтобы счастье откликнулось нам!»
И душа улетает из мира,
Непривычная к трудным делам.

***

Я этим воздухом пьян,
Этой жизнью раздавлен и смят.
Поднеси мне к губам,
Поднеси мне еще наугад

Этой жизни глоток
И души твоей крохи в горсти,
Дай мне вместе с собой
Часть тебя унести.

Ты умела не ждать,
Ты меня никогда не ждала.
И пока я сражался в боях,
Ты с другими спала.

И друзья мои пили вино
За того, кто ушел воевать,
С ними ты заодно
Не пила - тебе было плевать.

Заметали снега,
Наши письма не шли, как на грех,
Все вокруг забывали других,
Ты забыла меня раньше всех.

Но я жив, я вернулся!
И расплата моя такова:
Подойди ко мне ближе,
Я скажу золотые слова.

Я-то жив, дорогая.
Я-то жив, это ты умерла.
Это ты истлеваешь в лучах
Переметного зла.

Вот поэтому я и прошу
Те душевные крохи твои -
Чтоб тебе навсегда
Не исчезнуть в небытии.

Николай ДЕГТЕРЁВ

***

*Я вышел в ночь в плаще своем помятом...
А впрочем, что я вру, в каком плаще!
У бати был. Он в нем ходил когда-то.
А у меня и не было вообще.*

*И вышел я не в ночь, а в вечер поздний
(Опасно ночью: можно огрести).
Был месяц май, задумчивый и звездный,
Цвела сирень (чего ей не цвести?).*

*Я закурил седую папиросу
И, как дымок, поднялся к небесам,
Я задавал себе проклятые вопросы
И отвечал на них, конечно, сам.*

*А кто еще, скажи, в сухом остатке,
Ответит мне, куда, зачем иду?
Вон молодежь дрейфует на девятке,
И им плевать на всю эту байду.*

*Что жизнь и смерть, когда с тобою рядом,
От возбужденья руки теребя,
Сидит девчонка с непокорным взглядом,
Но по уши влюбленная в тебя?*

*И я один в сей юной круговерти
Иду туда, где зрима во весь рост
Бессмысленность и неизбежность смерти
Как вечный риторический вопрос.*

*И тем влюбленным что сказать я в силах?
Что в глубине души лишь Бог и кровь.
Что нужно нежить и лелеять милых,
Ведь раньше жизни кончится любовь.*

*И я давлю со злости папиросу...
А впрочем, вновь соврал я, так и быть:
Ведь я курить уже давненько бросил,
Чтобы плохому сына не учить.*

• ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ

Сказки и миниатюры Татьяны Андреевой

Читатели «Вологодского ЛАДА» хорошо знакомы с прозой вологжанки
Татьяны Андреевой: журнал публиковал главы из ее мемуарной книги
«Прощай, XX век!», рассказы и публицистические статьи.

В текущем году Татьяна Александровна издала две небольшие книжки: сборник миниатюр «Узелки на память. У времени в плену» и книжку «Рассказы и сказки на вырост (добрым молодцам и красным девицам младшего и среднего школьного возраста, а также их родителям, дедушкам и бабушкам)».

«Узелки на память» - это миниатюры о Вологодчине и её жителях, написанные с любовью к соотечественникам, к уникальному русскому миру и родному языку. Тепло и с юмором автор показывает

жизнь и быт вологжан, включая в книжку и свои воспоминания на сломе времён - прошлого века и сегодняшних дней.

Сказки Татьяны Андреевой знакомят маленьких горожан с деревенской жизнью, домашними животными, с деревенским трудом на огороде и лесными приключениями во время похода за грибами

Книга написана простым и понятным для детей языком, она прекрасно иллюстрирована художницей Ириной Щениковой.

Василий Мишенёв

Стихи Василия Мишенёва - душевные, пронзительные и удивительно мелодичные - знают и любят по всей России. Хотя прожил Василий Михайлович в родном Никольском районе уже больше 60 лет, много лет занимался журналистикой, был главным редактором районной газеты «Авангард». О признательности земляков говорит и звание почетного гражданина Никольского района. Напутствие в литературу Василию Мишенёву дал Василий Белов в восьмидесятые еще годы прошлого века. Путь пройден немалый: выпущено несколько книг, число публикаций в самых авторитетных российских журналах исчисляется десятками. Наш журнал печатал и стихи, и прозу, и публицистику Василия Михайловича. Рады представить читателям подборку новых стихов поэта, подготовленную специально для «Вологодского ЛАДА». В нынешнем году Василий Мишенёв выпустил в вологодском издательстве «Родники» новый сборник стихов - «Васильки», читайте о нём на странице 178.

Живу понемножку...

ПАМЯТИ СВЕТА

*Нам память прошлых лет
Дана, как Божья милость,
И что бы ни случилось,
Её не меркнет свет.*

*Тот свет - от юных дней,
От добрых встреч далёких,
И с ним неодиноким
Живешь среди людей.*

ДУША ПОЕТ

*Пришли минуты откровенья,
Воспрянь, седая голова!
Для нового стихотворенья
Нашлись заветные слова!*

*Душа поет не по заказу,
Душа поет, как ей позволит Бог!
И спелась песня с ходу, сразу,
А то и слова вымолвить не мог!*

ЗИМНИЙ ЭТЮД

*Одна на другую
Похожи все зимы
Запахом сладким
Грибов от корзины,
Сидишь возле печки
И слушаешь маму,
А вьюга несётся
Вдоль поля ко храму.
В том поле светлеет
Лишь лунною ночью,
И видно при звёздах*

Тропу в поле волчью.
Так пусто в деревне
В морозы под вечер:
Все люди - по избам,
Все дети - у печек...

ЛЮБОВЬ УЙДЕТ

Когда любовь уйдет,
вся жизнь покажется пуста,
и день - как целый год.
А немота
сомкнёт уста,
Как будто ты
Совсем не знаешь слов,
Или забыл,
Когда ушла любовь.

ЗВЕЗДА ПОГАСЛА

Андрею Сальникову

Одиноко ей было, звезде,
Поиграла она и погасла.
И сумрачней стало везде,
На душе и на небе. Напрасно
Я спасенья искал у костра,
Согревая и тело, и душу,
На речном берегу до утра
Природу осеннюю слушал.
Потемнела вода без звезды,
Погрустнели веселые мысли,
И молчу у последней черты,
Созерцая небесные выси.

* * *

Я заболел.
Друзья приходят реже,
У всех свои
Заботы и дела,
Но вновь стихов
Берёзовая свежесть
Вернуться к жизни
Помогла.
Гляжу на мир
Счастливым человеком,

Не омрачили сердце
Одиночество и боль,
Моя земля
Укрыта чистым снегом,
Моя душа,
Любовь,
Спасается тобой!

О ВЬЮГАХ

Василию Ситникову

Зима. Снега. Снегами занесло
И родину мою, и душу.
Морозом разукрашено стекло,
И надо пережить мне стужу!

Глухарь перо в полете потерял,
Всю ночь с пером играла вьюга...
Зимой я вьюгам часто доверял,
Когда не мог дождаться друга,

Когда в своей заснеженной избе
О чем-то думалось лениво,
А вьюга пела мне в трубе,
Забыв про плач тоскливый.

И сам на мир смотрел я веселей,
Услышав сердцем в песнях вьюги
И звуки давних юных дней,
И дней грядущей жизни звуки.

С ХОЛМА МОИХ ГОДОВ

С холма своих годов
Я вижу две дороги:
И ту, что прошагал,
И ту, что впереди.
Но путь, что предстоит, -
Короче он намного,
Не надо только душу
Печалью бередить.

Не надо суеты,
С ней тяжелей дорога,
На лучшее всегда
Надежду сохрани

*И каждый новый день
Прими, как милость Бога.
Судьбу в тяжёлый час,
Мужаясь, не брани!*

СКВОРЕЦ

*Прилетел! Гляди - поёт!
Скромный, не капризный,
Он ещё своё возьмёт
От весны и жизни!*

*Он, как я, сегодня рад
Перемене вешней...
Посвистим, пернатый брат,
Над округой здешней!*

*Здесь, в краю, который мил,
Дом любой не тесен...
Пусть у нас достанет сил
Для трудов и песен.*

ПОЛОВОДЬЕ

В. А. Ардабьеву

*Милая сердцу настала пора:
Ширь половодья. Дымок от костра.*

*Талые воды пошли на простор,
Землю омыть и вынести сор.*

*Лес затопило. И луг - под водой,
Сольшино как воздух стрижет козодой.*

*Жгу я костер на крутом берегу
Молча с восторгом смотрю на реку.*

*Горькое всё, что скопилось во мне,
Тонет в воде и сгорает в огне.*

*Сердце, как чайка, взлетит над водой,
Милая родина! Вновь я с тобой!*

* * *

*Построил избушку
На самом краю
Деревни-старушки,
Чтоб жить, как в раю.*

*Живу понемножку
Под знаком судьбы,
Копая картошку,
Хожу по грибы.*

*Тоска и ненастье
Идут стороной...
И скромное счастье
Сегодня со мной.*

Евгений Некрасов

Стихи Евгения Некрасова наш журнал публиковал не раз, и всегда они вызывали добрые отклики у читателей. Поддержала поэта и Ольга Фокина. Евгения Викторовича на Вологодчине прекрасно знают как опытного журналиста, он много лет руководил лучшими газетами Вологодчины: в семидесятые годы - «Вологодским комсомольцем», с 1991 по 2005 год - «Красным Севером». Выйдя на пенсию, заслуженный работник культуры России Е. В. Некрасов от газетных дел отошел - зато вернулся к поэзии. Между прочим, стихи восемнадцатилетнего Жени одобрил Николай Рубцов; но тогда газетная суета отодвинула поэзию на второй план. Вернувшись к ней, за полтора десятилетия Евгений Викторович выпустил больше десяти стихотворных сборников.

Всё ладится на Божьем свете...

---

* * *

*Жизнь лохматила,
как хотела,
мою суетную судьбу:
то удача
романсы пела,
то к чёртям всё летело
в трубу.*

*Зло житейское неистребимо:
не укрыться,
не миновать.
Да привычно уж стало,
терпимо
на кулак страданья мотать.*

*И возможно ли жить
без страданий,
как нельзя без страданий
любить?*

*Мира Божьего
очарованье
горечь бед помогает забыть...*

ДОБРОЕ СЛОВО

*Мне слово доброе
дороже
любых подарков
и наград.
Упавший дух*

*поднять поможет
и отступить не даст назад!*

*Его,
как ценность дороую,
в душе
любовно берегу я.
Добром отвечу
как смогу,
чтоб у людей
не быть в долгу!*

СОЛНЫШКУ

*Боготворю твои черты.
Всё мило мне в тебе
решительно!
В них нет
небесной красоты.
Ты простотой
обворожительна.*

*С тобой всю жизнь
мне хорошо.
А это ли,
скажи,
не счастье?
Во многом
пред тобой грешён.
Но из надёжной
всё же масти я!*

*Могу обидеть,
накричать
в пылу рутинной
глупой вздорности.
Но не унижить,
не предать,
не принудить
к тупой покорности...*

*В моей
неласковой судьбе
ты греешь душу
вместо солнышка.
Спасибо, милая, тебе:*

*душа
тобой
полна до доньшка!...*

* * *

*Туман
неясного томленья
отраднo душу бередил,
взбодрил,
возвысил настроенье:
я словно крылья получил!*

*Как будто
отступила старость.
Исчезли хвори,
тяжесть лет.
Вернулись
и взыграли силы.
Седой хандры в помине нет!*

*Вновь полон
ожиданьем счастья.
Задор пульсирует в крови
и наполняет сердце
страстью,
предощущением любви.*

*Святое
духа состоянье!
Дышать пока способны,
жить,
неистребимо в нас желанье
до смертного креста
любить!*

* * *

*Ценю,
как Божий дар,
разлуку.
Она -
что ветер для огня!
Течёт в томлении
и муках.
Зато нет слаще
встречи дня!*

И если чувства
сокровенны, -
в разлуке станут
горячей!
Разлука -
шанс благословенный
на верность
испытать людей!

* * *

По душе мне рассвета
дремотный покой.
Тишина когда в мире и нега.
День томится ещё
в колыбели земной.
И не чувствуешь времени бега.

Ёжик шустро
в росистой траве прощуришал.
Перья чистит на ветке синица.
Первый солнечный лучик
её приласкал, -
и притихла от счастья птица...

Мне бы тоже для счастья
немного тепла.
Чуть сочувствия,
ласки,
участья...
Да ещё,
чтобы чистою
совесть была.
Чтобы жил с ней
в ладу и согласье...

* * *

Мне ветер встречный
лицо морозит,
и слёзы льются.
Мешок заплечный
скользит-елозит.
Снежинки вьются.

Я в путь собрался
совсем случайно.
Не знал - не ведал,

о чём печально
кричали чайки,
летели следом.

Быть может, птицы
сказать хотели:
пора, дружище,
остановиться,
пока метели
ещё не свищут.

И правда:
сколько
в пути страданий,
забот,
тревоги!..

Невмочь мне только
без испытаний.
И без дороги!

* * *

Неясная сознанию
мука
порой покоя не даёт.
И сердце вдруг
прибавит стука,
и пот неожиданно
прошибёт...

А жизнь вокруг
цветёт и зреет.
Курлычут в небе журавли.
И облака,
как стяги, реют
на синеве небес вдали.

Всё ладится
на Божьем свете -
куда ни обратится взгляд.
Так обласкай мне душу,
ветер!
Развей печаль.
Я жизни рад!

2021

Летописец Заполярья

«Когда очевидцы молчат - рождаются легенды» - с этой мыслью известного советского писателя Ильи Эренбурга Василий Сергеевич Белоусов полностью согласен. Для опытного журналиста (а Василий Сергеевич в профессии уже 60 лет!), легенда - это не обобщенный символ события, а способ, скажем помягче, введения в заблуждение.

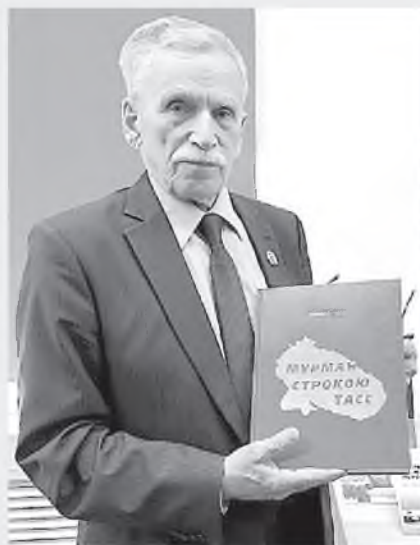
Поэтому Василий Сергеевич охотно делится воспоминаниями о том, что ему пришлось пережить, где удалось побывать, с кем встретиться...

В 1961 году, 60 лет назад, Василий Белоусов пришёл в «Полярную правду» - областную мурманскую газету. Спустя 16 лет, в 1977 году, журналиста пригласили в ТАСС. В марте нынешнего года почетный гражданин Мурманской области В. С. Белоусов представил свою книгу «Мурман строкою ТАСС: 1977 - 2017. Что было - то было». Это уже второе издание (первое вышло в 2008 году). Оно содержит около 1000 сообщений о новостях региона 1977 - 2017 годов.

В нынешнем году вышла в свет еще одна книга ветерана журналистики - «Путешествие в прошлое». Родился Василий Белоусов «в глухой вологодской деревушке Курья в девяноста верстах от Вологды». На Вологодчине состоялась и первая встреча Василия с журналистикой, причем на страницы «Красного Севера» он попал не как автор, а как герой заметки. Армейскую службу будущий газетчик начинал в Вологде, где умер от ран в 1942 году его отец, Сергей Васильевич. Новобранец обратился к командованию части с просьбой помочь отыскать могилу отца - он был похоронен на воинском кладбище. О митинге в День Советской Армии и рассказала в 1958 году областная газета. В репортаже говорилось: «На могиле отца сын клянется верно служить своей Родине»....

Талантливый журналист должен уметь многое: писать просто и выразительно; налаживать отношения с людьми, о которых рассказываешь; знать, о чем пишешь... Но главное, наверное, как и в любом деле, - любовь к своему делу, к людям, ради которых трудишься. «Если ты не любишь, ни черта у тебя не получится!» - приводит слова Василия Белоусова журналистка «Вечернего Мурманска» Анжелика Ковалева в материале, посвященном 80-летию старейшего журналиста Заполярья. «Без него, - говорит Анжелика о Василии Сергеевиче, - мурманскую журналистику уже и не представишь... О нем хочется написать: «дед заполярной журналистики». Или даже - Дед».

В прошлом номере «Вологодский ЛАД» знакомил читателей с работой Василия Сергеевича Белоусова «Герои войны и труда: вологжане в Арктике». Надеемся, наше сотрудничество продолжится.

Александр Пошехонов

Александр Алексеевич Пошехонов - поэт, член Союза писателей России. Живет в Череповце. Родился Александр Пошехонов 23 января 1956 года в деревне Доронино Череповецкого района Вологодской области. Детство его прошло на берегах реки Шексны. В нынешнем году поэт отметил своё 65-летие. Александр Алексеевич выпустил более двадцати книг стихов и афористической прозы. Лауреат Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского в номинации «За верность поэтическому образу России». Стихи Александра Пошехонова вошли в трехтомную антологию русского лиризма XX века. В д. Новое Домозёрово Череповецкого района в 2005 году был создан школьный музей поэта. В «Вологодском ЛАДЕ» стихи Александра Алексеевича публикуются регулярно.

Я с веками веду разговор...

НЕБО

*В себе печаль копить не стану,
Ведь радость где-то впереди.
Как встарь - не поздно и не рано -
Пошли осенние дожди.*

*Тиха окольная дорога,
Исчез машинок перегуд.
Крикливо, ревностно и строго
Вороны пожни стерегут.*

*В печи трещат полешки - к стуже.
Истлел короткий век зарниц,
Денёк - короче, речка - уже,
И только небо - без границ.*

*И только небо необъятно:
Не дотянуться, не познать.
И даже туч слепые пятна
Его не в силах запятнать.*

*В нём всё: лучи надежд и буря,
И горный мир, и томный свет,
И благородный воск лазури,
И на любой вопрос ответ.*

*И, в печке шевеля клюкою
Мерцающие угольки,
На миг подумаю с тоскою:
Как мы от неба далеки!..*

БЛИЖЕ К ВЕЧЕРУ

*Ближе к вечеру снегом укроет равнину,
И как будто воздушнее станут дома.
Под дровами в печи с треском*

*вспыхнет лучина
И огнём возвестит: «Наступила зима!..»*

*Наступила зима. Словно строчка на белом,
Мой единственный след - от колодца*

*к жилью:
Мой единственный след... И душа оробело
Поглядит на него и на долю мою.*

*Неужели один я во всём околотке -
Постаревший рыбак на пустом берегу?..
Спят под снегом мои огородные сотки,
Только я почему-то уснуть не могу.*

*И опять, и опять вездесущие думы
Разъедают тоскливо меня изнутри,
И опять в потолочную балку угрюмо
Упираюсь безнадежно глаза до зари.*

*Неужели один я в глубинке-отчизне,
И никто не услышит глухое «ау»,
И никто не поддержит на краешке жизни,
И никто не подаст мне руки наяву?*

*Жизнь... О, как ненадежна её позолота,
Как потёрт от нужды оловянный бочок.
А начнёшь вспоминать - всё дела да заботы,
Да с мечтою-наживкой знакомый крючок.*

*Как тот старый карась
из озёрной рутинь,
Я когда-нибудь всё же его заглочу.
И очнусь, и опомнюсь, и в донную тину
Эту странную жизнь на себе прокачу!..*

МИРОК

*Заоболочало, задождало,
Лето, не прощаясь, уходило.
И все чаще через неба просинь
В наш мирок заглядывала осень.*

*Наш мирок был тихим и уютным,
С небывалым счастьем поминутным,
С ближним лесом, с дальнею рекою,
С томиком Рубцова под рукою.*

*Пригубив чуть-чуть осенней грусти
И любуясь сельским захоластьем,
Мы стихи вечерние читали.
А над нами птицы пролетали!..*

КАНИТЕЛЬ

*Мила печная канитель -
Под вечер в доме выстывает.
Душа, как птица-свиристель,
Свои молитвы напевает.*

*Всю осень я, счастливый хрыч,
Живу на выселках пустынных,
Пытаясь вспомнить и постичь
Предания времён былинных.*

*Пытаясь возраст обмануть,
Брюзжанием не беспокоя,
Чтобы забыться и всплакнуть
Над удивительной строкою.*

*Чтоб, не мешая никому,
Ничьей души не угнетая,
В полночный час шептать во тьму:
«Продлись же, осень золотая!..»*

***

*Мне снились реки дождевые,
И в этих реках плавал я.
Мне снились - вечные, живые -
Мои ушедшие друзья.
Во сне я с юностью встречался,
Шептал ей: крепче обнимай!..*

*А май всё шёл и не кончался -
Такой был долгий месяц май!..*

*Мне снилось клеверное поле,
Где до небес - рукой достать,*

Где столько воли, столько воли,
Что невозможно не летать.
Я к воле той на крыльях мчался:
Посторонись и не замай!..

А май всё шёл и не кончался -
Такой был долгий месяц май...

Мне снились горные высоты.
Путь к отступлению круша,
Звенели ангельские соты,
И млела в радости душа.
Я в соты тайные стучался:
Кто на дежурстве - принимай!..

А май всё шёл и не кончался -
Такой был долгий месяц май...

Дорога белая мне снилась,
Был безмятежным этот сон!..
А май всё шёл. И жизнь катилась -
Бесповоротно, под уклон.

ЗАГУДЕЛИ ВЕТРА

И опять, и опять загудели ветра,
Зачастили с набегом они.
Будут зябко мигать за окном, как вчера,
То ли звёздочки, то ли огни.

Неуютно в ночи одинокой душе,
Не согреет ни водка, ни чай.
Разве только увесистый том Бомарше,
Утомив, усыпит невзначай.

Впрочем, сон не желаннее старой мечты,
Я с бессонницей свыкся давно.
Волчьим оком желтеет луна с высоты,
Ей не спится со мной заодно.

Вот перо, вот тетрадь,
грустных мыслей клубок,
Знай распутывай их до утра.
Ведь никто не придёт,
не толкнёт тебя в бок,
Мол, делами заняться пора...

Гул ветров не на шутку тревожит
в ночи:
Что-то будет в знобящем миру?
И дрожит одинокое пламя свечи,
И осина скрипит на юру...

КАК БУДТО ВЧЕРА

Суровые зимы, узор на окне -
Счастливое детство припомнилось мне.
Весёлую юность, девчонку одну
Я тоже не раз и не два вспомяну.

Под звон комарья к костерку у реки
Слетались и утицы, и кулики.
Горел костерок, польхали сердца,
Казалось, не будет у жизни конца,
Казалось, вовек не расстаться с весной...
Как будто вчера это было со мной.

О чём бы ни вспомнил -
Как будто вчера!..
А жизнь - на излёте.
Прощаться пора.

***

Кто сказал, что это старость,
Что надежды не осталось,
Что придётся одному
Умирать в пустом доме?

Как поверится в такое,
Если сердцу нет покоя,
Если разум и душа
Жизнь смакуют не спеша?

Пусть зимою одиноко
За окном трещит сорока,
Вьюга мечется в ночи.
Но огонь горит в печи!

После долгой зимней стужи
Снова выбегут наружу,
Как весёлые щенки,
Наши летние деньки.

*Дорогие мои дети
Снова вспомнят о поэте
И немедленно домчат
К деду всех его внучат!..*

***

*В деревушке, в родимом краю
Я осенние песни пою,
Я с веками веду разговор.
Сладок мой добровольный затвор.*

*Свет лампадки пред ликом Христа.
Сердце - настежь, и совесть чиста.
Как отрадно, как радостно мне
Помолиться в ночной тишине.*

*За любимую матушку Русь
Перво-наперво я помолюсь,
А потом - за народ, за семью
Я продолжу молитву свою.*

*И за мир помолюсь, и за лад,
Чтоб на брата не щерился брат.
А потом - за себя, молодца:
«Дай мне, Боже, любви до конца!..»*

В ЯНВАРСКОМ НЕБЕ

*В январском небе музыка слышна,
Как будто в вышине оркестр незримый,
Тревожа душу и лишая сна,
Озвучивает мир неповторимый.*

*Загадочные звуки неспроста
Заполнили полночное пространство,
От них исходит божья чистота
И ангельского бденья постоянство.*

*Попрятались лукавые слова,
Лишь сердца молоточки подпевают
Мелодии Любви и Рождества,
Которая всю землю овеивает.*

*Молчат тревоги будущего дня,
Не оскверняет долы гарь моторов.
Живые звёзды смотрят на меня,
И мне тепло от их далёких взоров!..*

ПРИЛЕПИТЬСЯ К РОДИНЕ

*Прилепиться к родине и жить,
Обрести надёжный скрип причала,
Утренние зори сторожить,
Не пытаюсь жизнь начать с начала.*

*Копка гряд, покосы, колка дров,
С внуками весёлые прогулки -
Суету забудь и будь здоров,
Счастлив будь в родимом закоулке.*

*Всех красот земных не повидать,
Не испить всех радостей-печалей.
Чем плоха земная благодать,
На твоём созревшая причале?..*

Инга
Никитина

Инга Александровна Никитина (девичья фамилия Чурбанова) родилась в Вологде. Окончила школу с золотой медалью, затем Вологодское музыкальное училище (специальность «теория музыки и фортепиано») и филологический факультет Вологодского педагогического института с отличием. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. «Вологодский ЛАД» не раз публиковал стихи Инги Чурбановой.

Когда-нибудь на этом берегу

ВЕНОК СОНЕТОВ

Когда-нибудь на этом берегу

Останутся лишь те, кто нас моложе.

А мы ни пить, ни петь уже не сможем:

Мы все уйдем за жёлтую реку.

Сегодня я дождем к тебе бегу.

Дождем, который слеп и бездорожен, -

Шагаю через тысячи таможен,

Которые покои твой берегут.

Не осуди сейчас меня за то,

Что я в судьбу твою врываюсь ливнем,

Несу и наваждение, и вздор. -

Благослови, и дальше лить вели мне:

Пушкой исчезнет весь дорожный сор

В моих руках, дождя косога линиях.

|

Когда-нибудь на этом берегу

Мы поумнеем, сделаем дороги, -

Иной варяг - правитель

странный, строгий -

Придёт на смену нашему варягу.

Мы будем сеять травы и тайгу.

Мы станем осьмируки, осьминоги, -

Среди глубин, танцующие боги,

Мы полетим, подобно мотыльку.

И округлится впалая земля.

И сделается берег наш отложье

И там, былую робость замоля,

Ты станешь радостно-неосторожен...

Но тот заветный берег заселять

Останутся лишь те, кто нас моложе.

II

Останутся лишь те, кто нас моложе, -
Настанет передел и пересуд,
И мертвецов с кладбищ перенесут,
И станет путь наш противоположен.

И упырёнок снова кость обгложет,
И новой кровью начинит сосуд.
И староверы веру не спасут,
И нововеры головы положат.

Но, пекло дня сменяя, ночи рай
Опустится на тлен полей и пожен,
Смирняя «ныне», «завтра» и «вчера».

И завтра, как вчера, споют о том же:
«Как упоительны в России вечера!»
А мы ни пить, ни петь уже не сможем.

III

А мы ни пить, ни петь уже не сможем,
Когда сольются запахи волос,
И загремит с утёса на откос
К подножью сил сопротивленья ноша.

И я приму все наказание Божье
За плутовство сизифьих фраз и поз,
За трусость глаз и лабиринты глосс,
За петли по снегам, по бездорожью.

Снега чисты. Некругл мой
тощий почерк.
Торю к тебе по белому строку:
К тебе теперь мне нет пути короче.

Прочти, пока далёк лавины гул,
Успей прочесть. А там, загнув листочек,
Мы все уйдём за жёлтую реку.

IV

Мы все уйдём за жёлтую реку.
Во сне моём она казалась серой,
По ней скользили тихие галеры,
Не внемля ни воде, ни ветерку.

На чьей земле их дом, на чьем веку
Их день сменялся ночью загорелой?
Они куда-то шли, и каменела
Чужая церковь в солнечном кругу.

А я летела следом в утлой лодке,
Была я и послушною, и кроткой. -
«Плыви скорей! Тебе я помогу!» -

Ты мне кричал с галеры. Голос таял.
Сомкнулось утро. Снов пугая стаи,
Сегодня я дождём к тебе бегу.

V

Сегодня я дождем к тебе бегу,
Придет зима - я стану тихим снегом.
Моих явлений альфу и омегу
Угадывать тебе я помогу.

Лапландии моей метельный гул
Тебе приснится среди летней неги.
И, первых глав рассеянный Онегин,
Ты угадаешь главную главу,

Где бедное жилище, дикий сад
И полка книг - вдали, а конь стреножен,
Где зябнут обнажённые леса,

Где луг, в болото обращённый, брошен.
И где среди осин ты бродишь сам -
Дождём, который слеп и бездорожен.

VI

Дождем, который слеп и бездорожен,
Бегу внахлест расхлябанных колей, -
Спиц расписных вращения скорей
Мой частый бег, но так же безнадежен.

Зачем сей путь так путано проложен?
Зачем вокруг земля - земли голей?
Я омываю слёзы всех полей,
Которым мы, дожди, помочь не можем.

Мы только втопчем поздние цветы,
В осенние цвета уйдём до дна
И песен ветровых мотивы сложим.

*Мы не с одной прольёмся высоты,
Но чтобы твердь, в которую, - одна,
Шагаю через тысячи таможен.*

VII

*Шагаю через тысячи таможен.
Уносит баשמачки мои река.
Забыв и дом, и сад. Мой бедный Кай,
Чужим дыханьем рай наш заморожен.*

*И холоден, и ярк блеск чертожный,
Задача леденящая хрупка, -
Но так легка умелая рука,
Что ошибиться шанс почти ничтожен.*

*Я не спугну последнюю из букв -
Пусть заблестят кресты
твоих кроссвордов
И всё на замерзанье обрекут.
Одних шагов моих - растает звук:
Я покидаю королевства своды,
Которые покой твой берегут.*

VIII

*Которые покой твой берегут,
Тебе успели попросту наскучить, -
Тебе милее те, что погремучей:
Которые кусают, жалят, лгут.*

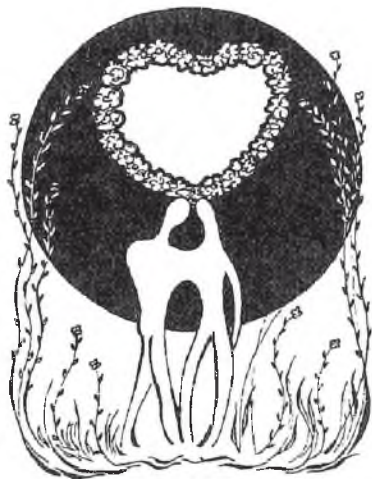

Рисунок А. Пустынниковой

*Так погоди же, хитроумный плут!
Сегодня ты забрёл в мой лес дремучий.
За всех за тех, кого ты прежде мучил,
Перед тобою - новый Робин Гуд.*

*Моих стрелков ватага весела,
Их ложный стыд в баталиях утрачен,
И ты отдашь последний золотой!*

*Но стой. Высокий тон тоска взяла,
И не хватает сил тебя дурачить:
Не осуди сейчас меня за то.*

IX

*Не осуди сейчас меня за то,
Что и тебя, как всех, касаюсь жезлом, -
Цирцеины науки мне полезны:
Улисс - меж разных прочих кто-то.
Кто?*

*Полны кормушки хлебосольных стоил,
Отравное питье несу любезно,
Пусть не хочу, чтобы лицо исчезло, -
Не среди тварей мыслю свой престол.*

*К четвероногим не питаю зла:
Весь мир мне - луг, от варваров
до римлян,
Но слишком долго я свиной пасла.*

*Теперь - какого племени я, имени?
Но кто бы ни были мы оба - знай,
Что я в судьбу твою врываюсь
ливнем.*

X

*Что я в судьбу твою врываюсь ливнем,
Не бойся: ливень краток, хоть и лют.
Лишь с радостного неба ливни льют,
Пройдет тепло - мы, ливни,
тоже минем.*

*К ногам земля разнеженная липнет,
На время лес утратил свой уют. -*

*Среди верхушек молнии спуют
И падают, шипя, в кипрея кипень.*

*Но скоро растворятся облака
В густом чаю из запахов нагретых, -
Ты выйдешь на покой и на простор,*

*А дождь уйдет. Укройся же пока, -
Пока я, сумасшедшая от лета,
Несу и наваждение, и вздор.*

XI

*Несу и наваждение, и вздор,
И всякий сор, что из твоих карманов:
Я героиня всех бывших романов,
Которые ты в памяти не стёр.*

*Я - капля из Олесиных озер,
Из вешних вод, скатившихся обманно,
Из сока свежих роз, из утр туманных,
Из снега Альп, которых пёстр ковер.*

*Богаты тучи, - ливень льёт и льёт,
Неистоцимы океаны Библий,
Неотвратим воды круговорот. -*

*Всё повторится в этом летнем гимне,
Но все равно неожиданный мой приход
Благослови, и дольше лить вели мне.*

XII

*Благослови, и дольше лить вели мне,
Пусть плодоносит черная земля.
И серой пустовать уже нельзя.
Нельзя песку. Нельзя - тяжелой глине.*

*Еще немного пустоты - и сгинем,
Чужие суховеи веселя.
Мешая хлябь пустого киселя,
Мечтой о хлебе выживаю ныне.*

*Да будет жив росток, белесый хлюпик,
Какой ни есть, ни будь, но с этих пор
Его больная почва очень любит.*

*Пусть у него растет расти задор,
А в том дожде, что напитает клювик,
Пускай исчезнет весь дорожный сор.*

XIII

*Пускай исчезнет весь дорожный сор.
Пусть каждый камень
вспомнит цвет рожденья,
И, приголублен дождевою тенью,
Вовне проявит внутренний узор.*

*Потоки ливня - не лавина с гор,
Но омывают тленья напыленья, -
Настало время собирать каменья
Воспоминаний - в праздничный убор.*

*Каким бы скромным ни был их наряд,
Они самой истории старинней:
Истлели краски, камни - не горят.*

*Купаясь, новорожденных невинней
Они, и каждый камень будет свят
В моих руках, дождя косою линиях.*

XIV

*В моих руках, дождя косою линиях,
И туч кудель, и радужная нить:
Ищу возможность не разъединить
Того, что слито в ливневой прядильне.*

*Но так легко лукавой той лавине,
Обрушившись, ветра переменить,
Что я прошу ее повременить
И радугу мою не половинить.*

*Я этот семицвет вплету в признание,
И, закрепляя строчки на бегу,
Пушу венок в реку, к теченьям тайным.*

*Плывёт, - лови! Теперь я ждать смогу:
Теперь тебе назначено свиданье -
Когда-нибудь на этом берегу.*

Елена
Саблина

Елена Сергеевна Саблина родилась в Вологде, закончила среднюю школу № 9. Занималась в студии художественного слова при Вологодском пединституте, посещала литобъединение под руководством Юрия Макаровича Леднева, Работала художником-оформителем, публиковалась в вологодских газетах и журналах, в том числе и в «Вологодском ЛАДЕ». Автор сборников стихотворений «Птица над городом», «Нежная крапива».

Люблю пустые вечера

* * *

*Верхом на деревянном горбунке
Сидит дитя из моего народа.
И хватит пальцев на одной руке,
Чтоб сосчитать грехи его и годы.
Несёт его весёлый горбунок
По комнате, расшитой чудесами,
А между тем неотвратимый рок
Уже стоит на страже под часами.
Настанет час, и он в далёкий путь
Отправится за юношей упрямым,
Чтоб тот не мог налево повернуть,
Когда судьба велит свернуть направо.
Чтоб в нужный день и в самый*

точный срок

*Он встал на ту земную переправу,
Которую ему назначил рок,
Замысливший жестокою расправу.
Вот комната, промытое окно,
Укрытое расцветшею сиренью;
Как хорошо, что знать нам не дано
Своей судьбы хотя бы за мгновенье.*

* * *

*Будет утро, и вновь разлетится
Крепдешиновый занавес штор,
И заглянет в окно с любопытством
Непричёсанный заспанный двор.
В коридорах захлопают двери,
Зазвенят под окном голоса,
И на крыши дворовых империй
Нежный свет разольют небеса.
И тотчас золотым перламутром
Вспыхнут кроны больших тополей.
В это самое первое утро
Без меня на живущей земле.*

* * *

*Без цели и без дум,
Как по избе отцовою,
Весёлая, иду по городу Рубцова.
Ах, не сойти б с ума,
Не жито, а малина...
Тут новые дома,*

Там новые витрины.
А вот бредёт старик,
Он жизнью недоволен,
Он головой поник,
Поскольку нищ и болен.
И где-то в глубине двора,
Средь трав и пуха,
Стоит одна в окне
Несчастливая старуха.
И всюду боль и грусть,
И всюду сор и ветер...
А ты всё та же, Русь,
И в двадцать первом веке.

* * *

Люблю пустые вечера
За лень и за покой.
Таким мой вечер был вчера,
И нынче он такой.
И в комнате, открытой в сад,
Не убранной давно,
Я наблюдаю, как закат
Ползёт в моё окно,
Как доживает нежный срок
И светится во мгле
Цветок, который занемог
В графине на столе,
Как теми тёмные слились
Под низким потолком,
Я знаю - есть высокий смысл
В безделии таком.

* * *

Всё беды и напасти,
И горше вести весть,
А говорят, что счастье
На белом свете есть.
Так спрячь меня, любимый,
От сплетен и интриг
За сигаретным дымом
И баррикадой книг.
Зажги живые свечи,
Пусть тают не спеша,
Мне с ними как-то легче

И думать, и дышать.
И отрешась от мира,
Вдвоем - и в этом суть,
Из мудрого Шекспира
Прочтём мы что-нибудь.
И будет город древний
Мерцать из темноты,
И будут спать деревья,
И птицы, и цветы,
И мы, как люди,
Уснём счастливым сном,
Согретые навеки любовью и вином.

* * *

Никто-никто не знает обо мне,
Из-за меня не плачут и не вздорят.
Я редкая жемчужина на дне
Нигде не существующего моря.

И пуст мой мир, лишь только иногда
В мои необозримые потёмки
Сквозь бездну вод угасшая звезда
Ко мне свой луч протягивает тонкий.

* * *

Поэт и странник забрёл на постой
В наш молчаливый край.
Для вас его песни - звук пустой,
А для меня - рай.

Покрыты шляпа его и трость
Медной пылью дорог.
Для вас он просто - заезжий гость,
А для меня - Бог.

Но он уйдёт, ведь он - поэт,
И дом ему - вся земля.
И вы равнодушно посмотрите вслед.
И побледнею я.

И будет мерцать, отражая луну,
По ночам ледяной снег.
На ваших дворах только зиму одну,
А на моём - век.

* * *

*В пору юную, в ночь затворную
Мне привиделся вещей сон,
Как жила я скворчихой чёрною
Под ветвями высоких крон.*

*Не птенца своего бескрылого
Я любила, как Божий дар,
Не скворца своего немилого,
А заморскую птицу Жар.*

*И за то, что была я грешница,
Улетел от меня скворец,
Развалилась моя скворешница,
Хищным вороном стал птенец.*

* * *

*Не истерзанное сердце,
Не мою больную плоть
С чистой верою младенца
Исцелить молю, Господь.*

*Исцели мне лучше друга,
Ибо всё умеешь ты,
От жестокого недуга -
От душевной слепоты.*

* * *

*Как ни тянется в ясное небо,
Невысок этот дуб, невысок,
Как ни делится лаской и хлебом,
Одинок человек, одинок.*

* * *

*Я мечтала как птица летать -
Жизнь заставила дыры латать.
Подвязала тугим ремешком
И ходить приказала пешком.*

* * *

*Девочка спит, а у белой постели
Плавают рыбы и бродят газели,
Тонкая пальма над нею шумит,
Девочка спит.*

*А в потемневший квадратик окна
Круглая-круглая смотрит луна.
Очень большие глаза у луны,
Любят чужие подсматривать сны.*

ПЕСЕНКА ДЛЯ МАЛЮТОК

*Чтоб приручить к себе зверька,
Не хватит миски молока.
Ведь он живой, и потому
Твоя душа нужна ему.*

*А если он с тобой в штыки,
Оскалит острые клыки?
Он только зверь, и оттого
Не обижайся на него.*

*Пока вопрос не встал ребром,
Всё можно выяснить добром.
Ты будешь добр,
И твой зверёк
С тобой не будет одинок.*

Николай Александров

Николай Алексеевич Александров - поэт, журналист, историк. Родился 4 января 1954 года в с. Мегра Белозерского района Вологодской области в семье сельских служащих. Окончил отделение поэзии (семинар С. В. Смирнова) Литературного института имени Горького (1978). Работал литсотрудником отдела поэзии журнала «Наш современник» (Москва), заведующим отделом культуры брестской областной газеты «Заря». В 1990 году создал и возглавил негосударственную газету «Брестский курьер», в печатном варианте выходившую в свет до декабря 2017 года. Ныне - редактор сайта «Брестский курьер». Автор поэтических книг «Кварта» (2002), «Долгий путь в Китеж» (2009), «Вечерняя пристань» (2021), публикаций в сборнике «Триединство. Стихотворения поэтов Белгорода, Бреста и Харькова», антологии «Поэзия русского слова», альманахе «Истоки», журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Простор», Дальний Восток», «Литературная Армения» и др. Несколько раз стихи Николая Алексеевича публиковал и «Вологодский ЛАД». Член Союза белорусских писателей и Белорусского ПЕН-Клуба. Живет в г. Бресте.

Ковчег Белозерья

* * *

*Дорогая, ночная, вселенская тишь,
Первопуток жемчужный
над складнями крыш!*

*Едет, едет по нём прадед мой Тимофей,
Шебутным матерком ободряет коней.*

*А морозец-то - ой, крепковат,
бородат,
А по небу-то кони летят наугад!*

*Вы куда, разлюбезные,
в такой тьме?
Прадед правит упряжкой,
себе на уме.*

*То прикрикнет, а то обогреет
кнутом,
Только вихри клубятся
над Млечным Путем!*

1960. ВОЛГО-БАЛТ

*Подступала вода, подымалась,
потопляла сухие края,
и оставила самую малость,
где лишь папа, да мама, да я -*

*Сам-один, будто ёжик в тумане,
белобрысый, ушастый, смешной.
Подо мною травы колыханье,
мутный солнца желток надо мной.*

Всё расплывчато и невесомо,
незнакомо наивной душе,
и крылечко небарского дома
растворяется в том мираже.

Остается березовый морок,
осыпающий охрой меня,
да над плёсами спящий пригорок
с заблудившейся мордой коня.

Вязок воздух седого потопа,
где-то в высях нудят журавли,
но светло меж корья и укропа
мне, поскрёбьшцу этой земли.

Пусть колеблется тиною горькой
немота подступающих вод,
собираю я малою горсткой
в свой ковчег муравьиный народ...

ПЛАНЕТА СЕРГЕЯ ОРЛОВА

*Его зарыли в шар земной...
Сергей Орлов*

Была у Сергея Орлова своя планета.
Имя ее, как шелест тресты, -
Белозерье.

В радугах после дождя,
в облачках света.
С капелькой купола церкви
в небесной сфере.

Было на ней тепло даже
в зимнюю стужу,
Будто на белой, с распахнутым
зевом, печке.

Грела планета с мороза и тело,
и душу,
Заботясь о всяк живущем
на ней человечке.

А когда уходил на войну
ее обитатель
В рыжих веснушках, с чубом
под «восьмиклинкой»,

Его провожал напутствием
пестрый дятел
В бронзе сосны над желтой
песчаной тропинкой.

Танк подо Мгой гремел суставами
траков,
В потной ладони прыгал
рычаг фрикциона,
Но слышал танкист превыше
всех смертных страхов
Вербную песнь своей планеты
зеленой.

Белое озеро шоркало в сердце волною
Даже в палате сизой,
в беспмятстве темном,
Раны его врачевало седой пеленою,
Пахло осокой, дымом,
вечерним домом.

Так вот и व्यжил,
потому что была планета
В крапинах жарких рябин
под ноябрьским снегом,
Словом его и жизнью его воспета.
Стала она вечным ему ковчегом.

Вновь у причала волна шелестит
трестую,
На берег взбегает пеной
и вспять уходит,
Как будто листает
время пережитое,
Строками бредит,
дымную брагой бродит.

Здесь постою, на краешке
этой планеты.
Лицо запрокинув, память
свою согрею.

Как тут легко дышится,
батюшки-светы!
Поплачь, белозерская ива,
по Орлову Сергею...

***

Белоозеро, Белозерье,
Край морошковый да льняной,
Где простор небес бьется в сердце
Набегающею волной.

Я люблю эту добрую землю -
Снежный дым, оклик эха в лесу -
И до дрожи в груди приемлю
Дионисиеву красу.

Здесь душа моя прикорнула
На завалинке у избы,
Да вот память сама разбудила
На излёте моей судьбы.

Белозёра мои, белозёра,
С благодарностью каждому дню
Ваших душ золотые озера
До последней черты сохраняю...

***

Писать бы простые,
совсем безыскусные письма,
О том, что поспела черника
в соседнем лесу
И утром сопят в огороде
капустные листья,
Алмазную россыпь росинок
неся на весу.

Без всяких придумок писать
о вчерашней погоде,
О ласточке-гостье,
слепившей гнездо над окном,
И всё понимать, что с тобою
сейчас происходит,
И всё принимать,
что с судьбою случится потом.

О небе, меняющем цвет
с голубого на алый,
О деточках малых,
несущих котенка домой,

О том, как в вечерних потемках
зарницы играли,
А утром гроза куролесила,
Боже ты мой!

Сидеть над тетрадкою общей,
листок за листочком,
И память свою ворошить,
удивляясь всему.
И, странно доверяясь сквозь жизнь
прорастающим строчкам,
Писать бы совсем безыскусные
письма. Кому?..

ДЕТСКОЕ УТРО

Во дворе - трава.
На траве - дрова.
Куры да петух
В глубине двора.

Мама топит печь,
Треск и пламя дров,
Пробует запеть,
Да не помнит слов.

В окна льется тишь
С яблонных ветвей.
Ты о чем мурчишь,
Серый котофей?

Во дворе - трава.
На траве - дрова.
Эка благодать
В глубине двора...

***

Не вымаливаю, не прошу
Ни любви, ни участия, ни хлеба.
Приходи к моему шалашу,
Где так много высокого неба,
Где не бродит чужая молва,
А деревья на солнце, как стяги,
И у берега плещет плотва
Под кореньями спящей коряги.

Приходи в этот замерший лес,
Весь серебряный да паутинный,
Где, склонясь под ветвистый навес,
Пахнут волосы терпкой рябиной...

***

Если падать - то падать
в объятья.
За окном - белых мух кутерьма.
Там свои подвенечные платья
шьет на скорую руку зима.

Обогреем дыханьем ладони.
Пусть над крышами кружится снег,
под мелодию Альбинони
занося наш бессонный ночлег.

***

Уже не слышно певчих птиц,
Свежо и ветрено,
И ели капли слез с ресниц
Роняют медленно.

Размыт дождями горизонт.
Тепла так хочется.
Возьми с собой крылатый зонт,
Друг одиночества.

Дорога, а за нею лес,
Тропинки, просеки.
И матушка глядит с небес
Глазами осени...

***

А когда мою душу востребует
вечное небо,
Словно рекрута Ваньку -
повесткой на пункт призывной,
 Попрошу я отсрочку до первого
белого снега,
Десантирующего над вдруг
приумолкнувшей страной.

Он возьмет в оборот всю громаду
живого пространства -
Осторожные реки, дороги, деревья,
мосты,
Серебристые крыши ангаров, сараев
и станций
И мохнатые теплые лапы
лесной немоты...

***

Снег за окнами легче лебяжьего пуха.
Шторы молча раздвинув, смотри,
как ночное пространство,
лишенное слуха,
прячет в снежном дыму фонари.

Мандаринами в комнате
пахнет и хвоей.
Серпантинном шурушит тишина.
Не грусти, дорогая.
Я рядом - с тобою
у окна - в ожидании сна...

Для любителей родной старины

О книге Людмилы Яцкевич «Детство на Шексне»

Книжная аннотация обычно заканчивается указанием читательского адреса - то есть категории людей, для которых книга предназначена. На детских, например, книжках указывают даже возраст предполагаемых читателей - «для детей старшего школьного возраста».

Аннотация на обороте титульного листа книги Людмилы Яцкевич «Детство на Шексне» заканчивается неожиданной формулировкой: «Предназначается для любителей родной старины». Душевностью веет от этих слов, любовью - и к родной стороне, и к прошлому нашего края, и к русскому языку...

«Детство на Шексне» - это повесть о жизни в Череповце и деревне Квасюнино в конце сороковых - начале шестидесятих годов XX века. Для автора главное в истории родного края - это духовная жизнь, и она зорко видит детали этой жизни и ярко о них рассказывает.

Вот маленький эпизод из книги. «Вдруг объявили, что будут взрывать Благовещенскую церковь, так как она мешает прокладывать рельсы для будущих трамваев. Кирпич был крепкий, стены толстые, поэтому взорвали не с первого раза. На следующий день дети с нашего двора и я с ними прибежали на площадь и увидели такую картину: вместо храма лежали огромные груды кирпичных обломков, а по всей площади валялись и при дуновении ветра летали какие-то листочки бумаги. Мы стали их поднимать и с любопытством рассматривать, так как все они были исписаны именами: Анна, Мария, Григорий, Иван, Матвей... Я, дошкольница, в то время только научилась

читать и с трудом разбирала незнакомый почерк. Очень заинтересованная этими таинственными записками, я пришла домой, показала их бабушке и стала спрашивать, что это такое. Надев очки и рассмотрев принесенные листочки, бабушка удивленно и огорченно спросила меня:

- Где ты их взяла?

Я ответила:

- На площади их много летает...

Тогда бабушка мне рассказала о том, что эти записки, видимо, вылетели из разрушенной церкви. На них написаны имена людей, за которых в прошлом молились их родственники и священник в алтаре. На меня повеяло чем-то неведомым и таинственным, и душу охватил какой-то священный трепет».

Живая, яркая картинка ясно говорит и о реалиях богоборческого времени, и о верующих, вынужденных жить в этих

реалиях, и о детской душе, которая тянулась к неведомому и таинственному...

Вторую часть книги составили «Шекснинские бывальщины» - сборник коротких рассказов о событиях невероятных, порой таинственных, но происходивших на самом деле. Вот несколько заголовков, по ним можно составить представление о бывальщинах: «Матушкино проклятие», «Как целая бригада баб в лесу заблудилась», «Совет святого Николая Чудотворца», «Как меня пророк Илья накормил», «Вместо свадьбы - прощание», «Страшная месь», «Записка от баннушки»...

Читатели нашего журнала Людмилу

Яцкевич хорошо знают по многочисленным публикациям. Людмила Григорьевна - доктор филологических наук, автор исследований языка и поэтики Николая Клюева, Василия Белова, Николая Рубцова и других русских писателей. Перу Л. Г. Яцкевич принадлежит также книга «Православное слово в творчестве вологодских писателей» (Вологда, 2019), а также много других книг и публикаций. На сборник рассказов Людмилы Яцкевич

«Вологодская нива» Василий Иванович Белов откликнулся рецензией с «говорящим» названием: «Книга с вологодским характером».

«Северной Фиваиде» - 20 лет

К 20-летию юбилею духовно-просветительского центра «Северная Фиваида» Вологодским областным информационным центром (ВОИЦ) подготовлена и издана книга «Сокровища Северной Фиваиды».

Концепцию издания разработала руководитель ВОИЦ Надежда Кузьминская, в работе над текстом принимали участие сотрудники ВОИЦ Ольга Бурчевская, Евгений Стариков, дизайнер книги - Денис Игнатъева.

На 260 страницах - материалы об истории Вологодчины, святых и святынях нашего края. Рассказывает издание о многогранной деятельности духовно-просветительского центра. В издании помещены цветные снимки известных фотохудожников Алексея Колосова, Игоря Аксеновского, Валентины Певцовой и Сергея Юрова, а также рисунки детей, участвующих в программах центра «Северная Фиваида».

Павел Широглазов

Павел Широглазов - поэт, член Союза писателей России, член Российского фольклорного союза. Родился 20 октября 1985 года в Иркутске, живет и работает в Череповце. В настоящее время является сотрудником литературного музея Н. Рубцова, также занимается фольклорным театром: с 2017 года является руководителем бродячего театра кукол «Етишкина Жизнь». Поэт много странствует по стране: проводит литературные вечера, спектакли, музыкально-поэтические концерты (сказывает стихи под аккомпанемент гуслей, колесной лиры и других русских музыкальных инструментов). Автор двух поэтических книг. Участник нескольких музыкальных проектов. На стихи Павла разными композиторами написано более 100 песен.

Меня хватило ровно на любовь

* * *

Что со мной? Предвкушение грусти
В позолоте церковных оправ.
Мне уютно в своем захолустье -
В акватории северных трав.
Что за мной? Не следы, а поступки
И бездонные хляби стиха.
Я себя собирал по скорлупке
И скрипел, как лесная ольха.
Боже мой, как же дышится вольно,
И зарядка подходит к нулю.
Даже тех, кто мне делает больно,
Я по-прежнему очень люблю.
Что с собой? Далека ли дорога?
Сколько правды в дорожной пыли?
Что со мной? Ощущение Бога
В каждой пригоршне русской земли...

***

И глазам я не верю: полагаюсь
на душу.
Я архангельский клевер
на небесном лугу.
Заповедного мира я покой не нарушу:
Я у белого света в неоплатном долгу.
И святые глаза увлажнятся росой,
К разнотравью любви
прикоснется рука,
Хитро путая след, солнце рыжей лисою
В зябком утреннем небе
найдет колобка.
Рукавами дымов свежий
ветер утретя
И вернется на круг,
что еще не в кругу.

Оживет новый день журавлями
  колодцев.
Я архангельский клевер
  на небесном лугу...

***

Меняхватило ровно на любовь:
Все остальное - как-то между делом.
Я уходи. Я возвращался вновь
В родную глушь живым и скороспелым.

Меняхватило ровно на одну,
Одну шестую часть большой планеты,
И сколько б я ни «шарился» по дну,
Меня спасали русские рассветы.

Меняхватило ровно на стихи,
Которыми я пробивал дорогу
В непроходимых зарослях ольхи,
Зачем-то так угодно было Богу.

Мне били в глаз и рассекали бровь,
Я отвечал уверенно и смело.
Меняхватило ровно на любовь:
Все остальное - как-то между делом...

***

Памяти Николая Колычева

Сердобольная вдова,
  выдай мне копейку:
Обесточу белый свет
  толоконным лбом.
В зябкой сутолоке дня
  прорастает семечко,
И кочуют облака в небе голубом.

Выйду во поле один,
  гляну во вселенную
И какого-то рожна снова на рожон.
Обернусь на старый дом,
  на вдову согбенную,
И навстречу тишине,
  как молодожен.

Доберусь до облаков - обуздаю
  парочку,
Пусть они меня несут шибе
  Горбунка.
Сердобольная вдова,
  выдай мне на чарочку
И слезами окропи, чтоб наверняка...

***

Когда из хаоса и мрака,
Где вместо солнца фонари,
Придет бездомная собака
И ляжет у моей двери,
Я брошу ей бушлат в прихожей,
Едой не стану дорожить,
Ведь мне собачьей жизнью тоже
На свете доводилось жить.
Мой дом - чернила и бумага,
Так Бог со мною говорит,
Когда ж безродная дворняга
Придет и ляжет у двери?

***

Утопают в небе руки,
Облака стекают в реки.
Тишина глотает звуки,
Похмеляясь у аптеки.
Ветер, осень ушатан,
Шелестит разбитой бровью.
Зачерпни меня ушатом:
Поделюсь с тобой любовью.
Чем богат, о том и плачу
На пиру чумном и званом:
Брошусь в небо наудачу,
Стану утренним туманом.
Зачерпни меня ушатом:
Положи туда, где больно.
Ветер, осень ушатан,
Обнимает колокольню...

***

Я кутался наспех в болотную тину
И бился глазами о днище колодца.

За вечную жизнь я платил десятину,
Не так уж и много для первопроходца.
Меня привечали небесные своды,
И ветры мой дом обдирали до нитки,
А после я падал в крещенские воды
И снова топтался у райской калитки.
Ходил по воде и оттаивал в марте,
Плюсуя к любви незажившие раны.
Я был как решительный выстрел

на старте:

Неистовый пасынок русской нирваны.
Я кутался наспех в болотную тину
И бился глазами о днище колодца.
За вечную жизнь я платил десятину:
Не так уж и мало для первопроходца...

***

Скрипит во тьме тугая бечева,
Которой я к земле своей привязан:
Хранит меня народная молва
И все больнее ранит с каждым разом.
Не зная троп, я стал проводником,
Свернув впотьмах со старой лесовозки:
С медведями я «шапочно» знаком,
А волки мне - товарищи и тезки.
Я вязкий сумрак словом обелил
И узаконил русскую надежду,
И кто бы там чего ни говорил,
Есть рай и ад, а я болтаюсь между.
Помилуйте святую простоту
И не держите зла - оно корезжит.
Я прикасаюсь к чистому листу
Далеким эхом русских бездорожий...

СТИХ

Не родись у меня в голове,
Не рядись в арестантскую робу,
Лучше плавай в зеленой траве
И на вкус одуванчики пробуй.
Со шпаной во дворе не водись,

Не смотри подворотням за гланды.
Проживи безопасную жизнь:
Не загнишь от тюремной баланды...
Не просись ты ко мне в сыновья,
Не заглядывай в пасть черной бездне,
Пусть напишут тебя, но не я,
А какой-нибудь сахарный Резник...
Не родись у меня в голове,
В зимний сумрак не сплевывай кровью,
Лучше плавай в зеленой траве
И торгуй с рук фальшивой любовью...
Вот тогда от тебя отрекусь
И пойду по дорогам скользящим:
Околею в пути, ну и пусть,
Но останусь собой - настоящим.

***

Город уткнулся мне в ноги
ничейным щенком.
Вечер лизнул мне затылок
вишневым закатом.
С каждым вторым хулиганом
я с детства знаком:
Кто в бесконечной толпе
назовет меня братом?
Я ускользаю сквозь пальцы,
и пахнет сирень,
В окнах «Магнита» мелькают
дородные тетки.
Всякий, кто вышел из сумрака,
прячется в тень
Пыльного клена, который
растет посередке
Старого парка. Привычно
скрипит колесо
И искушает подняться
над дымной Итакой.
Я ускользаю сквозь пальцы.
Я стал невесом.
Город уткнулся мне в ноги
бездомной собакой...

Исполнилось 70 лет со дня рождения русского поэта Александра Швецова, который родился и жил на Вологодчине. Поэзии А. Швецова присуща пронзительная лирическая задушевность, острое историческое ощущение происходящего в окружающем мире. Публиковался во многих всероссийских периодических изданиях. Стихи поэта включены в «Антологию русской поэзии XX века», М., Олма-пресс, 1999.

На снимке: Александр и Галина Швецовы с Олечкой

*Александр
Швецов*

Александр Сергеевич Швецов (1951-1999) родился в д. Поповское Сокольского района. Окончил естественно-географический факультет Вологодского пединститута. Работал на заводе, преподавал в сельской школе, служил в Советской Армии. Швецов - лауреат первой премии за лучшую книгу года в серии «Молодые голоса» издательства «Молодая гвардия» и ЦК ВЛКСМ (1980 г.). Перевёл с языка коми книгу стихов Александра Некрасова «Горд тутьясапельсь», издал труд по вопросам истории русской культуры «У истоков русской тайнописи», подготовил к изданию рукопись прозы «Цветок герани». Член Союза писателей СССР с 1983 года.

Живём на родине добром

БАЛЛАДА О СТРЕЛАХ

Художнику Михаилу Брагину

*Показалась с востока луна
Желтолицым ордынцем. А Вася
После песен и после вина
С ненаглядной своей миловался.*

Выпил квасу:

*- Гляди веселей!
За меня, дорогая, не бойся! -
Подмигнул ненаглядной своей,
Боевой рукавицей утерся...*

Отмахнись-ка в бою от кола!

*Повяжи-ка Москву поясами!
Рвутся с привязи колокола
Разъяренными рыжими псами.*

*Высока городская стена,
На замках крепостные ворота.
Но ударила в сердце стрела -
И утратила чудо полета...*

*Одолев и глубокие рвы,
И замки на воротах, и стены,
По просторным музеям Москвы
Разлетелись ордынские стрелы.*

* * *

*Русь моя - извечная кручина.
Дым словесный застилает свет.
Вот и фраза «Русская община»
Подана на блюдечке газет.*

*И ведь знаю, этот миф привьётся.
Не заметишь, как настанет миг:
Светлым утром глянешь из оконца
В совершенно незнакомый мир...*

*Мне бы жизнь свою дожить достойно,
Не продаться бы и не сробеть.
И Москвой своей первопрестольной
По-сыновьи мучиться и впредь.*

*Да сынка бы вырастить мужчиной.
И на протяжении веков
Оставаться с русской общиной
В мировом смешеньи языков.*

* * *

*Россия! Всё чаще и чаще -
Как будто огнём обожжёт -
Мне видится жёлтая чаща,
И ветер над чащетою - жёлт.
И павшие в битвах подолгу
Мне машут оттуда рукой...
И вывел бы их на дорогу,
Да нету дороги такой.*

ГОСТЬ

*- Принимай гостей!
- Серёга!
Словно ветер на губах!
Воробьи - и те с порога,
И горошины - с рубах!*

*Как да что! И вот беседа -
Крылья в стороны и ввысь!
Всё сказали до обеда
И за песни принялись!*

*И «пора», - вздохнул Серёга,
Хмуро шляпу тебе.
Прощались у порога,
Не вспугнув и воробья.*

*И как будто стал я старше
Сразу вдруг на много лет...
Петь пытаюсь. Песня та же.
А чего-то в песне нет.*

***

*Вставала мама рано -
Какое там спать!
Старательно стирала
Нам белое бельё.
Теперь и горя мало:
Машина есть у мамы.
Хорошая машина!
И всё ж рубашку мать
По-старому для сына
Старается стирать!*

ВЕСЕННЕЕ

*Сошли сугробы, обнажая
канавы, рывины, поля...
До безобразия живая,
прекрасно выглядит Земля...
Иной, глядишь, и телом гибок,
и ростом - вешай фонари,
но без сомнений и ошибок,
застывший словно изнутри...*

*Не слышит: птицы прилетели,
касаясь песнями земли...
Какие вьюги и метели
живую душу замели?*

* * *

*Живём на родине добром,
Но поначалу мало верю:
Без грубых слов не строим дом,
Кота приравниваем к зверю.*

*И лишь потом,
украсив дом
и молока купив для «зверя»,
я успокаиваюсь, веря:
живём на родине добром.*

***

*Домик под старыми вязами
В зелени майской увяз.
Столик, украшенный вазами.
Сколько у матушки ваз!
Вроде куда-то и хочется
Мне драпануть належке,
Только боюсь одиночества
В милом чужом далеке.
Домик под старыми вязами
Плещется в белом снегу...
Вроде и крылья не связаны,
А улететь не могу...*

Публикацию подготовила
Галина ШВЕЦОВА

ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ •

«Настроив душу на добро...»

Книга произведений лауреатов первой областной премии имени Сергея Чухина издана нынешнем году Центральной библиотечной системой Вологодского района.

В предисловии к сборнику член жюри премии Дмитрий Ермаков пишет: «Пусть этот сборник укрепит на творческом пути писателей, продолжающих традиции русской литературы, которым неизменно следовал и Сергей Чухин. Эти традиции: правда, милосердие, сострадание». Прозаики и поэты, чьи стихи и рассказы вошли в сборник, в большинстве своем хорошо знакомы редакции и читателям «Вологодского ЛАДА». Но есть и открытия. Например, рассказы Юрия Кутьина из Шексны и Николая Соколова из Вологодского района показывают наблюдательность авторов, их умение передать увиденное кратко, но объемно. Для обоих характерно

доброе отношение к людям и событиям, которых они описывают.

Поразили критические работы. Николай Дегтерёв в «Филологических этюдах о поэзии Сергея Чухина» пишет: «...лирика Сергея Чухина на самом деле не так уж проста и безыскусна. И, если приглядеться, мы увидим в ней много интересных «формальных» моментов». Автор выступает не только как зоркий и внимательный аналитик, но и как собрат по поэтическому цеху (напомню, что Николай признан вторым в двух номинациях Чухин-премии 2020 года: как поэт и как критик). Николай понимает, как многослойна поэзия Чухина, как глубока мысль поэта, как ярко умеет поэт создавать образ двумя-тремя словами... Не менее интересны и другие работы раздела: Артема Кулябина из Сокола, Марии Багировой и Елены Исаковской из Вологды.

Сергей
Багров

Сергей Петрович Багров родился в 1936 году в Тотьме. Окончил Пермский государственный университет. Автор более двадцати книг прозы, вышедших в разных издательствах страны. Лауреат Всероссийской премии имени Н. М. Рубцова «Звезда полей». Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств. Член Союза писателей России. Живёт в Вологде. В «Вологодском ЛАДЕ» рассказы и повести Сергея Петровича публикуются регулярно с первого года издания журнала.

О друзьях-товарищах...

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОЧЕРКИ О ПИСАТЕЛЯХ

ОЖИДАЮЩИЕ ГЛАЗА

О Викторе Коротаяеве

Вот уже более двадцати лет, как нет с нами Виктора Вениаминовича Коротаяева. Поэтический бум 60-х годов минувшего века охватил все города страны. В том числе и нашу уютную Вологду. Это было золотое время таких поэтов, как Евтушенко и Вознесенский, Рождественский, Викулов и Орлов. Рубцов даже в Вологде был тогда еле слышен. Куда его громче были Чулков, Романов и Коротаяев. Виктор Вениаминович Коротаяев воистину был кумиром у вологжан. Поэт брал лихой напористостью стихов, в которых звенела удаль и бесшабашность. В то же время стихи его отмечали походку страны. В них были главные повороты и норы жизненных проявлений, где зло и добро устроили поединок, и хотелось понять, кто из них

победит. Первые книжки поэта шли в народ с горячим успехом. Встречи в домах культуры, в библиотеках, в строгих партийных залах, в школах, техникумах и вузах. Всё шло лихо и интересно. Коротаяева нарасхват приглашали туда, где шли азартные споры, где ожидающие глаза, где человеку хотелось почувствовать живость слова и как это слово может вызвать в груди щемящий переполох. Всем слоям населения Вологды был Коротаяев угоден. Его обожали и молодые, и старые. Даже партаппаратчики испытывали к поэту повышенный интерес. Были, конечно, и те, кто Виктора не любил. Пускался в ход пошлый слух, мол, Коротаяев везде любимчик. В любой кабинет обкома войдет, открывая высокую дверь не рукой, а ногой. Ногой - сильно сказано. Но то, что поэт появлялся в любых кабинетах, будь они хоть того значительнее и выше, так в этом нет ничего и плохого.

Так всё и было. И делал это поэт не в личных целях, с тем, чтоб чего-то выпросить для себя, а исключительно лишь для дела. Коротаяев многие годы руководил Вологодской писательской организацией. Для неё он, собственно, и старался. Для неё и к высоким боссам вынужден был время от времени заходить. И его там, вверху, в большинстве своём правильно понимали. Помогали кому-то из юных талантов с работой, жильём, с переездом в Вологду из района. Так, благодаря содействию Коротаяева, хождению его по инстанциям переехали из Грязовца в Вологду замечательный лирик Сережа Чухин. Или приехала из Сибири в Вологду очеркистка Людмила Славолубова. Приехала посмотреть: понравится ли ей наша Вологда? Посмотрела. Понравилась. Здесь и осталась, заполучив в центре города привлекательную квартиру. С той же целью приехал к нам из Перми Виктор Петрович Астафьев. Тоже хотел понять: уживется ли он здесь с вологодским писательским коллективом? Понял, что уживется. Потому вместе с женой, тоже писательницей Марией Семеновной Корякиной, здесь и обосновался.

Уговаривать, убеждать, защищать хорошего человека, сделать что-то доброе для него - это было у Виктора Вениаминовича в крови. Удивляла энергия, с какой поэт успевал справляться со всеми делами, оставляя время и для стихов, которые мог писать где угодно, даже на улице, когда шел из дома в писательскую контору или когда сидел на каком-нибудь скучном собрании, в конце которого мог сам себя же и похвалить: «Успел! Спасибо тем, кто наводит здесь скуку. Стихотворение, кажется, получилось!»

В своё время мысленно я Коротаяева сравнивал с Цицероном. Благо не раз и не два был свидетелем того, как Виктор Вениаминович одновременно мог вести пять, а то и шесть дел. С кем-то разговаривал по телефону, кому-то пожимал бодро руку,

время от времени взглядывал на свежее стихотворение, которое только что принес ни в чем не уверенный юный лирик, и даже кивком головы послать бессменную секретаршу Елизавету вниз к горкомовскому вахтеру, чтобы та принесла сюда почту. Поэт, хозяйственник, администратор, шутник, душка-руководитель - сколько качеств в одном человеке! И в каждом качестве был Коротаяев непревзойдённым.

Многие писатели в 90-е годы, когда пошла гулять по стране рыночная стихия, оказались застигнутыми врасплох. Коротаяев, один из немногих, не растерялся. Совместно с рыночными партнёрами открыл издательство по выпуску книг и брошюр. И в помощь к себе привлек оставшихся не у дел вологодских прозаиков и поэтов. Благодаря этому появился ряд свежих изданий, в их числе и выпуск «Роман-газеты» на вологодском материале, а также двухтомник Николая Рубцова с наиболее полным собранием его стихов, а также рассказов о нем и поэтических посвящений.

Виктор Коротаяев! Как много о нем уже сказано! Как много о нём еще скажут. Человек-душа. Человек-забота. Весельчак. Наконец, заботливый семьянин. Как он любил жену свою Веру! Своих детей Оленьку с Сашей! Хоть и не часто, но иногда я бывал у него в семье. И всегда ощущал себя здесь своим у своих. Здесь всегда царила атмосфера великодушия, простоты и доверительности друг к другу. Но однажды не стало хозяина. Не представляю, как Вера с сыном и дочерью это перенесли.

Умер Виктор Вениаминович, может, и сам не поверив в собственную кончину. Был вместе с нами и вот ушел к своим стародавним друзьям. К Николаю Рубцову. К Сереже Чухину. А через две недели присоединился к этой компании и Леня Беляев. Все они могли бы и задержаться на этом свете. Но судьба повернула их в страшную сторону, где ставилась ставка на жизнь. Потому теперь они и не с нами.

Большую память оставил о себе Виктор Вениаминович. Она не только в его стихах и книгах, в его многочисленных выступлениях. Она и в хоре наших воспоминаний. И в детях его, уже повзрослевших Оле и Саше. Замечательно то, что Александр выбрал дорогу отца. Пишет стихи. Исключительно самостоятельные, ни в чем не повторяющие творения своего отца.

Виктор Коротаяев - не просто поэт размашистый и многоцветный, он еще и поэт наступающий, в прямом смысле этого слова, умеющий захватить большую территорию России, заполнив ее вологодским дыханием, которое шло и идет от наших полей, лугов, деревенских избышек и городов. Там именно и могли родиться его энергичные рифмы, прославляющие мир, родину и любовь.

Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний звон золотого овса...

Кто ему мог подсказать это равнинно-русское, светло-великое, свято-земное очарование? Спрашиваю себя до сих пор.

ВЫСОКОЕ ПРЕБЫВАНИЕ

Вспоминая Виктора Астафьева

Деревня Сибла. Что в ней такого? Да ничего. Жизнь, хоть и не бойко, но шевелилась. Была когда-то здесь и конюшня, и ферма, где доярки доили колхозных коров. Были и конюх, и бригадир. Были и бабушки с дедами, и шустрые ребяташки. Но самое примечательное было то, что лет за 40 тому назад жил здесь писатель Виктор Петрович Астафьев. По утрам он по пояс высывался в окно. Дышал кедровым ароматом. Возле дома его благоухал пышный кедр. Шишек на нем еще не было. Но темно-зеленые ветви его были в наливе, иголки, вытянувшись по ветру, мягко шептали: «Потерпите. Появятся и цветы, а в них - пузатенькие орехи».

Кедр этот Виктор Петрович в Устюжне

заказал, где по сей день бытует богатый кедровый заповедник. Привезли его за 300 без малого верст. Братья Смирновы, Иван с Алексеем, ставившие Астафьевым изгородь на усадьбе, заодно и саженец посадили.

- Расти, как в Сибири, - улыбнулись Астафьеву - Но чтобы не вхолостую. С шишками! В смак!

Сколько лет пролетело с тех пор! Кедр раздался в бока, поднялся и в высоту, обогнав в росте местные сосны. И шишки стали проблескивать меж иголок.

Рядом с Сиблой, за километр через мелкий лесок, ручеек и поле, разместилась деревня Стегаиха, травяная, веселая, с несколькими садами, в которых летают смелые трясогузки, оберегая яблони от ворон. Здесь когда-то я жил как дачник. Из моего окна виден был и астафьевский пятистенки. Иногда я его рассматривал из трубы полевого теодолита, который мне одолжал приезжавший из Харовска землемер, проводя за деревней съемку сельхозугодий.

В 24 раза увеличивала труба, так что я мог в подробностях рассмотреть то, что творится не только в усадьбе Астафьева, но и в самом его доме. Пару раз я, наверное, наблюдал, как хозяин, раскрыв окно, усаживался за стол и писал. Хотел бы я прочесть то, что пишет он в эту минуту. Однако не мог. Не хватало в трубе той самой силы, какая дала бы возможность читать без напряжения за километр. Зато хватало ее, чтоб я увидел писателя в поиске слова. Сосредоточенное лицо, плечи, покрытые майкой, взъерошенный гребень волос и рука, которая то и дело взлетала над головой, выражая писательское волнение.

От продолжительного сиденья Астафьев, как правило, отдыхал на Кубене. Обувал сапоги, брал спиннинг и спускался ложбинкой к ольховым кустам, сквозь которые скрытно поблескивала река,

играя выплеском брызг, песчаными мелями и камнями. Хотелось выйти из пресного состояния. Войти - в плодотворное, бурное, готовое к поиску ярких картин, где и скрывается мощное слово. Потому-то Виктор Петрович потом, в той же Сибле, открыв окно, и напишет свою молитву, выразив словом всё то, что таила в себе душа. Напишет про лошадей, проступающих сквозь туман. Про то, как, заслышав шуршанье травы, заскрипит коростель, торопясь со всех своих лап к скрывающейся подруге. Про доцветающую рябину. Про то, как сегодняшнее, обнявшись с забытым, уходит туда, где когда-то, как в первый день, пробуждалась земля, наполняя реку и берег зеленым трепетом и смущением.

ВМЕСТЕ ХОТЬ КУДА

Москва - Вологда - Тотьма

...Лето 1965 года. Из Москвы поезд пришел под вечер. Здравствуй, Вологда! Вылезли на перрон - я и Рубцов. Мне - в Тотьму. Рубцову - не знать и куда. Отправились бы, пожалуй, в Тотьму, ко мне. Но пароход уходил туда только утром.

Хотели зайти в крохотный магазинчик. И вдруг нам навстречу - Василий Белов, еще не такой знаменитый, доступный, житейский, свой. Обнялись. Пошагали тройцей. Вел нас Белов. Наверно, к себе. Однако Рубцов при виде огней «Золотого якоря», где была гостиница с рестораном, воскликнул так, как если бы нас там кто-то встречал:

- Сюда-а!

И мы повернули к огням, где и устроились до утра. Втроем. В общем номере, где были свободными две кровати. Мы с Рубцовым решили, что эти кровати для нас. С Беловым тут же и попрощались.

- До свидания, Вася...

Белов рассердился:

- Никуда я от вас не уйду! Буду с вами! А ночевать, коли нету кровати, могу вон и там! - показал на голландскую печь, под которой алел мягкий коврик.

Мы с Рубцовым чуть-чуть смутились. Даже заспорили:

- Нет, я на коврик!

- Нет, я!..

Горничная гостиницы на коврике спать нам, однако, не разрешила:

- Нельзя! Не положено! Уходите который-нибудь!

Никто не ушел. Чтоб успокоить дежурную, кто-то из нас улыбнулся, даже погладил ее по белой косынке на голове:

- Мы и втроем бы могли на одной кровати, но раз ты такая суровая, заночуем вдвоем...

Дежурная убежала. Мы же снова продолжили спор, который закончился тем, что Белов посмотрел на меня повелительно:

- А ну, на кровать! Спишь один! А мы с Николаем - вдвоем! Так надо! Без возражений!..

Утром все трое направились к пароходу. Рубцов с Беловым махали мне с пристани, мол, доброй дороги до Тотьмы да горячий привет ей от нас...

Я стоял на палубе и смотрел с тихой грустью на удалявшиеся фигурки, как они, покуривая, шли по людному тротуару, разговорчивые, живые, словно и впрямь их ждали большие дела, и закончат они их, конечно же, вместе.

Гудит пароход, а я слышу сквозь бас его то, что когда-то слышал от Николая: «Кого я в Вологде больше всего обожаю, так это Васю Белова. С ним бы я - хоть куда...»

Вот и идут они оба вместе. По тротуару. В будущее свое...

Александр Ломковский

Александр Вениаминович Ломковский родился в 1965 г. в Вологде. Автор сборника прозы «Два костра», вышедшего в серии «Вологда. XXI век». Лауреат первого Всероссийского литературного конкурса современной прозы им. В. И. Белова «Всё впереди». Член Союза писателей России. Живёт в Вологде. Известный критик и литературовед, доктор филологических наук профессор Виктор Баранов писал о первых шагах в литературе Александра Ломковского: «Максим Горький однажды посетовал: русская проза говорит о страданиях да несчастьях, никто из писателей еще не рассказал о том, как он «всю жизнь радовался»... Кажется, такой писатель нашелся. Живет он в Вологде. И зовут его Александр Ломковский». Высоко оценил прозу Ломковского один из самых известных современных русских прозаиков Владимир Личутин. «С первых строк его проза захватывает какой-то горьковатой искренностью, жалостью к герою, запутавшемуся в нелегких обстоятельствах, и Ломковский бережно распутывает сложный узел, пытается найти спасительную тропку, - пишет Владимир Владимирович. - Люди простые приходят к нам из рассказов автора, и в каждом из них пусть и неотчетливо, но предельно искренне проступает и сам Ломковский. Он честен в прозе, не заискивает, не роняет слезы, но любовен и жалостен к своим героям, попавшим в передрыгу. Рассказы писателя целостны и религиозны не внешним пафосом, но глубинной заповедальностью, верностью национальным идеалам». Прозу Александра Ломковского публиковали столичные и местные издания. С 2006 года Александр - автор «Вологодского ЛАДА».

Новый день

РАССКАЗЫ

ИЗ ЖИЗНИ УСТРИЦ

- Ну и обед сегодня завернули... Так-то их через колено...

- И не говори - что покушал, что музыку послушал! Лучше бы сухим пайком выдали.

Сразу же раздалось несколько возмущённых голосов:

- Да, выдадут сухим пайком - жди!

- Они же за эту тушёнку удавятся... Зря,

что ли, вчера Валентина на ночь глядя с полной сумкой куда-то из общаги урыла? Стопудово - на рынок к «хачикам»: сахар да тушёнку сдавать.

- Это точно...

С высоты двадцать второго этажа Москва мало чем отличалась от любого, даже пусть небольшого, современного города. Те же коробки домов, серыми квадратиками выступающие из-за надоедливой пелены нескончаемого дожди-

ка, та же буйная желтизна листопада, те же люди, спешащие куда-то... Особенно здесь, в Свиблово, где ещё не успели понастроить сорокаэтажных монстров, казалось, что это и не Москва вовсе, а какой-нибудь Тольятти или Череповец. Слева виднелась узкая ленточка Яузы, с не забетонированными пока ещё берегами, какие-то гаражи, строения... А внизу, прямо за забором строящегося дома, кипел и выплёскивал эмоции мини-рынок. Даже сюда изредка доносило гортанные крики продавцов-южан да забористый матерок подвыпивших грузчиков.

В контейнере у электриков, что подходил прямо на перекрытии недавно отлитого этажа, сидели несколько строителей-монолитчиков и дружно ругали сегодняшний обед. Ругать, действительно, было за что. Жиденькую бурду никто, даже приблизительно, не смог бы назвать супом, а к порошковому пюре совсем забыли дать окорочка. Повариха Валентина клялась и божилась, что окорочка по ошибке отвезли на другой объект, но вечером, мол, они их получают вместе с ужином. В общем, у злых и голодных мужиков все разговоры, конечно же, крутились сейчас вокруг еды.

Сварщик Коля, поудобней устроившись на лавке, закурил и, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал:

- Вчера Фёдоровна в общаге Валеру Маслова пьяным заловила.

- Ну? - удивились все. - Расскажи.

- Да он по лестнице спускался - видимо, на работу в ночь...

- Точно - датенький вчера пришёл, - обрадовался Стопгайда, пожилой хохол, звеньевой монтажников. - Сам видел. Я ему ещё говорю...

Но что там говорил Стопгайда Маслову, никого не интересовало. Да и говорил он пьяным всегда одно и то же: «Шо, хлопче, - пьян? Смотри, пьяных Москва

любить. Развернулся на сто восемьдесят оборотов и пшёл вон. За забором таких-то много...» Гораздо интереснее мужикам было послушать, как Наталья Фёдоровна, замещающая в данное время приболевшего коменданта общежития Геннадьича, относится к фактам выпивки. Поэтому электрик Саня бесцеремонно перебил Стопгайду:

- Да погоди ты орать - дай человека послушать. Чего там, Колёк, с Масловым-то?

- Ну вот, - спускается он со второго этажа, а Фёдоровна ему навстречу. Попринюхалась да и тормознула его. Спрашивает: «Пьяный?»

- Да пьяный он был. Отвечаю... - завёлся опять Стопгайда.

- Ну, можешь ты помолчать, балаболка? - напустились на него мужики. - Сейчас вот из контейнера вышвырнем. Дай дорассказывать-то. Давай, Коль...

Коля, как будто ничего и не произошло, продолжал:

- Спрашивает - пьяный, мол? А тот стоит, за перила уцепился, чтоб не шатало, значит, да так серьёзно и заявляет: я, говорит, не пьяный. Я - голодный...

Громовой хохот прервал рассказ.

- А-ха-ха!

- Ой, мамочки, не могу! Голодный...

- Ох, от голода бедолагу шатает. Молодец Маслов!

После такой эмоциональной разрядки все теперь потянулись за сигаретами.

Покурить, так хоть в пузе урчать меньше станет.

Саня хитро прищурился и запанибратски хлопнул Стопгайду по плечу.

- Да у тебя, Гайда, вечно в брюхе урчит. Удивляюсь - как это ещё штаны сзади не порвались?

Все снова засмеялись, причём Стопгайда ржал даже громче остальных.

- А ему жена заплату туда посадила, - смеясь, выдавил рыжий штукатур Андрюха, которого все звали Баксом.

- Куда заплату? - серьёзно спросил Колёк. - На штаны или на задницу?

Стены контейнера снова содрогнулись от хохота.

- И на задницу, и на передницу! - веселясь, воскликнул Бакс. - Чтоб, значит, не блудил нигде на Москве.

- Ну, правильно. А то, как тот плотник кинешемский, стройку с Тверской путает...

Все уже позабыли о плохом обеде и курили, незлобиво подтрунивая друг над другом. Но тут, практичный, как и все хохлы, Стопгайда, снова умудрился подпортить настроение.

- Интересно, а окорочка за ужином выдадут?

- Вот неугомонный-то, - Колёк даже сплюнул. - Я не врублюсь чего-то - ты голодный или пьяный?

Мужиков снова согнуло от смеха.

- Да за такую ржачку, - сказал Саня, утирая слёзы, - я тебе, Гайда ты такая, свой окорочок отдам. Не жалко!

- Ловлю на слове! - тут же откликнулся тот.

- Да и мой тоже забирай, - вклинился в разговор Бакс.

- Точно отдашь? - недоверчиво спросил Стопгайда.

- Ну, ты же знаешь - моё слово твёрже бакса. Но только чтоб все три штуки слопал.

- У нас не заржавеет! - довольно скалился хохол. - Что мне те окорочка? Ни на задний зуб! Я и не такое, к примеру, едал. Вот ты, что ты ел необычного? - обратился он к Баксу.

- Я? - призадумался Бакс. - Что я ел? Хм... - и осторожно, словно боясь спугнуть давно позабытый вкус, ответил: - Ана нас...

- Ну, ещё бы сказал - морковь! Да я эти ананасы с каждой полочки покупаю. Эка невидаль! А ты? - тут Стопгайда протянул свой палец по направлению к Сане.

- Так сразу-то и не сообразишь, - Саня взъерошил короткий ёжик волос, зачем-то полез рукой в карман, достал оттуда какую-то гайку и начал подбрасывать её на ладони. - Я, разве что, пил... Когда был в Югославии - ещё до распада. Там мне местные пиво с мёдом наливали. Дерьмо вообще-то. Не понравилось.

- Да, можно представить. А ты, Колёк? Колёк усиленно потирал лоб и морщил брови. Как видно, ничего в голову ему не приходило.

- Бритвочку могу разжевать, - наконец сказал он.

- Ой, да на моих глазах корешок слопал половину гранёного стакана - да и то ничего, - взял реванш за ананас Бакс. - А с чего ты разговор-то такой затеял? - обратился он к Стопгайде. - Сам-то чего? Хвост, что ли, сожрал от кометы?

Стопгайда блаженно зажмурился, словно котяра на солнцепёке, облизнулся и выговорил по слогам:

- Уст-ри-цы...

- Устрицы. Вишь ты, чего... - задумался Колёк. - Не едал.

- Да уж, - позавидовал Бакс. - Сильная тема!

- Буржуйская хавка, - подытожил Саня. - И где же ты их употреблял - в Лозанне или Марселе?

- Вот ещё, - отозвался Гайда. - У нас в Донецке, в ресторане.

- Однако, - протянул Колёк. - На чего хоть похожи-то? С клешнями которые или те, что лап до фига?

- Понимал бы чего, - даже обиделся Стопгайда. - Устрицы - это, как... ну, в общем, как перловицы наши. Ну, раковины, какие в речках по дну шастают, только побольше чутка. Вот, на тарелку её вываливаешь, берёшь лимон, режешь его и сок давишь. Потом этим же соком ляпаешь ту устрицу. А она, подлая, как сок на неё попадает, пищит и лезет под тарелку. А ты её вилочкой такой специальной ловишь...

- Чего?! - вытаращил глаза Саня. - Пищит и лезет под тарелку?!

Казалось, что от смеха контейнер развалится на части. Иногда смех затихал, но стоило мужикам взглянуть на обиженную физиономию Стопгайды, как новые взрывы хохота сотрясали воздух. Привлечённый смехом, к контейнеру подошёл бригадир Зелёный.

- Вы чего это? - спросил он, открывая двери. - Обед десять минут назад кончился. Работать, орлы! И, кстати, - обронил он, - тут окорочка заныканные привезли. Перерыв часика через два устроим и попьём чай. И окорочка заодно...

- Обещали отдать! - тут же подскочил Стопгайда к Сане и Баксу.

- Да ешь, ешь, приятель! Это тебе за место устриц. Колёк и вилочку тебе специальную сварит, чтобы из тарелки их вылавливать, - засмеялся Саня.

А Бакс тут же добавил:

- Ты их компотиком польёшь, они кудахчут и начнут в разные стороны разбегаться. Тогда не зевай...

- Да пошли вы, - пробурчал Стопгайда и, поправив монтажный пояс, поспешил на сборку щитов.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Солнце никак не могло выйти из-за леса. Казалось, что оно цепляется круглым своим телом за колючие верхушки ёлок, и те не выпускают его в небо. Кромки тяжёлых мохнатых туч над горизонтом были чуть подсвечены снизу багровыми лучами восходящего светила и оттого казались какими-то нереальными и даже слегка жутковатыми. В них так и ощущалась многопудовая ливневая тяжесть, готовая хлынуть на землю. А на земле хозяйничал ветер. Он налетал мягкими обволакивающими порывами, трепал зелёную одежку двух берёзок, росших рядом с тракторной дорогой, и валился в

ржаное поле, перекатываясь по нему сухо шелестящей тревожной волной. Потом подбирался поближе к месту моего отдыха, по-хозяйски залезал под штормовку и покрывал кожу мелкими мурашами.

Я, зябко ёжась, передёргивал плечами, счастливо при этом улыбаясь неизвестно чему. Хотя, вероятно, улыбка имела под собой вполне объяснимые причины: я просто улыбался от того, что мне было хорошо. Мне было просто замечательно в этот предрассветный тихий час. Бывают такие моменты в жизни, когда всё, что происходит в природе, особо дорого и неповторимо. Дождь?.. Что ж, помню такой момент, когда надоедливый липкий осенний дождик, идущий, казалось, бесконечно, лёг на душу неповторимым бальзамом... Тогда я, видимо, был влюблён. Снег, метель?.. Жара?.. Неважно. Необходимо просто попасть в унисон с природой. Как вот и сейчас. Вроде, ветер... холодно, неуютно, мрачно. А душа поёт! Того и гляди, в пляс пустится! А почему? А просто оттого, что встал сегодня в три утра, и что-то неудержимо потянуло из избы в поле. И вот я здесь: сижу, курю, любуюсь восходом.

Середина июля - макушка лета. А вот не жарко и ветер холодный. Уже четвёртый день стоит такая непогода, и непонятно - когда же снова станет тепло. Хотя, судя по газете, сегодня последний день этого затянувшегося «не пойми чего». С утра обычно затевается мелкий колючий дождь, к обеду изморось прекращается, но зато ветер нагоняет тучи и не пускает на землю солнце. Даст Бог, только к вечеру проклянутся один-два лучика - и всё. Сегодня туч гораздо меньше. И ветер, вроде, сменился на юго-восточный. Там за полем небо почти чистое. А над лесом всё ещё тучи.

В перелеске, тянущемся вдоль набитой тракторной дороги, тяжело затрещали сороки. Разорались, будто чего-то делят

меж собой. Через некоторое время из перелеска на дорогу выскочил полосатый серый кот и припустил к деревне. Вот, оказывается, причина сорочьего беспокойства. Видимо, решил полосатый проверить птичьи гнёзда, да и получил достойный отпор. Как ещё шерсти на боках не лишился!..

На душе становится всё более умиротворённо. Ветер продолжает гнать по полю волны, заставляя колосья сухо перешёптываться между собой. Где-то вдалеке урчит трактор - у людей сенокос. И вот появляется, наконец, солнце. Тяжё-

лый, малиново рдеющий огненный шар. Кажется, что сегодня солнце раздвигает своим горбом кисель туч и сжигает их, тучи, своим появлением. Вот уже тёмно-синее до этого момента брюхо одной из них загорается победным всеочищающим огнём. Кажется, что туча начинает съёживаться и худеть от этого огня. По крайней мере, мне хочется так думать. То же самое происходит и со всеми остальными тучами над лесом. Приятно, что новый день начинается с победы солнца. Я поднимаюсь и медленно иду в деревню. Мне хорошо.

«Северное ожерелье»

К 60-летию Вологодской организации Союза писателей России подготовлен к изданию литературно-художественный альманах «Северное ожерелье». Редакторы объёмистого тома (в книге более 500 страниц) - Александр Цыганов и Виктор Плотников.

Открывается книга литературно-художественным очерком Александра Романова «Народные корни литературы». Эта работа выдающегося поэта и публициста давно стала классикой жанра, непревзойденной по широте охвата и глубине анализа первых этапов развития вологодских литераторов. Кстати, Александр Александрович считал что «никакой «вологодской школы» нет, а есть вологодская работа в большой русской литературе». С ним был согласен и Василий Иванович Белов, противник литературных «ярлыков», деления писателей по географическому или тематическому признаку.

Альманах публикует произведения вологодских писателей, созданные преимущественно в последние годы. Отрадно заметить, что каждого из авторов альманаха «Во-

логодский ЛАД» представлял читателям на своих страницах.

В разделе «Литературное наследие. Память сердца» - стихи и проза писателей, уже ушедших из жизни, но оставшихся в благодарной памяти товарищей по перу и читателей.

Сотрудники областной библиотеки имени И. В. Бабушкина подготовили к юбилею писательской организации книжную выставку

Светлана Чернышёва

Светлана Николаевна Чернышёва родилась в 1979 году в селе Биряково Сокольского района. Закончила ВГПУ. В настоящее время живет в Вологде, работает в областной детской библиотеке. Проза Светланы Чернышёвой для детей публиковалась в периодических и электронных изданиях: «Иван-да-Марья», «Детское чтение для сердца и разума», «Радуга», «Страна Озарение», «Книжки, нотки и игрушки», «Простокваша», «Енисейка», «Новый енисейский литератор», «Северо-Муйские огни», «Невский альманах», «Молоко», «Русская жизнь», «Электронные пампасы», на литературных порталах «Белый мамонт», «Лукошко сказок», «Новая литература».

Маленькая Галя

РАССКАЗЫ О ДЕТЯХ И ДЛЯ ДЕТЕЙ

НУ, ЧТО ТЫ, ГАЛЯ...

Есть девочка, которая постоянно попадает в разные истории. Вроде как нечаянно. Девочка Галя с каштановыми косичками и белыми бантиками. Или не с бантиками, а... Никогда ведь не догадаешься, что, кроме бантиков, можно увидеть в волосах у первоклашки. У Гали, например, - астры с клумбы, подсолнухи из бабушкиного огорода и воздушные шары с витрины магазина.

И это ещё ничего! Вот если бы она, к примеру, решила солнышко в волосы вплести, тут уж все закричали бы:

- Ну что ты, Галя!

И даже погрозили бы пальцем. Так проще всего её успокоить. Или отправить в новую историю. Главное, чтобы она ничего не перепутала...

КОТ ИЗ ШАРФА

Галя не могла долго сидеть за партой. Она постоянно сползала и потому оказывалась под партой. Вроде как в домике. Сверху - крыша, а внизу - сказочная поляна. Да ещё с говорящими предметами. Попробуй-ка не поговори...

- Стирашка, а что это ты такая малюсенькая? - шепчет Галя. - Не могу понять... Будто кто-то откусил бочок. Может, с пирожком перепутал?

- Если бы не кот, я бы целёхонька была, - захныкала стирашка. - Как же я не догадалась, что нельзя с ним в кошки-мышки играть!

- Это уж точно, - подтвердила Галя. - Про это даже в сказках написано, проглотит - ам! Даже жевать не станет.

Подумала про кота - и тут же увидела

его хвост. Синий кот в учительской сумке поселился. Тянет-потянет Галя кошачий хвост, а он всё длиннее становится. Сразу и не вытянешь. А потом - раз! - и на полу оказался, без головы и ушей, один сплошной хвост. Это был самый необычный на свете кот, сказочной синей породы. И когда учительница закричала на весь класс, кот враз в шарф превратился.

- Хотела бы я знать, - рассердилась не на шутку Анна Семёновна, - кто это мой шарф по полу изучает?

- Я, - говорит Галя, - только я кота из него прогоняю. Потому что шарф в мохнатого кота превращается и стирашки ест, заместо мышей.

- Ничего себе, - удивилась учительница. - Я-то думаю, почему он такой неудобный. Попробуй-ка кота носить на шее.

Анна Семёновна долго-долго рассматривает свой шарф. Да ещё и рукой осторожно поглаживает.

- Ну, что, не кусается? - спрашивает Галя.

- Вроде нет, - улыбается учительница.

Кот опять поселяется в её сумке, но сидит там тихо-тихо. И Галя думает, что покормит его своим бутербродом на перемене. Потому что он теперь совсем ручной...

НАСТОЯЩАЯ БЕРЕЗА

Галя домашнее задание готовила: берёзу в альбоме рисовала. Только два листочка на бумаге разместила, раз - и место закончилось. Галя альбомом туда-сюда покрутила, и ещё несколько жёлтых листиков с тоненькими прожилками влезло. А ведь у берёзы их много-премного. Ну, про ветки она даже думать боялась - их-то и вообще негде рисовать. Потому что на самом деле они огромные, почти великанские.

Тогда Галя совсем расстроилась, отодвинула альбом и стала думать, что же

делать дальше. С одной стороны, нарисовать берёзу на стене не так трудно. Стоит только на стул папин забраться и кисточкой туда-сюда поводить. И, наверное, дерево как настоящее получится, потому что до самого потолка. С другой стороны, как эту берёзу в школу потом нести? У Анны Семёновны от удивления глаза в глобусы превратятся. Она такого ещё никогда не видела. Вряд ли кто-то с квартирной стеной на уроки приходил...

И тут Галя кстати под столом рулон обоев заметила. У него одна сторона была как раз для рисования. Бежевая, в клеточку. Рулон Галя раскрутила и берёзу нарисовала - в натуральный рост. Мама, когда Галин рисунок увидела, сразу сказала:

- Ничего себе берёза!

- Да! - подтвердил папа. - Под таким деревом и от дождя можно спрятаться. Жалко только, что оно шуметь не умеет листочками. И птицы никогда на нём не построят гнёзд. А всё потому, что есть такие чудеса, которые в живой природе - обычное дело.

Больше Галя ничего не рисовала, до самого вечера. Потому что она птичий язык разучивала - курлыккала, чуфыркала и чирикала. Это было нужно, чтобы оживить рисунок. Зато, когда Анна Семёновна из-за альбомных карликовых берёз увидела Галино дерево, тут же со стула вскочила.

- Кар-кар-кар! - кричала Галя, стоя на стуле рядышком со своей берёзой.

Больше никто ничего особенного показать не мог. Хоть за три пятёрки с плюсом.

РАЗ В СТО ЛЕТ

Любила Галя цветами любоваться. Сядет у окошка и смотрит: глазами их цвести заставляет. Можно так и сто лет просидеть. А цветы не появятся. И днём, и ночью будет Галя слёзы лить. Раз слезинка - для фиалочки, две слезинки - для

розочки. А три, четыре, пять, шесть - для кактуса.

- На кактусе-то ни одного цветочка! - хнычет Галя.

И вдруг, сама не ожидая, среди колючек замечает маленький бутончик алого цвета. Чудеса, да и только! А если его пальчиками расправить, он ещё больше становится.

- Мама, - кричит Галя. - На окошке кактус расцвёл!

- У меня сложный отчёт! - откликается мама и ещё громче щёлкает компьютерными кнопками.

- Папа, - звонит Галя отцу, - такое раз в сто лет бывает!

- Ага! - соглашается он и пропадает, превращаясь в дальнее эхо.

Тогда Галя берёт кактус и идёт с ним на улицу. Весной там особенно приятно. Не то, чтобы лужи нравятся, но как-то необычно они расплескались. Прямоком в резиновые сапоги.

- Вот! - говорит луже Галя. - Сегодня кактус расцвёл! Во-первых, это случилось недавно. Всего пять минут назад. Если я кому-нибудь про это не расскажу, то буду страшно несчастной. А во-вторых, этот цветок очень волшебный, он теперь снова расцветёт, когда мне будет много-много лет!

Лужа морщится от улыбки, но потом разглаживается. И в ней отражаются девочка и цветок. Наверное, через сто лет он будет больше, и его все заметят?

КУШАЙ, КАША!

Каждое утро Галя болтала с кашей, болтая в тарелке ложкой. Каша была липкая, поэтому сидела на кончике ложки. А Галя, сонная, как муха, не могла сообразить, что делать с кашей.

- Ну, вот опять ты надулась, - шептала Галя. - А могла бы превратиться в воздушное облако. Тогда с лёгкостью проскочила бы в открытую форточку. Хорошо бы, конечно, вместе отправиться в школу. Я

бы могла унести тебя в кармане, но там и без каши тесно. Гвоздь, старая монетка, несколько жеваных жвачек и живой жук.

Жук тут же отозвался:

- Ж-ж-ж (не смей сажать меня в кашу)!

- Ладно, - согласилась Галя. - Просто я подумала, что каша из облака - это неплохо! Бездомные звери никогда не останутся без еды. Она могла бы выпадать каждое утро вместо дождя. А зимой вроде снега.

- Брр! - затрясся от отвращения карманный жук.

И тут Галя обнаружила на столе большую шоколадную конфету с клубничной начинкой. Ей ничего не оставалось, как поделиться находкой с кашей.

- Будешь? - спросила Галя, протягивая половину.

- Давно бы так! - прошипела каша.

- А персиковый сок? - поинтересовалась Галя.

- Пожалуй! - ответила почти непротивная каша. Вообще, она теперь расплзлась по всей тарелке и фруктово пахла. И поглядывала на Галю с таким видом, будто хотела ещё добавки. Впрочем, Гале было абсолютно не жалко:

- Кушай, каша!

ПОТЕРЯШКА

Галя любила иногда потеряться. Но это бывало редко - только в школе. Она забиралась в шкаф и сидела там тихо-тихо. И вот сидит Галя в шкафу, в космическую путешественницу играет. И тут кто-то снаружи космические сигналы подаёт:

- Поехали!

И Галя удивляется, потому что шкаф подпрыгивает и начинает шагать, заваливаясь то на один, то на другой бок, будто вырабатывая важную гусиную походку.

«Ничего себе, - думает Галя, - вроде в космической ракете сидела, а оказалась в птичьем животе. Что теперь делать? Может, на урок попроситься?»

Гале становится так страшно, что она начинает кричать:

- Спасите!

- Ничего, - отвечают незнакомые голоса. - Просто шкаф переехал из первого класса в десятый.

Вроде как путешествие на другую планету! Галя теперь из шкафа вылезать и не собирается. Шутка ли, сразу в десятом классе очутиться!

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Нашла Галя увеличительное стекло. Маленькое, да удаленькое. И увеличила им всё вокруг. Кусты превратила в эвкалипты, а мать-и-мачеху на проталинках - в гигантские цветы. Потом она соседскую кошку сделала пантерой. У кошки как раз чёрная шерсть, сильные ноги и... острые когти.

«Наверное, и самой мне надо стать большой», - подумала Галя. И принялась стекло

на себя настраивать. Только, вот беда, - не решила, что прежде изменить. Наверняка ноги как у Дяди Стёпы ей не нужны - они никуда не поместятся. Пришлось прежние оставить. А вот умная голова, как у Анны Семёновны, Гале точно бы не помешала. Только на ней тогда шапочка не будет смотреться. Любимая, жёлтенькая, в белый горошек.

Галя задумалась: не увеличить ли солнышко? Пусть всегда будет лето. Яблоки и бананы начнут расти прямо на берёзах. И апельсины тоже. Школа превратится в лагерь для летнего отдыха, а школьники станут просто отдыхающими.

Тут солнышко скрылось за тучу, и Галя ничего не смогла изменить - поэтому делала со стёклышком секретик. Теперь она знала, куда нужно спрятать гвоздь и старую монету. А вот жука, карабкающегося по ладошке, она совсем не захотела прятать.

- Лети за мечтой! - решила Галя и отпустила его в небеса.

И НЫНЕ, И ПРИСНО •

Новая книга о Нило-Сорской пустыни

В канун 2021 года вышла из печати книга «Нило-Сорская пустынь» - новый труд о древней обители, основатель которой, преподобный Нил Сорский, стал учредителем скитского монашеского жития на Руси. Её автор - известный череповецкий краевед Михаил Геннадьевич Мальцев. Игумен Нило-Сорской пустыни Евфимий(Ершов) считает: «Этот труд займет достойное место среди изданий о преподобном Ниле Сорском и его обители».

Книга использует архивные сведения, многие из которых прежде не были вве-

дены в научный оборот. «Ценность книги, - считает игумен Евфимий, - заключается в том, что она написана на основе огромного количества неопубликованных архивных материалов и проливает свет на многие ранее не известные страницы истории монастыря. В исследовании приводится житие святого, рассказывается о древнейшей истории обители, а также о ее возрождении, святых и подвижниках благочестия, архитектурном ансамбле, опубликован ряд интересных документов. В книге много фотографий (в том числе очень редких), общий объем - 752 страницы».

Лидия
Сычёва

Известная писательница и публицист Лидия Сычёва - один из давних авторов «Вологодского ЛАДА». Главный редактор литературного интернет-журнала «Молоко», который отстаивает традиционные ценности - и в жизни, и в литературе. Журнал публиковал и произведения вологжан. Лидия Андреевна дебютировала в 1998 году в журнале «Новый мир», позднее прозу Сычёвой печатали в газетах «Литературная Россия», «День литературы», журналах «Москва», «Бельские просторы», «Север» и других изданиях. Автор книг «Предчувствие», «Последний блокпост», «Время Бояна», «Три власти», «Мёд жизни» и других. Лауреат литературных премий имени Андрея Платонова и имени Антона Дельвига. В 2019 году Лидия Сычёва участвовала в Беловских чтениях в Центре писателя В. И. Белова в Вологде в качестве эксперта литературного семинара молодых авторов.

О встречах и разлуках

РАССКАЗЫ

МУЗЫКА ЛЕТА

По дороге в Пушкино электричка то бежала, то шла, то летела среди трепетных (будто первая весна юности!) деревьев с маленькими, только-только рождёнными листочками. И мне казалось, что жизнь моя идёт «на посадку» - с высоты, на которую вознесло её творчество. Да, оглядываясь назад, можно сказать, что мы управляли (наша любовь) стихиями: дождями и метелями, государственными потрясениями, жизнью и смертью... Даже так: жизнью и смертью! Сколько сил было этому отдано!.. Найдутся ли ещё для новых испытаний?!

И когда в вагон вошла немолодая женщина с баяном и хорошим, но несильным и усталым голосом стала петь о любви,

взаимной и мучительной, сердце моё дрогнуло. А мужчина напротив - хорошо одетый, собранный, деловой (может, бывший военный? или предприниматель средней руки?) полез в кошелек за деньгами. Я не смогла сдержать слёз - не от песни - не очень умелой, хотя и нежной, не от его жеста (видно, что деньгами он не бросается), не от своего настроения, нет... Может, от расцветших первыми листьев деревьев, от того, что время так быстро проходит, и от немужественной надежды, что, может, самое лучшее в моей мучительной и сильной жизни ещё не состоялось?!

В этих раздумьях, переживаниях я вышла из магазина, где запасалась продуктами, свернула за угол, и вдруг так резко, пьянюще запахло сиренью, что я

остановилась. В Москве, конечно, тоже есть сирень (даже под окном у меня куст), но запах её в отравленном воздухе почти не чувствуется.

Потом я шла по улице, по лугу, везде пахло травами, цветами, молодой листвой, два парня, подтягиваясь на турнике, играли мускулами. На стенде у маленького озерца - приглашение на субботник: «Приходите убирать планету, инвентарь - наш».

А вечером ко мне в окно заглядывала крупная и яркая звезда.

***

Уже перед пробуждением приснился светлый (каких давно не припомню) сон. Будто я в Московском университете с двумя девчонками-журналистками, в просторной светлой комнате, и нам нужно тут прожить двадня, а художник у доски рисует портрет. У него не очень получается. А нам так весело, радостно - можно гулять по парку, плавать в бассейне, шутить, всё пронизано ощущением чистоты, молодости и счастья.

Потом - новая картина - мы стоим с тобой на мостике-переходе между корпусами, почему-то очень много листвы на аллее, много хорошо одетых, молодых, симпатичных студенток, много света, красок, любви и счастья...

Я проснулась, потом закрывала глаза и снова будто проваливалась «туда», возвращаясь в радостный сон. И так - несколько раз.

Я всё воображаю себя маленькой девочкой, ученицей, дочкой. Давно уже несую роль взрослой тётеньки, женщины, - а всё та же маленькая девочка, ученица.

***

Но всё же главное время лета проходило в Москве. Однажды вечером я рассматривала фото - какая я была тогда

худая, с большими, пытливыми глазами. Двадцать лет прошло! А теперь я усталая, с морщинами, но всё равно - красивая.

Потому что ты меня - любишь.

Я писала научный труд, по правде говоря, мне почему-то казалось, что это ненужная работа; как, допустим, я бы сеяла озимые без всякой надежды дожить до урожая; но всё равно я честно трудилась - из чувства долга.

Почему-то всё врезалось мне в память этим летом, всё стало выпуклым, большим, значительным. В августе было ветрено, зябко, уже заходили холодные вечера. А мы - любили друг друга.

Нет, я ничего про это не напишу. Ни одного слова. Ну разве что о наших разговорах - о любви.

- Всё дело в тебе, - объясняла я и была в этом убеждена совершенно. Ещё бы: я видела тебя в серебристом, волшебном сиянии.

Но ты всё сводил к шутке, и получалось, что дело не в тебе и не во мне, а в чуде жизни.

Удивительно красивые люди попадались мне в метро, на улицах, в магазинах!.. Тень третьей мировой войны нависала над этим устроенным, уютным общением, а мы - любили друг друга! Мы спасали этот мир любовью; Бог, глядя на нас, может быть, медлил, сдерживая кару. Мы молились Ему. Я плакала, когда ты говорил мне о своей любви. Я молилась, чтобы мы не остались друг без друга.

Кто не знал настоящей любви, тому трудно рассказать, что это такое. Да и любовь ли это? Или какой-то счастливый восторг, когда выбегаешь на берег моря, и знаешь, что сейчас тёплые и ласковые волны примут тебя, что они будут обнимать твоё тело, что морю этому не будет конца, и что оно, как и жизнь, принадлежит только тебе. А может, любовь - это серебристое, прозрачное озеро с хрустальной водой? И сколько ты из этой чаши ни

пьёшь, она не мелеет, а ты - никогда не насыщаешься и каждый раз припадаешь к ней со сладкой жаждой и благоговением?

Настоящая любовь - всегда тайная. Потому что она - невероятная редкость в мире, а всё, что ценно, не мозолит глаза - самородное золото, алмазы, изумруды. Никто не будет хвастать или гордиться своей любовью - во-первых, всё равно тебе не поверят, а во-вторых - зачем?! Ну расскажешь ты о своей любви, и что?! Да и что ты можешь рассказать? И, главное, кому? Молодежи, уткнувшейся в смартфоны (мёдом там, что ли, намазано?!), или пенсионерам, вписывающим слова в клетки сканвордов? «Яичница», «забота», «стрела»...

Хотя старики, наверное, что-то знают. Они приметливые, чуткие, и по сиянию лиц легко определяют суть. Некоторые даже нам улыбаются - глазами. И, наверное, желают счастья.

***

Мой рассказ - засушенный цветок между страниц старой книги, милый сувенир, подаренный добрым другом и задвинутый в самый край серванта, чтобы не будить воспоминания, а может, это мелодия души, возвышенный мотив, что начинает звучать и, как в вихре, захватывает и уже не отпускает тебя?..

Глаза мои вновь были распахнуты широко, и со стороны я, наверное, казалась очень смешной. Любовь - это когда поступаешь так, как считаешь нужным, а не так, как от тебя требует «долг». Если следовать всю жизнь тому, чего от тебя хотят другие, то никакой любви у тебя никогда не будет.

«Боженька, побереги нас», - просила я, глядя на колоколенку - розовую - в ночном небе. А фонари золотыми, подрагивающими свечами отражались в синем-синем озерце. Тут же я пообещала себе, что если мы не увидимся до отъезда (в мою коман-

дировку), я напишу тебе письмо, как я люблю тебя и скучаю по тебе.

Про любовь можно прочитать только в книгах. Там, конечно, тоже много вранья, сочинений, «словесной руды», но и драгоценности есть. Если человек любит - слово его светится, о чём бы он ни писал. Но это не способности его, не трудолюбие, не требовательность - хотя всё важно! - это солнце его жизни, радость его, такая, что невозможно её, тайную, спрятать!

Иногда, правда, я пыталась смотреть на себя объективно, чужими холодными глазами. И видела нечто обычное, ординарное. Но это же ложь, сбитая оптика! Без любви я ощущала такую тоску и обыденность жизни, что мне становилось страшно.

Люди так сильно исказили природу, жизнь, красоту, так много наврали за время своей истории, что потребовались законы, подпорки, путы, чтобы закабалить народы в несчастьи, несвободе, делая вид, что ничего особенного не происходит.

Разврату и грязи сильные мира сего всегда найдут оправдания, любви - нет. Потому что тогда придётся признать, что жизнь должна быть устроена по-другому и что главная её сердцевина - любовь.

***

- Здравствуй! - слышала я в трубке знакомый голос, такой добрый, такой родной, и всё моё существо возносилось высоко-высоко - от радости.

- Здравствуй, - отвечала я, и выходило смущенно, глухо, обыкновенно. Я тоже старалась передать в голосе и любовь, и ласку, и радость, и чувствовала, что не получается, и оттого сразу впадала в лёгкое чувство вины. Ах, как же он меня любит! Как умеет выразить своё счастье!

А я?!

Я тоже приберегала - к нашему разговору - и хорошие новости, и словечки ласковые, и размышления свои, и пережи-

вала, что не могу, не успеваю всё сказать, как задумала.

Родственный долг требовал от нас разлуки. А долг любви?! Да мы бы давно погибли, умерли, исчезли, если бы не наши чувства. Они принадлежали совсем, совсем другому миру. Он был похож на полёты во сне, и, проснувшись в одиночестве, порознь, мы думали друг о друге. И даже тоска эта была красивой, ни на что на другое не похожей.

Тоска эта - по встрече - красивая. Но встреча - лучше!

***

Неужели это я, моя повесть о жизни, моя музыка, моя борьба, моя жизнь, моя любовь?!

Музыка - это когда из жизни убирают всё плохое, неправильное и оставляют самое красивое. И добавляют вдохновения.

А ещё я думаю: сколько я не узнаю, сколько уже не увижу! Как жаль...

Земля была задумана красавицей, зелёным раем. Трава, иван-чай, заросли пижмы, ласковые купы деревьев, внезапно открывающийся простор - всё это волнует сердце необыкновенно, и жалко, будто я это вижу впервые за лето (так и есть)... Закат, розовый и романтичный, и ты - в моём сердце.

Любовь - вздох холмов, свежесть ветра, любовь - белые храмы кучевых облаков, любовь - цветенье трав на лугу, любовь - красота тела, чистота души, невинность её. Славься, любовь, дар богов зверю и человеку, траве и птице, камню и медоносной пчеле.

Любовь не оскорбит, не унизит, любовь - благодворит и возносит, она - как долгожданное солнце ненастной, безотрадной осенью, всегда ласковая, спасительная, благословенная!

Я пела в метро, пользуясь тем, что в шуме меня не слышно, пела на улице - и

прохожим казалось, что это летит и зовёт ветер.

Все разлуки ведут к встречам! Все дороги - к тебе.

Боже мой, как давно мы не виделись!.. Какое счастье, что мы встретились!.. Мы так и стоим, обнявшись, несколько минут посреди улицы. Есть что-то отчаянно-беззащитное в нашем чувстве, как в молодом олене, который вышел к водопою, а в засаде его подстерегает браконьер.

Но в этот раз пусть будет осечка! Пусть олень даже не узнает, что снова был на краю гибели.

Мы - вместе. Это - главное, а про остальное как-нибудь после, потом, не сейчас...

ОБЕЩАНИЕ

- Нет, ничего, не волнуйся, пройдёт, - успокаивал он Ольгу, держась за левую сторону груди.

- А если не пройдёт?! Потерпи, у метро должен быть аптечный киоск.

Но вместо аптечного киоска здесь появился теперь ларёк «Косметика».

- Тьфу! - она не могла сдержать досады.

Зато на площадке у входа в метро стояла «скорая». Ольга подошла к водителю:

- Человеку плохо с сердцем...

Она услышала себя как бы со стороны - умоляющие, жалкие интонации.

Водитель сонно взглянул на неё и с раздражением выдал:

- А я при чём?! Бригада в отделении милиции, их вызвали.

- Пошли, пошли, - безнадежно махнул рукой Илья.

В смятении она вошла на станцию метро «Баррикадная». И тут - о счастье! - в углу справа, возле пункта охраны общественного порядка, Ольга увидела врачей «скорой» - в синей униформе, с оранжевым чехом на сумке.

- Человеку плохо с сердцем, помогите, пожалуйста! - с надеждой бросилась она к ним, показывая на Илью.

Бригада состояла из маленькой миловидной женщины с усталым, измученным лицом (медсестра) и высокого, костистого парня, некрасивого, с прыщами, с серьгой в ухе.

- Что случилось? - дежурно спросил парень и стал щупать пульс. - Да, стучит! - почти радостно подтвердил он. - Здорово стучит!

- Ну так делайте что-нибудь!

- А мы не можем, - весело объяснил парень. - У нас наряд не закрыт. Мы сейчас вам бригаду вызовем по «маячку», - и парень действительно стал жать на кнопки рации: - 28-й, 28-й, мужчина с сердечным приступом, тахикардия - сколько лет? - обратился он к Ольге. - 52 года, пульс - 180 ударов в минуту. Возле пункта охраны порядка, на станции...

Илья сидел на подоконнике, прижав руку к груди.

- Может, мы пока кардиограмму снимем? - нерешительно спросила у парня медсестра. Он досадливо махнул рукой - мол, иди, не указывай.

Илья держался за сердце.

- Стучит? - заботливо спросила Ольга. Он кивнул.

Парень тем временем рассказывал, что они торчат здесь уже два часа, что один чудик разбил голову в «обезьяннике», но от госпитализации отказался, что вызывали конвой, а потом ещё бабушка в обморок упала... Ольга слушала вполуха, не понимая половины из его стрёкота.

- Послушайте, - сказала она парню. - А если у вас на глазах человек умирать будет, вы что, без наряда ничего не сделаете?

- Ну, тогда, конечно, мы начнём реанимационные мероприятия. Но он не умрёт, не переживайте, - парень бросил короткий взгляд на Илью и продолжил трёп.

- А если его сейчас инфаркт хватит? -

Ольга вклинилась в короткую паузу. Она чуть не плакала - от страха и жалости.

Парень взял Илью за руку, пощупал пульс. Вздохнул:

- Да, стучит...

- Стас, давай пока кардиограмму снимем, они приедут, а у нас всё готово, - медсестра была умней и милосердней.

- Ну, ладно, - нехотя согласился парень. - А где?

- Да вот тут, - медсестра махнула в открытую дверь опорного пункта. - Проходите, - она взяла Илью за руку.

Ольге казалось, что она смотрит страшный сон со своим участием. Роль её в этом «кино» жалка донельзя, но она не в силах повлиять на ход обыденной драмы, где есть главный герой, эпизодические персонажи и убогие декорации. Душа её отошла от тела, висела где-то вверху, под сводами вестибюля «Баррикадной», и оттуда, с высоты, она видела Илью. Художника милостью Божией, которому, может, суждено умереть здесь - рядом с бомжом; тот, скрючившись, лежал в «обезьяннике».

В милицейском закутке стоял кошмарный запах мочи, затхлого тела, кислое «амбре» от грязного тряпья, в которое был облачён бомж. Пол возле клетки был залит алой, праздничной кровью, тут же - застарелые пятна грязи на стёртом линолеуме. Два милиционера сидели возле узкого окошка и смотрели в мониторы, за спиной у них стояла голая кушетка, здесь, наверное, они поочередно спали на дежурствах. Вместо подушки лежала черная форменная сумка - как для противогАЗа; и вот на эту кушетку медсестра стала укладывать Илью, предварительно сняв с него пиджак, ослабив галстук и расстегнув рубашку. И то, что этот человек, только что вышедший из роскошного зала, где сияли зеркала и звучала музыка Бетховена (они были на приёме в посольстве), умирал сейчас рядом с вонючим бомжом, - в этом было что-то грозно-страшно-несправедливое!..

Медсестра заботливо ставила прищепки от аппарата на запястья и лодыжки, «груши» на сердце. Из зева умной машинки беззвучно поползла лента с огромными тупыми зубцами. Ольга видела, как Илья грустно-отрешенно смотрел на бомжа, на унылые милицмейские спины, на кардиограмму... Она поняла, что сейчас разрыдается, и что это - лишнее, потому что ему будет больней и хуже. Она вышла из закутка, смахнула слёзы, вспомнила старый его наказ: «Ты должна быть сильной!», внутренне собралась.

Вовремя: подъехала, наконец, вызванная костлявым парнем бригада. Через пелену горя, туманящее сознание, Ольга мысленно выдохнула: «Слава Богу!»

Усатый врач, похожий на умного леща, сразу взялся за дело.

- Ставь катетер, - велел он напарнице. Медсестра, работающая с ним в паре, была медлительная, полусонная клушка, долго ладила иглу, и, в конце концов, проткнула вену насквозь. Тотчас взбунтовался.

- Ничего, ничего, - успокоил её Илья.

Ольга закусила губу, чтобы не закричать. Её уже несколько раз - и милиция, и врачи - выпроваживали из закутка, но она всё возвращалась. И теперь она увидела, как смертельная, восковая бледность стала заливать лицо Ильи. Ещё чуть-чуть и... Она лихорадочно стала припоминать слова молитв - в голове носились несвязные обрывки церковнославянских слов - секунды росли, стали огромными-огромными. Она держала время - как могла. Ей казалось, что весь небесный свод - на её плечах, ещё чуть-чуть - и небо её расплющит, раздавит, уничтожит.

Долго, сонно, медсестра сбивала колпачки у ампул с лекарствами. Ещё дольше удаляла пузырьки воздуха из шприца. «Поживи, пожалуйста, поживи, - мысленно твердила Ольга. - Не оставляй меня, пожалуйста!»

Наконец клушка начала вводить лекарство.

- Вы что-то чувствуете? - озабоченно спросил врач.

- Пока нет, - Ольга видела, как Илья измотан, отрешен.

Снова включили аппарат, полезла лента кардиограммы. Зубцы стали ниже.

Врач кивнул, клушка добавила ещё несколько миллилитров в вену. Держа Илью за запястье, врач смотрел на часы.

- Сто ударов.

- Да, полегче, - сказал Илья слабым голосом. Кровь прилила ему к лицу, оно стало бронзоветь, стареть.

Ольга вышла из будки. У входа стояли милицкий подполковник, милицкий капитан и женщина из низших чинов с крашеными чёрными волосами, в пилотке, в мешковатой форме, делающей её грузную фигуру тумбообразной; ещё тут был старшина с животиком, без фуражки... Это были «люди подземелья», все, даже подполковник, с серыми землястыми лицами, люди-функции. Жизнь их проходила здесь, в вонючем закутке, где они сутками наблюдали одно и то же «кино» - турникеты с прыгающими «зайцами» и бредущими пенсионерами да бомжей в клетке. Ольга видела, что явление Ильи для них раздражающе - как привет из другого мира, им непонятного и потому враждебного.

Аппарат сняли, первая бригада наконец-то могла ехать. «Спасибо вам большое», - с чувством благодарила Ольга милостивую медсестру. Костлявого парня с серьгой она демонстративно «не замечала».

- Медленно поднимайтесь, садитесь, - говорил тем временем «лещ» Илья. Клуша, со слов Ольги, заполняла лист оказанных услуг. («Мы всё вносим в компьютер, - вспомнила Ольга трёп костлявого парня. - У нас всё под контролем»).

- Поезжайте наземным транспортом, никаких метро, - наставлял врач. - Вам надо бы обследоваться хорошо. - Он покачал головой и бросил понимающе-горький взгляд на Ольгу.

Наконец они могли уйти из опорного пункта. Илья благодарил милицию: «Спасибо, ребята. Извините, что мы вам помешали». Бомж всё так же лежал, скрючившись, беззвучно. У клетки алела кровь. Всё осталось прежним, только они отсюда уходили - смерть отступила.

Они вышли на площадь у метро. Клубился народ. Бродячий ансамбль из барабанщика, гитариста и вокалиста пел и гремел - невозможно понять что. Машина «Скорой» выворачивала с площадки - водитель, высунувшись в окно, говорил им: «Посторонитесь, пожалуйста».

- Надо было, наверное, им денег дать!
- Илья всё ещё держался за сердце.

- Да они тебя чуть не угробили!.. - у Ольги от напряжения стучало в висках.

Ансамбль колотил в барабаны. Библикали машины. Медленно, в потоке авто, катил троллейбус.

- Возьмём такси.

- Нет, - Илья, как всегда, был прав. - Мы будем ехать по пробкам часа четыре. Пошли в метро.

В вагоне толпился народ - час пик. Они проехали одну остановку, прежде чем Ольга догадалась согнать молодого кавказца с места. Тот, впрочем, охотно вскочил. Сосед его встал сам, уступая место Ольге. Она села, и тут, наконец, горько заплакала, закрыв лицо руками, не в силах больше сдерживаться. Она всё переживала пережитое и ужасалось пропасти, в которую заглянула - жизнь без Ильи. Умереть вот так, от чужого непробиваемого равнодушия, в том числе, и Ольгиного - теперь она поняла, что могла быть понапористой, потребовательней, и что в ней тоже жила доля равнодушия - мол, «так пройдет». Теперь было ясно, что чисто случайно

Илья пережил этот приступ, по воле Божьей. А может, в этом вонючем закутке на ментовскую жесткую кушетку присел белоснежный, с искрящимися крыльями Ангел-хранитель?! Настанет время, и там, за порогом жизни и смерти, она всё узнает, да только захочет ли она этой правды?!

- Не плачь, не надо, - мягко утешал её Илья, и мысль о том, что она всхлипами и слезами причиняет его сердцу боль, заставила её сжаться и утишиться.

Они вышли на «Кузнецком мосту», сделали пересадку на «Лубянку», тут, к счастью, вагон был полупустой, и они поехали к «Фрунзенской» спокойно.

- Хорошо, что ты была со мной, - сказал Илья.

- Да, - она кивнула.

А сама подумала: хорошо ли? Может быть, без неё он сразу бы вызвал «скорую», а не ходил бы с бешеным сердцебиением! Они молчали, держась за руки, переживая произошедшее.

И тут она вспомнила: много-много лет назад, когда она ещё и не подозревала о существовании Ильи, она ехала в метро с «Юго-Западной», прислонившись к дверям. В углу напротив стоял немолодой мужчина с красивым, благородным лицом. Он смотрел на неё внимательно, не отрываясь. Во взгляде его не было ничего грязного или оценивающего, но от настойчивой пристальности Ольга чувствовала себя неловко. Она смутилась, опустила глаза. Потом подняла - мужчина всё смотрел, теперь уже радостно, узнав, будто она ему была дальней родственницей, которую он наконец-то вспомнил. Он шагнул к ней:

- Вы извините, что я вас так изучаю. Я - художник, реставрирую иконы. У меня возникла трудность: никак не мог уловить одну тонкость - выражение глаз... Вы очень похожи на ангела - с южнорусских икон.

Услышанное было так неожиданно, что

Ольга потеряла дар речи. Она? На ангела? Целый рой страшных, непростительных грехов пронесся в её сознании, таких, что она бы никогда не рискнула в них признаться. Никогда!

- Я? Ну что вы... - она смешалась.

Поезд подъехал к «Фрунзенской», и художник, улыбнувшись, вышел. Под мышкой у него был плотный свёрток ватмана.

Вернувшись домой, она долго рассматривала себя в зеркале. Чёрные брови, карие глаза. Черная галочья стрижка «перьями». Оливковый цвет лица. Нежные губы.

Она прочно забыла об этой встрече. И вот теперь вспомнила - так ярко, ясно. Это было... Когда же это было?.. В 93-м году, она ехала с собеседования - в глубокой нужде. Искала работу. Осенью. Был или не был уже расстрелян Дом Советов? Трудно сказать. Боже мой, в стране что творилось, а тут иконы, ангелы!..

И вот теперь поезд мчал к станции «Фрунзенская». Правда, с другой стороны.

Она взяла руки Ильи и прижалась к ним губами. Она любила его! Этим всё было сказано.

Поздним вечером того же дня она звонила со служебного телефона (на мобильнике кончились деньги), с пункта охраны.

- Александр Изотович?

- Да-да.

- Это Ольга Муромова вам звонит, добрый день.

- А, Оля, рад, рад, мне Илья Николаевич говорил...

- Александр Изотович, вы хорошо меня слышите? - Ольга старалась, чтобы голос её звучал доброжелательно.

- Сейчас, я выключу телевизор. Да, я слушаю.

- Александр Изотович, я внимательно посмотрела ваше интервью по «Культуре», где вы говорите о том, что Илья Николаевич - тщеславный человек, конъюнктур-

щик. Так вот, я хочу вам сказать, - Ольга глубоко, как перед погружением, вдохнула: - Вы - обыкновенный мерзавец.

- Ой, ну что вы, я же Илье звонил, я ему сказал, чтобы он этим словам не придавал значения, это моя дипломатия, я его хочу вывести на новый уровень, чтобы его имя звучало на федеральных каналах...

- Слушайте дальше, не перебивайте меня, - голос её звенел от волнения. - Второе. Сегодня, после вашего интервью, у Ильи Николаевича на станции метро «Баррикадная» случился сердечный приступ. Его спасали две бригады «Скорой помощи». И я дала себе слово, что если он умрёт, я куплю пистолет и пристрелю вас. Я бы убила вас и ни секунды не жалела бы.

На другом конце трубки установилась мёртвая тишина.

- Третье. Когда меня стали бы судить, я бы сказала, что убила вас совершенно сознательно, потому что знала, что за вас много не дадут - не больше, чем за бомжа, который подбирает куски у помоек.

- Но я же... - ошарашенный собеседник попытался вставить словцо.

- Вы ничего не поняли! - Ольга волновалась, но говорила твёрдо и чётко. - Тогда возвращаемся к пункту первому. Вы - обыкновенный мерзавец, напишите это на бумажке, прикнопьте к стене, и каждое утро начинайте с перечитывания этой истины. А телефон Ильи Николаевича забудьте. И никогда больше к нему не приближайтесь ближе, чем на два километра. Всё, пока, - и она с облегчением повесила трубку.

- Чётко! - воскликнул охранник Андрей, светлолицый улыбчивый парень, который слушал разговор, открыв рот.

- А как быть?! - она картинно развела руками. - Зло следует карать немедленно.

Она вышла на улицу. Всё вроде бы пришло в равновесие. Но тяжесть пережитого на «Баррикадной» давила на сердце. Ей всё казалось - даже теперь - она что-то

«не дотянула», не сделала, как нужно. И от этого чувства она морщилась, глубоко вздыхала и мысленно обещала этому ласковому, сияющему богатыми огнями вечеру - стать лучше, чем сейчас.

ДЕРЕВО

Дерево, как и человек, не помнит своего рождения.

Была весна, летели птицы, шли облака, стояли снега, пахло землей.

- Знаешь,- говорил мне дядя Федор Иванович, - приезжаю сюда раз в год, на Пасху. Ну, могилки оправить, все, как положено. И ведь не из-за могил, сукин сын, еду (дядя уже порядочно выпил и рассказывал всхлипывая). Весной дурею совсем - тянет понюхать землю, чернозем наш. Запах зовет страшно, голова кружится. Маша (жена) пихает пилюли, говорит, что авитаминоз. Фармацевтка! Слушай, какой, к ... (дядя интимно, доверительно, словно к другу, склоняется ко мне и вставляет в рассказ крепкое словцо), авитаминоз?! Я же мальчишкой бегал, помню грязь теплую, борозду, земля - жир; семена - ячмень там, пшеница... Нет, ты понимаешь? - дядя крепко вцепляется мне в плечо и продолжает со слезой в голосе, вкусно дыша водкой. - Сынов у меня нету, дом продал на бревна, живу с Машей... Имею ли я право раз в год приехать, походить по своей земле, а? - агрессивно возбуждается Федор Иванович. Беседа наша становится все более путаной, дядя пьет уже не закусывая и, в конце концов, забывается прямо за столом буйным, со всхрапами и злым бормотаньем, сном.

Да, была весна... Я представляю: проклюнулся росток, огляделся, увидел - летят птицы, идут облака, стоит солнце. В детстве как-то мало думаешь о земле, о ее холмах, долинах, извивах, горизонтах. Тянет к небу, к растекающимся, непрокрашенным весенним краскам. Бывают

туманные тучи - самые загадочные, когда небесная жизнь кажется мнимо доступной - за серыми густыми кудрями вот-вот откроется лицо иного мира. Но нет, назавтра лишь грустная синь, перистая холодность да земные, низко парящие птицы. А у чернозема - цвет вороньего крыла, и к осени пашня, точно набравшее силу перо, начинает отливать синевой.

И вот дерево, деревце родилось, росло год за годом, трепыхалось под ветром, не думая, сосало корнями земную силу, купало редкие, кокетливо-липкие по весне листья под дрожками, бодрящими дождями. Что-то и я, конечно, начинала чувствовать, пусть и не так пронзительно, как дядя Федор Иванович. Молодая травмурава выходила из черной, блестящей, обильно напитанной влагой земли совершенно зеленой, и этот радостный, живой цвет разительно не соответствовал моим детским представлениям. Я грустно жевала молодую мураву, пытаюсь разгадать тайну через вкус, обиженно сплевывала горечь. Пахло коровой, раскиданным по огороду навозом, яблонево корой, силосом из ржавого корыта, теплым камнем колодца-журавля, и тонко, как я сказала бы сейчас, благородно, пахло весенней землей. Свежесть - вечный запах жизни, и человеческое стремление к чистоте - вечная честность. Если отбросить родственные пристрастия, дядя Федор Иванович совсем не честных правил и в каждый свой приезд напивается у меня до безобразия, но краска на родительских крестах у него свежая, ликующая. (Дядя обычно выбирает светло-голубые цвета). Летят, летят в небо кресты, и клонятся над ними мудрые кладбищенские деревья.

А мое дерево тем временем сильноело, развивало выровнявшийся ствол, густило новыми ветками крону, и бывало, что качались в листве галки; растрепанные, будто из драк, вороны. Почему-то вспомнилось мне сейчас прошлое, маленький, пыльный

городишко. Оттого, что городишко был крохотный, что почти весь он был застроен частным сектором, что все улицы в нем были неглавные и тихие и редко по ним проезжали машины, трактора, колхозные телеги, от всего этого становилось еще пыльней. Неизменно свежими казались только поставленные в окошках между рамами искусственные цветки да миниатюрные палисаднички у домов, где хозяйки настойчиво пытались взрастить красоту.

И вот в конце одной из неглавных улиц стоял широкий двухэтажный дом с плоской крышей. Издалека он сильно напоминал увеличенную до невозможных размеров коробку из-под сапог. Стены здания были серые, цвета упаковочной бумаги. В доме размещался интернат. Здесь я доучивалась два последних школьных года.

Стояла июньская жара, шли выпускные экзамены, и мы со Славой Левченко сидели в спальном отделении на подоконнике второго этажа (за что всегда ругались воспитатели). Окно, широкое, с тусклым от времени стеклом, со слоящейся краской на рамах, было распахнуто. Дерево, что росло у самой стены интерната, в тот год уже лезло в окно ветками, и директор наш, вечно испуганный глобальными хозяйственно-духовными проблемами, ничуть и не пытался ограничить его свободу. Помню дробящееся в кроне на тысячу бликов, ликующее солнце, блеск здоровой листвы, упругой, сильной; решетчатую, ажурную тень.

- Хорошее дерево, да? - говорил Слава, чуть притягивая к себе гибкую ветку.

Я радостно кивала, соглашалась, и во всю ширину глаз принимала его совершенно особенное, единственное в мире лицо; его глаза, ясные, не замутненные еще ни жестокостью жизни, ни предательством, ни болезнями; его руки, такие сдержанные и бережные даже к случайной июньской ветке.

Пусть, пусть проходит юношеская любовь, первая, наивная, восторженная,

глупая, беспощадная, всегда обреченная на гибель, любовь деревенского мальчика в красной байковой рубашке и бедной девочки в тренировочных, аккуратно заштопанных брючках. Нет, не о том я дереве тоскую и не ему завидую.

Жизнь моя сложилась вполне благополучно. Живу в селе, все мне здесь знакомо; ночью видны звезды, а днем облака. Быт налажен, домик небольшой, но еще по застою времени завешан коврами, обустроен. Работа чистая, в библиотеке, а что деньги не платят, обидно, конечно, но не всегда же так будет. До обеда усмиряю в читальном зале пенсионеров, что приходят полистать газеты и каждый раз ввязываются в политические распри друг с другом; после обеда вожусь с редкими школьниками, перетолковывая им книжки по внеклассному чтению. Вечером... Раньше я мечтала о возлюбленном, о необыкновенном, идеальном мужчине. Представляла его непьющим, некурящим, состоятельным, красивым, энциклопедического ума, обладателем изысканных, рыцарских манер. А друг мой теперешний оказался совсем непохожим на вечерние грезы: он любит выпить - в хорошей компании и просто для настроения; может выкурить с расстройства сразу полпачки; ухаживает неумело и с явным изумлением, что ему приходится это делать; и вообще, как сразу выяснилось, человек он не свободный, женатый. Но я люблю его, и мне все в нем нравится: и абсолютное несоответствие с моими вечерними фантазиями, и его жизнь по самостоятельной, ни от кого не зависящей воле, а главное, нравится то, что почти уже не попадает в людях - высокий душевный строй.

Встречаться нам тяжело: мало того, что мы живем порознь, так еще и далеко друг от друга. Если выбирается он ко мне, то я тащу из погреба квашеную капусту, огурцы соленые, варю картошку со свиной, завариваю с слипой чай. Потом люблю смотреть, как он ест, люблю слушать о

том, что должна быть в повседневности простая основа - два-три основных вкуса, а когда их начинают мельчить, смешивать, путать, ничего толкового не выйдет. Мне хорошо с ним днем и ночью - не страшно.

Но вот я приезжаю к нему в город, мы идем, нацеловавшись до одури в липовой аллее, нам бесприютно - негде побыть вдвоем, и свободно - город большой, и никому до нас нет дела. Мой друг может рассуждать на любые темы, и во всем он доходит до непостижимых, совершенно мной не признаваемых вещей. А тут вдруг говорит просто:

- Знаешь, я однажды, лет пять или семь назад, провел такой эксперимент: поехал в поле, выбрал там березку, самую что ни на есть кривенькую, самую слабенькую, и посадил ее у себя под окном на даче. Стал за ней наблюдать, ухаживать. И ты представляешь, - живо поворачивается он ко мне, - теперь она совсем выровнялась! Такое деревце стало, - и мой друг пускается дальше уже в абстрактные рассуждения, и я слушаю его вполуха, почти ничего не понимая, а самой горько-горько, и я чувствую, как тихо, беззвучно стекают по щекам слезы.

А он очень чуткий, мой друг. Рассказывает, руками машет, увлекся, случайно

глянул мне в лицо, мгновенно изумился: «Ты чего?» - и тотчас, в ту же секунду все понял.

- Дура! - говорит он мне совсем невозвышенно и мягко целует мои слезы, ласково.

- Ага, - радостно хлюпая, соглашаюсь я.

- Ну, будет-то жемчугами сыпать! - прикидывает он мне и завершающе целует между бровей. - Всё!

- Всё... - согласно шмыгаю я.

И мы мирно шагаем дальше, кажется, даже в ногу, и говорим про его город и про мою деревню, про его работу и про моих пенсионеров, про нынешнюю осень, не похожую ни на какую другую - листья опали враз, зелеными, и странно видеть под ногами столько богатого, живого цвета. Мы любим друг друга и - мысленно, конечно, - говорим совсем, совсем о другом. О том, что взрослые деревья не пересаживают - даже в самую благодарную и наскучавшуюся землю; что надо жить, счастливиться и радоваться тому большому, что у нас есть; что еще долго - до самого неизвестного и потому нестрашного конца - встречать нам год за годом весну, лето, осень и зиму; и что все в этом мире придумано и сказано до нас...

Станислав Мишнёв

Пятнадцать лет назад, осенью 2006 года, в первом своем номере «Вологодский ЛАД» опубликовал подборку рассказов Станислава Михайловича Мишнёва. Прозаик из Тарноги стал постоянным автором журнала, его рассказы журнал печатал регулярно.

«Мир моих сочинений - это северная русская деревня. Вырос я в деревне и хорошо познал колхозную жизнь: видел расцвет колхозной жизни и агонию колхозного строя», - рассказывал Станислав Михайлович, автор семнадцати книг, трижды лауреат Всероссийского литературного конкурса короткого рассказа имени Василия Шукшина «Светлые души», победитель Всероссийского литературного конкурса современной прозы «Всё впереди». Главная, наверное, награда Мишнёва - это признание читателей. В апреле прошлого года Станислав Михайлович ушел из жизни, но остались его книги, которые передают читателям его любовь к Русскому Северу и глубокое понимание нашей жизни. Публикуем один из рассказов последних лет жизни Станислава Мишнёва.

Савельюшка

Скважину в деревне Криводулово «проткнули» глубиной 42 метра. Дивует народ: 42 метра! Старший мастер сказал: «Отныне воду пить будете, которая тыщу лет под спудом лежала!»

Мать бригадира Васильевича Марфа Игнатьевна замахла руками:

- Да что ты!.. Сойди с шального-то места! Эстолько лет!

- Мамаша, вода терпеливо, капелька за капелькой точит пласты земные и уходит в толщу, и чтоб ей добраться до сорока двух метров, понадобилась тысяча лет.

- А-ааа... Вон оно как! Это сколько же весён на земле пройдёт, сколько дождей...

Скважину бурили в марте, тяжело бурили. Что-то изломалось в машине, неделю ждали (жили в деревенском клубе), пока авиапочтой детали доставят. А в начале августа Марфа Игнатьевна вдруг заметила, что у дочери Таи округлился живот. Ахнула женщина: ой-еёй, пропала дочь!

Тая двадцать лет. Нежный овал лица, обаятельная улыбка, воплощающая наивность, невинность и даже кокетство. Физически крепкая, говорит распевно, всякую работу правит - но, как говорят в деревне, «немного интересная». Пять лет ходила в начальную школу, около третьего класса учительница прямо сказала Марфе Игнатьевне:

- Медведя можно скорее выучить. Она вроде бы и понимает, и соображает, но... Говоришь ей одно - она немножко смутится, и тебе другое, да такое ответит, что и рядом не лежало. Прочитает предложение, сидит, о чём-то думает, думает, да давай говорить о цветах, о кошках, о звездах, которых на небе «понатыркано» много. Куда-то бы надо её пристроить, а куда? В роно спрашивала - нет таких школ, прямо не знаю.

Знаменитость Тая в Криводулове: родник открыла под деревней. Родник

этот был блуждающий: то под кустами появится, то на открытом косогоре. Лет семь родник спал, от людских глаз прятался. Мать Тайна как-то и говорит: «Страсть охота водицы попить из того ключа, да увы, не пивать, видно». Тая взяла ведро и лопату, пошла искать. Приносит на вечеру ведро с водой:

- Пей, мамушка, из самоварчика нацедила.

- Какого ещё самоварчика?

- Который в земле кипит.

Мать не поверила, пошли на то место - и точно: будто кран самоварный кто-то открыл на косогоре, вода тугой струей аж бьёт.

- Ну, Тайка...

Стали на деревне ключ звать Тайкиным самоварчиком.

- Во, считай её глупенькой. Ой, не на всякого родник выйдет, далеко не на всякого! - говорили деревенские жители. - Освятить бы...

И сруб в три венчика поставили на ключе.

Так и росла Тая возле матери. Мать конюшит, за лошадьми ухаживает, и дочь вместе с ней; мать траву косит - и дочь косит; картошку выпаживать - кроме Тайки кто пойдёт? Старший сын в бригадирах ходит, уважаемый в колхозе человек. Первый заместитель у нескольких председателей колхоза «в кадрах» состоял. Живёт отдельно, своим домом. Сколько матери поговорил: «Уйди ты с конюхов, не женская это работа! Ты уж в солидных годах, давление кровяное шалит...» Но Марфу Игнатъевну трактором не своротить.

- Ты, - говорит сыну, - отвяжись от меня. Лошадей всё меньше и меньше год от года в колхозе становится, а ну лихая пора, да такая, как война, а? На железяках далеко не уедешь, а лошадка - запряг да понукнул.

Стала Марфа Игнатъевна допрос вести: кто, кто совратил? Знала, что на дочь кричать бесполезно, да и не нужно кричать,

потому держалась спокойно, нарочно подобрела лицом, спрашивает, как будто ничего особенного не случилось, а саму всю колотит.

- Вот какая ты смешная, мамушка-а... А не скажу.

Марфа Игнатъевна безнадежно оглянулась, уперлась глазами в божницу, а на божнице образок стоит. Старый, ликом не понять, кто дом охраняет.

- А ему, - показывает пальцем на образок, - скажешь?

Смотрит дочь на мать открытыми глазами, а в них, как в августовском небе, - синева и глубина... Стояли молча одна напротив другой, думая об одном и том же: о ребенке.

- Парнечок у меня тут спит, - наконец говорит Тая и гладит рукой по животу. - Ладненькой. Басенькой.

И улыбается.

Хочется Марфе Игнатъевне закричать, закричать истощенным голосом человека, пугающего чёрта.

- Кто, с кем ты миловалась, Тая? Он тебя принуждал? Ты сама согласилась?

Тая понятиливо кивнула:

- Не знаю, как и вышло-то. Савельюшком его зовут, - простецки ответила дочь.

- Савелий, значит? Чей же он, Савелий этот, из какой деревни?

- Ну-у, не из нашей. Он добрый, хороший. Меня табак учил курить. Тьфу, невкусный табак.

- А ещё он чему тебя учил?

- Целоваться. Сегодня, мама, окрошку будем хлебать. От этой каши овсяной я вовсе осоведа.

На этом первый сеанс допроса кончился.

Пала ночь.

Не может уснуть Марфа Игнатъевна. Назвала дочь мужика ли, парня ли Савельюшком, а Савельюшка у неё каждый пятый. Тракториста Николу Опрохина тоже Савельюшком называет, - ох, этот

Никола! Так и стриждёт нагими глазами. И зоотехника Тимофея Андреевича - тот только усы гладит да губами причмокивает; глаза бы не смотрели на этого Тимоху, его «Сырой рот» прозвали. Неделю назад приворачивал на конюшню какой-то инструктор из района - снова Савельюшка. «Уж не Серёжка ли Капустин? Тот ещё крикун... Да нет, Серёжка в июне из армии воротился. Фалин? Тот ещё дьявол! Одна ножка другой покороче, а вон как выплясывает! Или в магазине возле баб к каждому подоле принохивается... Фалин не мог, ему своя Верка-дьяволица морду изорвёт ногтями...» Стала вспоминать по месяцам, где Тая работала, да в какой день, да кем работала. И чёрт с наганом не разберёт! Со всем народом на виду.

Идёт Марфа Игнатъевна к сыну Васильевичу: так, мол, и так, что мне с Тайкой делать? До какого сраму дожила! Разговоров будет - не переслушать. Всем в деревне надо посудить, всем порядить, да хоть бы недолго, а то ведь годы пройдут, пока оскомины зубы слепит.

- А ничего не надо делать. Пусть всё идёт, как идёт, - рассудительно говорит сын Васильевич. - Сама посудит: замуж её никто не возьмёт, да и сама она - за золотого и то не согласится, потом ты против будешь - жалеть станешь, что обидят Тайку... Родит - очень даже хорошо, около тебя дитя и поднимётся.

- А твоя правда. То уж я было... сам знаешь, как разойдусь, а теперь, слава Богу, разом перекипела и душа на месте. Ой, и головной же ты мужик! Вот бы тебя сейчас Василий-то видел...

По осунувшимся щекам Марфы Игнатъевны закапали мутные слезы.

Обнимает сын мать:

- Перестань, перестань слезовать, мама.

Крестится Марфа Игнатъевна:

- А время скажет. Только время.

Родила Тая мальчика. Крепенький

такой, вес три с половиной килограмма. Марфа Игнатъевна на лошадке роженицу с дитем из роддома встречала. Стоит на улице, любуется закатом переливных красок. В шубе, в валенках, в санях тулуп дублёный приготовлен. Вышла молодая женщина в чёрном пальто, в руках узелок с бельём, привалилась к стене, горько плачет, убитая горем.

- Что, милая, случилось-то? - Марфа Игнатъевна со всем сердцем к ней.

А женщина как закричит навзрыд:

- Зачем, зачем этой дуре ребёнок?!

Опешила Марфа Игнатъевна. Стала женщину успокаивать, а та как собака бешеная, только что не кусается.

- Прочь, прочь от меня! Не прикасайся!

Тут Тая вышла с ребёнком на руках, мать увидела, очень обрадовалась:

- Мамушка-а милая, вот тебе спасибо-то! Я в окошко высмотрела, на Верном приехала!

Домой из роддома воротились, Тая над дитём трясётся как кура над цыплёнком, только не квохчет. Марфа Игнатъевна лицом светла: «А пускай в сельсовете языки дерут, пускай люди говорят что хотят! Выводим!»

Сердце Марфы Игнатъевны не билось, оно распирало рёбра и грохотало часто. Природа бросила вызов самой судьбе: пусть дочь дураковатая, а внук-то, внуком-то каким Бог одарил! Стала через свою фельдшерицу узнавать, чья это раздражённая женщина (по всем статья городская) у больничной стены ревела, когда она за Тайкой ездила. Фельдшерица и говорит:

- Учительница. Математику ведёт. То у неё выкидыш, то мертворожденный...

- Да-аа... На всё воля Божья.

Месяца два проходит - Марфе Игнатъевне посылка. Обратный адрес: «Тихонов Евгений Иванович, город Оренбург, главпочтамт, до востребования». Посылка набита детскими распашонками,

ползунками, шоколадками. И письмо. Оказывается, посылку послал тот самый бурильщик, что скважину пробурил глубиной 42 метра. И пишет он Марфе Игнатьевне, что является отцом ребенка, что он человек семейный, но будет заботиться о своём дитяти, только время от времени высылайте ему письма с фотокарточками сына. Клянется пересылать деньги, как только сможет.

- Савельюшка, говоришь? - спрашивает Таю, а сама радостная, возбуждённая, смеётся, дочь целует в щёчки...

- Мамушка-а, у тебя день ангела, что ли?

- Что ли, что ли... Ангел ты мой! Знаю теперь, кто твой Савельюшка! Хороший мужик, всем взял! Он мне сразу приглянулся. Будто за язык подвешенный: «мамаша» да «мамаша». Чудны дела твои, Господи!

- Мамушка-а, ты всех-то не радуй. Ещё порчу наведут, чего доброго.

Марфа Игнатьевна опять за советом к сыну: так, мол, и так, законный отец

объявился. Как с метрикой внучку Савелию быть, ведь отчество дали Васильевич?

- А ты сходи в сельсовет к секретарю, да всё ей как на духу и скажи. Отчество надо записать Евгеньевич. Тайке ничего не говори. Вроде бы, какая разница, - Евгеньевич или Васильевич, а так подумаешь... Кто знает, вдруг да разница аукнется?

И точно, аукнулась: пошёл Савелий в армию, и довелось ему службу нести в городе Оренбурге. Марфа Игнатьевна к тому времени на погосте прописалась. Всю опеку над Таей жена сына Васильевича держала. Она письмо написала Тихонову Евгению Ивановичу. Пишет в ответ из армии Савелий, что с отцом встретились, познакомился с братом Василием и сестрой Светланой, с племянниками и племянницами перезнакомился. Принят был очень хорошо. «...Оставляет отец меня в Оренбурге, с работой нет проблем, и с жильём нет, вот захочет ли мама... как я её люблю, мою маму! Пожалуйста, я очень всех прошу: берегите мою маму!»

• ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ

Загадки «Автографа»

Литературно-художественный и историко-краеведческий журнал «Автограф» издаёт Вологодский союз писателей-краеведов, продолжая традиции журнала с тем же названием, основанного в 1997 году первым руководителем Рубцовского центра Вологды Вячеславом Белковым.

Возобновил выпуск журнала В. А. Борисов в 2021 году благодаря поддержке правительства Вологодской области. Большая часть первого номера за 2021 год - материалы, связанные с 85-летием Николая Рубцова.

Известный специалист по топонимике Русского Севера Александр Кузнецов в

статье «Юг течет на север» показывает, что это название имеет финно-угорское происхождение и означает «река». Публикацию дополняет топонимический словарь А. В. Кузнецова «От Устюга Великого до Малого Южка». Интересны и другие краеведческие работы - статьи Ивана Паролова «Вологда в названиях судов и кораблей», а также исследование Валерия Кумзерова «О мистике рождения В. А. Гиляровского».

Проза представлена главами из романов Виктора Борисова «Седьмое чувство», Александра Драчева «Последняя колыбель», Владимира Четверухина «Только мертвые не возвращаются».

Открывается памятная доска

Тарножане тепло вспоминают о своем земляке - известном писателе

Читай, Россия, про тебя написано!

В день Вознесения Господня, одного из главных православных праздников года, 10 июня, на здании Тарногской районной библиотеки была торжественно открыта мемориальная доска в память о Станиславе Михайловиче Мишнёве.

- Открытие прошло очень душевно, - считает главный редактор районной газеты «Кокшеньга» Александр Силинский, верный друг и надежный помощник Станислава Михайловича. В районке были опубликованы 78 рассказов Мишнёва.

Произведения прозаика из тарногской деревни знали и любили не только на Вологодчине. Вот что, например, написала журналист Светлана Макарова в газете «Якутия»: «Восхищаюсь рассказами Станислава Мишнёва. Проза этого писателя удивительно звонкая, зримая, чистая в своей правде, как снег Вологды. Читай, Россия, про тебя написано!».

- Мишнёв оставил после себя огромное наследие, - считает глава района Сергей Гусев. Руководитель района открыл доску вместе с вдовой писателя Анной Яковлевной, председателем Вологодского землячества Санкт-Петербурга Александром Некипеловым и руководителем Клуба деловых людей землячества Сергеем Бурцевым. Кстати, все затраты на изготовление и установку памятной доски взяли на себя представители землячества.

Среди книг Станислава Михайловича есть и словарь «Тарногский говор», напоминающий слова и выражения, которые сегодня, к сожалению, уже требуют перевода с русского на русский. Станислав Мишнёв многое делал, чтобы мы не забыли наших корней, нашего прошлого...

Юные читатели книг Станислава Мишнёва

Игорь
Ваганов

Игорь Владимирович Ваганов родился 6 декабря 1960 года в городе Кизеле Пермской области. Жил в Челябинске, в городе Ермаке Павлодарской области, с 1975 года - в поселке Кадуй. В 1984 году окончил Ярославский медицинский институт, жил и работал в Кадуе. В настоящее время работает врачом Череповецкой станции скорой медицинской помощи. Литературным творчеством занимается более тридцати лет. Во время учебы в институте участвовал в работе литобъединения при областной газете «Юность». С 1982 года рассказы и очерки Игоря Ваганова публикуются на страницах районных, городских, областных и общероссийских периодических изданий. В 2017 году вошел в лонг-лист литературной премии «В начале было слово». Автор девяти книг - проза, публицистика, краеведение. Действительный член Вологодского союза писателей-краеведов. Журнал «Вологодский ЛАД» в 2011 году представил читателям краеведческое исследование Игоря Ваганова «Вологжане - первооткрыватели Русской Америки». Продолжает знакомство с автором из Череповца его рассказ «Парашютист», который в 2015 году занял второе место в городском конкурсе святочного рассказа в номинации «Чудеса Рождества».

«Парашютист»

ИЗ ЦИКЛА «ХРОНИКИ ЛИНЕЙНОЙ БРИГАДЫ»

В свои 27 лет Геннадий Углов имел репутацию пьяницы и тунеядца! Трёхкомнатная квартира на десятом этаже десятиэтажного дома, в которой он проживал вместе с мамой-пенсионеркой, пользовалась у соседней дурной славой. Здесь нередко до полуночи (особенно когда матери дома не было) пели и плясали, и веселье это не ограничивалось только территорией квартиры, а выплескивалось на лестничную площадку и во двор. Порой не обходилось и без вмешательства полиции. Мать, несмотря на свои шестьдесят с хвостиком, работала бухгалтером в до-

моуправлении, чтобы платить за коммунальные услуги, а также содержать себя и сына. А Гена после демобилизации из армии, всё ещё «искал себя», по собственному выражению - интуитивно нащупывал жизненную стезю. Он то устраивался на какие-то курсы, то работал непродолжительное время где-нибудь слесарем или дворником - и частенько выпивал. Предпочитал пиво или водку, или водку с пивом. До наркотиков или суррогатов алкоголя дело пока не доходило. После длительных запоев с неизменными прогулами возникали конфликты на работе,

Гена писал заявление по собственному желанию и увольнялся тихо-мирно, без порочащих записей в трудовой книжке.

В пьяном виде Гена становился раздражительным, конфликтным, легко вступал в ссоры с незнакомыми людьми, случайными собутыльниками и приятелями, и потому был неоднократно бит. Сотрудники подстанции «скорой помощи», расположенной неподалёку, оказывали ему медицинскую помощь и увозили в больницу.

Несколько раз Гена совершал попытки самоубийства. Однажды, будучи пьяным, он почувствовал стойкое отвращение к жизни, наглотался снотворных таблеток... Хорошо, бдительная мама вовремя заметила состояние сына, заподозрила неладное и, обнаружив упаковки от лекарства, вызвала «скорую». Приехала бригада в составе врача Игоря Николаевича и фельдшера Гали. Пациенту промыли желудок и увезли его в больницу продолжать лечение. После такой выходки Гену поставили на учет в психдиспансер. В пьяном угаре он дважды пытался перерезать вены на левой руке, но то ли ножик попался тупой, то ли в последний момент организм как-то внутренне сопротивлялся попыткам самоуничтожения - во всяком случае, раны получались неглубокими, без повреждения крупных сосудов и нервов. Оба раза к Углову приезжали молодые фельдшеры, перевязывали руку и доставляли в травмпункт.

В ночь на Рождество врач «скорой помощи» Игорь Николаевич находился на своём рабочем месте. В течение дня его бригаду направляли к разнообразным пациентам. С наступлением вечера вызова пошли на убыль, и перед полуночью ему удалось даже присесть на кухне перед телевизором. Прихлебывая из стакана чай, Игорь Николаевич равнодушно глазел на экран, на очередную праздничную передачу, где

всевозможные «звезды» кино и эстрады, разряженные как попугаи, долго кривлялись и паясничали, и, наконец, преувеличенно радостными голосами заорали: «С Рождеством!» Всё это действие никак не соответствовало серьёзности и торжественности события. Игорь Николаевич охотно бы переключился на другой канал, но телевизор смотрели и другие сотрудники, которых эта передача устраивала.

Игорь Николаевич встал, намереваясь пройти в комнату отдыха, и в это время его бригаде объявили вызов - причем срочный! Спустившись на первый этаж, врач увидел у окна диспетчера фельдшера Галю, невысокого роста молодую женщину, с картой вызова в руке.

- «Парашютист», - сообщила Галя. - Реанимация занята - придёт ехать нам.

«Парашютистами» на «скорой помощи» называли пациентов, которые по ряду причин падали с различной высоты - чаще всего из окон домов.

Уже в машине Игорь Николаевич обратил внимание на фамилию и адрес пострадавшего.

- Гена Углов? - удивился он. - Допрыгался.

Место вызова было недалеко - добрались за две минуты.

Вот и десятиэтажный дом. Внизу, на тонком слое свежеевыпавшего снега лежит, постанывая, молодой худощавый мужчина. Так и есть - Гена Углов! Рядом суетится высокий сутулый парень.

- Сидели, выпивали. Рождество отмечали! - объяснял он медработникам. - Ушёл Генка на лоджию покурить. Открыл окошко настежь. А потом взял и перешагнул через перила - я и охнуть не успел.

«Удивительно, как жив остался!» - подумал врач. - Ведь с десятого этажа свалился! Сугробов-то у дома практически нет, зима ныне малоснежная».

«Парашютиста» уложили на носилки и погрузили в салон «скорой».

При осмотре Игорь Николаевич выяснил, что у пациента перелом правого плеча и правой пяточной кости, переломы двух или трёх ребер справа, перелом нижней челюсти. Не исключается ушиб мозга и повреждения внутренних органов. Вероятно, пациент упал на ноги мягко, спружинив (как настоящий парашютист), завалился на бок и несколько раз, судя по примятому снегу, перекатился по земле. Все эти движения способствовали уменьшению силы удара, в результате чего Углов остался жив. Состояние было тяжёлое, Углов находился в шоке, но артериальное давление всё еще определялось.

Во время оказания помощи Гена мычал от боли, но ничего членораздельно сказать не мог: отчасти в связи с шоком, отчасти из-за перелома челюсти.

Пострадавшего повезли быстро, но аккуратно - плавно притормаживали на поворотах, уменьшив скорость, медленно перебирались через трамвайные пути. Транспорта на улицах в эту ночь было немного, на перекрестках не останавливались. Диспетчер предварительно сообщила в дежурную больницу, и в приёмном покое их уже ждали.

- Тяжёлый больной! - сказал Игорь Николаевич, когда бригада возвращалась на подстанцию. - Повезло, что живым доставили.

Через три дня, на следующей смене, Игорь Николаевич позвонил своему знакомому реаниматологу Титову, который в прошлую смену принимал у него Углова, и поинтересовался судьбой пострадавшего.

- Были разрывы внутренних органов, но операция прошла успешно. Состояние тяжёлое, но стабильное, - сообщил Титов. - А ушиб мозга и переломы - вопрос времени. Скорее всего, выкарабкается.

«Но на всю жизнь останется инвалидом!» - подумал Игорь Николаевич.

В начале марта бригаду Игоря Николаевича послали на вызов... к Геннадью Углову.

- Надо же - оклемался Гена! - сказала фельдшер Галя, когда медработники поднимались на лифте.

Дверь была не заперта. Гена встретил медиков у порога и, прихрамывая и опираясь на легкую трость, провел в зал. Здесь было чисто. В «красном углу» висели иконы - раньше их в квартире не было. Горела лампадка.

Гена уселся на диван, медработникам предложил стулья.

- Сердце болит, - пожаловался он. - Уже неделю ноет. И воздухом временами не хватает.

После подробного осмотра и снятия кардиограммы Игорь Николаевич окончательно определился с диагнозом.

- С сердцем всё в порядке, - успокоил он Гену. - Скорее всего, после всего пережитого у вас стали пошаливать нервы.

- И что делать?

- Можно обратиться к неврологу, в психоневрологический диспансер. Выпишут таблетки, капельки. А можно сделать по-другому, - Игорь Николаевич выразительно посмотрел на иконы. - Учтивая вашу веру в Бога, лучше помолиться, к батюшке на исповедь сходить.

- В психушку я, конечно, не пойду! - решил Гена. - Только в храм.

- А как тогда, в январе, всё так получилось? - поинтересовался врач.

- Как обычно! Решил на пьяную голову, что жить не стоит, да и перемахнул через перила. Легко летел, словно пёрышко. Как приземлился - не помню... Только боль, дикая боль везде, во всем теле. И слабость появилась. Жить захотелось - спасу нет. Богу впервые взмолился: «Спаси и сохрани! Осознал! Всё по-другому будет, если жив останусь!» И вот результат - живой, хожу помаленьку, здоровье потихоньку поправляется.

Гена говорил спокойным, ровным голосом, очень уверенно, без тех истерических ноток, которые раньше присутствовали в его речи. И вообще, до этой рождественской ночи Углов по своему характеру напоминал скорее взбалмошного инфантильного подростка, нежели зрелого мужчину. Падение с десятого этажа, когда ему пришлось впервые по-настоящему взглянуть в глаза смерти, пройти через физические и психические страдания и, наконец, чудесное выздоровление (а по-другому это не назовёшь) резко повлияли на этого человека, заставили по-новому взглянуть на жизнь, разом повзрослеть.

- Чисто у вас здесь теперь. И тихо, - заметила фельдшер.

- От спиртного просто отвернуло. Даже запаха не переношу! - сообщил Гена. - Вся эта пьянка ни к чему. Искус дьявольский. Друзья поначалу приходили с выпивкой, но я всех отвадил. Я теперь вместо винного отдела в церковь хожу. И книги читать начал.

С той поры визиты медработников в эту квартиру прекратились. Через полгода, побывав на вызове у соседней Углова, Игорь Николаевич узнал от них, что Гена полностью поправился, устроился на работу, а месяц назад женился.

Авторы нашего журнала отмечены литпремиями

Международный литературный тургеневский конкурс «Бежин луг» проходит уже четвертый раз, его организаторы - Союз российских писателей, министерство культуры Тульской области и мемориальный и природный музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново». Он проводится по двум номинациям: «Поэзия» и «Проза».

Жюри конкурса под председательством Светланы Василенко, первого секретаря правления Союза российских писателей, включило в число претендентов на победу в номинации «Проза» двух вологодских писателей: священника Николая Толстикова, клирика Никольского храма во Владычной слободе Вологды, и сотрудницу газеты «Вологда.РФ» Наталью Мелёхину. Рассказы и повести отца Николая и Натальи Михайловны не раз публиковались в журнале «Вологодский ЛАД».

На конкурс было прислано более 800 работ из разных концов планеты. За

первое место организаторами конкурса назначены премии в размере 10 тысяч рублей, ценными подарками награждаются два дипломанта в каждой из номинаций. Лучшие произведения будут опубликованы в литературных альманахах Союза российских писателей «Лёд и пламень», «Паровоз».

Проза иерея Николая Толстикова отмечена и жюри межрегионального литературного конкурса «Яблочный Спас», который проводится Ярославской организацией Союза писателей России. На этот конкурс прислано более 500 работ. География участников - от Москвы до Красноярского края; поступили также рукописи из Германии, Израиля, Казахстана, Беларуси.

Первое место на «Яблочном Спасе» получил рассказ отца Николая «Уголек». На втором месте - проза грязовчанки Любови Лихомановой (тоже автора «Вологодского ЛАДА»), она поделила успех с псковитянкой Ириной Свип.

Виктор
Плотников

Виктор Александрович Плотников родился в 1950 году в поселке Сандово Калининской (ныне Тверской) области. Учился в Ленинградском техникуме авиационного приборостроения и автоматики. Окончил Высшие литературные курсы. Автор трёх книг прозы. За роман «Когда мы будем вместе» удостоен звания лауреата Международной премии имени М. А. Шолохова. Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

Зима девяносто третьего

(ИЗ РОМАНА)

«Беларусь» сначала ходко шёл, но чем дальше дорога уходила в лес, тем больше петляла между сугробами, под которыми таились ямины от выжженного пожаром торфа. В то горячее лето семьдесят третьего года огонь вплотную подошёл к деревне. Верховой пожар упёрся в широкую просеку и ушёл вниз, но, к счастью, торфяник в этом месте закончился, и огонь удалось забить, да и дожди вовремя приспели. С тех пор змеились здесь одни тропы.

Приезжие вырубали лес в стороне от торфяника, но с каждым годом вырубка расширялась, всё ближе придвигалась к колхозному участку. В прошлых веках здесь заготавливали живицу. Многие уцелевшие деревья сохранили на стволах зарубки. Река здесь резко уходила в сторону, и дорога шла вдоль берега, на север, где стояли нетронутые столетние леса. К

ним-то и подбирались приезжие рубщики. С востока и запада дремучие дебри по-вырубили ещё до войны, здесь же, вдоль Смородины, по угорам чудом сохранился вековой клин древнего леса.

Трактор бросало то в одну, то в другую сторону. Свет от фар метался по заснеженному лесу: то утыкался в разлапистые ели, то взлетал и терялся в небе. Кабина задевала ветки деревьев, и на неё сыпался снег, шуршал по железу, разлетаясь веером на сидящих в телеге мужиков. Скоро стало недо смеха. Трактор всё чаще подбрасывало, приходилось хвататься за борт, что не всегда успевали сделать. Когда трактор налетел на крепкий чурак, Гусев, ударившись щекой о голову Митьки Аникина, взревел от боли:

- Стой, остановись! - заорал благим матом. - Пилы разобьёшь, чёрт этакий.

Скинул рукавицу, попробовал пальцем зуб. Отдышавшись, сплюнул кровавую слюну. Водитель, рыжеватый, крепко сложенный парень, обошёл телегу, постучал ногой по колёсам, заглянул через задний борт:

- Живые?

- Живые. Язык вот прикусил. Куда гонишь? Людей везёшь, не скотину. Того и гляди за борт вылетим. До сих пор искры летят.

Парень заприплясывал, отшагнул в сторону. Зажурчала струйка воды, пробивая снег.

- Кто хочет оправиться, выпрыгивай. Больше не остановлюсь, - насмешливо прищурившись, снова заглянул за борт. Осмотрел сбившихся у переднего борта мужиков. - Нет желающих? Тогда вперёд.

- Кто такой? - Гусев всё ещё трогал зуб, морщился от боли.

- Да Верки Кашиной, недавно отслужил, - Аникин привстал, поправил пилы и тут же ткнулся носом в колени Гусева. Трактор дёрнулся, но пошёл плавно, без рывков, с хрустом давя мёрзлые сучья.

- В темноте и не разобрал. А где Маслов, кто на трелёвочнике будет?

- Сашка Кашин и будет. Федька отпросился, говорит, в район надо. Он до армии трактористом работал, справится.

На расчищенной площадке загнали «Беларусь» в сторону. Гусев послал Белова разжигать костёр. Заготовленный валежник лежал на краю неглубокой впадины. Михаил спустился вниз, утоптал снег, набросал кучей наломанные палки.

- Александр! - Гусев махнул рукой возившемуся у трелёвочника Кашину. - Тряпку смочи соляркой, носи сюда. Сейчас враз вспыхнет.

Огонь полыхнул и разом накрыл сучья. Пламя поплясало по дереву и угасло, но всё же зацепилось за тонкие ветки, и они тихо запотрескивали. Языки пламени подобрались к бересте, и она живо при-

нялась, выгибаясь от жара. Всё яростнее огонь облизывал сучья, всё громче трещал костёр. Наконец, огонь успокоился, дрова загорелись ровно, выбрасывая жар к столпившимся мужикам.

- Ты, Михаил, помоги Максимычу, нашему повару. Заготовь валежник, лапника натаскай, чтобы сидеть. Осмотрись, - заметив обиду, успокоил. - Ещё намахнешься пилой, не всё сразу, сучья обрубить будешь. Пёхальщиком поработаешь, а потом и пилу в руки возьмёшь.

Мужики разбрелись по делянке, радуясь неглубокому снегу. Настоящих морозов ещё не было. Снег рыхлый, но в лесу, с ночи, прихвачен морозцем, и наст хрустит под ногами, пластинами колется, как весенний лёд по закрайке. Заутапывали у деревьев, проделывая тропки в разные стороны: если что, отскочить успеть. Кашин позвал Белова, сгрузили с телеги фляги с водой. Михаил наполнил ведро и водрузил над костром. Пока вода закипала, Кашин разжёг в другом ведре щепу с промасленным тряпьем, подсунил под двигатель трелёвочника. Пролил радиатор, наблюдая, как горячая вода дымной струйкой бежит на снег. Вскоре тарахтенье заполнило лес, смешиваясь с повизгиванием пил. Михаил смотрел, как вздрагивают деревья, роняют струйки снега - сыпью летит молочная завесь, тихо стелется на землю. Взор приковала большая ель. Внизу, полусогнувшись, Гусев аккуратно врезал пилу в толстый ствол. Плавно вгонял цепь, слегка покачивая пилу, словно ласкал, как ласкают хрюка, прежде чем полоснуть по горлу острым ножом. Рядом наготове стоял Аникин, чтобы вовремя упереться шестом в дерево и направить падение в нужную сторону. Знобко дрогнула ель. Шапка снега скользнула с вершины, обрушая с лап снежные комья. Ветки освобождались от тяжести, резко выпрямлялись, словно выстреливали пыльные остатки в воздух.

Обвалом покати́лась вниз снежная лава. А ветки всё выстреливали и выстреливали, туманом крыли пространство. Среди треска работающих пил беззвучно ухнул снег на землю. Рассеялась пелена, и перед Беловым предстала огромная ель: вечно зелёная, раскинувшая разлапистые ветки во все стороны. Вот-вот выйдет из-за неё Дед Мороз и громовым голосом поприветствует пришедших. Слегка наклонилась ель и замерла. И вдруг словно вздохнула, и пошла валиться, с грохотом подминая под себя подъяльник, освобождая небесную даль, где над лесом приподнималось солнце - мутно сияло, тянуло лучи к падающим деревьям, освобождающим насиженные места. Взрывной волной метнулась пороша, снежной моросью обдала лица вальщиков.

- Видал, какая великанша?! А как завалил, аккуратно легла, - Гусев рассмеялся, перекидывая «Дружбу» с одной руки на другую. Оттеснил подошедшего Белова. - Дай, я нижние ветки отсеку.

Взревела пила, и Леонид, взобравшись на ствол, ловко стал срезать сучья. Аникин стоял, опёршись о шест. На конце высохшей тыччины поблескивала железная вилка. Между рожками застрял кусочек еловой коры. Белов с трудом оторвал взгляд от тускнеющей блёстки.

- Ты, Митяй, как копыеносец.

Не уловив насмешку, Аникин ответил серьёзно:

- Лес, Миша, шуток не любит. Здесь как на войне: зазеваешься, голову оставишь. Сам знаешь, на валке за долгие годы не одна женщина вдовой стала. Хватит болтать, тащи лапник к костру.

Гусев продрался сквозь ветки и, проваливаясь по колено, заспешил к натоптанному месту у следующего дерева.

К обеду выделенный участок изрядно польсел. Рубщики сучьев не успевали, и вскоре вальщики присоединились к ним. Нужно было подготовить работу для

тральщика - очистить стволов как можно больше. Гусаров вначале с сомнением смотрел на молодого Кашина, но быстро убедился в ловкости парня. Александр, как опытный лесоруб, прошёлся по боковому валку, похвалил ровно наваленный лес, чем привёл Гусева в изумление:

- Он меня ещё хвалить будет! Да я с закрытыми глазами вершину на просеку положу.

Александр добродушно хлопал рывожатыми ресницами и примирительно улыбался. Вначале отказался работать без чокеровщика, но Гусаров уговорил:

- Завтра найдём помощника, сегодня без запарки, сам справишься.

Кашин толкал трелёвочник к поваленным деревьям, выпрыгивал из кабины и набрасывал трос на вершину. Царскую ель увёз одну. С трудом заволок на щит и медленно, чтобы не сорвать трос, тащил к самодельной эстакаде - неглубокой траншее метров тридцать длиной.

У костра кашеварил крепкий ещё старик Дюков Павел Максимович из Сулоихи. Он всегда напрашивался на валку, особенно любил дальние лесосеки, чтобы с ночёвкой, в наспех срубленной избушке. Что удивительно - никогда не мёрз. И сейчас, в распахнутой фуфайке, с широко расстёгнутым воротом, ловко нарезал картошку в котел. Из-под крышки вырывался запах варёного мяса. Вода медленно бурлила, не выплёскивалась за край. Всю площадку вокруг костра обтоптал, разложил лапник толстым слоем. За добросовестность мужики его уважали, охотно брали поваром. Варилось только первое. Нахлебаются мужики, кипяточку в кружки нальют, заварки, каждый свою, сыпанут - и снова за работу. Павел Максимович старательно сполоснёт за всеми миски, протрёт чистой тряпицей и по сумкам разложит, никогда не перепутает.

К середине дня Белов изрядно устал. В полушубке неуклюже переползал через

заледенелые ветки, мешкался в еловых лапах. Виктор Иванович предупреждал, но Татьяна настояла, и вот потел Михаил под насмешливым взглядом Лёньки Гусева. Пробовал расстегнуться, но ещё больше в полах путался. Иззябшие пальцы с трудом удерживали топор. Присел на лесину и стал смотреть, как трелёвочник вытаскивает на просеку четыре берёзы. Одна застряла и её стало выгибать в дугу. Не понимая опасности, Михаил продолжал смотреть на гнущуюся берёзу. Он видел, как морщилась заледенелая кора на изгибе, как дерево всё больше походило на натянутый лук, и вдруг берёза лопнула. Прежде чем услышать свист рядом с головой, Михаил видел, как медленно расщепляется ствол, лучиной щеперится место слома. И тут же обдало морозным воздухом, опалило щеку. Световой поток яркой вспышкой вспыхнул, стеганул по сознанию. Как черту провёл между бытиём и небытиём. Михаил даже не понял, что просвистело рядом с головой. Тупо продолжал смотреть на сломанную берёзу, затем повернулся и также тупо посмотрел на берёзовый, метра в полтора, обломок, торчащий из снега за спиной. Трактор свободно рыкнул и не спеша пополз по просеке. И только сейчас до Белова дошло, как близка была его смерть. Белов осмотрелся. Ничто в мире не изменилось. Никто не заметил происшествия. День разгорался. Солнце поднялось над лесом, катилось в мутной поволоке навстречу голубеющему небосклону. Лёгкий морозец окреп, предвещал ясную погоду. Михаил продолжал машинально отсекал ветки, сам же непроизвольно думал о случившемся. Яркая вспышка сохранилась в памяти, словно из-за предела явилась, рубеж наметила. Только что он мог исчезнуть с этого света. Искорёженное тело здесь, а он, его сущность, - в ином, не подвластном ему мире. Казалось, сама природа предупредила; есть грань за которую не заглядывай.

У неживой природы свои законы. Здесь твоя сила, там - нет твоей воли. Растерянность проходила. Белов всё ожесточённой взмахивал топором. Страх не было. Где-то существовала жизнь, иная, но жизнь, предназначенная для души, но не тела. Всё внутри протестовало. Решимость заглянуть за грань и одновременно остаться на этой стороне только окрепла. Он не хотел ощущать себя невольником времени, он хотел быть вне его; но не пучком энергии, а человеком. Он хотел быть там, как здесь.

Громкий ляг наполнил лес. Дюков колотил железным прутком по пустому ведру, сзывая на обед. Гусаров пошёл первый, за ним потянулись остальные. По заведённому порядку в лесу беспрекословно слушались старшего. Прореженный участок, истоптанный вдоль и поперёк, походил на поле боя: взрытый снег чернел от прутьев, подмятого подроста. Как ни старались аккуратно валить, но всё же молодого леса наломали. Увидев, как Гусаров огорчённо осматривается, успокоили:

- Василий, подготовим делянку к сдаче, не впервой. Сожгём всё лишнее, трактором закатаем, леснику плеснём и примет за милую душу.

Гусаров только огорчённо вздыхал. Поманил пальцем Кашина:

- Не видишь стволов? Почему пропускаешь, лень с просеки съехать?

- Василий Александрович, посмотри, какие пни торчат. Я же вмиг гусеницу сорву. Подрежьте, и всё выволоку.

Крыть было нечем, Гусаров только крякнул. У костра не сразу повалились на лапник, постояли кружком, вытянув руки к огню. Кто не поленился, принёс спиленный пенёк и восседал на нём, пристроив на коленях миску. Гусев отобрал половник у Дюкова, и сам налил себе, вытащив из котла кусок мяса побольше.

- Лёнька, другим оставь! - мужики запротестовали миски Гусеву, но он уже вернул половник.

Павел Максимович суетился, выкладывал на блюдо парную телятину.

- Всем хватит, ешьте, работнички, - поддевал черпаком со дна гушу и ловко разливал в подставленную посуду.

Первые минуты ели молча. Насытившись, толстый, рыхловатый Копотилов с Раменья зашмыгал носом, заоглядывался, к кому прицепиться. Остановил взгляд на Митьке, недавно женившемся.

- Вот ты, в лесу, как бездомная собака шатаешься, а жена дома. А если сосед в гости придёт? Знают, что ты из леса не нагрнешь, неожиданности не будет. Вот каково тебе такая мысль? - Парень никак не среагировал, не спеша продолжал есть. Копотилов усилил давление. - За молодой глаз да глаз нужен. Она сейчас в охотку входит, ей только подавай, всё мало.

Мужики притихли, ожидая развязки. Митька вздохнул, с сожалением осмотрел Копотилова:

- Ишь, как тебя ломает. Сразу видно, бегала от тебя жена, вся голова шишками проросла.

Все рассмеялись. Копотилов громче всех:

- Эх, Митяй, комольй я, безрогий. Мне за всю жизнь никто не изменил. Не было у меня жены и нет, так перебиваюсь. Охочих хватает. А ты ухо держи востро. Жена, как ветер, может подолом весь дом растрясти.

- Ты, Семёныч, язычок попридержи. Не каждая шутка забавой кончается.

- Ишь, горячий. Остынь. Я, Митяй, человек весёлый. Если обидел, прости. Давай, Максимыч, плесни кипяточку.

Остальные также, не вставая, запротывали кружки. У Белова от разговора всё нутро стянуло. Если бы такое ему сказали, весь суп на голову Копотилова выплеснул бы. Мужики же, привычные к таким подковыркам, только посмеялись.

С обеда лес снова наполнился шумом: трещали пилы, ухали о землю падающие

деревья. В прореженном пространстве хорошо просматривались заснеженные арки - согнутые под тяжестью снега тонкоствольные берёзки. Они походили на свадебные дуги, приглашая пройтись под ними и навеки соединиться для общей жизни. Красотой и покоем веяло от сводчатых переходов. Пройди под ними и исчезнет из души раздражение, и деревья, как помолвленные с человеком, забудут обиды, и исчезнет зло, и будет всеобщим духовное зрение, которое объединит живое и неживое. Потому что нет неживой материи, есть только жизнь, вечная для всех.

Только-только заискрился снег, но уже лёгкие, едва заметные сумерки пригасили блёстки. Солнце угадывалось за лесом, простреливало небо светлой полосой. Уши к вечеру стало прихватывать, и Белов распустил ушанку. Первым заглушил пилу Гусаров, за ним заглохли и другие пилы. Дюков не затапывал костёр, ждал, когда выкурят у огня по последней сигарете и полезут в тележку: забьются к переднему борту, прижимаясь друг к дружке, пытаясь сохранить тепло. Ехали обратно молча, смотрели на небо, присыпанное мелкими звёздочками. Лес как-то разом потемнел. Дальние деревья стали терять очертания, сливаясь в конце дороги в сплошную черноту.

Ночью Белову снилась вспышка света. Яркое яростное пятно тревожило дух, возбуждало, не давая покоя. Михаил вздрагивал во сне, беспокойно ворочался. Прижимался к Татьяне и затихал на мгновение, но вновь выпрастывал руки из-под одеяла, которым заботливо укрывала Татьяна. Пятно пульсировало, водопадом изливая свет внутри себя. Оно требовало действия, взывало к осмыслению того, что таилось в нём и в той темноте, откуда оно зарождалось. И словно вопреки, из той же темноты, выплывал не уступающий по силе другой свет, но спокойный,

умиротворяющий. Он не был рождён, как тот, яростный. Он словно существовал всегда, был изначально, и был той самой темной, откуда появлялся беспокоящий душу свет. Откуда-то возникла комната Волотова. Самого Сергея Петровича не было. Михаил одиноко стоял, боясь пошевелиться. На него смотрели с иконы ясно-голубые глаза. Взгляд Михаила тонул в изливающейся голубизне, и в этой небесной синеве плыли два световых потока. Они не противостояли друг другу. Но без каждого из них мир был не полон.

Утром Михаил проснулся на удивление хорошо отдохнувшим. На кухне, ссутулившись, плескался под рукомойником Виктор Иванович. Уступил место, размашисто вытирая суховатую грудь и длинные, сухопарые руки. С лёгкой улыбкой смотрел на зятя. Вечером не удалось поговорить. Распалённый морозом, Михаил недолго хорохорился, ещё во время ужина сонно заморгал. Кратко доложил об ударно проделанной работе и был уведён Татьяной спать.

Оглядывая мускулистые, уже по-мужички наливающиеся плечи, Виктор Иванович спросил у Михаила:

- Как вчерашнее, руки не отвалились?

- Поначалу занемели, а потом ничего, отпустило.

Михаил пожамкал ладонью, сжимая и разжимая кулак. На плите скворчала на большой сковороде яичница. Вышла Татьяна, прислонилась к косяку, но тут же вернулась к завозившейся в кроватке дочери. Плотно позавтракав, Михаил сунул в карман фуфайки пакет с заваркой и хлебом. Замешкался у порога, натягивая валенки на шерстяные носки ручной вязки. Поцеловал вновь вышедшую Татьяну. Выглянула с кухни Вера Петровна. Почувствовала неловкость Михаила, ушла обратно. Татьяна смотрела долгим немигающим взглядом, словно пыталась понять ночное беспокойство мужа. Приоткрытый рот мерно выталкивает дыхание.

Доносит до Михаила давнее, волнующее, молочно-парное...

- Пошёл я...

Прикрывая дверь, уже из сеней, ловит ласкающий, тёплый взгляд.

Улица встретила непроглядной темнотой и снежным скрипом. Светились кухонные окна Гусева и Гусарова, тени оконных рам кривились на сугробах под стенами. Ветерок ожёг лицо. Ноги застыли на заледенелых колдобинах. Пришлось мельчить шаг, пойти по наезженной колее; хоть и скользко, но твёрдо. Над головой стояла такая же темень, что и под ногами. Вдалеке горела у правления лампочка, доносились приглушённые голоса. Кто-то хриловато рассмеялся. Тарахтел «Беларусь». Белов ускорил шаг, подозревая, что все уже собрались и ждут его.

В Сулоихе подобрали Дюкова и подошедшего с Раменья Копотилова. К этому времени блёклый свет процедился из-под облаков. Не осветил землю, но настроение поднял, и мороз как будто ослаб. Прямился, едва прорисованный во мгле, дымный столб. Деревня стояла на отшибе от основной дороги. Из двадцати домов жилых осталось меньше половины, да и в них одни пенсионеры. В конце восьмидесятых молодёжь резко стала сниматься с родных мест, старалась укрепиться в городах. Всё вспаханное засевалось, но не всё успевали убирать - мелели бригады от безлюдья.

Исчезли за поворотом освещенные фарами окна крайнего дома и сразу потемнело - въехали в лес. «Беларусь» заболтало из стороны в сторону. Трактор, фыркнув, сбросил ход. Ветер стих, застрял в ельнике. Запрыгали над головой верхушки деревьев. Нетронутый следами снег стелился по обе стороны от дороги. Вспугнутый приездными лесорубами зверь ушёл дальше в тайгу.

Гусев вдавился в борт, затолкал локтём Михаила:

- Полушубок на фуфайку сменил?

Михаил не ответил, полуотвернулся от весёлого Лёнькиного лица. Никто не поддержал разговора. Все сбились к переднему борту. Громыхали в ногах коровьи цепи, брошенные в телегу для стяжки стоек в тракторных санях. Лиц не было видно, только из-под приподнятых воротников вырывались струйки пара. Лёгкий снежок, сдуваемый встречным потоком воздуха, слетал с кабины, сыпался на бригаду. Крыл белой порошей стеснившихся друг к дружке людей. Из плотной массы краснел огонёк сигареты: то ярко разгорался, то тускнел. Вскоре совсем рассвело. Зашевелились, охлапывая снег. «Беларусь» внезапно дёрнулся и остановился. Непривычную тишину разорвал весёлый голос Кашина:

- Приехали, лесорубы. Освобождай телегу.

Там, где недавно сосны и ели упирались в небо, сквозило пустым пространством. Только уцелевший подлесок ключьями возвышался над взрытым, словно плугом вспаханным снегом. Вершинник, обрубленные сучья, пни покрывали образовавшееся поле на месте ещё вчера шумевшей рощи. Распиленные и рассортированные ели, сосны, берёзы с осинной штабелями возвышались над траншеей. Не успели вальщики взяться за пилы, как с шумом на просеку въехали друг за другом два трактора. Передний сразу, не останавливаясь, вогнал сани в траншею. Ругаясь, навстречу бежал Гусаров:

- Леший, а стойки, что же нам корячиться?

Тракторист, не глуша двигатель, приоткрыл дверцу, оскалил зубы в улыбке:

- Поставите, ребята, не впервой...

Гусаров отрядил на погрузку троих покрепче мужиков. Поколебавшись, отправил к ним и Белова. Сам принялся помогать устанавливать, вырубленные из вершинника, стойки. Приехавшие тракто-

ристы стояли в сторонке, рассматривали наваленные деревья.

- Смотри, три семёрки из ствола. Я уж думал, таких и не бывает. У приезжих всё больше две шестёрки. Недаром к Смородине выворачивают. Молодец председатель, как и выбил этот участок?

Гусаров отмахнулся, мол, и не говори, пришлось побегать. Зло процедил:

- Свой лес, а не выпросишь.

Коптилов сноровисто вколотил стойки на вторых санях. Белов помогал, придерживал крепкие брёвна.

- А почему с одной стороны?

- Чудак, а грузить? Не через стойки же кидать.

Кашин подогнал трелёвочник, ножом упёрся в длинномерки.

- Стой, мать твою за ногу... - Коптилов подбежал к зашевелившемуся штабелю, выбил клинья из-под нижних брёвен. Ловко отскочил в сторону. - Давай!

Кашин недовольно качнул головой, аккуратно надавил. Брёвна начали скатываться в сани, упирались в стойки, ложились друг на друга. По знаку Коптилова трелёвочник сдал назад.

- Ну, мужики, включаем пердячий пар.

Вчетвером попытались накатывать еловые «семёрки», но быстро выдохлись. Пришлось звать на подмогу. Приехавшие трактористы только посмеивались:

- Давай, ребятушки, ухнем... сама пойдёт... сама пойдёт...

С трудом выровняли ряды, забили стойки с другой стороны. Стянули коровьими цепями. По лагам накатили сверху ещё ряд, прижали цепи.

- Ну, с Богом, освобождай место.

Трактор не спеша выдернул из траншеи сани, пополз по волоку. Вторые сани загрузили быстрее. Перекурили у костра. Подошли и вальщики. Гусаров не дал долго прохладиться:

- С обеда приедут. Трелёвочник опять отвлекут, надо поднажать.

- Думаешь, обернешся?

- Дорога ровная, должны успеть две ходки сделать, - и словно благословил. - Лес нас поддержит, спасёт...

Гусаров вышел на просеку. Проводил долгим взглядом уползающий трактор. Дорогу проложили от деревни до участка по торной тропинке, в обход завалов гниющего валежника, торфяных ям и заболоченных мест. В этом направлении не было больших подъёмов и спусков, и трактор ходко тянул гружёные сани. Отполированные полозья - два мощных сосновых бревна с затёсанными концами - без рывков, натягом катились по проложенной колее. На повороте трактор замедлил ход, и было видно, как тракторист вывернул голову, оглядывая брёвна - не тронулись ли с места. Мёрзлые стволы, как налим, в любой момент от тряски могут вперёд скользнуть. Не успеешь моргнуть, как бревно в кабине окажется, стёкла и железо только взвизгнут. А на хорошем нырке, не дай Бог, нижний ряд заденет землю и весь воз на дорогу сдёрнется. Трактор скрылся в кустарнике, только тарахтенье ещё долго доносилось из перелеска.

Заработали пилы, с визгом вцепились зубьями в древесину. Опилки плотной струёй забились о ноги вальщиков. Снова задрожали верхушки деревьев, сбрасывали снег и валялись по обеим сторонам пасеки. Белов сноровисто махал топором, не крошил, как вчера, щепу, втыкал лезвие в одну точку, и ветка отсекалась за два-три удара. Тонкий надсадный звук беспокоил, не давал сосредоточиться на чём-то важном. Мысль путалась, обрывалась и вновь билась о невидимую преграду. Ещё вчера это место дышало красотой и покоем. И как затих лес, когда наполнился человеческими голосами. Сразу ли почувствовал опасность или всё же надеялся на единение добра, которое заложено в природе и человеку? Вопрос: подвластна ли природа или равновелика человеку? - для Михаила

не стоял. Он верил, что человек существует не для усмирения, а гармонии мира.

С ободранными боками стояли уцелевшие тонконогие сосёнки и ели. Смирились перед человеком. Но вчера кажущаяся кротость вдруг сменилась «выстрелом» - огрызнулась природа на зло, выплеснула грозную затаённую мощь.

Резко пахло угаром. Дюков навалил на огонь лапник, и тот трещал, выбрасывал густой едкий дым. Порыв ветра погнал серое облако вдаль, закрутил в еловых зарослях. Казалось, там выплывает нечто, похожее на ломаную человеческую фигуру. Станный и одновременно завораживающий танец то вырывался на открытое пространство, то снова забивался в лапник, оставляя за собой рваные космы. Жутью веяло от того танца, как будто нечто закруживает, вбирает в себя пространство, хочет смотать в одну точку и поглотить его. И нужно было защитить сотворённое, но как это сделать, Михаил не знал.

Белов дует на озябшие пальцы, следит за танцем. Отвлекается на крик Гусева. Снег изрыт многочисленными вытоптантыми тропинками. Михаил пробирается вглубь участка, где уже навалены деревья, и Гусев недовольно смотрит на Белова, кивает головой на трелёвочник, у которого стоит помощник и ждёт, когда можно будет накинуть чокеры на подготовленные стволы. Белов бьёт топором по сучьям. Лезвие отскакивает от мёрзлых веток сбивая кору. Топорище проворачивается в ладонях, и Михаил едва не роняет топор. Приноравливается и снова замахивается. Теперь лезвие идёт точно в цель, выворачивает желтоватый сучок наружу. Работа затягивает, и Белов, забыв о наваждении, ритмично машет топором. Взревел трелёвочник, утягивая на кряжовку зачищенные деревья. По краю валка пробирается Дюков, затаскивает в отстроенный сарай чурбаки, расставляет

вдоль грубо сколоченного стола. Время близится к обеду, и над костром вовсю парит котёл, расточает запах свежесваренного мяса.

Дальний конец просеки тонул в мглистой белизне. Кудрявились в инее верхушки деревьев, образуя на фоне неба бесконечный резной узор. Солнце к обеду разогнало марево, выкатилось над лесом по-летнему. Из неясно очерченного густка превратилось в ярко-жёлтый диск. Михаил шурился на свет, охлapyвал меховыми рукавицами налипший к брюкам сор. По снежным тропинкам мужики потянулись к костру. В ясный день в сарае без печки никто не захотел обедать. Все пристроились на вчерашнем лапнике поближе к костру. Встряхнули заснеженные ветки и полулёжа курили, молча разглядывая огонь. Боевое настроение сменилось безразличием. Вечером пришла новость - леспромхоз не принимает древесину, быстрых денег не жди. Гусаров поразминал заскорузлые от мороза рукавицы, подтолкнул к огню. Растолкал языком сохшие губы, приободрил мужиков:

- Заходил я к председателю. Решили гнать машины в областной центр, это дольше, но можно больше выиграть. В леспромхозе куб леса восемьсот рублей, а у перекупщиков - тысяча и больше. Алексей звонил на Украину, там тоже лес нужен, но за бартер: сахар, масло, запчасти. Даже топливом готовы поделиться.

Копотилов пошевелил прутом в костре, криво усмехнулся:

- Украина... расхлебенили рот. Пошлешь вагоны с лесом, а обратно - шиш. В такой неразберихе концов не сыщешь.

Гусаров не обиделся, только вздохнул. В разговор вмешался Дюков:

- Деньги нужны. У нас хоть нерегулярно, но пенсия на двоих шесть тысяч, а и то жить не просто. Хозяйка на днях купила десяток яиц, а одно оказалось гнилое, дак заревела даже. Я ей: дура, нашла о

чём плакать. А каково молодым с детьми, им-то как? Сразу успокоилась.

Гусев молча тянул сигарету, сдержанно ухмылялся:

- Что-то вы разохотились, на пять-то тысяч кубов.

- Где пять, там и семь, не знаешь, что ли? Дальше лес стоит без подлеска, часток великанский, без просвета стоят. За реку уйдём - там дебри неохватные, только успевай возить.

Мужики оживились, заиграла в глазах надежда. Мяли припухлыми, пожелтевшими от никотина пальцами дешёвые сигареты. Пустошь перед глазами, лишь земля стелилась зелёным лапником, крылась кужлявой красотой. Дюков взболтал варево черпаком, постучал по кромке котла:

- Ну, кто первый?

Все посмотрели на Гусева, но тот равнодушно ковырял пальцем зелёные иголки, не торопился опередить. Перевёрнутая миска лежала рядом. Поднял голову, увидел смешливое ожидание, сам улыбнулся. Гася улыбку, серьёзно заметил:

- Павел Максимович, старшой оголодал, ему первому. Смотри, как посуду тянет.

Гусаров действительно держал блюдо на вытянутой руке. Искося глянул на Леонида, но ничего не сказал. Дюков уже наваливал ему куски тёплой говядины.

- Ишь, не улыбнётся. Ты, Василий, не думай, мы с Максимычем куски мяса считаем и не дадим утаить ни ребра, ни копыта от того телёночка, что председатель тебе на общество отвалил.

- Что ты, Лёнька, городишь. Александрович, не слушай его, по-пустому скалится.

Мяса на лесозаготовки председатель никогда не жалел. Закалывал молодых крепких телят без сожаления, лишь бы работа шла. Поэтому на глупую шутку никто не обратил внимания. Гусаров потемнел лицом, но тоже не среагировал. Погляды-

вал на Аникина. Дмитрий поскуучнел от разговора о деньгах. Ел вяло, через силу. Когда разливали кипяток, как бы в воздух, ни для кого, заметил:

- В месяц на молоко и хлеб нужно две тысячи, я зарабатываю четыре и то не каждый месяц, жена сидит с ребёнком, а шубка зимняя, на годовалую, стоит шесть тысяч. И как жить?

- Придётся потерпеть этот период...

- Да сколько же периодов терпеть? То один, то другой... - Коптилов в сердцах толкнул от себя кружку. Обжёгшись, задул на пальцы. - Вот ты, Митяй, партию ругал, а на ней всё держалось. Когда Семёнов секретарил, он решал вопросов не меньше, чем председатель. С утра по бригадам мотался. А когда по просьбам трудящихся уменьшили партийные взносы, пенсионеров вообще от взносов освободили, от государства помощь убрали и денег у партии не стало. В результате секретарей оставили без зарплаты. Помнишь, как все зубоскалили, когда Семёнов вернулся в агрономы, а потом вообще уехал. А чем обернулось, лучше стало?

Потрескивал огонь, кидал искры в холодный воздух. Затекли, охолодели бока и все как-то разом зашевелились, привстали на коленки. Лица, разгорячённые огнём, раздумянились, разгладились от тепла. Растаявший снег повис каплями на сдвинутых на затылок шапках. Гусаров, обеспокоенный, как бы у бригады совсем руки не опустились, широко улыбнулся:

- Помните, как Бабаев на огороде партбилет жёг?

Дед Василий, узнав о запрете на компартию, решил, что грядут репрессии почище тридцатых годов. Не сказав жене ни слова, забился в дальний угол огорода и там, отрывая листочки, сжёг документ, растирая пепел, чтобы и следов не осталось. Но на его беду подсмотрела это действие ребягня и разнесла по деревне. Долго кричала Оксинья на мужа:

- Старый дурак, кому ты, пенсионер, нужен?!

На что дед Василий вздыхал и пришептывал: «Бережёного Бог бережёт».

От громкого смеха невесть откуда взявшаяся стайка синиц пылью метнулась в заросли. Белов увидел только взметнувшееся белое облачко сыпью падающего снега. Снова взвизгнули пилы, затарахтел трелёвочник, накрыв дальний рык возвращающихся тракторов. Проваливаясь по колено, Михаил подбирался к лежащей сосне, раскинувшей корявые, словно изломанные ветки. Путь перегородила нагнувшаяся лесина. Михаил смахнул обухом шапку снега, и берёза со скрипом выпрямилась, плеснула перед глазами мёрзлыми ветками. Солнце заметно склонилось, холодной синевой отливало небо. Всё громче гремели приближающиеся трактора. Торопясь до их прихода окарнать дерево, Михаил взобрался на комель и с хрустом вонзил топор в толстый наплыв вокруг сучка.

Как Гусаров и предполагал, трактора успели обернуться, и после обеда лесорубы отправили ещё под сорок кубов леса. Белов прислушивался к тракторному шуму, стуку топоров, хрясту падающих деревьев. Ширилось пространство, расстиралось заснеженным взрытым полем, заваленным вершинником - скоро будет неохватно глазу голое место, загуляет ветер, заметёт позёмкой равнину, лишь далеко по окраинам завиднеется лесок; вольно зрению да тесно душе. Ярко осветит солнышко окрестность, а под снегом вповалку древесное гурье лежит. Весной ручьи сбегут и откроется взору чёрный валежник - ни пройти, ни проехать. Было красное лесье, а станет черное лесье - обгорелый подрост, обугленные пни, чапыжник да разсоха. Прольёт солнце живоносный свет на место, где когда-то заветная роща стояла, а на том месте мертвенная тишина - не пожаром выжжена, человеком вырублена. Не для

того, чтобы земле на долгие века жизнь дать, зерно посеять, а для собственного удовлетворения нужд. Изгадили, чтобы один раз сытно поесть, а дальше - трава не расти. Леса много, можно не один год пакостить. А без леса и человек исчахнет. Затуманится разум, мраком душа укроется, стужей сердце охватится - исчезнет любовь, один расчёт останется. Некому будет в заповедных местах вещее слово сказать. Прервётся связь между землёй и небом, ледяным панцырем жизнь укроется, и там, где от слова началось, без слова всё и закончится. Но пока только тень надвинулась от тучи приближающейся. Льёт лучи солнце, греет землю, не даёт остыть душе человеческой, забыть свой род, свою родину. Собственным светом тучу сдерживает, животворным покровом укрывает, напоминает, что от рода всё началось, от праотцов, что были народом, а не животным скопищем. Здесь не просто лес, священная роща стояла. Пока церковь не поставили, пели молитвы солнцу ясному, кланялись звёздам - свечкам небесным, славили небо-батюшку, землю-матушку, и был род для людей подножием крепким, на том подножии Христос стоял... Было да быльём поросло, скрылся от глаз людских древний Китеж-град.

Неуютно Белову, маета на сердце. Хочется оторвать взгляд от взрытого снега и смотреть в голубеющее, но уже с густеющими по горизонту снеговыми облаками, небо. Тёмно-серые облака сбивались в кучу, грудились над лесом. Снизу наплывал дымный тягучий след, похожий на брошенный посох. Облака медленно вздувались, вытягивались в фигуру, напоминающую древнего Бога у пустеющего престола. Невольно подумалось: «Сейчас поднимет оброненный жезл да как вдарит в землю по людишкам: не балуйте, помните, от кого пошли, чей образ носите». Солнце заплывало в облачность, топило свет, окрашивая края пунцовыми прядками. Усиливался

ветер, гнал мелкий мусор по просеке. Запорхали снежинки, заласкали лицо, всё больше увеличиваясь, и наконец повалили хлопьями, застилая воздух белой пеленой. Неожиданно смятение накрыло лицо Белова. Ещё ничего не услышав, голова выворачивалась сама по себе, выплывала на край глаза неестественно застывшая сосна. В неё, упёршись шестом, выкатив глаза, без шапки, налегал всем телом Аникин. Приоткрытый рот косился на сторону и оттуда тягуче-тяжко хрипело:

- Ми-и-ишка-а...

В подпиле дерева торчала пила, под ней, полулёжа, кроша руками снег, пытался отползти Гусев. Не осознавая случившееся, Белов метнулся к сосне, в два прыжка преодолел расстояние и с силой навалился на шест, пытаясь дать наклон дереву на просеку. Сосна стояла вертикально, словно раздумывала, куда ей повалиться. Порыв ветра ослаб, и она нехотя качнулась от шеста.

- Пошла-а-а... - так же кривя рот, пуская слюну по губам, захрипел Аникин.

Дерево сначала медленно, затем всё быстрее, роняя снежную пыль, обрушилось на просеку.

- Ветер, зараза, - поднимая упавшую пилу, выругался Гусев, - чуть не зашибло. Как пилу зажало, я - в сторону, голос пропал, я Митьке чуть не шёпотом - бросай...

- А я вижу у Лёньки нога подвернулась, как бросать, я давлю, а она как вкопанная... хорошо Мишка подскочил... - Аникин возбуждённо подёргивал плечами, глаза радостно сверкали. Он переводил взгляд с лежащей сосны на Гусева, на Белова и снова на сосну. И всё повторял. - Я давлю, а она как вкопанная...

Густела облачность, волной катилась по небосклону. Изредка в прорехи выбивался слабый луч, сползал по наплывающим облакам, выбеливал дымную тучу, куполом вздувающуюся над лесом. Всё это клубилось и несло по небу, плотно

закрывая последние алые отблески. В за- тихшем воздухе отвесно сыпались белые хлопья. Бригада потянулась к «Белорусу». Лица у всех от мороза зарделись до ко- ричневости, словно подпалинами щёки прихватило; распаренные, они походили друг на друга. Шапками заобколачивали с себя снег. Кто-то полосовал пилой только что привезённую пачку хлыстов. Кашин отогнал трелёвочник в сторону и в рас- пахнутой фуфайке шёл сквозь снежную занавесь. Мутновато белела просека, ближним концом утыкалась в кусты, за которыми не проглядывалась дорога, лишь слабый завиток сугробов метил невидимый тракторный след, дальний её конец пропадал в пороше и там, за снегопадом, таилась бесконечность. В ней тонула неясная полоска леса - дверь в неведомую страну. Сыплет снег, и в этой круговерти проступает продолговатое бе- лоснежное чело, спадают на плечи русые волосы и чудным светом сияют синие гла- за. Призрачное лицо едва угадывается в метели. Уголки губ скорбно сжаты. В них затаилась усмешка и немой вопрос: чем мы провинились, что вы забыли о нас, о нашей истории, о нашей вере...

Тихо в деревне. Разгораются звёзды на небе. Льёт сверху сумрачный свет луна. Серебрятся крыши. Под огромным небом рассыпался лес во все стороны, нет ему ни конца, ни края. Мерцает Млечный путь, разбрасывает вокруг себя бесчисленные созвездья, а под ним рябью искрятся снеговые шапки на деревьях, и всё это вращается в бездонном космосе. Спит деревня, жалобится чёрными окнами в пустоту. Иногда на миг блеснёт лунный отсвет в стекле - покажется, что и там, в заоконной тьме, звезда притаилась, и там необъятный космос. Куда ни глянь - пусто и холодно. Безучастно мерцают звёзды и скучен лунный лик. На окраине теплится на столбе лампочка, качается под жестя- ным кружком, и внизу, по снегу, раскачи-

ваются жёлтые круги, словно солнышко из-под туч. И в этой тишине чуть слышно плескалась песня; далеко-далеко, в Нефе- дьеве, кто-то пел, не жалея голоса, даже не пел, а тянул тоскливо-безысходные слова о неудавшейся жизни. Не разобрать слов, одна мелодия тянется сквозь темноту, и та скорее угадывается, чем слышится. Неко- му подхватить её и поднять до небес неиз- бывную печаль о людской судьбе. И лишь воздух отзывается на звуки, вибрирует в такт напеву и своим лёгким дыханием разносит по миру возникшую созвучность природы и человека.

Долог зимний сон. Притих лес. На- стороженно скрипнет сосна, да с лёгким шорохом скользнёт снег с еловых лап и - снова тишина. Не пробуют птахи голос в морозную рань. Прямо через поле тянется тракторный след, ведёт вокруг пилорамы к бывшему фельдшерскому пункту. Между ним и горушкой с ободранным боком высятся штабеля брёвен. К ним приткну- лись оставленные с вечера два трактора с волокушами; заиндевелые, припоро- шенные снежком, походили на сказочных богатырей, притаившихся за древесной стеной, - когда-то последним убежищем от вражьих набегов, а ныне приготавли- мой для продажи, чтобы, может быть, в последний раз поддержать народ в своём несчастье, и - гуляйте люди, радуйтесь свободе, не замечая, как духовной крепи становится всё меньше, а пустоты вокруг всё больше.

Тревожно спит Белов. Снится по- ределая роща, а в просвете выплывает призрачное лицо и кажется ему, что это сам Род пожаловал - прародитель рода, с которого и Белов пошёл. Лицо знакомое, с изумлением шепчет Михаил: «Я тебя на иконе видел, ты на Христа похож». И слы- шит в ответ: «Я и есть Христос. Род твой, вера твоя - православная. Без нас с тобой не будет народа...» Голос глохнет, истаивает сон. Михаил некоторое время лежит

в полусне, прислушивается к звукам, доносящимся с кухни. Вроде на минуту глаза прикрыл, а уже и ночь прошла.

Ночная тоска развеялась, как только вышел на улицу. У конторы слышались голоса, фары «Беларуса» освещали копошившиеся фигуры. Все уже расселись, когда подошёл Белов. Увидев в телеге Кашина, заглянул в кабину. На сиденье ёрзал Федька Маслов.

- Осваиваю законное место. Давай, не задерживай. Скоро петухи закричат, а мы не тронулись.

После вчерашней вьюги роща выглядела просветлевшей, обновлённой свежим снежком. Далеко простиралась белыми островками между наваленными в кучи сучьями и вершинником. Снежная пустынь отодвинула рощу вдаль и освободившееся пространство не радовало, как не радовали и высившиеся груды брёвен у эстакады. Белов брёл через кустарник, перешагивал лапник, высоко выбрасывая ноги, пока его не окликнул Гусев. Он стоял на просеке, держа в руках подготовленную к работе пилу. «Дружба», уже прогретая, проревелась на пуске и теперь тихо тарахтела, вздрагивала в крепких, охваченных морозцем, ладонях. Меховые, обшитые кожей рукавицы торчали за поясом. Михаил долго утапывал снег у дерева, выбранного Гусевым, вскидывал голову, похозяйски оценивая, с какого бока начать. Ствол у сосны был ровный, с равномерно раскидистой во все стороны кроной. Такое дерево валить одно удовольствие - ляжет куда надо и толкать не придётся. Утоптал до самого комля, откуда корни уходили в землю. Пила оттягивала руку, с непривычки казалась тяжёлой. Зубья не сразу вошли в закаменевшую древесину, рубили воздух; наконец, пальцы почувствовали, как цепь углубилась в плоть, звук изменился, завыл и тонкой струйкой брызнули опилки, потекли струёй. Белов, как учили, аккуратно покачивал пилу. Гусев с Ани-

киным не мешали советами, лишь зорко следили за движениями, готовые прийти на помощь. Выпиленный клин шевельнулся, и Михаил выдернул цепь.

- Не так резко, - Леонид вытолкнул пальцем кусок дерева и кивком головы разрешил продолжить.

Михаил перешёл на другую сторону и, уже по-настоящему волнуясь, прицелился к месту, где сделать надпил. Зубья тронули кору, не услышав окрика, Михаил смелее надавил на пилу. Чем глубже уходила цепь в ствол, тем чаще вздрагивала крона, сбрасывая светок снег. Ствол слегка наклонился и замер. Аникин не успел надавить на шест, как Белов выдернул пилу и тут же заглушил. В устоявшейся тишине все трое, закинув головы, смотрели на вершину.

- Надо было ещё чуть-чуть. Придётся всем толкать.

- Лишь бы не развернулась.

- Не должна.

- Боялся, вдруг зажмёт, - свой голос Белов не узнал, настолько он показался глухим и хриплым.

Сосна ещё не знала, что она умерла. Казалось, она собиралась стоять вечно. Гусев потянулся к пиле, готовый снова её запустить. Но вдруг сосна обречённо вздохнула и, освобождаясь от снега, ещё немного наклонилась и с хрустом, ломая ветки, обрушилась вниз. Снежная пыль взметнулась, накрывая пространство, зависла облаком и медленно осыпалась на плечи лесорубов.

- С почином, - Гусев сбил с плеч Белова снег.

Михаил подвыпрямился, с гордостью осматривал поваленное дерево. Недавняя жалость к роще исчезла, почувствовал себя хозяином леса. Самостоятельно запустил пилу и неспеша начал отсекать сучья. Ещё недавно сосна возносилась над людьми, теперь же лежала поверженная, с надломленными ветвями, и лишь мощный неохватный пенёк белел срезом, напоми-

нал о могучем древе. Не одну сотню лет набирал силу ствол, на удивление ровный, без единого дупла, раскинув разлапистые ветви, красовался среди таких же красавиц: сосен и елей. Скоро не нужно будет задира́ть головы, останется мелколесье, такое же несуразное, как наступившая жизнь. Белов увлёкся, продолжал срезать сучья, изредка посматривая на Гусева. Но тот уже отошёл к другому вальщику, у которого застряла лесина, легла на деревья и не хотела соскальзывать вниз. Вальщик тыркал пилой по строптивому дереву, готовый отскочить в сторону. Но зависшее дерево не хотело валиться. Повернулся к Гусеву:

- Может, соседнее завалить, собьёт...

- А если нет? Устроим шалаш, потом не разгрёбёшь. Подрежь смелее, - Гусев не стал подходить ближе и Аникина остановил. - Сам напартачил, сам пускай и расхлёбывает.

Наконец лесина затрещала и вальщик, бросив пилу, метнулся по заранее протоптанной тропинке. Ствол надломился, и верхушка медленно сползла на снег.

Небо разъяснилось, приподнялось выше, стали различаться облака. Мелькнуло солнышко, и снова просвет затянуло дымным, но края выбелились, затаили солнечный свет. И было видно, как прорисовывается розовое, красит полоской краешек над лесом. Всё явственней вырисовываются тучи, и вот уже очищается восток, сгоняется с небосклона дымчатый пар. Полоса ширится, светится голубоватым, обещая солнечный день. Но солнышко ещё прячется, светится неясным кругляшом, пробует пробиться, но снова затягивается смурным, пепельным.

Белов повалил ещё пару деревьев, разохотился, но Гусев остановил:

- Для первого раза хватит.

И вдруг сорвался с места. Разбрасывая снег длинными ногами, добежал до соседней ёлки и с гиканьем застучал

обухом топора по стволу. На вершине заметалась белка. Сиганула на берёзу и, обваливая снег, перепрыгивая с кроны на крону, исчезла с глаз. Гусев, с откинутой в сторону рукой с топором, продолжал кричать вслед перепуганному зверьку. По-мальчишески радуясь, блестя зубами в улыбке, поделился восторгом:

- Раньше белок много было. В детстве гоняли, любили смотреть, как мелькают по деревьям. У-у, рыжая...

Белов, отдав пилу, очнулся как от спячки. Снова бросился в глаза раззор. Кое-где стояли берёзки с рябинами, к ним теснились сосёнки и ёлочки. По привычке лиственники рядом с молодняком не тронули, чтобы хвою не ожгло. Гусев пытался выхлестнуть всё подряд, но Гусаров остановил: вдруг жизнь изменится, будет с чего роще подняться.

Михаил скинул рукавицу, потрогал шершавую кору срубленной сосны. Почудилось, как под корой пульсирует жизнь, а может, это его кровь бьётся под кожей. С эстакады прокричали, позвали Белова. На просеку выползли два трактора. Первый, не задерживаясь, сразу въехал в траншею - встал под погрузку. На санях, прижавшись к стойке, стоял Кокорин - молодой мужик из нефёдьевских. Весело прокричал:

- На помощь бросили!

- Пила есть?

- А как же! Враз всё выкосим...

Стойки на санях торчали с одной стороны, другие подрубили при разгрузке. Белов без слов понял, чем заняться: стал зачищать вершинник, подготовленный для стоек.

Во время погрузки Михаил отвлёкся от ненужных мыслей. Не давая себе расслабиться, первый прыгал на волокушу выравнивать ряды. Чутьё подсказывало верные движения, и всё у него получалось ловко и быстро. Молодцевато помахал цепями, прежде чем накинуть на стойки. Мужики подождали, пока Белов в оди-

ночку потужится, втоптали окурки в снег и разом навалились, натягивая проржавевшие, напитавшие скотный дух цепные звенья. Накатили сверху последний ряд, и только после этого Михаил перевёл дыхание. И, словно боясь, не оглядывая рошу, замахал рукой, призывая второй трактор встать на погрузку. Но тот и сам уже в нетерпении пофыркивал, взрыл гусеницами сугроб и рывком пошёл к траншее.

Солнце очертило предметы, разбросало тени по оголённому полю. По остаткам ещё можно было угадать рошу. Вдали сосны стояли плотно, но за первыми рядами всё больше росло берёз и к самому берегу подходил осинник. Дальше, за рекой, снова поднимался густой неохватный лес. Туда и продвигалась бригада.

Глаза Михаила заслезилась от яркого снега, и он выдавил влагу пальцем, растёр по щеке. Невольно осмотрелся. Когда-то цельное урочище расслоилось на отдельные деревья, кусты. Больше никто не придёт, не поклонится этому месту. Когда-то давно, тысячу лет назад, также вырубали священные роши и многие души, не согласные с новым временем, рвались от боли и слёз, а то и кровь проливали, оставаясь верными заповедям отцов своих. Сотни лет деревья хранили смутную память о былом, притягивали жителей, будоражили их воображение, не давая забыть прошлое.

Звуки отдалялись, глохли, будто относил их ветром, очищая пространство от настоящего. И сам Белов отлетал куда-то в сторону, оставаясь на месте. Всё видимое вокруг пропадало, растворялось вместе с исчезающими звуками. Оставалось лишь пламя костра, языки на фоне снежного поля становились отчётливее, плескались в воздухе, приближаясь к Белову. Белый искрящийся покров тянулся за огнём, сливаясь в единое целое, и Михаил не понимал, почему пламя не плавит снег. Вихрились молочные хлопья, опалённые ог-

нём, метельно шли на Белова. Нездешняя сила чувствовалась от надвигающегося заноса. Энергия огненного бурана втягивала в себя, и Михаил, не сопротивляясь, сливался с нею. И вместе с ним, отдавая свою энергию, втягивался и весь окружающий мир. В оголённом поле выступали очертания бывшей роши, но уже цельной, нетронутой, Михаил приподнимался над землёй и видел, как над деревней всплывает полупрозрачная непорученная церковь и всё это охватывается огненной вьюгой и вливается в Белова. Энергия переполняет Михаила, и он разрастается, всё выше возносится к чему-то солнечному, готовый оторваться от земного и слиться со светоносной энергией, изливающейся с небес. Но что-то треножило его. Чем выше становился Белов, тем явственней ощущал на себе путы. В стороне возникло дымное завихрение, порошей пошло на огонь, стараясь пригасить разрастающееся пламя. В разреженном тумане всё явственней прорисовывались контуры нелепой фигуры, она выбрасывала из себя тёмные нити, которые рассекали сливающиеся вместе энергии, не давали соединиться в одно целое. Смерчеобразное завихрение разрасталось, и чем сильнее Белов впитывал в себя энергии, тем мощнее становился темнеющий вихрь. Чем-то чужим охолодило душу, внезапно вспомнилось похожее состояние, когда он также разрастался, готовый объять весь мир. И тогда, в городском парке у старинной церкви, чужеродное накрыло его. Вспомнился и Ворсков, его уверенная поступь и слова про чужих. Бригадира чужесветным не испугаешь, отчего же у Белова сердце дрогнуло. Не утрашилось, но воспоминание, нахлынувшее на него, и те странные фигуры, которые он увидел на стыке здешнего и другого, неведомого мира, всколыхнули удивление, какое он испытал прошлым летом. Как и тогда, Михаил не преодолел земное притяжение,

но величие возможного, заложенного в человеке, он вновь ощутил. Туманные лохмотья замедлили своё движение, сворачивались к земле. И Белов, сгоня минутную слабость, двинулся на слабеющий всплеск, готовый раскидать чужину, стремящуюся украсть у него мир. Огненный снежный буран терял очертания, и Михаил шёл сквозь него к видимой ему одному цели. Громкий вскрик остановил его:

- Куда прёшь, котёл опрокинешь!

Михаил с трудом возвращался в окружающий мир. Всё ещё готовый к борьбе, осмотрелся вокруг. Перед ним горел костёр, сзади матерились мужики, наваливая на волокушу брёвна. Дюков, сидя на корточках, подкладывал сучья в огонь, с интересом посматривал на Белова. Не отвечая, Михаил развернулся и пошёл к траншее.

К концу января дорубили последний клин хвойного леса. За два километра до реки остановились. Дальше стоял лиственник вперемежку с ёлкой. Попадались и кряжистые сосны, словно солдаты цепью раскинулись, оберегая тихое журчание скромной речушки с удивительно чистой родниковой водой. В редкий па-

водок она выходила из берегов, весной и летом спокойно текла по лесам, удивляя неизменной шириной и глубиной.

Ходили рассказы о ямах на дне, как будто проваливалось дно и вода, шипя и взбурливая, водоворотом крутилась на этом месте, образуя воронку. Холодный пар столбом поднимался к небу, опалая инеем попавших на своём пути птиц. Будто видели замёрзших птах посреди лета, ледяным, неистаявшим комочком лежали на берегу успокоенной воды. Мелка и одновременно бездонна река, как коротка и в то же время бесконечна жизнь.

Много сказок создавалось об этих местах, а теперь какой из них поверят, когда перед глазами голое поле; вольно ветер гуляет, не шумит листвой, не скрипнет деревом - приволье кругом. Нет непроходимой гущи, нет и сказа. А сказка до конца читается, в середине не перебивается, напевной речью рассказывается, тихо и покорно воспринимается. А когда перебивка идёт, вскипает нутро, из мелкодонного в бездонное превращается, кротость ураганом заменяется. Но долгие к этому путь, не хочет душа ожесточения, смиренна и подчинена духу...

ВОЛОГОДСКАЯ ШКОЛА •

Дмитрий Ермаков получил награду «Гранатового браслета»

Писатель Дмитрий Ермаков, постоянный автор «Вологодского ЛАДА», был признан лауреатом XXII Купринского творческого конкурса «Гранатовый браслет». Дмитрий Анатольевич представил на конкурс прозаический цикл «Три рассказа о любви» и очерк «К Батюшкову и Куприну».

Конкурс «Гранатовый браслет» проводится в рамках Купринского литературного праздника, который в этом году уже в 37-й раз прошел на малой родине писателя - в селе Наровчат Пензенской области.

Виктор
Зайков

Виктор Васильевич Зайков родился в 1957 году в Свердловской области. Служил в армии. Участвовал в строительстве Байкало-Амурской магистрали. Закончил исторический факультет Тюменского университета. Работал корреспондентом районной газеты в Казахстане, на стройках Западной Сибири. Стихотворения и проза публиковались в «Вологодском ЛАДЕ», а также в «Литературном маяке», в журналах «Белая скала» (Симферополь), «Вологодская литература», в нескольких альманахах, изданных Вологодской писательской организацией, газете «День литературы» (Москва); одна из сказок выпущена отдельной книгой в Торонто (Канада). Живет в Ярославской области. Лауреат Шестого международного литературного конкурса на соискание премии имени Александра Куприна (2019 год).

ВИТЬКИН КОСТЮМ

РАССКАЗ

Пыль. Она зарождалась под тяжёлыми гусеницами трактора, густая и чёрная. И не было от неё спасения. Ветер гнал её на сцепку из четырёх стареньких дисковых сеялок, по которой с железным дрючком для прочистки гофрированных семяпроводов, в короткой телогрейке, шапчонке и с респиратором на шее бегал от одной секции к другой сеяльщик-пэтэушник, сирота Витька Никодимов. Трудно ему. С шести утра до восьми вечера каждый день: духота, бегодня, трясучка. Третью неделю уже так. А, говорят, как с пшеницей управятся, траву для скота ещё посеять надо. Это дней пять лишних работать придётся. Как выдержать? Кругом-то весна разливаётся. Теплынь стоит. Во все стороны - до горизонта - необозримая вспаханная степь распласталась. Завораживает, манит она, даль-то, зовёт. Побежать

бы туда - за степь, поглядеть, чего там жизнь напридумала, понастроила. Да разве можно? Витька достаёт из-под крышки зернового ящика выданное утром свежее полотенце и вытирает шею, болезненно морщится, когда ткань задевает вызревающий на затылке фурункул. Выдавить бы его, заразу, да как изловчиться? К медичке идти надо. А когда? Ладно, сам лопнет. Витька прячет полотенце, кладёт руки на поручень сеялки и осторожно вертит головой, смотрит, как по влажной, чуть дымящейся, растревоженной дисками земле, переваливаясь, по-хозяйски ходят грачи. И точка вон какая-то всё висит и висит на небе. Не ястребок ли к броску изготовляется? Кого же он высмотрел с высоты своей? Интересно.

У Витьки нет часов, но, поглядывая на солнце, он начинает волноваться. Скоро

трактор со сцепкой, сделав длиннющий прогон, развернётся на заболоченной стерне и поползёт назад, в сторону земель чужого района. Километр или два протащится, и тогда из-за далёкой кромки поля в белесоватом мареве, как наваждение или мираж какой-то, начнут сказочно вырастать и подниматься в небо бело-красные трубы большой электростанции. Витька сегодня уже смотрел на эту картину, но почему-то ждёт появления труб. Ему радостно их видеть. Он знает: там - за ними - город, магазины с витринами, хорошо одетые люди гуляют по тротуарам и, наверное, пьют газировку из автоматов. Сердце его сдавливает от какой-то неясной тоски. А почему неясной? Ему тоже хочется - и не в кирзовых сапогах да механизаторской робе, которые из одежды только и остались у него, - пройтись неспешно по начинающему зеленеть парку, просадить копеек тридцать в стрелковом тире, а может, и встретить красивую девочку, похожую на Тину Родину. И, страшно подумать, даже покачаться с ней на качелях: вверх - вниз, вверх - вниз. Волосы у девочки развеваются, платьице облепляет гибкое тело, глаза от счастья лучатся. Эх!

...Но, боже, что это? Подножная доска сеялки вдруг резко съезжает за Витькину спину, и он больно ударяется грудью о поручень. Избура-красная туша трактора, качнувшись, замирает. Что случилось? Поломка? Из кабины Т-4 вывалился костлявый тракторист дядька Митяй - не старый ещё, орденосеиц и матерщинник, по фамилии Любин-Ус. И Витька впервые услышал от него про себя много чего интересного. Оказывается, он и кривошип ползучий, и умишком не горазд, и топтыря безглазая...

- Глянь под правый отсек, - кричит Ус, и острый его кулак режет воздух. - Это надо же, какую полосу незасеянной сотворил! Выпороть тебя мало! Паразита...

Витька повёл глазами и обмер: с десятка гофр рядком - одна к одной - забиты напрочь. Эх, тесто блинное! Если даже минут пять семена не попадали в землю, то подумать страшно, какой огрех остался. За такое, действительно, поперёк лавки уложить надо. Витька бросился шуровать в гибких трубках своим «шампуром». Но вспомнил, что делать это надо, когда трактор движется, иначе толку - пшик. В отчаянии махнул трактористу: вижу, мол, поезжай.

Дядька Митяй с досады поддел сапогом ком земли, выругался и ещё раз погрозил кулаком. Попылили дальше. Витька быстро прочистил семяпроводы и решил больше не отвлекаться. «Прав он, конечно, - успокоившись, беззлобно подумал о трактористе. - Мне-то чего, я уеду скоро, а его через месяц, как взойдёт пшеница, и проверяющие обнаружат огрехи, премии лишат, наверное. А у него дети. И вспомнит он меня тогда, нехорошо вспомнит. Эх, стыдобища какая!» - упрекнул себя и, гоня прочь слёзы, запел любимую свою - «Не жалею, не зову, не плачу...»

Летела песня, гудел трактор. Трубы электростанции то вырастали, то пропадали за горизонтом. Незаметно за вечерело. Ветер присел, поутих. И свежей как будто бы стало. С левой стороны уже стерня завиднелась: машины на ней - заправщики, будто птицы с длинными клювами в стаю сбились, «летучка» агронома, вон, подъехала. Значит, конец работе сегодняшней близок. И вдруг Витька опешил, заметив, как прямо по полю навстречу им несёт лёгкие дрожки с наездником рысистый стати жеребец, розовый в лучах заходящего солнца, - грациозно вскидывает ноги, будто и не пашня под ним, а беговая дорожка ипподрома. А чуть поодаль, сбоку, по полевой дороге, стараясь не отстать от него, переваливается уточкой на ухабах бежевая директорская «Волга». Любин-Ус остановил трактор и проворно выскочил

из кабины. Крикнул помощнику, что, кажется, сам первый секретарь райкома к ним пожаловал, и, по-солдатски взмахивая руками, пошёл к приближающемуся гостю. Секретарь осадил коня недалеко от сеялки, но на землю не сошёл - ботинки, видимо, пачкать не хотел. Отвалившись на кожаную спинку колясочки, нервно приспустил узел галстука и не очень приветливо кивнул сначала трактористу, а потом и подошедшему директору совхоза Розову. Витьке не было слышно, о чём говорили, но он видел, как дядька Митяй, наклоняясь, ковырял рукою землю, разминал её меж пальцев, показывая, видимо, влажность почвы и заглублие семян. Другая же рука его нервно поддёргивала штаны - не иначе как пуговица с них отскочила. В такой-то момент! Директор укоризненно качал седой головой, старался прикрыть механизатора своим телом, сам близко подступал к коляске и суетливо совал секретарю какие-то бумаги. Но вот вся троица посмотрела в сторону сеяльщика. Ус помахал помощнику.

- Ну, душа казённая, пошли принимать оловянную кашу, - прошептал Витька, мысленно приготавливаясь к разносу.

Подойдя к начальству, снял кургузую шапчонку, пригладил спутанные волосы и, глядя в землю, несмело поздоровался. Секретарь, явно удручённый геройским видом «бойца за урожай», спросил директора:

- Чей хлопёц будет, Семён Данилыч? Твой?

Розов, уловив нотки недовольства в словах высокого гостя и не понимая, чем они вызваны, глазами попросил помощи у Любина.

- Так сирота он, детдомовский, из училища прислан, - выручил директора тракторист.

- Тэк-с, - протянул глава района. - А имя у нашего труженика есть? - обратился к Витьке.

Но практикант, размазывая рукавом телогрейки слёзы на лице, всхлипывал. Он всегда начинал плакать, когда его называли сиротой. Горечью и бездомностью веяло от этого слова. Унижение в нём слышалось и намёк на неухоженное что-то, брошенное.

- Виктором его зовут, товарищ первый секретарь, Никодимов фамилия, - поспешил сообщить дядька Митяй и приобнял парня за плечи.

- Ты, Витя, успокойся, - потрепал мальчишескую голову секретарь. - Обижать мы тебя не хотели и не будем. Работаешь ты, мне уже доложили, хорошо. Стараешься, молодец. И вот что я подумал, - он перевёл взгляд на директора. - У тебя ведь, Семён Данилыч, есть свои фонды? Есть. Так вот возьми и купи парню после окончания посевной приличный костюм. Думаю, что ругать он нас за это не будет. Сделай хлопцу подарок от совхоза. Пусть помнит.

Директор согласно затараторил, что да, есть фонды, сделаем, купим, как не порадовать, всё как скажете, только...

- Сделай всё без этих «только», - нахмурился секретарь. - Не обеднеет твоё хозяйство. И давайте прощаться, товарищи. Мне ещё на ферме с людьми поговорить надо.

Он пожал руку Любину, пристально посмотрел на Витьку, и как-то по-свойски, даже озорно подмигнул ему двумя глазами сразу.

Когда начальство отъехало, Ус первым делом полез в кабину и куском проволоки подтянул штаны. Вылез, побряхтел и протянул Витьке папиросу:

- А ты, наверное, передрейфил, парень, а? Думал, сдаст тебя орденосец с потрохами? Кури, я дядька добрый. Сам на побегушках начинал, натерпелся издёвок.

- Да я чё? Разве я трус? Просто первый раз в жизни секретаря райкома вижу, - прикурив, ответил Витька. - Потому и испугался. А он вовсе не страшный. И ко-

стюм вот приказал купить, который мне позарез как нужен. Как думаешь, дядь Митяй, купят?

- А кто его знает? - выпустил дым изо рта тракторист и сплюнул, - Хотя, если уж са-ам приказал, то должны бы. У них же, у партийных, дисциплина. Попробуй не исполнить. Так что жди, парень.

И Витька стал ждать.

Боже, как медленно поползло время. Болезненно, мучительно. От рассвета до заката - вечность. Он не заметил, как душа перестала откликаться на музыку разливающейся вокруг весны. Даже порскающие иногда по полю степные зайцы, выскакивающие неведомо откуда, не вызывали у него былого восторга. Он теперь подолгу пристально вглядывался в полевые окраины. И всякий раз клубы рыжей солончаковой пыли, изредка появляющиеся там, заставляли колотиться его сердце: а не «Волга» ли директорская поспешает сюда с драгоценным подарком? Не товарищ ли Розов едет улыбочиво поблагодарить «экипаж машины боевой» за труд и вручить прилежному сеяльщику вожде ленный свёрток с костюмом?

Но ещё хуже было ночами. Витька изнемогал в мечтаниях. Они уносили его с каким-то сладким постоянством именно в уютный палисадник на окраине далёкого шахтёрского городка, где песочком посыпаны дорожки, клумбы синеглазыми цветами опрокинулись в вечернюю прохладу. И тонкая красавица Тина Родина, ничего не подозревающая, сидит под калиной на скамейке, книгу читает. И вдруг калитка открывается. Входит он: узкие в носке штилеты на нём, дымчатый костюм в полоску. «Здравствуй, Тина». - говорит. И тихий радостный девичий вздох. А потом они пьют чай в лунной беседке. И счастья не видно конца...

Эти дерзновенные и мучительные ночные грёзы за неделю так изменили

парня, что Любин-Ус как-то утром, подозрительно посмотрев, спросил:

- Ты чего, мблodeц, деваху себе какую у нас высмотрел? Истаял лицом, будто мартовская сосулька.

- Нужны мне ваши ходули колхозные, - огрызнулся Витька. - Каникулы скоро, вот и радуюсь.

Про радость, конечно, соврал он. На самом-то деле - худо на душе. От догадки, что вчерашней ночью вдруг тревожно вырвала его из сна и злой очевидностью заставила долго сидеть в темноте на кровати и тихо постанывать:

- Размер. Они ведь не спросили тогда, какой размер одёжи я ношу. И до сих пор, а уже неделя прошла с того разговора, никто не приехал, не поинтересовался. Как же они собираются мне костюм покупать?

Только к утру успокоил себя тем, что директору, видимо, сейчас не до него. И костюм, скорее всего, вручат ему после окончания сева. Надо только дождаться торжественного собрания, на котором обычно подводят итоги полевых работ и чествуют передовиков. Ну, собрание то вскоре состоялось. Но вечером, когда нарядные селяне собрались в клубе и как должное приняли поздравления начальства, Витька, стоявший скромно у двери за самым последним рядом кресел, имени своего среди награждённых так и не услышал.

Утром, перед отъездом в училище, пришёл попрощаться к дядьке Митяю. Тот, умный и честный человек, почувствовав настроение бывшего помощника, сам заговорил о костюме:

- Ты, парень, жизнью уже битый. Должон понимать. Бывает всяко и разно. А раз так, то на себя едино и надейся.

К таким прямым словам Витька был не готов, потому и не нашёлся, что ответить. А хотелось сказать Любину про несправедливость людскую, забывчивость некоторых и расхлябанность в обещаниях,

поведать о зазнобе своей далёкой, и что от костюма того этим летом, может, вся судьба Витькина повернулась бы по-другому. Подмывало спросить у много чего по видавшего работяги: почему девчонки того шахтёрского городка, откуда приехал Витька сюда учиться, никогда не дружили даже с удивительно симпатичными мальчишками из детдома? И ему же ответить, что не слава обидная останавливала девчат: мол, хулиганы они все поголовно и шантрапа безродная (девчата, кстати, бедовых любят). А казённая, скучная, выношенная к концу года одежда воспитанников. Как с такими в город гулять пойдёшь? Засмеют ведь подруги, ей-богу. На его памяти лишь одна Тина Родина из 8-б пригласила однажды на каком-то школьном вечере на танец его, Витьку Никодимова. И украдкой, но дерзко показывала язык оторопевшим одноклассникам. А ему улыбалась загадочно. И заронила в душу что-то солнечное, настоящее.

Любин-Ус прощание затягивать не стал. Сунул вчерашнему сеяльщику кулёк с жареными карасями, ободряюще пожал руку. И Витька навсегда, как потом оказалось, покинул эти нерадостные, в общем-то, для него места. А через пару недель, когда тополя осыпали дороги и тротуары липким своим горячим пухом, когда экзамены уже были сданы, Витька услышал от кого-то сразившую его новость - помер первый секретарь райкома. Траур объявлен. Завтра хоронят. По главной улице гроб повезут. С оркестром. Решили всей группой пойти посмотреть.

Стоял Никодимов в своих сапогах кирзовых, отмытых, правда, и начищенных, в постиранном механизаторском комбинезоне, глядел на идущих за гробом людей. И, неожиданно вызрев, билась, толкалась в его голове тоскливая мысль, что смерть секретаря, скоротечно сгоревшего от сухотки спинного мозга (как

шепчут рядом старухи), поставила жирный крест. На чём? Да не всё ли равно? До этого жила ещё, теплилась какая-то робкая надежда, а теперь - амба. Будь секретарь живой, может, вспомнил бы он и спросил при встрече того суетливого директора: исполнил ли товарищ Розов данное ему поручение? И если не исполнил, то почему? А нынче тому директору и отвечать не перед кем. Всё. Планы летние - пылью по ветру. Прости, Тина Родина, забудься дворик шахтёрский. Ей-богу, жить не хочется. Сникший Витька криво глянул на плачущих старух и поплёлся в своё общежитие. Горевать.

В общаге из-за тонких филенчатых дверей в коридор волнами выносит гомон и радостное брэнчание гитары. Соседи, видать, отъезд скорый празднуют. Весело им: впереди лето, дом родной, приключения разные. А ему куда податься? Где и кто ждёт его? Хотя, вот Веня Бусин - тоже уральский - зывал как-то к себе в деревню на Чусовую реку. Божился, что мать его готова принять сироту без всяких там разных препятствий. И подработка, ежели нужду имеешь, в деревне тоже есть: железную дорогу совсем недавно недалеко от них проложили, и сезонным рабочим без обмана хорошо платят. А что? Ведь если не на костюм, то на брюки-то с рубахой уж точно собрать можно. Ещё хвастался Бусин будто фильм «Тени исчезают в полдень» совсем рядом с их деревней снимали, и сам «купи-продай», ну тот самый, что «загремишь под фанфары», на Марьином утёсе с ними фоткался. Врал, наверное, Венька. Но постоять на знаменитой скале - да! Скажешь потом кому, обзавидуются. И, главное, кирзовыми сапогами в той деревне никого не испугаешь. Надо ехать. Витька пощупал шею, на которой - единственная радость - заживал лопнувший чирей, и твёрдо решил: «Поеду».

Мария
Суворова

Мария Суворова - поэт, член Союза российских писателей. Родилась и живёт в Вологде. Автор книг стихотворений: «Потерянная книга» (2009), «Город об одном дне» (2012), «Маленькие Марии» (2015), изданной по итогам премии «Русский Гулливер», где Мария получила специальный приз издательского проекта, а также вошла в шорт-лист основной номинации премии «Поэтическая рукопись».

Великоустюгским котам

1

Меня всегда так удивляли люди,
которые на трассе - вдалеке
от городов и малых деревень
спешат куда-то или не спешат,
идут вразвалку, думая о чём-то.
Меня всегда так удивляли те,
кто, может, и не счастлив, но молчит,
кто в жизни столько видел, что ни мне,
да никому другому в голову прийти
не может.

И вот опять дорога, серый день -
такой же, впрочем, как всегда.
Наш город солнце не уважит и тогда,
когда над головой столб воздуха
многоэтажный.

И вот опять я еду без тебя,
стыдливо прикрывая лист блокнота.
Соседи смотрят косо на того,
кто отличается

от общей непогоды.
Я еду на восток, но на восход
совсем не успеваю,
и мысленно лишь города перебираю:
Красавино, Великий Устюг, Котлас.

Нам туда

самим добраться было невозможно.
Места, которые обходит даже поезд,
маршрутки проезжают осторожно -
сегодня для меня.

А ты тихонечко нас жди,
перебирай слова,
выстраивай стихи...

Вернись, поговорим,
тогда и берега
твоей реки
замерзнут и покроются
ещё не снегом -
льдом,
тончайшей коркой
льда.

2

Тот длинный спуск - единственное
препятствие
на всём пути.
Минуты две мы неистово летели
с горы.
Но больше гор в нашей болотине
нет.
Сменяют лиственные деревья
сосны и пни.
И смотришь, вроде бы, разнообразен лес
на средней широте,
но только местные и знают,
где
растёт лиана северная,
цветёт кипрей,
и где находится точка отсчета пяти
морей.
И вот собака по обочине
идёт одна.
И кто ей вычесал холку львиную,
И - кто она?
Ошейник кожаный
виден,
видна рука
хозяйская,
но далеко
ближайший город
и даже любой населённый пункт.
И лишь улыбается нам
дождливый
Великоустюгский район.

3

Узнаю лишь очертания, но и то
скорее ошибаюсь, вряд ли точно
скажу, что эти крыши из Ухты,
а не в Молочном.
Все крыши на одно лицо:
потертый шифер, ржавые детали,
и временами разрезает сталь
всю серость деревенских усьпальниц.
И указатель - яркое пятно,
вечерний развеивает сумрак.
И говорит: «Вот, выбирай,
в Никольск поехать или в Тотьму».

Но я - не вольный пассажир,
пристегнут крепко,
и поворотом головы
прощаюсь с каждым
куполom и колокольней.
И - дальше в путь, намокшая дорога,
лоскутный путь с приметочным
посередине швом.
Сиреневый приобретают цвет деревья,
теряются в однообразной тьме
приметы...
И мне не остаётся ничего, как думать,
считать грузовики на встречной полосе,
и, кажется, водитель неустанно рулит,
но тормозит, зевает,
прячет сон в потёртом рукаве.

4

Там, где пахнет водой и мерцает фонарь,
сфотографироваться невозможно,
сфокусироваться невозможно...
Там, где дом и не мой, и не твой,
там, где кошка с котом,
занавеской прикрывшись с одной стороны
и с видом на променады с другой,
так любили друг друга, что не заметили
«никоновский» аппарат,
старенький фотоаппарат -
и попали в кадр: расплывчатый, неудачный.
Стены Сухоны - не берега, стены Сухоны -
из красного и белого кирпича,
с завитушками окон и закомарами,
здесь так долго стоят
и так долго на реку глядят,
что проели плешь
на Дымковской стороне
в синеве.
И теперь над самой широкой водой
востока
распростерты ладони
Равнины -
бескрайние былинные.
Там, где пахнет водой, но воды не видно -
только отблески фонарей,
может быть, кто-то из близких
прошёл или ещё пройдёт,

*и здесь будет всё тот же берег,
те же дома,
и скрутившиеся в клубок -
с видом на променад,
с фоточкой под спиной
Бабушка-кошка и дед-кот.*

5

*За четыре дня солнце не вышло ни разу,
и, если смотреть на город со стороны реки,*

*то представляется сразу,
как идёт метель.
Как сквозь мистическую подсветку
выглядывают столпы
кирпичных кладок потертых,
Местами - цветных.
И выпуклая лепнина окон жилых домов
морозные согревает души
великоустюгских котов.*

ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ •

«Семьи́струнка»

Сборник стихов и прозы авторов из семьи Фокиных-Чурбановых носит нежное название - «Семьи́струнка». Под одной обложкой - стихи и проза семи авторов, семи близких родственников: Ольги Фокиной, ее супруга Александра Чурбанова, дочери Инги, братьев Валентина и Владимира, невестки Людмилы и племянницы Галины. Есть ещё один автор, правда, выступает он, вернее, она, пока только в качестве фотоиллюстратора: это Диана Никитина, дочка Инги Никитиной и внучка Ольги Фокиной.

- Идея опубликовать стихи и прозу всех пишущих в семье Ольги Фокиной под одной обложкой возникла лет десять назад и принадлежала библиотекарю из Верхней Тоймы Анне Сеницыной, она и стала составителем сборника, - рассказала Инга Чурбанова. - Поддержал Владимир Фокин, младший брат моей мамы. Название сборнику подарила Ольга Александровна.

Первыми с книгой познакомились архангелогородцы в прошлом, 2020 году; в нынешнем году книгу представили вологжанам - вначале в музее-квартире В. И. Белова, а позднее в областной библиотеке имени И. В. Бабушкина.

Анна Николаевна Сеницына с благодарностью вспоминает встречи с Фокиными, на которых обсуждалась будущая книга, их доброжелательность и поддержку, готовность помочь и доверие к выбору составителя.

Автобиографическое повествование Ольги Фокиной, «Моя родословная», является, на взгляд Анны Сеницыной, стержневым произведением сборника:

- Это доверительный диалог с читателями об истоках семьи, о трудном деревенском житии. Вся поэтическая подборка Ольги Фокиной говорит так или иначе о деревне, которая перемогла тяжесть военного лихолетья, отстроилась и похорошела, а затем, растеряв тружеников, разлетевшихся по городам в поисках лучшей доли, обезлюдела и заросла травой...

Жизнь Русского Севера, судьба нашего народа, его величие, красота и трагизм так или иначе отражены во всех произведениях «Семьи́струнки».

Симона
Йорри Маканда

Симона Йори Маканда (Симона Тсати-Массимиана) - режиссёр, композитор, поливалентный художник. Автор-исполнитель своих песен. Создатель школы векторной импровизации. Адепт альтернативной педагогики. Родилась 21 сентября 1974 года в Москве. Отец - геолог, уроженец Республики Конго. Мать - вологжанка. Раннее детство провела в Браззавиле. «С 6 лет до 17 жила в Вологде, училась в 9, 11, 22 и 8 школах, - рассказывает о себе Симона. - С 1992 по 2006 год жила в Москве, с 2006 - в Санкт-Петербурге. Часто летала в Конго. Сейчас живу в Алакуртти (Мурманская область), где служит мой супруг. В 1995 поступила во ВГИК, в мастерскую известного кинорежиссёра Владимира Ивановича Хотиненко. Училась хорошо, но недолго - так сложились обстоятельства. В 1998 году погрузилась в создание своей школы. Параллельно создала себе программу обучения и получила качественное, как мне кажется, самообразование - альтернатива утраченной возможности. Много работала с трудными детьми и подростками в России и Конго (проекты: «Учимся вместе», «Нголо Конго»). Сейчас полностью ушла в документальное и авторское кино. Пишу картины, сценарии, работаю над двумя книгами. Снимаю два документальных фильма. Один фильм - «Коклюшки» - из цикла «Лад» (да, такое совпадение получилось). Другой фильм - «Последняя осень эпохи» - о поэзии московского поэта и моего друга Алексея Перминова (Грюндика). Всё делаю на свои средства, поэтому медленно. Не хочу оказаться в зависимости от «дающих» и загубить чистоту идеи. Сняла несколько экспериментальных игровых фильмов по методу векторной импровизации, который разрабатываю с 1998 года. Одна из моих работ - https://www.youtube.com/watch?v=S8MoWU5X_Bs. Здесь я автор музыки и слов, исполнитель. Фрагменты некоторых моих картин наравне с работами художницы и видея Елены Марьяшиной (Радуги) в видео-клипе, который она создала. В интернете обо мне есть информация, в основном связанная с моей юностью и участием в известном андеграунд хип-хоп коллективе d.o.b. community или с тем, что я мама рэп-исполнителя Жака-Энтони. Мне в жизни очень везло - на моём пути встречались удивительные личности, гениальные люди и хорошие учителя. Я им благодарна. Лучшим своим учителем в кино я считаю Георгия Ивановича Рерберга».

Свои стихи Симона Йори Маканда прежде нигде не печатала, подборка в «Вологодском ЛАДЕ» - её первая поэтическая публикация.

Восемь стихотворений

* * *

Один живой нерв,
Растянутый на километры.
Откуда такая связь
И с ними, и с диким ветром.
Откуда такой порыв,
Откуда такая сила,
Откуда такая любовь,
И где меня раньше носило?
И всё, что было так сложно,
Вдруг стало проще простого.
И взрослая детская кожа
Стянулась и стала твёрже.
И тело, вернувшись из спячки,
Стремится к осям остова.
Мой корабль после долгой качки,
Крепкий, на курсе снова.

ТОЙ, ЧТО ВОРОЖИТ

Маленькая белая колдунья
Думает, что всё знает.
Забыв -
никто ничего не знает.
Никто не принадлежит никому.
Никто никем не обладает.
Живущая воспоминаниями -
она пленница в своем элегантном аду.
Мыслью и словом притягивая то,
что уже ушло,
маленькая белая колдунья
хочет вернуть любовь
как вещь,
которую у нее отобрали.
Реверансами Бродскому -
ворожит,
обнажая обиду и боль.
И будто разгадав нашу жизнь,
покрытая старой шалью,
маленькая белая колдунья
думает,

что ее белый правильный цвет
значит свет.

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО

Властью слов ты не обманешь слух.
Властью тела не обманешь сердца.
Чистой нотой ля поет теперь любовь,
Угасая в чьих-то перепевах.
Здравствуй, miagatto.
Были дни -
Птицей я взлетала над рутинной.
В мир иной меня сплавляли сны.
И прозрачны были мне любые стены.
Я водила детский хоровод,
Забывая правила и темы.
Не любила я напор толпы,
Мир слепой восторгов, сцену.
Все, что нравится другим, тебе -
Обошла я стороной и пела
Только в ванной, на ходу, в лесу.
Но моя звезда всегда горела,
Освещая многих и тебя.
Так заведено в делах «сиренных».
Голос мой любил ты - не меня.
И когда угасло моё пенье,
Пустоту, что заполняла я,
Вдруг заполнило немое раздраженье.
Будто вовсе не было меня.
Будто нет любви без песнопений.
Голос мой любил ты - не меня.
Был он родником твоим, спасением.
Голос мой затих.
Но феникс я.
Всем года - забвеньё.
Мне - рожденье.

* * *

Не порвутся крепкие нити.
Не сгорят из камня мосты.
Не погаснут искры улыбок

*в мире вечности и простоты.
Не исчезнут кристаллы памяти,
только будут они немы.
И рубины граната на паперти,
кем бы ни были - всегда будем мы.*

ТЕБЕ И МНЕ

*Тебе нужна свобода.
Как и мне.
Твоей стреле взлетать и падать -
Как в штиль и шторм идти моей
ладье.
Весь мир мы облетим и обойдём
кругами.
Вернёмся лишь к весне...
В твоей руке
тот самый круглый камень,
как бесконечность на моей
руке.*

ВОТ И ВСЁ

*Вот и всё.
Решение принято.
И уплыли вещи к другим...
Одинокий на складе контейнер -
мой оставшийся детский мир.
И, как в трауре, я выбриваю
глубоко и дугой - виски.
Я свободой сейчас называю
То, что раньше звала «тиски»
И, по-новому долг вышивая,
Режу нежную ткань на флаг.
Оставляю друзей, не бросая.*

*Знаю - есть среди них мой враг.
Кожу старой снимаю катышки.
Выжигаю прилипший страх.
А подаренный маленький камешек -
Светлячок в моих худших снах.*

ЛАДОГА

*Нить распутала старой,
оранжевой памяти гимн.
Под силой волны расслабилось
то, что было недавно тугим.
И сошлось. А когда-то не ладилось.
Пробудился от спячки нарыв.
Под горячей лавой расплавилось
всё, что было чужим, не своим.
И, качая в ладонях младенца,
я плыву по неспетым песням.
И биение детского сердца
стало самым священным местом.
И водой обжигающей Ладоги
Холод рвёт мой последний рубеж.
Древний берег, обильно каменный,
и ласкает меня, и режет.*

РЕВНОСТЬ

*Чья-то гордая белая шея,
чей-то тонкий точеный стан
и во мне разбудили зверя,
на мгновенье впустив ураган.
В моей Африке тонут метели.
Моей ревности тают круги.
И садятся на бледные мели,
величаво, мои корабли.*

*Николай
Цыганов*

Николай Александрович Цыганов родился в 1960 году в деревне Глебовское Кирилловского района. Живет и работает слесарем аварийно-восстановительных работ в Кириллове. Стихи Николая Цыганова публиковали газеты «Новая жизнь» (Кириллов), «Маяк» (Вологда), «Вологодский комсомолец», «На страже Заполярья» (г. Полярный), а также журналы «Костер» и «Юность». Н. Цыганов - один из авторов сборника «Любят поэтов в России», изданного Вологодским областным научно-методическим центром культуры.

Совсем простая песня

***

*Посмотри вокруг -
По всей России
Журавли курлычут
В небе синем!
Над болотами, лесами
и полями
Мащут нам
Усталыми крылами...
Им дорога дальняя,
тяжёлая...
Что ж, летите с Богом,
Птицы вольные!
Пусть всё будет
Празднично и свято:
Гордые.
Красивые.
Крылатые.
Милые.
Хорошие.
Родные.
Все просторы вам
И вся Россия!*

ИЗБА

*Латаная, перелатаная,
Ни жары не боясь,
ни стужи,
Стоит изба горбатая,
Взором уткнувшись в лужи.
На самом краю деревни
Без гордости,
Без тоски,
От мира укрывшись
деревьями
Да забором в четыре доски.
Окон провалы чёрные
Наводят печаль и тоску,
Убогая.
Тихая.
Тёмная.
Ни скрипу, ни голосу...
Хозяйка давно покоится
Под холмиком
без креста,
Душа её, странной
скромницы,
Как у избы - чиста.*

МАРТ

*Март со снегом и водой.
Март со свежими ветрами.
С неожиданной бедой...
С прибывающими днями!*

*Солнце с раннего утра
В окна весело стучится,
Но совсем ещё проста
Песня мартовская птицы.*

***

*Касаясь трав,
Летают ласточки,
Над лесом молния,
Как красный галстучек.
Шумят берёзы,
Ветер вьёт.
Ещё немного -
Дождь пойдёт.*

***

*Мой дом в плену у тополей,
Я у бессонницы в плену.
Замолк весёлый соловей,
Как бы почувствовал вину.*

*Кузнечик тоже не поёт,
Уснул, трудяга, на ромашке.
Туман от берега идёт
В своей застиранной рубашке.*

*Хозяйка-ночь, расставив сеть,
Чуть успокоилась - зевнула.
О Боже, помоги сберечь
Всю эту благодать земную.*

УТРО

*Заря проснулась и запела.
Стряхнули сон с листвы деревья.
И, просыпаясь, зазвенела
Весёлым говором деревня.*

***

*Пароходик белеющий
Не пристанет к берегу,*

*Девушка красивая
Не махнёт рукой.*

*Кони с ветром спорили, -
Всё прошло, отбегали,
Только тучи тёмные -
Тучи над рекой.*

*Всё осталось в памяти
Белую черемухой,
Да глазами карими,
Да костром в ночи...*

*Всё шумят, качаясь,
Под окном подсолнухи.
А душа - страдает всё,
И душа - кричит.*

***

*Звезда упала в камыши.
Сгорев, звезда упала.
И вот ещё одной души,
Одной души не стало.*

*Зарос крапивою старьёй дом.
Калины куст, тропа к колодезю.
Зачем напрасно верим, ждём:
Что было - больше не вернётся.*

*Колоколов седая медь
О вечной вечности пророчит!..
А надо жить, чтобы успеть
Туда, в разливы синей ночи...*

*Туда, где больше не спешат:
Там - всё, что здесь нам не хватало!
Звезда упала в камыши.
Сгорев, звезда упала.*

***

*И пускай мы немного устали -
Всё заботы, дела, как всегда,
Из высокой синеющей дали
Мне вчера улыбнулась звезда.*

*Как-то сразу забылось ненастье
И рассеялся сумерек дым.*

ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ •

Художники, наставники

Книга «Художники, наставники. Николай Константинович Воздвиженский и Алевтина Петровна Кротова» вышла летом нынешнего года в издательстве «Арника» к открытию выставки работ Николая Константиновича и Алевтины Петровны в галерее «Красный мост».

ХУДОЖНИКИ, НАСТАВНИКИ

**НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ВОЗДВИЖЕНСКИЙ
АЛЕВТИНА ПЕТРОВНА КРОВОТА**

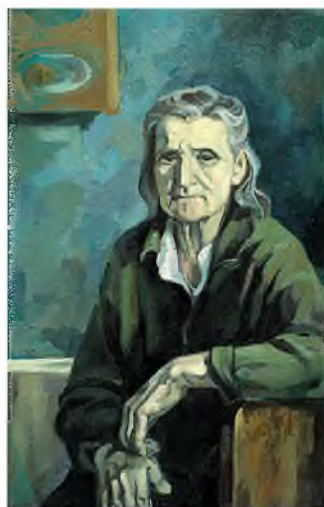
В оформлении книги и выставочной афиши использованы две работы Алевтины Петровны Кротовой: «Автопортрет». 61,5x43. Картон, масло. Конец 1960-х гг. и «Портрет Н. К. Воздвиженского». 69x49,5. ДВП, масло, 1980-е гг.

• ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ

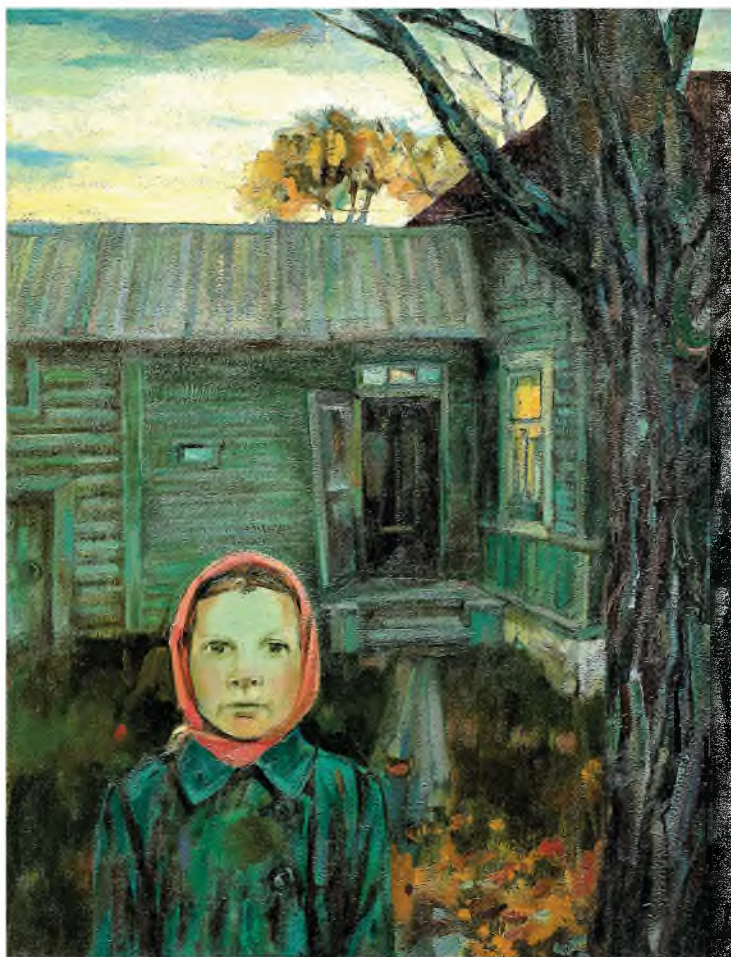
Оба они были преподавателями Вологодской детской художественной школы. Среди воспитанников Воздвиженского - известные вологодские художники Юрий Коробов и Евгений Молев. В числе учеников Кротовой - член-корреспондент Российской академии художеств Юрий Воронов, художники Ольга Карпачёва, Михаил Кирьянов, Светлана Глушина, искусствовед Елена Савина. Николай Константинович трудился также в областном методическом центре культуры, помогал становлению таких известных художников, как Георгий Попов, Николай Сажин и другие. В конце 1980-х годов Николай Константинович стал диаконом Вологодской епархии, служил в храмах Вологды.

В 2021 году исполняется 80 лет со дня рождения отца Николая и 75 лет со дня рождения Алевтины Петровны. Оба они отошли ко Господу в 2019 году.

Составитель книги - игумен Дионисий (Воздвиженский). В неё вошли воспоминания родных и учеников Николая и Алевтины Петровны, их коллег-художников, церковных людей и искусствоведов. Книга богато иллюстрирована, и не только работами Николая Константиновича и Алевтины Петровны, но и большим количеством фотографий, рассказывающих о жизни художественной культуры Вологодчины.

Кротова А. П. Портрет матери, А. Н. Кротовой. 80x49,5x24,5. ДВП, масло. 2000-е гг.

Кротова А. П. Воспоминания о детстве. 110,5x81. ДВП, масло. 1980-2000-е гг.

Художники, наставники

Воздвиженский Н. К. Портрет матери, М. И. Воздвиженской. 43x30,5 Картон, карандаш. Конец 1960-х гг.

Воздвиженский Н. К. Портрет отца, К. И. Воздвиженского. 51,5x35,5. Картон, карандаш. Конец 1960-х гг.

Кротова А. П. Портрет отца, П. А. Кротова. 39,5x27,5

Кротова А. П. Портрет дочери Тани. 29,5x20,5. Бумага, ретушь. Середина 1980-х гг.

Кротова А. П.
Автопортрет.
81,5x92,5. ДВП,
масло. 2000-е гг.

Кротова А. П. Григорьево-Пельшемский монастырь. 78x66,5. ДВП, масло, 2000-е гг.

Кротова А. П. Портрет игумена Дионисия. 110x75. Холст, масло. 2010-е гг.

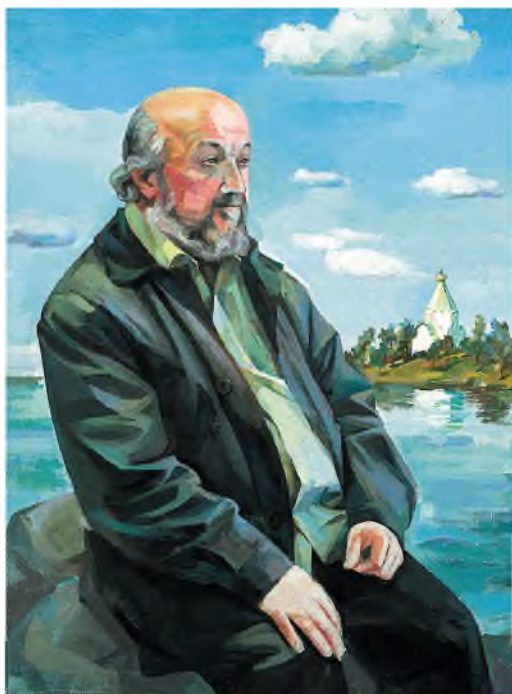
Воздвиженский Н. К. Букет.
50x35. Картон, масло. 1995

Кротова А. П. Сирень. 65x65. Холст, масло. 2000-е гг.

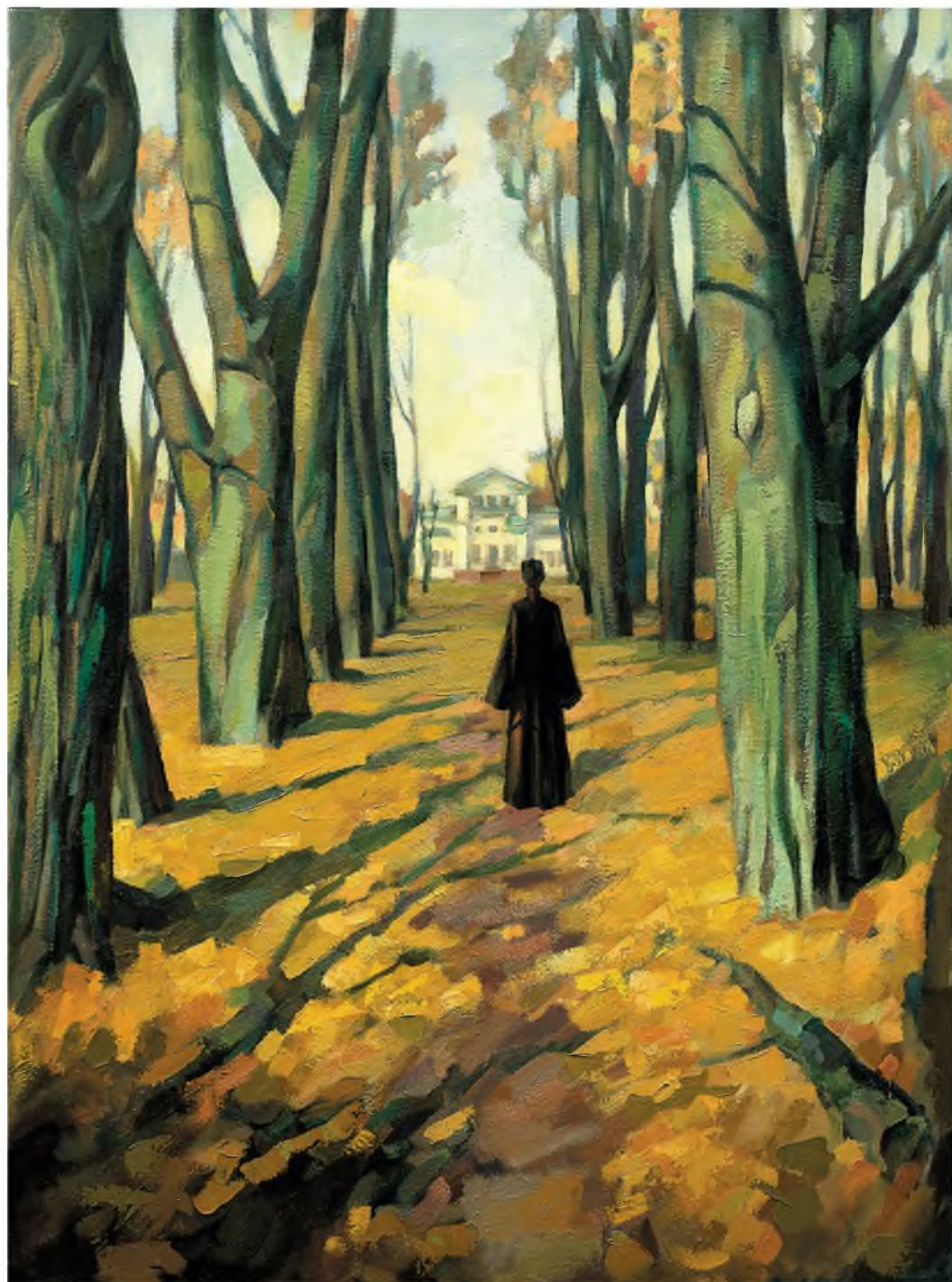
Воздвиженский Н. К. Казанский храм в Устюжне. 34,5x49,5. Картон, масло. 1980-е гг.

Кротова А. П. Портрет Н. К. Воздвиженского. 100x79. Холст, масло, 2010-е гг.

Кротова А. П. Натюрморт с полевыми цветами. 74x61. ДВП, масло. 2000-е гг.

Кротова А. П. Парк в Покровском. 100х73. Холст, масло. 2000-е гг.

*И поверилось - вот оно, счастье,
Так зачем и куда мы спешим?*

*Посиди. Полюбуйся закатом.
Будь к чужому несчастью раним.
Не суди никогда виноватых -
То и сам ты не будешь судим.*

***

*Опустился синий вечер на колени,
И в округе сразу смолкли соловьи.
Взяв в ладони ароматный куст сирени,
Он признался красной зорюшке
в любви.*

*Синий вечер, добрый вечер,
тёплый вечер...*

*Я влюблённый, я счастливый,
я смешной,*

*На свидание спешу - спешу
на встречу*

*К той единственной, хорошей
и родной.*

*Дни, как реки, всё текут,
не остановишь...*

*Смысла жизни до конца нам
не понять!*

*Карих глаз красивый взгляд
с надеждой ловишь -*

*Не даёт мне этот взгляд
ни быть, ни спать!*

*Опустился синий вечер на колени.
Засияла в небе яркая звезда.
Только я не буду рвать с куста сирени.
Подарю девчонке сердце - навсегда.*

ДРУГУ

*Не хочу возвращаться назад
И топтать снова эти дороги.
Каждой встрече, как празднику,
рад.
Душу выложу другу, как Богу.*

*Расскажу, что тревожит меня.
Что туманы - как ночь над рекою.
Что рябины - костры сентября -*

*Не дают мне покою.
Отболел я вчерашним давно.
А сегодня - дороже и ближе -
Я приемлю, что жизнью дано
И другого не вижу.*

*В суматохе потерь и утрат -
Лучше б всё это только приснилось!
Не хочу возвращаться назад.
Не хочу, чтобы всё повторилось.*

***

*Моя жизнь - это поле пшеничное.
Это белый туман в берегах.
Это дни, что прошли, -
земляничные*

И упали росой на лугах.

*Не излечит тоску одиночество.
Замело, закружило пути.
Вот упала звезда, как пророчество,
Как судьба, - от неё не уйти.*

*Мы к разлукам и дружбе привычные.
Можем всё - и прощать, и любить.
Моя жизнь - это поле пшеничное.
Это всё, что нельзя позабыть.*

***

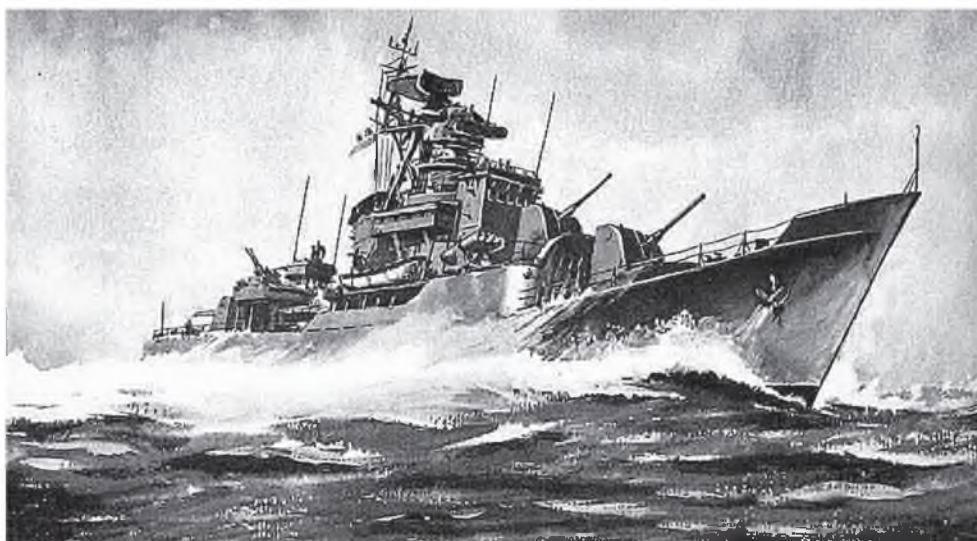
*На утренней заре
Все мысли как огонь.
Природа, просыпаясь,
Одарит новой силой.
Тогда-то - помолчи
И ничего не тронь.
И будешь ты опять
Свободным и счастливым.*

*Тогда услышишь ты
И музыку полей,
И шёпоты берёз
О чём-то сокровенном...
И вот тогда поймёшь -
Почувствуешь скорей, -
Как сказочен наш мир,
Наш мир обыкновенный.*

Александр Чурбанов

Александр Александрович Чурбанов родился 20 октября 1936 года в деревне Выползово Нижегородской (Горьковской) области; отец - сельский учитель, мать - домохозяйка. Был первым ребенком в многодетной семье. Во время Великой Отечественной войны воспитывался у родственников, так как оба родителя ушли на фронт. По окончании войны и с прибытием отца и матери Александр вернулся домой и помогал воспитывать младших братьев и сестёр. Успешно окончил среднюю школу, сельскохозяйственный техникум по агрономической специальности. Служил на Северном флоте, после демобилизации работал инструктором в Ардатовском райкоме комсомола. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (1961-1966 гг.), где обучался в семинаре прозы под руководством прозаика Бориса Бедного, автора киноповести «Девчата», и известного критика Михаила Лобанова. Первые публикации были достаточно яркими, о них благосклонно отзывалась центральная пресса, в частности, в газете «Правда» появилась обнадеживающая статья писателя Павла Нилина. После окончания института и женитьбы на О. А. Фокиной (1966 г.) до 1975 года жил и работал в Вологде, далее - в городе Набережные Челны (Татарская АССР) и в родном поселке Ардатово Нижегородской области. Несмотря на непростые - творческие и бытовые - отношения с женой, официальный брак расторгнут не был. У них родились двое детей: дочь Инга и сын Александр. Александр Чурбанов - автор двух прозаических книг: «Море солёное» (Северо-Западное книжное издательство, 1970 г.), и «Два лета» (Казань, 1985 г.). Член Союза российских писателей. Умер на родине 11 августа 2002 года.

МОРЕ СОЛЁНОЕ

Повесть Александра Чурбанова «Море солёное» посвящена военным морякам Заполярья. В ней рассказывается о слаженном и дружном коллективе военного корабля. Нелегка суровая морская служба. Романтика здесь тесно переплетается с трудностями, требующими от моряков отличной выучки, большого мужества, и это возвышает людей, спаянных узами боевого братства. В повести много интересных эпизодов, красочно, убедительно рассказанных устами участника событий. Внутренняя напряженность и динамичность делают повествование интересным и ярким. «Море солёное» - правдивый и убедительный рассказ о тех, кто несет трудную и почетную вахту у северных границ нашего государства.

О ВКУСЕ МОРЯ

Предисловие читателя

Авторам, пишущим о событиях, участниками которых им довелось быть, спустя годы, присущи два достоинства. Во-первых, они уже способны дать взвешенную оценку событиям и, во-вторых, еще способны держать в памяти множество деталей и фактов. Гармоничное соединение этих достоинств в повествовании неизбежно вызывает глубокое доверие читателя к автору произведения.

Именно к таким произведениям относится повесть Александра Чурбанова «Море солёное», изданная через десять лет по окончании автором службы на Северном флоте. Название повести - это и «знак качества» ее, и ключ к ее нравственной сути: соль издревле (библейское: «соль земли») выступала как образ сокрытой истины, внутренней силы, глубинного смысла... И не только: соль еще воспринимается как символ стабильности, неизменности, надежности. Море имеет ветреный, в прямом смысле слова, характер, оно изменчиво во всем, и только соленым оно остается всегда, во все сезоны и при любых погодных условиях. Возможно, по этой причине автор выбрал для названия книги именно эту, стабильную, характеристику моря. В повести море просолило всё и вся: одежду, волосы, кожные покровы; здесь солёный привкус ощущается в словах, мыслях и поступках людей; здесь соль разъела полутона и смутные контуры человеческих отношений, обнажив их костяк. Да и сама структура повести очень уж напоминает кристалл соли, точнее, компактную кристаллическую решетку из девяти узлов-новелл, которые связаны между собой общими героями. При этом каждый рассказ имеет свой сюжет, художественные образы и лирические отступления.

Автор повести настолько близко допускает читателя ко всему происходящему в ней, что тот уже после прочтения первого рассказа фактически становится зрителем: как бесплотный дух, пребывает он за спиной Алексея Вязина (неотвязно!), проводника по всем сюжетам повести.

О чем же повествуется в книге «Море солёное»? Если одной фразой - о суровой службе военных моряков Заполярья в мирное время. Но это - «взгляд из космоса», а в близком видении, с высоты командирского мостика корабля, его палубы и «уровня моря» - о героической повседневности Северного флота на примере сторожевика СКР-50.

По духу это книга-летопись: в оценках происходящего она беспристрастна, скуповата на эмоции - здесь всё подчинено достоверности, всё работает на факт (даже технические аббревиатуры и морские термины). Однако эта «сетка фактов» - всего лишь скелет полнокровной, динамичной повести, в которой внимание рассказчика обращается вокруг триады: море, корабль, люди.

В повести всё на фоне морской стихии. Здесь море трудится рука об руку с моряком или противится его усилиям; сдается человеку или властвует над ним. Волны, «вскипая, сливаются в раскатыстый вал, а тот с маху ударяется в стальной борт и, умирая где-то под килем и винтами, долго чавкает от бессилия и боли». И вместе с тем «стоит закрыть глаза - и кажется, что наступила страшная вечность, в которой нет тебя, нет твоего разума, а есть только власть воды, власть ветра». Корабль для старшины Вязина и его сослуживцев поистине «мой дом - моя крепость». Здесь всё и всегда должно быть исправно, надежно, красиво.

Естественно, жизнеспособность и боеготовность корабля обеспечивают люди в морской форме, которым и посвящена повесть. Автор наделяет правом вести рассказ от первого лица старшину Алексея Вязина, поэтому мы смотрим на всё происходящее в повести его глазами, однако видим события глазами собственными. «Летописец» Вязин в большинстве случаев не дает личной оценки человеческим поступкам, не комментирует их (в том числе и собственные), скрывает свое отношение к ним, оставляя это право «в чистом виде» за читателем. Он не героизирует события, но и не умаляет их значимость; он лишь бесстрастно, обстоятельно и порой педантично констатирует действие и обстоятельства, непосредственно с ним связанные. Все человеческие поступки и намерения подаются читателю как служебная и нравственная норма, и, значит, в них нет ничего выдающегося. На вопрос: «Трудно ли служить?» - Вязин отвечает: «Не знаю. Я привык. Сравнивать с чем-то другим не могу».

Но на фоне будничности и сдержанности повествования всё отчетливее выступает героическая сущность самих будней. Разве не геройскими по сути своей являются действия членов экипажа, если угроза смерти стоит буквально в одном шаге и одной секунде от каждого из них? Здесь даже «штатные ситуации» (борьба с обледенением корабля, поиск отстрелянной торпеды в штормовом море) сопряжены с реальной смертельной опасностью. Ради выполнения боевой задачи (в мирное время!) в ледяную пучину бросается матрос Малинкин; висит на обледенелой мачте высоко над морем старшина Вязин; команда моряков-добровольцев в условиях свирепого шторма, рискуя жизнью, спасает терпящий бедствие пассажирский теплоход с людьми на борту (и это при условии, что «все знали о недавнем случае на эскадренном миноносце, который, оказывая помощь танкеру, потерял в море двух человек»). Да, в жизни моряков-североморцев героизм обрел черты повседневной, будничной нормы: «за время службы люди научились отличать мнимую романтику моря от романтики необходимости». Однако вдумчивому читателю открывается другое: высота героизма флотских будней и многогранная порядочность флотских труженников. В этом открытии сконцентрирована соль всей повести.

Думается (и не только мне), что повесть Александра Чурбанова, просоленная от заглавия до последней строки буквально, сохранится востребованной в течение долгих лет.

Герман МУРАВЬЕВ,
выпускник минно-торпедного факультета Военно-морского
училища инженеров оружия (Ленинград, 1961 год)

*...Мы по-прежнему вынуждены просить
у молодежи в долг для Отечества ее лучшие
годы, чтобы создать умную и сильную армию...*

Леонид Соболев

1

Сторожевик трещал, неуклюже заваливался на борт и круто лез на волну, с тяжелым стоном обнажая винты. Несмотря на то, что шел он средним ходом, кильватерный след проглядывался только у кормы - дальше дрожала мокрая жуть и темень.

Штурман, старший лейтенант Безматерных, осунувшийся, с покрасневшими глазами, нехотя перебирал губами обсосанный мундштук папиросы и, часто вздрагивая то ли от невеселых мыслей, то ли от толчков, ронял на колени холодные крошки пепла.

Я делаю несколько шагов по рубке и приседаю от толчка в спину. Сзади грохочет. Меня обдаёт ледяными брызгами. Хватаюсь за переборку и только тут догадываюсь, что в момент глубокого крена распахнуло дверь. Штурман, широко расставляя ноги и раскачиваясь, направляется к выходу. Он мне чем-то напоминает огромного черного паука.

- Ну и раскоцегарило... - наваливаясь всем телом на задрайку, бормочет он.

Прислушиваюсь к ворчанию штурмана, а сам, не помню в который раз, насильно сглатываю слюну - сладковатую, с привкусом размокшего во мне хлеба. Укачало. Ищу сигареты. Затяжка, другая, и горьковатый запах дыма сдерживает приступ. Знаю - ненадолго. Единственный выход: поскорее убраться на верхнюю палубу. Но поздно. Несколько судорожных движений. Штурман отворачивается. Брезгливо смотрю под ноги. Губы липкие, холодные. Хочу убраться за собой, но не успеваю. Сторожевик заваливается, по палубе раскатывается вода, желтое пятно пропадает.

По трапу, соединяющему ходовой мостик и штурманскую рубку, направляюсь к акустикам. Качка с каждой минутой усиливается, переходя в килевую. Узкий и крутой лаз кончается неожиданно. Стою будто с закрытыми глазами. Передо мной - ни людей, ни предметов. Одни какие-то беспорядочные круги, мечущие в лицо сырость и стужу. Но вот, как из-под воды, начинают проступать контуры приборов, а около них - тени людей.

Тяжелый и замкнутый, в обледенелом реглане, стоит командир корабля Приклонский. Рядом с ним вахтенный офицер Проскуряков. Перебегают по мостику только одни сигнальщики. В долгополых шубах, с утопленными в воротники головами, они похожи на призраков, исполняющих дикий танец, которому люто и зло вторит море. Вахтенный офицер что-то кричит Приклонскому, но его звуки, не успев стать словами, уносятся в темноту и увязают в месиве воды и ветра. Все вокруг гудит, ухаёт. Ветер, срывая гребни волн, бьет их о надстройки и часть брызг доносит уже мелкими, секущими лицо льдинками.

Рывок - и я в рубке акустиков.

Весь расчет, измотанный круглосуточными вахтами, спит рядом с аппаратурой. Командир поста Коломиец пластом лежит на палубе, а около него, крестом раскинув руки, всхрапывает матрос-первогодок Петелин. Во время крена они оба, как куски мыла, скользят по палубе, сползая то к одному, то к другому борту.

Между ними подстреленной птицей бьется опрокинутый настольный вентилятор. Смотрю на все это слипающимися глазами и захлеб зеваю. От усталости подгибаются колени, стучит в висках, зудят набрякшие от бессонницы веки. Присев, обхватываю раскисшие голенища сапог - так удобней, вроде за что-то держишься, - и, как в теплую воду, погружаюсь в сон.

За дверью рубки по-прежнему гудят мачты, плюют и фыркают сточные шпигаты.

Просыпаюсь от голосов. Они доносятся словно из-под земли - гулкие, с каким-то странным надрывом и присвистом. Во рту пересохло, а плечо, на котором лежу, ноет. Открываю глаза. Коломиец, стянув к переносице белесые брови, просматривает вахтенный журнал. На висках акустика глубокие залысины, и, когда он хмурится, они становятся похожими на крылья реющей чайки. Лежа разглядываю лицо Коломийца. Ему, как и мне, двадцать три - это и много, и мало. Три года назад мы вместе пришли на корабль и, если повезет, одновременно уйдем в запас. С этой мыслью стряхиваю с себя сон, хочу подняться, но не успеваю. Торопливо зачистили колокола громкого боя. Тревога!..

Коломиец бросается к станции. Щелкают тумблеры, загораются шкалы, всхрапывают синхронно-следящие системы. Не могу подняться - от качки кидает из угла в угол. Ползу к двери и мешком вываливаюсь на мостик. Кто-то на бегу больно толкает меня в спину и падает. Сторожевик затемнен. Не светятся даже ходовые огни. Произошло что-то серьезное.

Почти вслепую отыскиваю щит АГС и принимаю доклады о боевой готовности радиотехнической службы. На сторожевике временно нет командира РТС. Я, как старшина команды метристов, исполняю его обязанности. С тревогой слежу за всем происходящим на командирском мостике, но понять ничего не могу. Всюду хрипят залитые водой динамики, гудят трапы, мельтешат тени. По боевой тревоге ожило все.

Доложив о готовности вахтенному офицеру, перехожу на другое крыло мостика. Здесь, в таком же недоумении, как и я, толкуются офицеры и начальники служб. Ткнувшись в мокрую спину сигнальщика, я мельком глянул на шкафут правого борта - и опешил. Не выжидая крена, к торпедному аппарату и орудиям бегут матросы. А рядом с ними горбатится море, готовое в любую секунду рухнуть на палубу.

Несколько пушкарей успели скрыться за банкетом орудия. Будь это на мгновение позже - их смыло бы за борт. На верхней палубе осталась только тройка торпедистов. Они ползут на боевой пост почти у леерных стоек. Космы волн отсекают их от торпедного аппарата, мешают двигаться вперед. Один из матросов делает отчаянный рывок, но, сбитый, повисает на леерах. Очередная волна захлестывает торпедистов.

Сигнальщик, в спину которого я ткнулся, не выдерживает и, выхватив из-за пояса ракетницу, стреляет. Ночь, обжигаясь, отступает, обнажив мачты, трубы и всю верхнюю палубу. Но там, где только что были люди, дрожит пустота и вновь наплывающая темень.

- Снять с вахты и под арест! - послышался голос Приклонского.

И только тут я догадываюсь, какую оплошность допустил сигнальщик. Будь военное время - не сносить бы парню головы.

На мостике неожиданно наступила тишина. Кажется, в эту минуту притихло даже море. Лишь чувство тревоги, тупое, гнетущее, как ночь, всасывается в каждую щёлку души.

- Внимание! - вновь раздался голос командира. - Только что получен сигнал бедствия. Идем на помощь. Всем находиться по местам боевой тревоги. Такое время, что не исключена возможность провокации. - Приклонский, сутулясь, направился в рубку рулевых.

Вскоре, судя по неожиданному крену, сторожевик сменил курс. На мостике появился рассыльный. Пытаясь встать по всей форме доклада, падает.

- Ну-ну, живо! - подбадривает его вахтенный офицер, помогая подняться.

- Что с торпедистами?..

С трудом двигая онемевшими на ветру губами, рассыльный докладывает:

- Старшина торпедистов Гришкин в лазарете. Его ударило о кормовую надстройку, но смыть не успело... Подоспел боцман. Остальные травм не имеют и находятся во второй машине.

После этих слов на мостике воцарилась деловая обстановка. Люди ожили, заговорили. Даже задыхалось легче, словно небо над нами стало выше и просторней. До меня доносится приглушенный говор. Кто-то, видимо от ветра, прикрывает рот рукавицей, и голос от этого становится глухим, утробным:

- Провокация исключена. Это же нарушение международного права...

- А на Суэцком канале обстановка хоть шашлыки жарь - не нарушение того же права?.. - Голос знакомый, с хрипотцой.

По обрывкам фраз догадываюсь, что речь идет о суэцком кризисе. Разговаривают Тягунов и Малинкин.

- И какую мы окажем помощь?.. В такую карусель как бы и нам не замаякать SOS, - высказывает свои опасения Тягунов.

- Карусель-то что... - басит в ответ Малинкин. - А вот в моей кочегарке на кишках хоть узелки на память вяжи. Трое суток, как заштормило, крошки в рот не брал. Врачи говорят - повышенная кислотность.

- Брежут твои врачи. У всех так, - не соглашается Тягунов. - На первом орудии один молодой кровью травил, высох весь, хоть на порошок мели... А теперь привык.

Малинкин молчит и принимается сбивать с шинели образовавшуюся наледь. Тягунов, увидев меня, спрашивает глухо, как из бочки:

- Это правда, Вязин, что добровольцев на Суэцкий канал вербуют?

- А ты что, хочешь там погреться? - отделяюсь шуткой и прячу лицо от дубящего ветра.

- И то недурно, - оживляется Тягунов. - Да я все о том... Перед выходом в море прочитал ноту нашего правительства. Бумагой никого не проймешь! Там бы нагнать гари кому следует - и дробь, орудия на ноль!..

Малинкин точно ждал этих слов. Он круто повернулся и сделал шаг в мою сторону. И хотя минуту назад он говорил, что трое суток крошки в рот не брал, я усомнился в искренности его слов. От него за версту несло сухарями и селедкой. Он тут же дополнил мысль Тягунова:

- И что там трали-вали разводят?! Послали бы нас. Дали команду - и разлюли-малина... Черепки агрессора в решето, а ходули на козонки...

Я не могу сдержать улыбку - и не только от наивной воинственности пушкаря. Наверное, больше от его голоса, которым шуплый на вид Малинкин мог оглушить не только соседа, но и целый косяк рыбы.

В это время гулко стукнула дверь радиорубки, и на левом крыле мостика появился старшина радистов. Отыскав взглядом вахтенного офицера, он, глотая слова и захлебываясь ветром, доложил:

- Радирует норвежское судно «Нотас». «Заклинило рули, в трюмах течь, на борту двести пассажиров».

- Вот это провокация... - зашипел Малинкин и по случаю общего замешательства бросил в рот порядочный обломок сухаря.

Объявили отбой тревоги. Многие из нас еще не успели прийти в себя после случившегося с торпедистами, а море преподнесло другой, не менее коварный дар. Прежде чем покинуть мостик, вглядываюсь в суетливую темень и как будто слышу тревожный гудок затерявшегося в ночи норвежского судна.

Тем же путем, через штурманскую рубку, возвращаюсь на один из постов своей службы. Безматерных, явно чем-то недовольный, склонился над автопрокладчиком курса. Повернувшись ко мне, нехотя произнес:

- Тебя спрашивал Головка. Зайди к нему, он у себя.

Направляюсь в каюту к помощнику командира корабля. Там его нет. В каюте густо накурено, в беспорядке разбросаны газеты, журналы. Чувствуются следы недавней спешки.

Возвращаюсь на свой боевой пост.

- Был здесь капитан-лейтенант Головка? - спрашиваю у командира поста Чмутина.

- Только что ушел...

Лица у радиометристов хмурые - не иначе что-то случилось.

- С ответчиком нелады... - словно давясь вкрутую сваренным яйцом, мычит Чмутин.

Кидаюсь к аппаратуре. Слежу за контрольными лампочками кодирующего устройства. Их вспышки отчетливо фиксируют: две точки - тире, две точки - тире... «Я свой, я свой...» - уносится тем временем в эфир. Стрелки измерительных приборов в пределах нормы. С недоумением гляжу на Чмутина, и в это время в механической части блока что-то трещит.

- Давно?

- Не успел в вахтенный журнал записать.

Аппаратура вот-вот задымит. Где-то замкнуло, и через равные промежутки времени проскакивает искра. Ответчик можно выключить только с особого разрешения. Ближайшим путем бегу на командирский мостик. Приклонского нахожу в рубке рулевых. Выслушав мой доклад, командир долго молчит, а потом, как тисками, сжав меня взглядом, сквозь зубы цедит:

- Выключить...

Тут же, по переговорной трубе, связываюсь с Чмутиным. Натыкаясь на стоящих офицеров и старшин, ухожу с мостика. Самое страшное в море - это отказ аппаратуры. Подавленный, несколько минут стою в прикрытии банкета второго орудия.

Упругий норд-ост дико завывает в реях, мачтах, трубах сторожевика, пузырит и рвет чехлы, плюет в лицо соленой пеной и гонит, гонит куда-то всклокоченные страхом волны. Вскипая, они сливаются в раскатистый вал, а тот с маху ударяется в стальной борт и, умирая где-то под килем и винтами, долго чавкает от бессилия и боли. Стоит закрыть глаза - и кажется, что наступила страшная вечность, в которой нет тебя, нет твоего разума, а есть только власть воды, власть ветра.

Возвращаюсь в рубку. Старший специалист поста Обливач хочет мне что-то сказать, но, увидев в дверях помощника, замирает с разинутым ртом.

- Вот что, Вязин, - Головка сбрасывает капюшон канадки. Он весь мокрый, в складках одежды посверкивают ледяные нити. - Прикажете всему составу РТС,

свободному от вахты, собраться на инструктаж. Часть ваших людей я включаю в состав аварийно-спасательной группы. Через пять минут ждите меня...

От такой ошеломляющей вести матросы притихли. За время службы они научились отличать мнимую романтику моря от романтики необходимости. Нарушает молчание Чмутин:

- Вот и снесла курочка ряба яичко!

- Угу, - согласился Обливач.

У меня при воспоминании об ошалелом море отяжелели руки и ноги.

- А что мы практически можем сделать? - спросил Чмутин.

- Головко, видимо, планирует высадку. - Обливач поморщился, зябко повел плечами.

- В такую погоду? - удивился Чмутин. - Да это все равно что заставить слепого ловить блох в шерсти бешеного кобеля...

- А может, и не будет высадки. - Обливач почесал за ухом. - На месте станет видней.

Тянусь к микрофону и по АГС дублирую приказание Головко. Сторожевик увеличивает ход. Через вытяжные вентиляционные грибки в рубку засочилась вода.

Не прошло и пяти минут, как стали появляться метристы с других постов. Они уже знали, что их ожидает, и каждый прихватил с собой спасательный жилет.

В отсеке стукнул люк. Толпившиеся в дверях рубки расступились. Головко сел в закрепленное по-штормовому кресло.

- Буду краток, - заговорил он. - В сложившейся ситуации никто никому не приказывает. Дело сложное и опасное. Кто к этому не готов - прошу встать и уйти. - Головко точно ощупал каждого из нас взглядом.

Молчание.

- Вам уже известно, - капитан-лейтенант привстал с кресла, - что норвежское судно терпит бедствие. Заклинены рули, в трюмах течь, на борту больше двухсот пассажиров, в основном дети и женщины.

- Что входит в нашу задачу? - перебил помощника Обливач.

- Придется высаживаться. На судне паника. Команда не в состоянии бороться за живучесть корабля. - По лицу Головко, как молния, скользнула судорога и угасла где-то в уголках губ.

- Возможна ли высадка при такой волне? - робко спросил кто-то от двери.

Капитан-лейтенант тревожно посмотрел на часы.

- Возможна. Дело в том, что судно большое. В такую погоду оно обладает огромной парусностью. На это мы и будем рассчитывать. Отрабатывая машинами, «норвежец» одним бортом станет к ветру, а с другого, по траверзу, подойдем мы. Следовательно, в какой-то мере мы окажемся прикрытыми от ударной силы волны. Конечно, это огромный риск и для нас, и для нашего сторожевика. Но другого выхода нет. Если мы не окажем помощи - судно затонет. Средствами высадки команда «Нотаса» обеспечит нас со своей стороны. Какие еще вопросы?

- А что произошло на судне? Почему течь в трюмах?

- Трюмы загружены контейнерами, но не полностью. Во время шторма порвало крепеж и, видимо, в свободные пролеты полетел груз. Этого оказалось достаточно, чтобы проломить обшивку борта. Предупреждаю, - Головко направился к двери, - море не терпит ни ухарства, ни бесшабашности. Спасательные жилеты надеть до отказа. У меня все.

Никто из нас не проронил ни единого слова, хотя все знали о недавнем случае

на эскадренном миноносце, который, оказывая помощь танкеру, потерял в море двух человек.

Стукнул лок за ушедшим помощником. По трансляции раздался голос Приклонского:

- Внимание! Объявляю рассредоточение аварийно-спасательных групп к моменту высадки. РТС собирается в тамбуре офицерского отсека, старший - Вязин. БЧ-5 - на ЗКП, ответственный мичман Медведев. БЧ-2 - у входа во вторую машину. Командиром всей аварийно-спасательной команды назначаю капитан-лейтенанта Головки. Повторяю...

Разбираем спасательные жилеты. Мы не спешим и за этой неторопливостью скрываем внутреннюю напряженность. Особенно угнетает молчание. Но как и бывает в такие минуты, все думают о своем - и это свое камнем лежит на губах каждого.

И вот команда с мостика.

Рядом со мной идут Обливач и Чмутин. Отдраиваем дверь отсека. По всему сторожевику горит палубное освещение. В дополнение, к леерам натянут манильский трос. В прикрытии кормовой надстройки собирается группа механической части. Матросы готовят какие-то механизмы. По гофрированным шлангам и светящимся раструбам догадываюсь, что это откачивающие помпы. Да, дело на «норвежце», видимо, серьезное.

Прямо по курсу сторожевика, то утопая, то поднимаясь вверх, показалось что-то непонятное. Остров не остров, город не город, а нечто похожее на огромный угасающий уголь в пятнистом рисунке огня и пепла. Сторожевик круто ложится на борт и описывает дугу.

Ветер заметно утих, но море по-прежнему зыбкое, упругое. Волна выровнялась и стала реже. Она не билась, как раньше, о надстройки, а лениво подкатывалась и, присев от натуги, толкала сторожевик легко, играючи.

Угасающий уголь на глазах превращался в корпус большого грузопассажирского судна. На его заданных вверх скулах уже проглядывали тяжелые клыки якорей, а за ними, дальше к корме, мутно мерцала россыпь иллюминаторов.

Заходим к «норвежцу» с подветренной стороны. Как и предполагал Головки, основная волна угасала где-то по ту сторону транспорта. До «Нотаса» остаются считанные метры. Весь его борт с нашей стороны, как штурмуемая крепостная стена, увешан веревочными лестницами и штормтрапами.

И вот толчок и леденящий душу скрежет железа. Головки первым повисает на веревочной лестнице. За помощником устремляемся мы. Странно: ни чувства страха, ни усталости. Одна какая-то злоба - неукротимая, без адреса.

Но тут происходит непредвиденное. Ревущая толпа, увидев подошедший корабль, теснит команду «норвежца» и захватывает средства высадки. Наш путь к спасательной палубе «Нотаса» вот-вот окажется отрезанным. С мостика сторожевика вместо того, чтобы подсвечивать высаживающимся, из всех прожекторов спят взбунтовавшуюся толпу. За счет этого выигрываем несколько решающих секунд. Взираюсь по штормтрапу. Он несравненно удобней, чем веревочная лестница, но успел обледенеть - и одно неосторожное движение грозит падением. И вот я у цели. Хочу ухватиться за леер, но рука натывается на преграду. Смотрю вверх. Передо мной рыхлое, как торт, лицо с выпученными от ужаса глазами. Бью по чему-то мягкому - и едва не срываюсь.

Первый, кого вижу на палубе, - Чмутин. Через все его лицо проступила

багровая ссадина, в кулаке зажата прядь чьих-то волос. Головка, размахивая ракетницей, пытается сдерживать напор толпы. Даже шум моря не может заглушить истерического крика женщин. Он, как битое стекло, до боли режет слух и вонзается в душу.

Появился капитан судна - щуплый, с редкой, как паутина, бородкой. Головку разговаривает с ним на английском языке. Для меня это неожиданность. Я переполнен чувством гордости за своего командира и, наверное, от этого начинаю чувствовать себя хозяином положения. Тем временем сторожевик делает второй заход.

Узкий, похожий сверху на челнок, он вновь пытается пристать к борту транспорта. На левом крыле мостика нет ходовых огней. Их, по всей вероятности, смяло. От столкновения главным образом страдают надстройки. Пристывает к высадке вторая группа. Мы сделали почин, и следующая группа активнее нас. Но все равно подбадриваем их криками, держим лестницы, протягиваем руки. На моем штормтрапе оказался мичман Медведев. Не успев подняться на ноги, он кому-то грозит. В его группе один струсил, остальные, тяжело дыща, вливаются в общую массу. Несколько человек сразу же устремляются к шлюпбалке.

- Для чего шлюпка? - кричу Медведеву и холодею от мысли, что кто-то сорвался и оказался за бортом.

- Спустим до уровня сторожевика. Погрузим помпы. Иначе не поднять. Побьет все!.. - И, дав понять, что времени для разговоров нет, отмахнулся.

- Группе РТС на бак транспорта! Приготовить к отдаче буксирный трос! - донесся откуда-то сверху громовой голос Малинкина.

Кручу головой и у входа в салон вижу Головку, а рядом с ним горластого пушкаря. Помощник, видимо, предвидел сумятицу и держал поближе к себе этот «ходячий громкоговоритель».

Через минуту-две мы уже на баке судна. На флагштоке светлячком горит лампочка. Место открытое, и через весь бак перекачивается вода, Укрываемся под волнорезом. Около вьюшки с буксирным тросом нас поджидают двое бородачей из команды «норвежца». Объясняем жестами.

Работаем лежа. С каждым захлестом от толщи воды зеленеет в глазах и перехватывает дыхание. Обледенелый и грузный трос с трудом поддается размотке. Холод сковывает движения. Обливач во время высадки потерял шапку, и голова его превратилась в султан из сосулук.

Но вот трос ослаб, и вьюшка закрутилась вхолостую. Несколько секунд лежим без движения и дыханием согреваем руки. Чмутин не может подняться. Его роба и спасательный жилет пристыли к палубе. Обливач и Коломиец выручают его от ледяного плена.

Остается последнее - завести петлю буксира на головку шпиля. Но как? Ее придется кому-то волоком тащить почти до самого флагштока. А около него, с первым же перекатом волны, можно оказаться за бортом. Что делать? Норвежцы тревожно совещаются.

Из создавшегося положения выручает Чмутин. Он подзывает самого крепкого из нас, Коломийца, и рывком набрасывает на него петлю. Сам становится рядом с ним, и, недолго думая, оба переваливаются через козырек волнореза. Поняв их замысел, дружно подтравливаем трос. Первая попытка не удалась. На полпути Чмутин и Коломийца сбило волной. Не успели они подняться, как на помощь им уже спешили двое норвежцев и Обливач. Очередная волна накрыла их у самой

цели, но основная сила удара пришлась на шпиль. В следующее мгновение трос гулко стукнул о палубу, захлестнув петлей головку шпиля.

Под волнорез Чмутин вернулся с неподвижным, как маска, лицом. Кто-то сует ему в рот сигарету, но она, подхваченная ветрам, летит в море. Обливач рвет на голове сосульки и отплеивается. Бородачи пожимают ребятам руки, что-то говорят на непонятном для нас языке.

Задерживаться на баке нельзя. Единственное, что мы еще можем, - это устоять на ногах. С докладом к Головке отправляю акустика Петелина.

По непривычно положим трапам поднимаемся на среднюю палубу «Нотаса». Чмутин предлагает спуститься в котельное отделение. Там - если не поступит других распоряжений Головки - можем отогреться и обсушиться. Все мы настолько окоченели, что идем, не сгибая коленей. В надежде увидеть Головку смотрю на капитанский мостик. И в это время раздается голос Малинкина:

- Группе Вязина приказано расположиться в капитанской каюте. Сейчас провожу! - пушкарь свалился к нашим ногам откуда-то сверху.

Послушно следуем за Малинкиным. Каким-то особым чутьем он ведет нас уверенно, часто поворачивая в самых неожиданных местах. Наконец пушкарь по-хозяйски толкнул дубовую дверь с позолоченной ручкой и прогудел:

- Кидай якоря!

Мы в богатой каюте.

- Да... - протянул Обливач. - Это не хижина дяди Тома.

- Каюта Немо, - буркнул Малинкин и вытряхнул из-под тельняшки две больших атлантических сельди.

- Откуда? - изумился Чмутин.

- Я в море с этими подружками не расстаюсь. Как прижмет травить - нюхну хвостик, - пушкарь деликатно повел плечами, - вроде бы и ангел на душе. На сторожевике перед высадкой разжился. А вот и закус, - с последними словами Малинкин извлек из-под шапки несколько подмоченных сухарей.

Загадочно ухмыльнувшись, он покинул каюту.

Как по команде, раздеваемся. Мест для всех у одной раковины не хватает, бельё отжимаем в снятые сапоги. От этого в них не становится мокрее. Тела наши в ссадинах и кровоподтеках. Коломиец трехпальными рукавицами растирает грудь. Я не без зависти смотрю на его точно вылитое из бронзы тело.

Дверь в каюту распахнулась, и опять появился Малинкин. В руках у него несколько бутылок рома.

- От самого Немо. Головка дал «добро». После такой купели и святая душа примет. А ну, навались! - глядя на наши разинутые рты, Малинкин раскатывается смехом, от которого дрожит стрелка кренометра на переборке.

- Ну и прорва... - зажимает уши Обливач.

Коломиец отбирает у пушкаря бутылки и снимает пробу. Сплюнув, недовольно ворчит:

- Дрянь! Одна этикетка... Пить его - нужна не глотка, а противогаз. То ли дело спирт - пятки щекочет! Всем по очереди. Мерка - нос. Ясно? - В руках Коломийца стакан.

Выстраиваемся и по привычке даже подравниваем носки. Все, как один, босые, в растянутых мокрых тельняшках. Коломиец каждому подносит на уровень кончика носа стакан и льет до выреза глаз. Больше всех достается Малинкину. Нос у него длинный, сухой, как у комара хобот. Доходит очередь и до меня.

- Тебе как? - спрашивает Коломиец.

- Как всем.

- Начальству - до бровей! - подсказывает Малинкин и подает обломок сухаря. Пью и сразу же засыпаю на холодном, с чужими запахами диване. Сквозь сон слышу голос Чмутина:

- Волна мягче... Утром должно утихнуть.

2

С «норвежцем» расстались недалеко от его территориальных вод. Приняли его от нас два буксира и, салютуя на прощание басистыми гудками, сразу же взяли курс на Норвегию. Провожая взглядом уходящий караван судов, я ощутил странное чувство грусти. Может, не хотелось навсегда расставаться с этим транспортом, который мы отвоевали у стихии? Скорее всего, так.

«Нотас» тем временем, дрожа, как пушинка, оседал за горизонтом. Провожавшие его чайки, в предчувствии скорой непогоды, вновь возвращались к родным берегам, оглашая гортанным криком залив и смотревшиеся в него сопки. Море после шторма все еще не улеглось, не остыло: то там, то здесь, шипя и всхлипывая, вскипали пенистые заливки волн.

Ко мне подошел Чмутин. Лицо у него бледное, а багровая ссадина, полученная прошлой ночью, припухла.

- Сходи к медику. Пусть перевяжет, - говорю Чмутину, хотя отлично знаю, что на перевязку он не пойдет, а будет открыто носить этот шрам как память о спасенном судне.

- Пустыки, - отмахивается Чмутин. - Вот что делать с ответчиком? Я вскрыл блок - оказывается, сгорел силовой трансформатор. Всю механическую часть придется менять полностью. Червячная передача подгорела. Кодированный узел тоже.

- Ты не подсчитывал, сколько часов проработала аппаратура опознавания?

- Подсчитал. Если оформить заявку, то блок можно получить новый. Но для этого нужно обращаться в мастерские флота.

Сторожевик вернулся в свой родной порт, плотно прижался к стенке причала, выдохнув напоследок шатристые клубы гари. Вспугивая чаек, они оседали над заливом и оставляли на воде сизые маслянистые пятна. Это традиция кочегаров - после продолжительного плавания приветствовать берег так называемой «шапкой» дыма. Стихли механизмы, обвис флаг, перенесенный в корму на флашток, на ходовом мостике остался один вахтенный сигнальщик.

Торопливо оформляем документы на получение нового блока ответчика. На подпись иду к Приклонскому. Прочитав заявку, он размашистым почерком, словно не писал, а швабрил, наложил визу.

...На другие сутки, около полудня, мы уже выходили из мастерских флота. В рюкзаке за плечами Чмутина - только что полученный новый блок.

Вооруженным сопровождающим с нами шел Масандров. Это высокий стройный моряк с каким-то странно красивым лицом, которое, как мне казалось, одинаково могло принадлежать как мужчине, так и женщине. Признаться, я недолюбливал этого человека и в душе иногда называл его «оно».

До шоссе надо было идти около восьми километров по тропе, петлявшей среди валунов и сопки. Масандров, закинув за плечи автомат, двинулся первым. За ним, сгибаясь под тяжестью аппаратуры, Чмутин, последним - я.

Сопки, бело, тихо.

- Как в склепе, - озираясь по сторонам, произнес Чмутин.

Я молчу. Мне приятна и тишина, и однообразие сопок. За последний месяц, как никогда, я устал от моря и его многоликости. Душа требовала покоя, тишины, постоянства. Иду, стараясь не задевать корявых веток карликовой березы, которые при малейшем касании издают редкий музыкальный звук. Мороз превратил их в стеклянные струны. Снег под ногами плотный, сыпучий, точно речной песок. Покатые спины сопок обращены в сторону моря. На них - ни кустика березы, ни валуна. Все живое поедают зимние ветры. Они властвуют в этих широтах неделями, месяцами. Даже летом жизнь теплится только в расщелинах, где десятками лет по горстке копится земля, а во время дождей удерживается влага. Пытаюсь разглядеть за вершинами сопок линию горизонта, но не вижу. Небо серой массой приросло к суше и от этого кажется краем земли, краем вселенной.

Масандров идет размашистым шагом, изредка поправляя ремень автомата. Чмутин под тяжестью блока часто дышит и оступается с узкой тропы. Пора его подменить.

Лямки рюкзака врезаются в плечи. Согнувшись, вижу перед собой только тропу и спину Чмутина. Чтобы выйти на шоссе, предстоит одолеть два перевала. Первый из них на полпути, там решаю сделать небольшой перекур.

Мороз. От частого дыхания горло жжет, и оно кажется широким, чужим. Тропа поднимается по склону сопки. Она, как живая, вытягивается от напряжения и становится еще уже. Потом, словно изнемогая от подъема, резко сворачивает на южный склон сопки. Здесь, в расщелинах, чаще попадаются кустарники и мхи. А вот и нужный отрог сопки.

Стоим, курум. Внизу, в долине, снег кажется голубым, а валуны похожи на небольшие темные тучки.

- Посмотри, вроде бы дымится... - Чмутин указывает в сторону горбатой сопки.

Вглядываюсь. На лысоватой вершине кудрявится поземка. Вспыхивая вихрями, она стекает вниз и у подножия гаснет. Вокруг по-прежнему тихо.

- Чепуха! - отвечает Чмутину, а неприятный холодок еще не осознанной тревоги уже начинает томить душу.

Двигаемся дальше. Под ногами скрипит снег. Скрипит пронзительно, сухо, кажется, вот-вот посыплются искры.

- С чего бы это? - спрашиваю все же.

- Надо торопиться, не зря дымит поземка.

Последних слов Чмутин мог бы и не говорить.

Небо, тяжелое и низкое, посерело. Над сопками потянулась пепельная накипь облаков. Ветра еще не ощущается, но все уже млеет в тяжелом предчувствии.

Первое, что пришло в голову, - это остановить далеко ушедшего вперед Масандрова.

- Ма-а-сандро-о-ов!..

Кричу до потемнения в глазах, но он не слышит. Кричим вдвоем. Темное пятно уходит все дальше и дальше. Воздух смяк, сопки на наш зов не отзываются даже эхом.

Аппаратура - за моей спиной. Почти бежим, поглядывая то на небо, то на лысую вершину сопки. Во что бы то ни стало до метели нужно выбраться к шоссе. Если не успеем - собьемся с тропы и заблудимся. Первый порыв ветра распахнул полы шинели, зазвенел поземкой. Сопки затуманились, стали похожи одна на другую.

На всякий случай пытаюсь взглядом отыскать ориентир, но, кроме низкого неба, ничего не вижу.

Только спустились с отрога - и тут началось. Небо закружилось, осело до земли. Ветер валит с ног. На зубах похрустывает пресноватая пыль гранита. Тропа уползает из-под ног. Через каждые полсотни метров останавливаемся и отыскиваем ее.

С огромным трудом преодолеваем второй перевал. Но что с Масандровым? Неужели сбился с тропы?.. Чмутин беспокойно оглядывается по сторонам и, видимо, думает о том же.

Буран прежде всего страшен тем, что он подавляет тебя. Ты по сравнению с ним - ничто, пылинка. Мутью снега он обволакивает не только сопки, валуны, тропу, но и мысли. Единственно, о чем ты в состоянии думать, - это о его милости. А вдруг утихнет, вдруг проглянет чистое небо!..

Сквозь суетливую пелену показалось что-то темное. Моргаю, стараясь сбить выжатую ветром слезу, вглядываюсь. Похоже на постройку. Контуры ее точно обсосаны метелью, и только к центру уверенно проступает черное пятно. Узнаю знакомый навес. Вышли к шоссе.

Масандров, зажав коленями автомат, сидит в углу и на наше появление даже не поворачивает головы.

Чмутин полой шинели растирает лицо. Осторожно опускаю рюкзак и присаживаюсь на вымерзший под навесом валун. Усталость отхлынула от ног и обманчивым теплом растеклась по всему телу. Знаю, что через несколько минут хватит озноб, но подняться не могу. Я все еще во власти бурана: прислушиваюсь и чего-то жду.

- Что делать? - отплеываясь от гранитной пыли, спросил Чмутин. - Если и дальше так будет сифонить - мы на мели. Дороги переметет на неделю.

- Не переметет, - отозвался Масандров. - В этой дыре у погоды характер женский. Не обращай внимания - и немедля сменит гнев на милость. Через час образуется, как в аквариуме.

- Послушай, Масандров... - прикуривая в горстях, Чмутин подпалил ресницы и выругался. - О чем бы ты ни заговорил, у тебя всюду, как за собакой хвост - баба, баба... Ты больной, что ли?..

По тону Чмутина я догадался, что виновато не сравнение Масандрова. Чмутин не может простить ему того равнодушия, с которым он встретил нас. А еще больше - того, что Масандров покинул нас с аппаратурой, а сам отсиделся под навесом.

- Грубо мыслите, старшина. Само слово «женщина» умиляет слух, ласкает душу. У моряка - тем более. Я на женщину смотрю как на цветок у большой дороги. Если ты его не сорвешь - сорвет другой. А еще хуже - если он просто запылится и увянет...

- Да ты по этому поводу и философию придумал. Интересно...

- Я ничего не придумал, - не сдавался Масандров. - Придумала за меня жизнь, служба. Было у меня такое дело... - Масандров, как после табачной жвачки, густо сплюнул. - На тральце тогда служил, зеленый - по второму году. Познакомился с ней в порту. Не девка - мечта, живая комета... Год молотил с ней корочки всухую. Ну, думаю, хватит! Пора на погружение. А тут как раз нашего тральца выпихнули в море. Прихожу к ней через месяц. Все по-хорошему, как раньше. Она же от меня задний обрабатывает! Туда-сюда... В чем дело - не пойму. Разумеется, говорю о чувствах. Опять - и этот трал не берет. Слушает меня, а сама на окна поглядывает. Вдруг в фатеру мичман подваливает. Стоп, думаю. Колоду я зарубал и первым

пить из нее стану. Но не тут-то было... По глазам вижу: мичман еще до меня рыло обмочил. А ты - «философия»!.. Как у нас две штанины, так у них две души. Попробуй в обе сразу угодить. Вот так!..

- Неумно с ее стороны. Парень-то ты завидный, - съязвил Чмутин.

Выхожу из-под навеса. Масандров оказался прав. Ветер утих, пороша улеглась. Зову Чмутина.

Он мнет рукавицами наледь на глазах, щурится, оглядывает небо, сопки, дорогу.

Если перевалы не закрыло, пойдут машины. Не пойдут - хана. Пешим идти опасно. Если и не пометет снова, то после снежной бузы жди морозного похмелья. Здесь только так.

Осматриваю уходящую в сопки дорогу. В узких местах шоссе заклинило снежными косами. Они тянутся от отрогов сопки и, пересекая магистраль, теряются в россыпи валунов. Надежды на транспорт ничтожные. Пойти пешком - значит оказаться под открытым небом и в случае непогоды рисковать жизнью. Возвращаюсь под навес.

Время словно примерзло и тянется тяжело, медленно.

Сквозь щелеватую крышу стали просачиваться первые отблески звезд. Под навесом темно, гулко, холодно. Клонит в сон. Чмутин все реже и реже поднимает заиндевелую голову. Масандрова мучит икота. Он давится и вздрагивает. Но даже этот полудикий звук отпугивает наседающую тишину. Надо напомнить ребятам, чтобы они поднялись, и встать самому. У сна нет ног, он подкрадывается тихо, неожиданно.

Прислонившись спиной к стенке навеса, разглядываю зеленоватую звезду. Она низко, почти втиснувшись в щель навеса и, надуваясь, дышит ровно, как я. Звезда тоже о чем-то думает, шевелит лучиками. Она близко, настолько близко, что я сдавливаю ее ресницами. Чем плотнее сжимаю, тем лучики становятся длинней. Я играю с ними - они со мной. Но вот звезда начинает гаснуть, отдавая мне тепло. Я утопаю в нем. Плыву, просторно, легко...

Пробуждаюсь от гулко-го удара о землю. Открываю глаза. По провалу памяти догадываюсь, что успел заснуть. Хочу подняться и не могу. Не слушаются ноги. Руки словно чужие и пугают непривычной тяжестью. Но что это был за звук? Неужели под навесом есть кто-то, кроме нас? Осматриваюсь. Оказывается, Масандров выронил зажатый коленями автомат.

- Встать! - кричу диким голосом и тут же осекаюсь.

Ноги не держат меня. Ползу к Чмутину. Тот уткнулся лицом в колени и на крики и толчки не обращает внимания. Тянусь к автомату. Длинная очередь. С крыши навеса сыплются щепки.

- Встать!..

Чмутин мычит и валится с рюкзака.

- Встать!..

От падения Чмутин приходит в себя. Я не вижу его лица, слышу только, как стучат зубы.

- Витя! Замерзаем... Ви-и-итя!..

Он дергается, пытается встать на ноги, что-то хочет сказать, но слова дробятся о зубы.

Ползу к Масандрову и сталкиваю его с валуна. Он просыпается, но, как и Чмутин, подняться не может.

- Двигайтесь! Двигайтесь!..

Стою на четвереньках. Перед глазами, как дождевая капля, проносится вся моя жизнь. Отрываю от земли руки и локтями давлю на согнутые колени. В них глухота, тупость. Только бы встать. Разгибаю спину. Кажется, что я разбух и стал выше своего роста. В нескольких шагах от меня черными жгутами лежат Масандров и Чмутин.

Кидаюсь к Масандрову, топчу его, хлещу по щекам. От ударов его губы издают неприятный клацкающий звук. Гадко, страшно.

- Ы-ы-ы... - стонет Масандров и, как подпаленный паук, подбирает под себя руки и ноги.

- Встать! Вста-а-ать!

В конце концов, дико озираясь по сторонам, Масандров и Чмутин поднимаются на ноги.

- А ну, ломать стенку навеса! Быстро!..

Прикладом автомата выбиваю несколько досок. Масандров и Чмутин подбирают их. меховые рукавицы валяются с их онемевших рук. Чмутин двигается точно рыба - руки в локтях не сгибаются и похожи на узкие плавники.

- Спички, быстро спички!

- Не могу, - скрипит зубами Чмутин.

Огонь добываю сам. Завязались первые узелки огня. Дым пугливой струйкой потянулся вверх, отдаляя небо и звезды. Стою очарованный и почти не дышу. Кажется, что нагие язычки огня дрожат от холода. Прикрываю их полой шинели и вместе с ними согреваюсь сам. Вскоре полыхающая грива костра упирается в крышу навеса. Земля подтаивает, и мы чувствуем ее живой пьянящий запах. К нему примешивается запах подгорелых рукавиц, шинелей. Мы приходим в себя.

Вдруг что-то прокололо шатер тишины - заскрипел снег. Под навес вошла девушка в заиндевелой шапке, дошке и унтах. Судя по одежде, она из местных коренных жителей. Вглядываюсь в лицо, ожидая увидеть смуглые скулы саамки, - ничего подобного - русская. Девушка почему-то смотрит на нас тревожно, настороженно. Мы переглядываемся. Появление ее более чем странно.

- Как вы здесь оказались? - спрашиваем в один голос.

- С перевала иду. Из Олюнина я, врач. Ходила по вызову - и вот так получилось. Не могу добраться.

- Из Олюнина? Тут же рядом! - вмешался Масандров.

- Да. Если идти через сопки, напрямую. Но тропу замело... - у незнакомки приятный голос и широко расставленные глаза. - А вы?

- Мы? Ну, как сказать? После командировки возвращаемся в базу. Добраться не можем по той же причине, что и вы, - ответил Чмутин, оглядывая полуразобранную стенку навеса.

- И давно вы здесь? - незнакомка задерживает взгляд на руках Чмутина, который неловко пытается вытряхнуть из пачки сигарету. - А что у вас с пальцами?

Прежде чем ответить, Чмутин ртом достает сигарету, стряхивает с груди табачную крошку и, потянувшись к костру за углем, бодро отвечает:

- Пустяки! Малость прихватило...

- В таком случае немедленно уберите руки от огня. Необходима срочная перевязка.

Торопливо распахнув отороченную мехом сумку, девушка обработала Чмутину кисти рук какой-то мазью и молча наложила бинт.

- Может быть, и у вас?.. - обратилась она к подозрительно притихшему Масандрову. Тот не без робости приблизился к ней и показал руки.

- Как же вы так могли? - разрывая бинт и глядя в мою сторону, осуждающе проговорила девушка.

Я понимаю, что большая часть вины ложится на меня. Я старший. В душе проклинаю зеленоватую звезду, но от этого не становится легче. Оглядываю навес. Если мы сожжем его, продержимся не более двух часов. А что дальше?

- А у вас с руками все в порядке?

Я вздрагиваю. Стоило на минуту остаться наедине со своими мыслями, как я опять оказался во власти сковывающей тишины. Снимаю рукавицы. У меня прихвачены кончики пальцев. От перевязки отказываюсь.

В темном углу навеса Чмутин случайно наткнулся на старую консервную банку. Зачерпнув снега, он поставил ее на угли.

- Знаете что?.. - девушка опять склонилась над сумкой. - У меня с собой спирт. Кто сколько может, это необходимо. - Она достала самую обычную медицинскую грелку, в которой что-то перекачивалось, и булькало. Отвернув пробку, попросила подогреть спирт над костром.

Я и Масандров переглянулись.

- А жить стоит... - заулыбался Чмутин.

Консервная банка пришлась очень кстати. Чмутин выпил последним и зашелся в сухом кашле. Масандров сразу повеселел и начал курить красиво, подолгу выдерживая у губ ровную струйку дыма.

- Как вас зовут? - спросил он девушку.

- Женя, - ответила она и щепкой сгрудила раскатившиеся в костре угли.

Решаю через час уходить. Нужно выяснить, сколько до Олюнина. Если оно ближе, чем база, направимся туда.

Женя сидит, сжавшись в комок, и смотрит на искрящиеся под пеплом угли. Масандров держит над огнем оставшейся в грелке спирт.

- Скажите, сколько до Олюнина? - назвать Женю по имени не осмеливаюсь.

- Ровно на полпути к базе, если идти дорогой. Через сопки - километров пять. Но знаете - по ту сторону перевала, откуда я иду, пробиваются машины. Если они... - Женя не договорила, и по ее лицу заскользила тень тревоги.

- Да?! - оживился Чмутин. - А там заносы?

- Не знаю. Я ушла еще до того, как прекратилась метель.

Весть о том, что за перевалом машины, ободрила нас. Но время делало свое. Навес сожгли. Звезды переместились, и в их причудливой россыпи ночь будто заблудилась. Хотя бы звук, шорох - хотелось просто вздрогнуть и оборвать нудную нить ожидания. Тупо гляжу на раскатывающиеся угли. В их чреве драчливыми петухами хлопчет огонь, и я невольно играю с ним, как играл со звездой.

- Все! Нужно уходить!

Ребята и Женя поднялись. Но они не знают, что я сказал это только для себя. Мне еще предстоит борьба с собой. Идти ли? А если опять метель?.. Мною уже начинает овладевать вялость, которая в скором времени может перерасти в полное безразличие.

- Гудит! - неожиданно прокричал Масандров и бросился к дороге.

Прислушиваюсь. Со стороны перевала доносится гул моторов.

- Это они... - чуть слышно шепчет Женя.

- Кто они?..

- Те машины, о которых я говорила.

Ниже перевала, с нашей стороны, кокнули небо несколько клиньев света. Сомнений быть не могло. Шли машины.

Четыре грузовика двигались плотной колонной и на большой скорости... Дорога шла под уклон. Около головной машины отчетливо видны снежные вихри. Чмутин показал Масандрову на рюкзак, сам приладил за спину автомат. И тут произошло непонятное. Мы стоим на обочине с поднятыми руками, а первый грузовик, не сбавляя скорости, пронесется мимо. Его примеру следует второй, вот-вот позади себя оставит нас и третий. Женя подозрительно прячется за мою спину. Не знаю, что меня толкнуло на проезжую часть шоссе, но хорошо помню: тень моя разом выросла до неба, и я стал оттуда падать. Кажется, слышал еще автоматную очередь.

3

Открываю глаза. Небо низкое, меловое.

По нему бесшумно скользит поземка. Наверное, утро. Где Чмутин, Масандров? Голову сдавливает шапка. Она мне мала, пора ее заменить. Жжет правый бок, - где-то рядом костер. Где взяли дров?

...Иду по Ленинграду. Нам только что выдали во флотском экипаже зеленые, как паспорта, робы. Строем ведут в порт. Будем разгружать капусту. Говорят, что вчера Нева вышла из берегов и затопила часть города. Но вот полукруглая арка ворот. Это уже порт. Позади остаются уличные фонари и дрожащие буквы реклам. Под ногами причал. К нему со всех сторон сбегаются рельсы. Смотрю на залив. На нем шевелятся отблески огней. Впервые в жизни вдыхаю солоноватый настой моря. Все говорят, что вода в море соленая. Но я вырос в степи и сомневаюсь в этом. Нужно убедиться. Спускаюсь вниз. Пью. Да! Море соленое...

...Рука тянется к голове снять шапку. Нужно скорее. Нужно... но шапка остается на месте. Смерзлись завязки. Надо попросить Чмутина - он умеет развязывать зубами. Надо мною склоняется женское лицо. Где-то я его уже видел. Напрягаю память, хочу вспомнить - и не могу. Меловое небо превращается в потолок.

- Где я?

- В Олюнине.

Голос знакомый.

- Где аппаратура? Где ребята?

- Успокойтесь. Все на месте.

Узнаю Женю. Она подает мне смятый клочок бумаги. Он совершенно чист. Моргаю глазами. Точно вытаяв из-под снега, проступают слова: «Старик! Надемся, что с тобой будет все хорошо. Аппаратура с нами. Подробности у Жени. Чмутин».

Облегченно вздохнув, возвращаю записку. Пытаюсь вспомнить события минувшей ночи. Взгляд останавливается на Жене.

- Как вы себя чувствуете? - в ее руках свежий бинт.

Не знаю, что ответить. Я вообще себя никак не чувствую. И только потому, что вижу и слышу - сознаю, что я есть, что я жив. Не дожидаясь ответа, Женя развязывает узелок, и повязка, которую я совсем недавно принимал за тесную шапку, слабеет.

Вскоре лицо Жени утопает в пелене метели, я забываюсь. Уже сквозь сон слышу, как мне разжимают зубы и льют в рот что-то горькое-горькое. Чьи-то руки подтягивают одеяло к подбородку, прощупывают пульс.

- Как я оказался тут? - спрашиваю, не открывая глаз.

- Потерпите, все расскажу... - голос откуда-то издалека.

... Открываю глаза. Около меня никого нет. Слышу голос Жени. Она с кем-то разговаривает полушепотом. Хочу курить. Ищу взглядом шинель, но не нахожу. Оглядываю стоящий рядом столик. По нему рассыпаны таблетки, порошки, а на самом краю лежит коробочка с прозрачными ампулами. По широкому окну определяю, что нахожусь в домике финского образца.

Да, я слаб, очень слаб. Чтобы оглядеть комнату, трачу последние силы. Опять вижу зеленоватую звезду. Она зовет меня к себе. Плыву и повисаю где-то в пустоте и неведении.

...Не могу понять - утро или вечер. Прошу пить. Во рту горько, вязко, как после дубовой коры. Это, видимо, от лекарств. В сумерках комнаты кольшется какое-то пятно. Загорается свет. Пятно - это Женя. Она присаживается на краешек кровати. Склонившись, подносит стакан, поддерживает мою голову. У Жени тонкие сухие пальцы с едва заметными утолщениями в суставах. Это не рабочие руки, но в них доброта и нежность. От них мне приятно и в то же время тревожно. Вспоминаю руки матери. Странно, мне кажется, что руки всех женщин обладают какой-то тайной. От кого-то я слышал, что тайна эта - материнство.

В три приема выпиваю стакан воды. Стыдясь своей слабости, опускаю взгляд.

- Ну, а как же вас все-таки зовут? Старик? Как в записке? - Женя улыбается.

- Алексеем...

- Ая, - Женя склонила набок голову, прищурила глаза, - невольно стала привыкать к «Старику»... Тетя Поля, санитарка, расспрашивала вчера, как все произошло. Едва не расплакалась, когда я рассказала. Наказывала узнать, есть ли мать, отец... А вот она и сама. А я пока в пункт схожу. - Женя поспешила в прихожую.

- Христос с ним. Так я пойду, гляну... - где-то у порога раздался певучий голос санитарки.

Тетя Поля подошла к кровати крупным мужским шагом и не спеша уселась на стул, плотно подтянув к ножкам стоптанные валенки. Она напомнила мне женщин военных лет, женщин моего детства. Им пришлось заменить мужчин, ушедших на фронт, и они сами в чем-то стали похожи на них. У тети Поли широкое скуластое лицо, полные обветренные губы и крутой открытый лоб с низким напыльвом морщин.

Прежде чем заговорить со мной, тетя Поля прибрала на столике и приоткрыла форточку.

- Как же ты, мил человек, о себе-то не подумал? - произнесла санитарка. - Те двое, что приезжали с тобой на машине, просили Евгению: как промнут дороги, сразу же отправить в госпиталь тебя. А она рассудила: «Врачи-то везде одинаковы, а он мне как родной стал». Две ночи не спала и не ела, от кровати твоей не отходила. А все эти шофера-паразиты виноваты. Докатали Евгению-то на попутной до перевала, устроили там и давай к девке приставать. Говорят, метель, все равно замерзнем... Христос помог, вырвалась и убежала. А когда узнали ее с вами - и побоялись останавливаться. Евгения-то говорит: если бы не она - тебя не ушибли бы...

Когда до меня доходит смысл последних слов, я вскакиваю, лицо санитарки плывет.

- Лежи, лежи... Наказывала не вставать. А то придет и меня ругать будет. Коль велела - надо слушаться. Доктор она хороший, все ее хвалят... А когда тебя ушибло машиной - ты упал. Меньшой-то ростом принялся палить из оружия. И тут последний автомобиль замешкался. На нем и довели тебя до поселка. Друзья-то оставили записочку и укатили. Идет, идет Евгения. Ей ничего не говори. Сама хотела все рассказать.

Только теперь я понял странное поведение Жени. Ее настороженность в первые минуты появления под навесом, ее желание спрятаться за мою спину при встрече с машинами. Я понял, что Женя считает себя виноватой во всем случившемся со мной и мучительно переживает это.

- Вы, тетя Поля, идите в пункт. Если я потребуюсь - позовете. - Женя, видимо, догадалась о нашем разговоре, и глаза ее потемнели.

Когда санитарка ушла, Женя грустно спросила:

- Тебе тетя Поля все сказала?

- Да. Но я что-то подозревал еще там, под навесом.

Я лежу, и в эту минуту мне ни о чем не хочется думать - ни о случившемся на дороге, ни о дальнейшей своей судьбе. Я смотрю Жене в лицо и чувствую, что оно тревожит во мне что-то нежное-нежное.

- Тебе непременно нужно поесть. - Женя поправляет сбившуюся мне на глаза повязку и собирает на стол.

Она тонкими ломтиками режет хлеб. Режет аккуратно, не спеша, зная, что я за ней наблюдаю. Когда она смотрит в мою сторону, мы встречаемся взглядами. Я смущаюсь и лежу, подолгу глядя в потолок.

- Все готово, Алеша. Можно встать. Теперь уже не опасно. - Женя не спускает с меня глаз, готовая уловить каждое неверное движение. А у меня действительно убегает из-под рук край одеяла, а левая сторона головы кажется тяжелее правой. К тому же я в растерянности. Лежу в трусах и тельняшке, одежды в комнате нет. Поняв причину моего замешательства, Женя внушительно, но неясно произнесла:

- Смешной... Я же врач. Вот тебе мой халат, накинь на плечи. А впрочем, если хочешь... - она вышла в прихожую и вскоре вернулась с еще не остывшей после утюга одеждой.

Ужинаем молча. Съедаю несколько бутербродов с икрой и запиваю крепким чаем. После ужина Женя просит для чего-то проследить взглядом за ее перемещающимся пальцем. С ее разрешения долго и жадно курю. Женя прибирает со стола. Всякий раз она задевает коленями бахрому скатерти, и на полу оживает тень. Но когда Женя с посудой уходит на кухню, тень успокаивается. То же творится и со мной: я то замираю, то оживаю в какой-то смутной и недолгой тревоге.

- Не хочешь подышать свежим воздухом? - спрашивает Женя, присаживаясь на диван.

Пожимаю плечами.

Женя разворачивает какой-то сверток. Там - длинноухая шапка и унты.

- Тетя Поля позаботилась. Сыну хотела послать. Но он теперь сторожит границу в теплых краях, как она говорит. Ему это ни к чему. А твои валенки и шапка ей не понравились: «щегольные, а тепла в них нет»...

Одеваемся и выходим на скрипучие ступеньки крыльца. Вижу заснеженную равнину, огороженную трех сторон сопками, с четвертой - полосой залива. Вокруг тихо, бело, загадочно. Поселок насчитывает около трех десятков финских домиков, которые словно скатились с сопки в долину и смотрят окнами в сторону

моря. Снег глубокий, зернистый, но наст еще не окреп, и под ногой вязко. По всему чувствуется, что прошел снегопад. Воздух чистый, будто процежен сквозь хлопья снега. Я не привык к унтам и иду косолапо, оставляя за собой глубокий неровный след. Женя идет весело, бороздя полами дошки снег, местами утопая чуть ли не по пояс.

- Ну, как у нас здесь? - спрашивает она.

- Мне нравится.

Прошли не более сотни метров, а у меня уже выступила на лбу солоноватая испарина. Неожиданно Женя берет меня за руку и ведет в сторону. Послушно иду за ней. Останавливаемся около огромного валуна, который со стороны можно принять за запорошенный стог сена.

- Здесь мое любимое место. Тут можно даже поплакать. Валун тебя не осудит и не пожалеет. - Женя кубарем перекатывается через свежую гриву сугроба. - Знаешь, что больше всего мне здесь нравится? - Забыв отряхнуться, она прислоняется к валуну.

- Что? - обиваю с ее дошки снег и отряхиваюсь сам.

- Таинственность.

Смотрю на ее утонувшее в меховой шапке лицо, а затем перевожу взгляд на валун. В тех местах, где я вырос, такие камни встречаются редко, зовут их дикими, и еще говорят, что они растут.

- Ну что, поплачем? - шутя предлагаю Жене. Но она молчит, видимо, думая о своем.

Светит луна. Гляжу в сторону поселка. Несколько свитых в прядки дымок тянется к небу, и по мере того, как они теряют свое тепло, прядки ослабевают, раскручиваются и виснут на половине сопки редкими помятыми кольцами.

- Скажи, Алеша, ты мог бы в этих местах прожить всю свою жизнь? - неожиданно грустно спрашивает Женя.

Я не знаю, что ответить. Молчу.

Луна еще выше привстала над горбатой сопкой. Снег искрится настолько ярко, что, кажется, покалывает лицо острыми блестками.

Возвращаемся по старому следу. Женя шагает впереди нехотя и медленно. Я ревную ее - и не знаю, к кому и чему. Вздрагиваю, если ее нога не попадает в мой старый след, а ступает в сторону.

Как только пришли, Женя уложила меня в кровать, а сама устроилась на диване. В крестовинах рам надолго застряла луна и половину комнаты осветила неприятным липким светом. Сон не шел ко мне, не спала и Женя. Наконец я не выдержал и, скрипя зубами, попросил снотворного.

Женя поднялась, накинула халат и долго на ощупь искала тапочки.

- Снотворное тебе противопоказано. Хочешь, вместе посидим? Мне тоже не спится...

Я заворочался. Под головой сухо зашуршала пером смятая подушка. Женя присела на краешек кровати. Луна освещала только одну сторону ее лица, и мне казалось, что Женя рядом со мной наполовину - остальная часть ее затерялась где-то в ночи, среди сопки.

- Знаешь, Алеша, я сегодня весь вечер думала об одном человеке. У него было две любви - одна к Северу, другая - к девушке. Я не успела стать ни его невестой, ни женой. Два года назад он погиб около нашего поселка.

- Что с ним случилось?

- Он геолог. Отстал от партии и замерз.

Больше мы ни о чем не говорили. Женя закусила опавшую прядь волос, которая в сумерках казалась мне страшным шрамом на ее бледном, осунувшемся лице.

Так прошла ночь. А утром, забрав по настоянию Жени унты и шапку, я пешком отправился на базу.

4

Только под вечер я добрался к причалу. Отлив. Берега в эти часы похожи на гигантские обнаженные десны с черными выступами гранитных зубов. Гнусаво крича, белой пеной кружат чайки. В их крике я впервые улавливаю тоску, гнев, отчаяние. У них, крылатых, тоже свои заботы, свои превратности судьбы. Залив дымит и, остывая, обростает по берегам шугой и пахучими водорослями.

Вся палуба сторожевика усеяна баллонами газосварки. Пахнет горелым железом, резиной, красками. Часть настроек не докрашена, и на них отчетливо виднеются бугристые швы сварки. Да!.. «Нотас» оставил след не только в наших душах. Его будет помнить и железо.

Вахтенным у трапа оказался старшина торпедистов Гришкин. Мы с ним в какой-то мере избранники судьбы. У обоих из-под шапок проглядывают свежие полоски бинтов. Гришкин успел оправиться от травмы и приступил к исполнению служебных обязанностей. Коротко делимся новостями. Чмутин и Масандров дошли благополучно.

О своем прибытии я докладываю дежурному офицеру и тороплюсь в кубрик.

Стою в окружении радиометристов. Коломиец, признанный специалист по запахам, обычно обнюхивает долго отсутствовавшего на корабле. Это своего рода обряд, порождающий смех и флотские «подначки». Морща нос, копию сплюснутой груши, Коломиец авторитетно заключает:

- Кузовом машины пахнет - раз! Больницей - два! И чуть-чуть... не пойму чем. Позовите Обливача.

Глядя на его рожу, весь кубрик дрожит от хохота. Обливач считается научным экспертом. Сделав нижнюю губу подковой, он осторожно трогает мою повязку, разглядывает ее, изобразив перед собой лупу, а потом переводит свой взгляд на Коломийца:

- Вот шо. Твоей грушей тильки форсунки продувать. Бачь: ну кто, як не дивчина, мог обкрутить старшого?..

Улыбаюсь, а насчет «обкрутить» не спорю. Экспертиза не ошибается. Не вижу ни Чмутина, ни Масандрова. Но вот гремит трап, и оба тянут ко мне руки. Оказывается, они все еще устанавливают новый блок. В кодирующем устройстве опять что-то не ладится. Под предлогом необходимости самому осмотреть аппаратуру вместе с Чмутиним отправляюсь в рубку. Мне не терпится узнать подробности той ночи, о которых я не посмел расспросить у Жени.

- Выкладывай, Витя, все по порядку. У Жени я ничего не узнавал.

- Ты не помнишь, чем тебя стукнуло?

- Нет.

- Третий «МАЗ» шел с прицепом. За несколько метров до тебя этот подлец вывернул руль. Машина прошла мимо, а тебя ударило... как он называется? Коником, что ли? Ну, боковая стойка. Она отпала и шла низом.

- А дальше?

- Я кинулся к тебе. Вижу: последний не сбавляет скорости. Дал очередь. Тут он и затормозил.

- Ты не спрашивал, почему они не хотели останавливаться?

- Тот, что вез нас, утверждал: впереди подъем, заносы... Нельзя было терять скорости.

- А в поведении Жени ничего не заметил странного?

- Она наотрез отказалась ехать в кабине. Всю дорогу до поселка стояла на подножке.

- А первые машины так и ушли вперед?

- Нет. Они остановились на порядочном расстоянии. Времени не было, а то бы я этому негодяю, который тебя сбил, свастику из стояков выгнул. Но я даже в лицо его не мог увидеть. Может, еще встретимся, номер машины я запомнил.

Глядя на Чмутину, у которого еще до сих пор в глазах точно смола кипела, я понял: Женя права, скрыв от нас происшедшее с ней на перевале.

- А тебя в Олюнине покинули по двум причинам. Во-первых, ты нуждался в срочной медицинской помощи. Во-вторых, в случае непогоды мы опять могли оказаться под открытым небом. Горючее у них тоже было на исходе.

Поднимаюсь на верхнюю палубу.

Только задрал дверь, как вокруг меня все засветилось каким-то скользким светом. Снежинки, не успевшие растаять на палубе, округлились, превращаясь в голубую росу. Голубовато-золотистый туман оседал сверху и поджигал залив холодным перебегающим огнем.

Сияние я видел не впервые - и каждый раз оно было разным, лишь в душе отзывалось одинаково. Как только сияние угасало, меня начинало преследовать чувство утраты. Я вновь ждал этих, никому не подвластных красок, но они не повторялись.

Пора идти на перевязку. Женя строго-настрого приказала сразу же обратиться к медику. Но мне не хочется расставаться с повязкой, наложенной ее руками. Решаю к медику идти утром.

Душа полна неясных предчувствий. У каждого воина во все времена любовь была чем-то недозволенным. Я понимаю, что не имею права стоять и думать о Жене, мне необходимо вернуться в рубку, где ждет моей помощи Чмутин. Но ни о чем, кроме Жени, думать не могу. Над заливом прошел заряд. Густо закружились снежинки. Склоняюсь и механически пишу на палубе: «Женя». Но снег быстро тает, а вместе с ним и это слово.

- Все в порядке. Не было контакта, - раздался сзади меня голос Чмутина.

- О чем ты? - и только тут понял, что этим вопросом не только выдал свою полную отрешенность от служебных дел, но и обидел товарища.

- Что с тобой? - спросил Чмутин,

- Стою, думаю...

- О ком или о чем?

- О Жене, - это слово будто само выпало изо рта.

- Брось. Масандрову она сказала, что замужем. Не дело, когда два блина кипят на одной сковородке. Выкинь из головы. Так лучше.

- Когда она говорила?

- Когда уезжали. Масандров ей что-то намекнул. Она ему прямо ответила, что замужем.

- Она пошутила. Мужа у нее нет, - говорю я и краснею от этих слов, как от по-

дачки. Вспоминаю ее слова о геологе. Если бы он не погиб, она стала бы его женой. И то, что этого не случилось, для меня обернулось подачкой горькой чужой судьбы.

- Если и не замужем - меньше о ней думай. А то поймет и будет играть, как кошка с мышкой, - посоветовал Чмутин.

- Она не из таких, - вступился я за Женю.

- Запомни! Не играют кошки только старые. Как правило, они и мышей не ловят! - пошутил Чмутин тоном Масандрова.

... Наутро иду к медику на перевязку. Не успеваю спуститься в кормовой отсек, как по верхней палубе объявляют: «Человек за бортом!» Около шлюпбалки вижу несколько человек из боцкоманды. Подбегаю, смотрю вниз. Рядом с осклизлыми сваями причала, дико вопя, барахтается Малинкин. Ему уже спустили штормтрап, но он почему-то медлит. Это мне кажется подозрительным.

Если бы не зима, на Малинкина никто не обратил бы особого внимания. Падение за борт во время покрасочных работ - явление обычное. И так как на этих работах мы все надевали спасательные жилеты, практически жизни упавшего ничто не угрожало. Только ледяная вода, от которой мог пострадать человек, вынуждала в таких случаях принимать экстренные меры. Не дожидаясь, пока выудят Малинкина, отправляюсь в лазарет.

Хуратова, корабельного военврача, на месте не оказалось. Перевязку делает санитар, тучный, с пухлыми губами матрос. Сопя мне прямо в лицо, он неловко снимает бинт. В это время за дверью послышались голоса. В одном из них я безошибочно признал бас Малинкина.

Распахнулась дверь. Малинкина словно кто-то обсосал и выплюнул. Рот кривился, ноги, руки дрожали. Лишь глаза будто были к чему-то пристегнуты намертво и смотрели в одну точку.

- Митя, доктор, скорей!.. - Малинкин прямо около двери опустил на корточках.

Санитар захохотал, но, как я понял, не из-за сочувствия к пушкарю. Он с тревогой посмотрел на бутылку, на дне которой голубели жалкие остатки спирта.

- Как же ты в третий раз? Черти, что ли, тебя волокут? - помял он губами. - Спирт на исходе. - Чмокнув притертой пробкой, Митя налил стакан до половины.

- Да ты что?.. Клизмья твоя душа!.. - неожиданно отчетливо зашипел на санитару Малинкин. - Тебе спирту жаль, а у меня печенки в кирзу превращайся? Ты врачевать сюда приставлен аль спирт сундучить? Ну?.. К заму пойду! От кого жмешь?..

Стакан налит по завязку. Фукнув, Малинкин разом выпивает и, еще не переведя дух, благодарно хлопает санитару по плечу:

- Добрая душа у тебя, Митя. Обязательно после службы приеду к тебе в Кишинев. Поверь, приеду... К тому времени ты на доктора выучишься. И халат на тебе другой будет, с крахмальчиком. А в кармашках такие интересные трубочки. Все по чину...

Малинкин опьянел. Погасив обещаниями тревогу на лице санитару, он заговорил со мной:

- Вот, Вязин, не везет Спиридону Малинкину. Третий раз оверкиль играю. Если бы не Митина доброта, поди, сгинул бы, без якорей стоял на приколе. А вода... Не успеешь булькнуть, как сутрев нужен. Ты думаешь - у меня сейчас руки, ноги? Нет. У меня только голова и желание поговорить с умным человеком...

Санитар заканчивает мне перевязку, и я, поблагодарив его, ухожу из кормового отсека.

День прошел незаметно. Текучка корабельной жизни такова, что замечаешь только начало дня и его конец. А вечером в нашем кубрике произошло ЧП.

Когда мы стоим у причала, то при любых обстоятельствах три раза в неделю личный состав смотрит кинофильм. К этому мы настолько привыкли, что, не дожидаясь объявления, в положенные часы собирались в носовой, наиболее просторный кубрик. Но в тот вечер наш киномеханик Неклеса по каким-то причинам вернулся с кинобазы без привычной для нас металлической коробки. Первым взбунтовался самый страстный поклонник кино - Обливач. Забравшись на койку второго яруса, он уперся ногами в вентиляционную трубу и завопил:

- Хви-и-и-льму!..

Этот дикий вопль подхватили и другие. Неклесе раз и навсегда решили проучить.

- Хви-и-и-льму!.. - дружно гремело в отсеке.

Неклеса не знал, куда деваться. Кричать будут до тех пор, пока он не «покостыляет» на другой причал и не вымолит у дружков коробку с лентой. Но пока то да се - киномеханик решил съесть остывающий ужин. Однако не тут-то было. Обливач покинул свое «ложе», за ним и его ретивые единомышленники. Окружив Неклесе, они завопили пуще прежнего:

- Хви-и-и-льму!.. Хви-и-и-льму!..

Дико озираясь, Неклеса схватил шинель и полным ходом «отработал» на ближайший причал. Обливач с достоинством вождя занял свое место. Прошел час, Неклеса и не думал возвращаться. Толки шли разные. Одни говорили - поджидает ленту, другие утверждали, что заявится с минуты на минуту.

- Утек! - разрешил спор Обливач.

Дневальным по кубрику стоял молодой матрос Коровкин. На самостоятельную вахту в тот вечер он заступил впервые. Раньше если его и ставили в наряд, то только в качестве дублера. Станный человек был этот Коровкин. Своим поведением за несколько дней пребывания на корабле он заработал себе еще одну половину фамилии и стал - Божий-Коровкин. Этот матрос обладал не в меру тихим голосом, робким взглядом и исключительной рассеянностью. Больше всего хлопот он доставлял мне, как непосредственному начальнику. Коровкин мог надеть шапку задом наперед, сапоги натянуть не по ногам, не опоясать ремня - и в таком затрапезном виде заявиться на подъем флага. Что я только с ним не делал! Просто-напросто «высиживал» этого матроса. Но увы! Не в коня корм. Оставалось последнее: просить командование, чтобы его под любым предлогом списали на берег. В конечном счете этим бы и кончилось, но помешал Обливач.

Однажды, когда я стоял перед Коровкиным, а он на моих глазах ухитрился застегивать шинель на левую сторону, подошел Обливач. Сделав кислую мину, он сказал:

- Припиши его ко мне на пост. Я выкрою из него человека.

Так я и поступил. Через месяц Коровкин сдал зачет на самостоятельное несение вахты.

Итак, пока мы ожидали Неклесе, в кубрике отказал втяжной вентилятор. Было людно, и через несколько минут в помещении наступила духота.

- Воздух! Дневальный! - рявкнул Обливач.

- Тю... - проворковал Коровкин, не зная, что предпринять.

«Тю» - излюбленное словечко Коровкина, которым он выражал весь арсенал чувств, будь то боль, гнев, радость, отчаяние...

- Не «тю», Коровкин, а службой править надо, - ожил скучавший до этого Обливач. - Иди к боцману и попроси у него горн или кожаные мешки. Не то первый задохнешься. Нам что - можем и уйти, а ты на вахте...

Вместо того, чтобы позвонить в пост энергетики и вызвать дежурного электрика, Коровкин отправился по указанному адресу.

- По дороге прихвати пару мешков воздуху! Слышишь? - добавил вслед дневальному Обливач.

На взрыв хохота Коровкин не обратил ни малейшего внимания.

Корабль ошеломляет новичка сложностью техники, терминологии, особенностями быта. Человек - даже не будучи Божьим-Коровкиным - на первых порах все сказанное принимает за чистую монету. Обливач применил к своему подопечному, как он называл, «фараонский» метод воспитания. А заключался он в следующем. Для того, чтобы заставить Коровкина мыслить, Обливач прибег к способу так называемых «покупок». Проще говоря, подсказывал при случае не то, что нужно. Обливач был твердо убежден, что человек рано или поздно возмутится самим собой и своим всеверием. Он непременно будет искать какой-то выход. А выход один: изучать корабль, технику, осваивать быт. Горе тому матросу, который не знает своего корабля.

До этого случая Коровкин, конечно, не без подсказки Обливача, перестирал в растворе хлорки тельняшки, несколько раз пытался мыть трапы снизу вверх, сушил в карманах портянки. Кожаные мешки и горн, видимо, тоже входили в «фараонскую» программу. И так с каждым днем уроки Коровкина все усложнялись и усложнялись. С моей стороны, как мы договорились, Обливач не встречал препятствий.

Вернулся Коровкин минут через десять. Наставник в это время, на случай прихода начальства, нес за него вахту.

- Тю... - пропел дневальный, робко глядя на Обливача. Никто так и не понял - ходил он к боцману или нет.

В это же время кто-то принес весть, что на соседнем сторожевике второй раз крутят давно ожидаемую нами картину «Исправленному верить». Обливача с койки как волной слизнуло. За ним поспешили и остальные. В кубрике остался один дневальный.

Трудно сказать, о чем думал Божий-Коровкин в ту минуту, когда на трапе появился самый настоящий медведь. Здесь-то и проявились результаты «фараонского» метода воспитания.

Увидев зверя, - понятие, ничуть не относящееся ни к технике, ни к кораблю, - Коровкин решил покончить со своим всеверием. Ввело его в заблуждение и то, что медведь спускался по трапу задом. Дневальный без сомнения принял «видение» за очередную проделку Обливача. Недолго думая, он схватил указку, которой пользовались на политзанятиях, и уколол настырного «шутника» во что-то мягкое. Зверь взревел, в один мах оказался рядом с Коровкиным, и тот, не успев молвить свое благословенное «тю», уже лежал в углу кубрика с перебитой ключицей. В тот же вечер его отправили в госпиталь.

На вечерней поверке Приклонский потребовал любыми средствами избавиться от медведицы. И только после нескольких просьб ходяков-просителей командир отменил решение до полного выяснения самочувствия Коровкина.

Предыстория этого случая такова. Машку, еще совсем сосунком, подарили нам геологи с полуострова Рыбачьего. Сейчас зверю шел третий год. Прошлой осенью, в конце октября - начале ноября, мы заметили, что Машка нездорова.

Она перестала есть, глаза помутнели, с морды обильно бежала слюна. Обратились к медику. Оказалось, что зверь готовится к лежке.

Вскоре Машка пропала. Стали искать и нашли. У интендантов, в кладовке, она присмотрела заваленный тряпьем угол и, согласно медвежьим законам, легла. Так бы Машка и спала до весны, но помешал последний выход в море. Когда заштормило, зверя, видимо, стало кидать из угла в угол, и он поднялся. А тем вечером кто-то из интендантов отдраил люк, и Машка вышла.

Коровкин, пришедший на корабль в конце года, о звере ничего не знал. И эта история едва не стоила ему жизни. Так нелепо окончился вечер, а утро принесло неприятность мне.

До подъема флага самый уплотненный промежуток времени в жизни плавсостава. За неполных два часа матрос обязан: одеться, заправить койку, сделать физзарядку, умыться, позавтракать, прибраться в помещениях, подготовить себя к утреннему осмотру. А чтобы мы, старшины команд, проследили за всем этим, нас поднимали на пятнадцать минут раньше.

Как всегда, вскакиваю с койки и чувствую под босыми ногами что-то необычное. Ничего не могу понять - горит ночное освещение. Шарю руками. Натыкаюсь на обрывки шерсти, клочья кожи, вату. Если бы Машка не заурчала, я бы, наверное, долго гадал, что случилось. Смотрю в угол. Глаза зверя зеленые, а зрачки словно политые красной медью. В пасти - жалкие обрывки моих унт.

Я готов кричать от обиды. Первое, что приходит в голову, - отшлепать Машку. Но воспоминание о случае с Коровкиным быстро охлаждает мой пыл. Зову дневального и, во избежание лишних разговоров, приказываю убрать следы звериной забавы.

Пока переговариваюсь с дневальным, Машка подходит ко мне и невинно тычется мордой в колени. Она еще осмеливается просить у меня ласки! Что поделаешь? Треплю ее за острые уголки ушей, чешу подбородок. Зверь сопит, пускает слюну, дышит теплом. Так, с помощью ее медвежьей наивности, конфликт с унтами в какой-то мере улажен. Но что я скажу Жене? К тому же унты были предлогом при первой же возможности заявиться в Олюнино.

После подъема флага начался обычный трудовой день. Перед обедом неожиданно сыграли сбор. Построились, ждем. Вдруг видим: по шкафуту левого борта идут трое. Шествие не совсем привычное для глаза. Первым шагает Малинкин, за ним дежурный офицер и последним Головко. Когда они прошли мимо строя - все стало ясно. Малинкин опять «сыграл оверкиль».

Головко указал пушкарю на люк провизионки. Это место моряки в шутку называли эшафотом.

Ставили на люк только особо провинившихся, Малинкин, мокрый, шурша смерзающейся одеждой, занял «лобное место».

- Внимание! - Головко явно не в духе. - Полюбуйтесь на этого моржа. За время покрасочных работ он в четвертый раз свалился за борт. Приказываю: всем последователям этого хитрого промысла направляться не в лазарет, а ко мне в каюту. Ясно? Безматерных! - обратился помощник к дежурному офицеру. - Посадите Малинкина в тамбур душа, выставьте вооруженного вахтенного. Пусть обсохнет сам по себе, а вечером проследите, чтобы он в личное время сделал то, что осталось не докрашенным по его вине. Команде разойтись!

Получив неожиданный «сугрев», Малинкин ползл в тамбур душа. Только тут мне стало понятно, почему пушкарю «не везло». Виной тому - Митина доброта.

Но служба остается службой, тем более на корабле. Иногда бывает так, что ты опускаешь в карман руку за сигаретой, а выкуриваешь ее только на другие сутки. Нечто подобное произошло и на сей раз. Не успели мы разойтись, как объявили: «По местам стоять, со швартовых сниматься!»

Через несколько минут мы экстренно покинули базу. Сторожевик шел на обеспечение подводных лодок куда-то в заданный район. Прозвучала команда: «От мест отойти!» За кормой, на фоне темной воды, утопает гряда белых сопок. Там осталась земля, там остался мир моих неисполненных желаний. В воскресенье я обещал навестить Женю. Она будет ждать и не дожидется. По опыту прошлых лет я знал, что обеспечение лодок займет у нас не день и не два.

При виде утопающих за горизонтом берегов у меня обычно портилось настроение. Но только пропадала земля - все становилось на свои места. Впереди в одно сливались море и небо, а я становился их частицей.

Вступил в силу походный распорядок дня. Свободные от вахты могут отдыхать. Нехотя раздеваюсь и ложусь на койку. За тонкой обшивкой бортов трется и плещется море. Слышится рокот прибоя. Он доносится глухо, со вздохами. Идем в нескольких кабельтовых от побережья. Долго прислушиваюсь к поскрипыванию трапа и, наконец, с мыслями о Жене засыпаю.

Пробуждаюсь от того, что кто-то трясет меня за руку. Рядом стоит Чмутин. На нем спасательный жилет, роба заправлена в голенища сапог. В кубрике - ни души.

- Что случилось?

- Обледенел наш «сторож». Приказание помощника - всем свободным от вахты на обколку льда.

Лежу с открытыми глазами. Для Чмутина этого достаточно, и он уходит. Он верит, что я уже не засну.

Ветер с материка около трех баллов. Дружно захлестывает волна, но качки не чувствуется. Ничего не могу понять. Я как будто оказался не на корабле, а на айсберге, по которому, как птицы, спуют люди. Там, где должны быть приборы и орудия, выступают огромные наросты льда.

- Ты видел нечто подобное? - спрашиваю Чмутина.

- Нет. Но этого следовало ожидать. Тянет «материчок», температура ниже тридцати. Вся волна оседает на палубе. Так и до беды недолго.

Нам и раньше не однажды приходилось бороться с обледенением, но не в таких размерах.

- Проследи, чтобы на всех метриках были спасательные жилеты, - говорю Чмутину и замечаю, что под тяжестью ледяного нароста сторожевик завалился на левый борт.

Укрываясь от ледяных брызг, работаем и стоя, и лежа, и на коленях. Отбитые глыбы сбрасываем в море. Но и скинутые за борт они представляют для нас значительную опасность. Подхваченные волной куски льда с огромной силой проносятся над нашими головами.

Я давно промочил колени, локти, не говоря уже о сапогах. Полы шинели промерзли и стучат, как деревянные. Удары скребков с каждым часом слабеют. Много сил уходит на то, чтобы только устоять на обледенелой палубе. Ветер окреп, а вместе с ним появилась и качка.

Смотрю на часы. Работаем около четырех часов, но ледяной нарост ничуть не убывает. Корма оседает, крен растет. Обливач и Малинкин рубят лед в том месте, где должен быть сточный шпигат. Изредка посматриваю на Малинкина. В

работе он красив и настойчив. Длинные сухие руки проворно орудуют скребком. Пушкарь крихтит, подбадривая остальных.

Температура настолько низка, что море, как обычно, не парит туманом. По нему лишь змейками пробегают испарения - и тут же оседают, превращаясь в ледяную пыль. Вода от этого становится густой и, попадая на корпус корабля, мгновенно застывает. Мы уже не пригибаемся от брызг. И от этого медленно, но верно превращаемся в ходячие сосульки.

Прошел слух, что идем в Угорье. Обеспечение подводных лодок временно откладывается.

К концу первой половины дня меж расступившихся сопок показалось небольшое селение. Со стороны моря этот поселок похож на острог. Высокие бревенчатые стены увенчаны островерхими крышами, из-под которых, как бойницы, чернеют небольшие окна. Берем мористее, огибаем вдающуюся в море косу и подходим к причалу. Это - Угорье.

5

В Угорье сразу же не повезло. К ночи так заштормило, что мы были вынуждены отойти от причала и встать на рейде. Шквал ветра налетел неожиданно. Если сутки назад ветер дул с материка, то на этот раз ураган несся со стороны моря. В первые же минуты у нас порвало швартовы и помяло обшивку борта.

Ровно неделю сильный отжимной ветер не давал нам подойти к причалу. На каменистом дне якоря не держали, и мы все это время стояли с введенными котлами. Кончалась пресная вода, подходили к концу продукты питания. Только на десятые сутки радисты приняли «умеренный» прогноз.

Море после шторма шальное, нервное. В нем все еще что-то продолжает бродить. Волна ходит судорожно, толчками, краски дробятся, и, кроме пены, ничто не радует глаз. Лишь берега, не остывшие от недавнего гула, гордо высятся над поникшим морем. Они по-прежнему радостно вторят и эху шальной волны, и крику чайки, и твоим мятежным чувствам.

Стою на юте и гляжу в сторону берега. В нескольких шагах от меня сутулится от холода Малинкин.

- Холодно, Спиридон?

- Да...

- Сейчас бы на Черное море? А?

- Не хочу.

- Почему?

- Там служба, по сравнению с нашей, как на картинке. А я харей не вышел. Лучше уж здесь ракушками обрасту. Одно слово что значит: полярник! С запахом словечко!.. - Малинкин зябко поводит плечами и уходит.

На другой день море окончательно улеглось. Дышащая зыбью гладь укатывалась куда-то к горизонту, предвещая штиль. Небо тоже выровнялось, посвежело. Кое-где виднелись льды. Сначала они казались отражением облаков, а когда подплывали ближе, то поражали своей величиной и дикостью. Иссиня-зеленые изломы выступали над водой на несколько метров. Разумеется, при таком соседстве никто и не помышлял о работе с подводными лодками и о запланированных нами учебных стрельбах.

Льды больше трех недель продержали нас у причала. На полигон для обеспечения подводных лодок сторожевик вышел только в начале апреля.

В апреле, даже в этих местах, чувствуется близость весны. Как только проглядывало чистое небо, мы дружно высыпали на верхнюю палубу и разевали рты навстречу солнечным лучам - «сосали» солнышко.

Полигон, на котором наш сторожевик играл роль условного противника для подводных лодок, представлял собой огромную чашу, по краям которой, словно привставшие лепестки ромашки, тянулись к небу заснеженные вершины сопков. Со стороны моря полигон был огорожен грядой скал, которая надежно прикрывала нас от открытой океанской волны. Пока сторожевик, меняя курс и скорость, двигался в заданном районе, подводники, пеленгуя нас, выходили в торпедную атаку.

Кругом тихо, просторно. Море играет бликами, и ничто не напоминает об опасности. Ты даже не прочь отдалиться мыслям о минувшем детстве. Но вот непонятная сила заставляет отвлечься от воспоминаний. Смотришь на море и видишь, как со стороны солнца пенится тонкий бурун. Дальше все идет обычным чередом. Израсходовав запас горючего, торпеда всплывает. Ее подбирает вспомогательное судно-торпедолов, а мы на сторожевике ждем следующей подводной атаки.

Так проходят дни, недели. К концу апреля командование сторожевика решило провести свои учебные стрельбы.

День, как назло, выдался серый, с рыхлым и мокрым небом. Сразу же после залпа в работу включились все средства обнаружения всплывшей торпеды. Но увы!.. С торпедолова каждую минуту сигналият: «Окажите помощь в поиске».

Сторожевик малым ходом бороздит полигон. Проходит более двух часов, а поблескивающее рыло торпеды так и не показывается. Командир торпедистов лейтенант Проскуряков и старшина Гришкин все время стоят на мостике и ломают голову: что же произошло? Разумеется, бывали на флоте случаи, когда торпеда тонула. Но это влекло за собой такие последствия, что Проскуряков и Гришкин, знавшие о них, стоят сейчас ни живы ни мертвы.

Затрудняет наше положение и то, что погода портится на глазах. Небо заваливает тучами, море вскипает, пенится. Там, где виднелась гряда скал, раскатисто ухает прибой. Чайки, первые предвестники непогоды, словно рикошетят о мачты сторожевика и, как от боли, вскрикивают. Все вокруг стало тревожным, холодным.

Держим курс на гранитный мыс, который напоминает чем-то огромную разорванную цепь. Если торпеда удержалась на воде, то волной и ветром ее обязательно прибьет к этой полоске земли. Всматриваемся, но увидеть что-либо почти невозможно. Вода пенится у каждого гранитного выступа, образуя шапки пены, которые на расстоянии очень напоминают головку торпеды. В нескольких кабельтовых от мыса машины обрабатывают «стоп». Ближе подходить опасно.

- Вижу что-то похожее на торпеду! - Гришкин указывает на острие мыса.

Действительно, там, где кончается гранитная цепь, что-то поблескивает. Разглядеть никому не удастся. Через каждые две-три секунды предмет захлестывает волной, от этого в глазах рябит.

- Команде - на спуск шлюпки! - приказывает Приклонский, не отрывая от глаз бинокля.

Так как во время обеспечения лодок радиометристы не несут походной вахты, мы оказываемся гребцами. С нами идет Малинкин.

Не успели вставить уключины и разобрать весла, как начался дождь наполовину со снегом. Тучи словно спешат отряхнуться над нашими головами. На море появляются какие-то тени. По ветру шлюпка скользит легко, но не без риска. Если волну нагонит покрупней - нас подомнет.

Хочу посмотреть в сторону мыса - и не могу. Гребцы сидят спинами к курсу шлюпки. Наше внимание - весла. Смотрит в сторону мыса только Гришкин. Чем ближе к гранитной косе, тем тревожней рокошет бьющаяся о скалы волна. Шлюпку бросает. Гребцы должны успевать за волной. Иначе выбьет весла, а шлюпку захлестнет.

- Видишь торпеду? - кричит из-за моей спины Малинкин.

- Навались! Вижу! - Гришкин впивается во что-то взглядом.

Смотрю на отдаляющийся сторожевик. Его контуры изъедены кисеей дождя и снега. Море играет ямами. Края этих ям то заостряются, то выравниваются, то, раскатываясь, пропадают совсем. Шлюпка огрузла. На дне ее плещется вода. Слева неожиданно зачернел мыс. Бросаю быстрый взгляд в его сторону, но и этого оказывается достаточно, чтобы неприятный холодок стянул лопатки.

Скалы нависают над водой. Время вымыло гранит снизу, и там образовалась каменная пасть, в которой скребло, охало, грохотало. Хочу спросить Гришкина, видит ли он торпеду, но от толчка едва не вылетаю из шлюпки. По дну что-то скрежещет.

- Торпеда! - выстрелил около моего уха Малинкин.

От неожиданности задерживаю весло. Вначале ничего не вижу, кроме вихря пены и воды. Но вот рядом со шлюпкой, едва не проломив борт, толкнулась торпеда. Она показалась на одно мгновение. На ее корпусе я только успел разглядеть густую смазку и какой-то вырез. Опять волна, яма - мы проваливаемся.

Во второй раз торпеду видим уже далеко позади. Шлюпку волной сносит намного быстрее, чем тяжелый и меньший по размеру корпус торпеды. Что делать? Идти к ней и брать на буксир? Это равносильно тому, что направить шлюпку прямо на скалы. Торпеда, подхваченная волной, разнесет нас в щепки, а до каменной пасти не более кабельтова.

Даем ракету. На корабле будут знать, что торпеду обнаружили. Теперь все зависит от нас. С большим трудом и не меньшим риском разворачиваем шлюпку против ветра. От мыса немедленно нужно уходить. Видимости нет, а волна растет.

- Смотри, сигналият! - гудит Малинкин.

Там, где темнеет сторожевик, мутной каплей вздрагивает сигнальный прожектор. Читаем: «Если дрейфу торпеды ничто не угрожает, приказываю немедленно возвращаться».

- Решай! Чего ждать? - кричит Масандров на Гришкина. На его красивом лице проступает страх.

Гребцы переглядываются. Со стороны Масандрова это плевков в наши души. Малинкин ежится, недовольно сопит, а мне в эту минуту хочется отряхнуться, а от чего - я не знаю и сам. «Может быть, на самом деле нечего ждать?» - невольно оживает непрощенная мысль. И больше на Масандрова я стараюсь не смотреть.

Торпеду сносит на нас. Гришкин наблюдает за ней и, видимо, мысленно прикидывает ее дрейф. Если она обойдет мыс, мы, согласно приказу, возвратимся на сторожевик. А если не обойдет - станем принимать какие-то меры.

Море прямо-таки осатанело.

Весла ломало в руках, и малейшая оплошность грозила катастрофой. Если бы подводники не столь удачно выбрали полигон, нам пришлось бы худо. Гряда скал не только прикрывала нас от волны, но и, в какой-то мере, гасила собой шквал ветра.

Торпеда приближалась по левому борту. Не оставалось никаких надежд, что она минует гранитную цепь мыса. Через несколько минут она превратится в

груды металлического лома и затонет. Если бы ее удалось сбить с курса хотя бы на треть кабельтова, торпеда обошла бы стороной пенистые буруны. И вот она в нескольких метрах от нас. Учесть скорость ее дрейфа невозможно.

- Левый, табань! Правый, навались! - скомандовал Гришкин, но поздно. Весло Масандрова переломилась надвое.

От удара у меня выбило уключину. Чмутин едва не свалился за борт. Малинкин выругался.

- Ну!.. - рывкнул пушкарь на Масандрова и рывком пересадил его на свое место.

Торпеда, как поршень, ходила вниз-вверх всего в трех метрах. Сначала я не понял, для чего Малинкин уступил свое весло Масандрову. Но когда он стал обвязываться сигнальным фалом и проверять карабин буксирного троса, меня повело, как в судороге.

- А ну, навались! - вновь заревел Малинкин.

Несколько взмахов весел - и вот-вот столкнемся с торпедой. Малинкин закрепил конец фала за уключину и свалился за борт. Вскинув руки, он с ходу обнял головку торпеды. Я вижу только его большой рот и длинные обезьяньи руки. Мгновение - и карабин защелкнут на зацепной петле. Трос натягивается, чувствуется толчок. Торпеда, словно подсеченная рыбина, кругами ходит около шлюпки.

Обратный путь Малинкин проделал более чем удачно. Его просто-напросто швырнуло к нам волной. Он долго, точно сорвавшаяся с кручи кабарга, стоял на четвереньках и отборно, силпо ругался.

Из-за сломанного весла шлюпка потеряла маневренность. Да и сама торпеда не позволила бы в такую волну подойти к борту судна. Гришкин дает две ракеты. Это сигнал о том, что торпеда взята на буксир. В ответ та же мутная капля моргает: «Огибайте мыс и немедленно уходите в укрытие».

Гришкин и оставшийся без весла Масандров то подтягивают торпеду, то дают слабину тросу. Если этого не делать - буксир не выдержит, а еще опаснее - если он вырвет кусок кормы. Играя на волне, торпеда приобретает огромную инертную силу.

Дружно налегли на весла. Больше всех старается Малинкин. Ему необходимо согреться. Мыс остается за кормой. Даже издали он внушает страх и ужас. Волна бьется, но опадает не сразу, а умирая, повисает на гранитном мысу, превращаясь в пыль и брызги.

Шлюпка огузла. Чмутин откачивает воду, а Гришкин с Масандровым следят за натяжкой троса.

Чем больше огибаем мыс, тем спокойнее и ровнее становится волна. Но не менее опасное, чем волна и ветер, ожидает нас по другую сторону гряды. Подводные скалы проглядывают на всем пути к небольшой бухте.

- Разнесет нас в щепки! - кричит Чмутин Гришкину.

- Другого выхода нет! - захлебываясь ветром, отвечает торпедист.

- Навались! - подбадривает гребцов Малинкин.

Гришкин выбирает самый узкий, но наиболее прямой вход в бухту. Торпеда, как только мы оказались с подветренной стороны, играет в нашу пользу. В узком проходе она, очень кстати, обратной тягой гасит парусность шлюпки и помогает уверенней придерживаться нужного курса.

Уже где-то позади грохочут жернова прибоя. Мы оказываемся среди шхер. Воду едва рябит. Чмутин обломком весла нащупывает дно. Выбираем наиболее пологий берег и сушим весла. Шлюпка, шурша днищем, ткнулась в галечную отмель. Теперь мы в небольшой котлообразной бухте.

Долго и жадно курим. Малинкин дрожит и подозрительно часто дышит. Молчим, но каждый думает: как быть дальше? До тех пор, пока не опадет волна и ветер, надеяться на помощь со сторожевика не приходится. Нужен костер. Но как его развести?

У нас только обломки весла. Гляжу на прибрежную полосу в надежде увидеть прибившийся топляк или хоть какой-то древесный мусор, который зачастую держится у берегов. Скользя подошвами сапог, бреду по берегу бухты. Россыпи валунов сменяются ровными красноватыми плитами, на которых маслянисто поблескивает слизь водорослей. Наступило время отлива. Бухта пахнет землей и чем-то едко-горьким.

Несколько раз нагибаюсь и разгребаю руками пристывшую к берегу пену. Раньше я примечал, что в тех местах, где обычно пенится вода, скапливается всё плавучее, от чего очищается море во время шторма. Здесь иногда можно увидеть обломки бревен, разбитые ящики, бумагу и даже уцелевшие бутылки. Наконец мне повезло. Я наткнулся на какую-то пропахшую мазутом доску, достаточно крепкую и не особо намокшую. Тороплюсь к шлюпке.

Масандров и Чмутин, пока я ходил, обломки весла превратили в мелкую щепу. Место для костра выбрали во впадине около валуна, с расчетом на то, что огонь нагреет гранит, а тот дольше сохранит тепло. Малинкин лежит на спасательных жилетах и смотрит в небо. Глаза его ввалились и кажутся неподвижными.

- Что с ним? - спрашиваю Чмутина.

- Жар. То и дело просит воды. Боюсь, что серьезно простыл.

Чмутин принимается дробить на валуне принесенную мной доску. Обливач со-скаблывает с торпеды смазку и бросает в огонь. Она загорается ярко, с трескам, как резина. Костер, сдобренный обломками доски, выпускает широкие языки огня.

Гришкин остается с Малинкиным. Остальные уходят на поиски дров.

Чмутин и Масандров обогнули бухту, но вернулись ни с чем. Стоим, совеща-ем. Обливач предлагает подняться по уступам выше, где виднеются редкие кустики березы. Я думаю о том же. Разбиваемся на две партии. Иду с Обливачом.

Одолеем крутой подъем; о голенища сапог шуршат корявые ветки. Смотрю на эти жалкие, похожие на воробьиные лапки кустики, и сердце сжимается от боли. Каждый ствол по возрасту годится нам чуть ли не в отцы. Ломать их трудно, а еще трудней - вырывать с корнем. Врастая в гранит, они сами не уступают ему по проч-ности. Но там, где угадываются впадины и расщелины, поросль мягче и крупней.

Стянув поясным ремнем заготовленные ветки, спускаюсь вниз, за мной Об-ливач. Навстречу нам бежит Гришкин. Он бледен и чем-то встревожен.

- С Малинкиным худо. В бреду, кричит...

Торопимся к костру. Малинкин, запрокинув голову, пытается сбросить наки-нутые на него ватники. Обливач кидается к шлюпке и вытаскивает рыбины*. Я подумал, что он хочет их сжечь, но ошибся. Подтянув дубовые решетки к костру. Обливач сооружает из них подобие нар. Клянусь себя и всех остальных, что не до-гадались сделать этого раньше. Рыбины устилаем спасательными жилетами и переносим на них Малинкина.

- Немедленно нужно сообщить на корабль, - говорит Гришкин.

Чмутин с сигнальным фонарем карабкается по уступам мыса. Малинкин, по-сле того как его перенесли на нары, несколько успокоился. Лицо бледное, губы в багряных укусах. Неожиданно он открыл глаза. Узнал меня, улыбнулся.

* Деревянные решетки

- Крепись, старик! Чмутин пошел сигналить на корабль. Там что-нибудь придумают, - говорю как можно бодрей и убедительней.

- Зачем? Утихнет волна - выберемся... - Я не узнаю голоса Малинкина. В груди у него хрипит и посвистывает.

- Ждать не будем. Пусть вызывают вертолет, - успокаиваю пушкаря, а сам не верю в то, что говорю.

- Помоги мне, Вязин, - тихо просит Малинкин и что-то ищет на груди. - У меня под тельником пара сельдей, отдай ребятам. Пусть поделят...

Сначала мне показалось, что он опять впал в бредовое состояние. Но взгляд Малинкина осмыслен и настойчив. Помогаю расстегнуть ватник, отпускаю затяжки спасательного жилета. Как когда-то на «Нотасе», пушкарь вытаскивает из-под тельняшки две крупные сельди.

- Пойми меня, Вязин. Это не жадность, - сишло говорит он. - С войны, с детства осталась дурная привычка. Если чувствую запасной харч у тела - вроде бы и сытость берет. А нет - все время хочется есть. Наголодался за войну. Плохо, знаю... - Малинкин устал и откинул голову. Его острый кадык еще долго вздрагивал, словно ртутная капля. Вскоре, что-то бормоча и скрипя зубами, он заснул.

Прихрамывая, вернулся Чмутин. Убедившись в том, что Малинкин спит, тихо заговорил:

- На связь вызывали медика. Я объяснил, что и как. Он предполагает двустороннюю пневмонию. С корабля помочь не могут. Мы здесь - как в ловушке. Нужно продержаться около суток, - прогноз неважный. Больного следует как можно теплой одеть и - если возможно - сделать горячий компресс.

- Одеть оденем. Но как с компрессом быть? Володя, как бы придумать горячий компресс? - обращаюсь к Обливачу.

- Ну, что-то вроде грелки, - дополняет меня Чмутин.

- Ведро у нас есть? - оживляется Обливач.

- Есть.

У меня затеплилась надежда. Изобретательность Обливача безгранична.

- Греть воды, быстро! Жилет можно переделать в грелку...

Через несколько минут в ведре закипела вода. Но как ее залить в жилет? Надутые клапаны представляют собой тонкие, неудобные для этого трубки.

Обливач прибег к самому простому способу. Он отрезал ножом полу жилета, залил в вырез воду, и получилась своего рода резиновая батарея, которую оставалось только надеть.

- С остальными жилетами необходимо поступить так же. Иначе поляжем все рядом с Малинкиным... - Обливач обвел нас взглядом. Я никогда не видел у него такого грустного лица.

Пока надевали на Малинкина теплый жилет, он несколько раз поднимал голову и что-то сишло кричал. Щёки у пушкаря ввалились и выпятили полукруглая скулы.

Вновь все ушли на поиск дров. У костра остались Чмутин и я. Пахнет тлевшей в костре березкой. Дым, прижатый ветром к земле, мягкими струйками толкается в валуны и пропадает. Подхожу к Малинкину с намерением прощупать пульс. Рука больного тяжелая, с тугими, резко проступившими венами. То ли от волнения, то ли от непривычки у меня ничего не получается. Зову Чмутина. Он тоже пожимает плечами, а в глазах его страх.

- Иди немедленно на связь. Пусть сделают все возможное. Ждать больше нельзя. - Гляжу на лицо Малинкина, оно пугает меня темнотою глазниц.

Чмутин уходит. Даже здесь, в закрытой со всех сторон бухте, стала толкаться о берег волна. Смотрю в ту сторону, куда скрылся Чмутин. Там, за гранитной стеной мыса, в нескольких кабельтовых находится сторожевик. Но какую помощь он может оказать? Силой оружия он в состоянии превратить этот мыс в пыль, не оставить камня на камне. Ураганному залпу не помешают ни волна, ни ветер, ни подводные скалы. Для этого учтены всевозможные поправки, отклонения - вплоть до наводящих средств. А оказать помощь человеку - корабль не в состоянии. Как никогда, ощущаю несоответствие роста сил милосердия и сил разрушения. Неужели сам человек породил этот трагический крен? Когда же люди выровняют его?..

Вернулся Чмутин. Я его ни о чем не спрашиваю, он молчит. Видимо, вести принес неважные.

- Надеяться пока не на что, - наконец печально произносит он. - С корабля помочь не могут. Погода здесь - реальный бог. Утихнет ветер - придет вертолет. А пока... - Он хотел еще что-то сказать, но поморщился и безнадежно махнул рукой.

Время идет утомительно. Точно кто-то тянет его сквозь игольные ушки. Березку обломали во всех доступных местах. Если бы Обливач не догадался залить горячей водой спасательные жилеты, пришлось бы плохо. А он снова что-то придумывает. Убедившись в том, что заготовленных веток пока достаточно, сооружает над костром что-то похожее на камин.

- Для чего? - спрашивает скисший Масандров.

Обливач ухмыляется:

- Нагреются камни, и сделаю для Малинкина печь.

Когда камни нагрелись, он разобрал их и сделал настил. На него вместе с рыбинами перенесли Малинкина. Довольный Обливач хмыкнул и, даже в этих условиях, не изменил своей «фараонской» системе :

- Поднимись-ка ты, Масандров, повыше... Там березка на теплых склонах почки уже наметила. Набери их побольше. Говорят, что навар из них - особенно на морской воде - уж очень горазд. Помогает от всех простуд и болезней. Малинкину надо, да и тебе не помешает. Вид у тебя дюже плох... - последние слова Обливач произносит почти трагически.

Через час Масандров уже пил навар березовых почек. Что касалось больного, Обливач не спешил.

Утро не принесло ничего хорошего. Тот же ветер, те же развалистые тучи. Малинкин бредил. Он уже не кричал, а все время искал что-то около себя и порывался встать. От того, что он двигался, нам было легче. Самое страшное наступало тогда, когда он подолгу лежал без движения. Через каждые полчаса поддерживаем связь с кораблем. Оттуда с минуты на минуту обещают вертолет.

К концу дня костер погас. Остатки горячей воды перелили в жилет Малинкина.

И только к полуночи нас забрал вертолет. Малинкин к тому времени был очень плох.

6

Вернулся сторожевик в базу только в середине мая. Весна. К причалу подошли рано утром. Земля, запахи, покой... Даже солнце кажется другим.

Еду в Олюнино. Из окна автобуса разглядываю весенний наряд сопок. В море обычно не замечаешь окончательного прихода весны. Единственный ее вест-

ник - это ветерок, но и тот, растеряв по дороге запахи, падет рябью на воду - и тут же умрет.

Справа и слева сопки, затуманенные зеленью березок. Небо высокое, в дрожащих потеках марева. Шоссе, выбирая пологие склоны, все дальше и дальше уходит в сопки. Но вот и шлагбаум КПП. Предъявляю документы. Дальше надо добираться на попутной.

Чтобы зря не терять времени, иду дорогой по берегу залива. Он рябит золотистой стружкой бликов, которые спешат к отмели и, коснувшись ее, исчезают.

Схожу на обочину дороги. По носкам ботинок щелкают головки желтых цветков, оставляя на краях брюк пыльцу. Слышится шум мотора. Останавливаюсь, поднимаю руку.

- Куда? - спрашивает похожий на воробья мальчишка-водитель.

- До Олюнина.

- Садись.

Не успели выкурить по сигарете, как показались знакомые домики.

Как ни странно, но в эти минуты я не могу думать о Жене, о скорой с ней встрече. За время пребывания в Угорье я настолько устал от этих мыслей, что сейчас они проплывают мимо меня совсем чужие.

Вот и Женин домик. Под окнами сушится белье. Значит, она дома. Глупо, счастливо улыбаюсь. Перемахнув через все ступеньки крыльца, едва не сбиваю с ног тетю Полю. Она пятится к двери, но, узнав меня, улыбается:

- Алексей?

- Я, тетя Поля. А где Женя?

- Только перед тобой в пункт ушла. Больной там у нее, вчера с траулера привезли. Пункт рядом, на нашем порядке. Пройдись... Вспоминала тебя Евгения-то. Иди, иди...

По беленым стеклам окон без труда узнаю медицинский пункт. Но как быть? По всей вероятности, Женя там не одна. А я слишком долго ждал этой минуты и не хочу, чтобы она прошла при свидетелях.

Одергиваю бушлат, поправляю бескозырку и с деловым видом направляюсь к двери. Стучу. И во мне тоже что-то частит нетерпеливо, настойчиво. Слышу Женин голос:

- Да-да!

Увидев меня, Женя крестом сложила на груди руки и как-то вся сжалась.

- Женя...

- Алеша...

Долго стоим молча. Я робею не столько перед Женей, сколько перед ее ослепительно белым халатом и больничными запахами.

- А я думала, что ты ко мне не приедешь...

В Жене что-то изменилось. Я пока не могу понять - что, но чувствую это по тому, как она смотрит на меня, как улыбается, словно и не мне, а своим мыслям. Резко зазвонил телефон, Женя снимает трубку, долго слушает. Ее лицо то хмурится, то застывает в недоумении. Вероятно, произошло что-то неприятное.

- Да, да... Я сейчас же выхожу. - Женя вешает трубку. И задумывается. - В Верном на метеостанции больной с признаками аппендицита. Что делать? Туда, как к орлиному гнезду, ни пройти, ни проехать. К тому же около больного одна жена. На случай операции - и помочь некому. А от жены какая помощь? Был случай: уронила лампу и сама упала... Тете Поле идти тоже нельзя. Вчера больной посту-

пил с рыбного траулера. Все лицо в ожогах. Его в район надо направить. Через час-два придет машина. Тете Поле надо с ним остаться.

Женя снимает халат и собирает инструмент в большую кожаную сумку. Я подавлен происшедшим. Делать нечего, надо возвращаться на корабль,

Выходим на широкую улицу поселка. Женя молчит, молчу и я. По пути заходим к Жене. Она должна переодеться. Тети Поля в комнате нет. На полу огромное солнечное пятно с едва заметным узором тюлевых штор. Пододвигаю стул и сажусь в центре этого пятна. Открывается дверь, и с ворохом сухого белья входит тетя Поля.

- Весна-то тут, Алексей, какая-то шалопутная. Вечор снег шел, а сегодня медом пахнет. Вот мы и устроили с Евгенией стирку, сушку. Сейчас солнышко, а завтра купил бы, да не будет.

- Ну что, присесть, что ли, перед дорогой... - Женя в спортивном костюме и резиновых сапогах. - Вы, тетя Поля, сейчас же идите в медпункт. Придет машина - отправите больного. Я иду в Верное. Только что разговаривала по телефону. Наверно, придется оперировать.

- Да как ты там одна-то? Не подержать, не подать, - развела руками санитарка. - Хоть бы Алексея с собой взяла!

Мы с Женей, как по команде, переглядываемся. Она улыбается. Смотрю на часы. В моем распоряжении добрая треть суток.

Вскоре мы выходим из Олюнина. Я несу Женину сумку.

Тепло, тихо.

Вблизи сопки теряют свою пестроту и выглядят голыми, серыми. Подошвы скрипят на вросших в землю валунах, а если ступаешь на пенистый мох, ноги мято тонут, а вместе с ними утопает и звук шагов. Березки забрызганы зеленью лопнувших почек. Намеренно отстаю от Жени. Она не видит меня, и я слежу за каждым ее движением. Идет она спорым шагом, не обходя ни валунов, ни березок. Сказывается привычка к местности и частой ходьбе.

Женя резко сворачивает к подножию соседней сопки. Останавливается.

- Давай одолеем эту громадину напрямик, - она показывает на вершину сопки. - Выиграем около часа.

- Ничего не имею против, - отвечаю Жене и долго смотрю ей в глаза. Мне просто хочется сказать ей какие-то необычные, нежные слова. Она не выдерживает взгляда, жмурится словно от чего-то яркого и говорит:

- Нам нужно торопиться, Алеша. Пошли...

Женя ловко карабкается вверх. Я отстаю. Капли пота лезут в глаза, нос и, как в бороздке, застревают в губах. Жарко.

На середине склона виднеется расщелина. В нескольких местах она засыпана оползнем валунов, из-под которых бойко тянется поросль березок. Рядом с ними пробивается небольшой родник - явление в сопках исключительно редкое. Женя склоняется и пьет. Потом пью я - у того же красноватого камушка, что и Женя.

Поднялись на сопку.

- Видишь вышку? - Женя кивнула в сторону высоты, которая серым пятном лежала в долине.

- Вижу.

- Это и есть метеостанция Верное.

Спуск оказался намного круче и труднее, чем подъем. Иду впереди. Женя несколько раз предупреждает об осторожности, но напрасно. В одном месте, не

желая огибать гранитный выступ, я пополз - и едва не загремел вниз. После этого Женя взяла меня за руку и не отпустила до конца спуска.

У подножия сопки протекает быстрая речушка с каменистым дном и крутыми берегами. Ищу взглядом мостик или хотя бы навесной переход. Женя улыбается.

- Тоже мне - моряк! - Она присаживается на валун и снимает сапоги.

- Зачем? Я перенесу тебя, - как можно спокойней и проще говорю я.

- Здесь очень каменистое дно. - Женя продолжает разуваться.

В каменистом ли дне было дело или нет, не знаю, но Женя разулась и перешла. Даже такой, казалось бы, пустяк испортил мне настроение. Иду насупившись и молчу. Женя догадывается, в чем дело. Останавливается, ждет.

- Глупый! Ну хочешь - я тебя поцелую?..

Сначала мне показалось, что она произнесла это таким тоном, каким обычно успокаивают детей, плачущих о сломанной игрушке. Но нет. Смотрю ей в глаза и вижу: она испугалась своих слов. Видимо, для нее это не только плата за мой каприз.

- Нам нужно торопиться. Пошли... - отвечаю словами, которыми она совсем недавно оборвала мой откровенно долгий взгляд.

Идем вниз по речушке. За отрогами сопки застрекотал вертолет. Домик метеостанции прилепился почти на самой вершине сопки. От речки к нему ведет тропа, переходящая на крутых подъемах в гранитные ступени. В стороне от домика несколько метеобудок и еще какие-то незнакомые сооружения.

Встретила нас женщина лет тридцати с покрасневшими от слез глазами.

- Я врач, из Олюнина, - представилась Женя. - Где больной?

- Я должна извиниться. За час до вашего прихода прилетел вертолет и забрал больного. В Олюнино я позвонила, потеряв всякую надежду на район. - Женщина заплакала, со страхом глядя на телефонную трубку. - Только что звонили. Положили уже на стол.

Смотрю на часы. Прошло уже около трех часов. Выпиваем по чашке черного кофе и отправляемся в обратный путь. По лицу Жени нетрудно догадаться, что она довольна сложившимися обстоятельствами.

Спускаемся по тропе. Женя почему-то ведет меня в другую сторону.

- Куда?

Она смеется.

- Где некаменистое дно. Я больше не хочу разуваться.

С нетерпением жду, когда Женя выберет брод. В то же время у меня нет уверенности, что теперь я смогу так просто взять ее на руки и перенести. Из-за отрога сопки показалась небольшая долина. Речка словно разгладила крутые берега и, журча, раскатилась широко и вольно. Смотришь, и кажется, что в долину сбегает не только речушка, но и солнце, и небо, и тишина. Женя наконец остановилась.

- Здесь можно передохнуть. - Она развязала косынку и, откинув назад голову, встряхнула волосами.

Странно. От тишины и уединения я стал испытывать неловкость. Женя присела на теплый густой мох. Я не знаю, сесть ли мне с ней рядом или устроиться в сторонке. Присмотрев небольшой валун, снимаю бушлат, сажусь и закуриваю. Женя, видимо, переживает то же состояние, что и я. Вдруг она поднимается, и мы, не разуваясь, по крупному камню переходим речушку.

Не успели выбраться из долины, как небо стало темнеть. В нос резко ударил пресноватый запах трав. В предгрозовой истоке воздух точно слежался. Бросило

в пот, захотелось пить. Дождь пошел разом. Небо прогнулось под тяжестью туч, сопки помрачнели.

- Если бы тебе не на корабль, - заговорила Женя, - мы бы вернулись в Верное. Весенние дожди в этих местах затяжные и нередко переходят в ливни. В сопках это небезопасно...

Небо с каждой минутой все больше наливалось тучами и тяжелело. Слоистая синь уступала место свисающим космам, которые, натываясь на вершины сопки, обрушивались потоками воды. Доносился запах остывающего на дожде гранита.

- Пойдем в обход, - слизывая с губ капли дождя, заговорила Женя. - Через сопку теперь не перевалить.

Подняв воротник бушлата, иду, не замечая дождя. Женя накинула дождевик и шагает прямо по лужам.

С трудам добрались до крайних отрогов сопки. От них следовало повернуть на Олюнино. Но что это? Послышался гулкий рокот воды, напоминающий шум прибоя. Отсыревшие сопки отвечают раскатистым эхом.

- Что за шум? - спрашиваю Женю.

- То, чего я боялась. Мы можем оказаться здесь, как на острове. Сейчас увидишь...

Вскоре Женя остановилась.

- Смотри! - она показала вниз. Там, у подножия сопки, вихрем неся бешеный поток воды.

- Обойти нельзя?

- В обход потребуется не меньше шести часов. За это время - если прекратится дождь - вода сойдет.

- А что делать?

- Или ждать, или переходить, пока поток не набрал силы.

Стоим. Поток, словно огромный водяной жгут, гремя подмытыми валунами, извивается у наших ног. Без слов ясно: придется ждать.

- Что тебе будет за опоздание? - тревожно спрашивает Женя.

- Несколько суток ареста. На лучший случай - месяц без берега.

- А если объяснить. Они же люди, поймут...

- Ты знаешь, что в таких случаях говорит Приклонский?

- А кто он?

- Командир корабля. Его коронная фраза: «Опоздавший с берега моряк должен быть наказан при любых обстоятельствах. Пусть даже в минуты опоздания он подпирает плечами нашу грешную землю и думал о нас».

- Но это же несправедливо.

- Нет, справедливо!

- Почему?

- Армия - это одна из сложнейших машин нашего времени. Человек - частица этого устройства. Не окажись его на месте, машина может не сработать.

- Значит, в твоём опоздании буду виновата только я.

- Конечно, если не брать во внимание дождь, - шучу я.

- Да... - огорченно произносит Женя и, видимо, насильно заставляя себя улыбнуться.

- Где бы теперь укрыться?

- Невдалеке есть такое местечко. Там в прошлом году геологи что-то искали. Они взорвали часть скалы, и под ней образовался грот.

Поворачиваем назад. Поднимаемся по склону сопки. С каждого выступа, из каждой расщелины бежит вода. Стараюсь не думать об опоздании на корабль, но эту мысль не могут заглушить даже раскатыстые удары сталкивающихся в потоке валунов. Но вот и грот, о котором говорила Женя.

Осматриваюсь. Нет, это не грот, а скорее пещера с высокими сводами. Образовалась она не только от взрыва. Здесь, видимо, не в малом количестве брали породу. Под ногами, очень кстати, лежит крепезный лес, поржавевшие от времени скобы и какие-то ящики. Разжигаем костер. Женя заставляет меня раздеться и посушить одежду. Я послушен. Мне приятно слышать ее голос, в котором одновременно звучат доброта и настойчивость. Садимся на ящики у огня.

В голову неожиданно приходят мысли о далеком доме. Последнее время я все чаще и чаще вспоминаю о нем, - и причиной тому Женя. Она сидит - не шелохнется, будто подслушивает мои мысли. Вижу ее и себя. Мы с чемоданами в руках подходим к большой избе на берегу пруда. Женя с недоумением смотрит на соломенную крышу. Я с тревогой перехватываю ее взгляд и пытаюсь объяснить, что дед мой считает соломенную крышу лучше тесовой. Она теплее, ее любят ласточки, а когда осенью ее перекрывают, она кажется золотой. Показываю Жене старую березу и в ней дупло. В него кошка каждый год прячет котят, и они вырастают дикими. Говорю еще о том, что за деревней, на околице, бьют холодные родники, а рядом с ними до поздней осени цветут ромашки. Пока рассказываю это Жене, выходит мама.

Она совсем старая. Она еще больше постарела за время моей службы. На ее голове повязан платок уголками вперед. Она, конечно, назовет Женю погородскому, на «ч» - доченька. Уже потом Женя узнает, что в наших местах старые люди до сих пор певуче произносят - цево? зачем? цай... Так говорит и моя мама. Я буду краснеть за нее, пока Женя к этому не привыкнет. В первый же день мама расскажет соседкам, что невестка у нее «дохтур», училась много лет и обязательно излечит ей поясницу. На другое утро, под разными предлогами, потянутся в избу Матрены, Лукерьи, Авдотьи. И, высмотрев Женю, уже под окнами долго будут судачить о достоинствах молодки.

- Скажи, Алеша, - вдруг спрашивает Женя, - что ты собираешься делать после службы?

- Не знаю. Я агроном, но за четыре года многое позабыл. Придется начинать все сначала. Поеду в деревню к матери, а там будет видно. А ты бы поехала со мной?.. - В следующее мгновение я готов онеметь, но слова уже сказаны.

Я весь сжимаюсь, ожидая Жениного ответа, и мне кажется, что ветер и дождь заглушат его. Но Женя молчит. Как тогда зимой, в лунную ночь, я вижу только половину ее лица, лишь с той разницей, что сейчас светит не луна, а костер.

Женя отжимает мой бушлат и делает вид, будто ничего не произошло. Я же готов кричать от ее молчания.

- Вот что, Алеша, - глядя не на меня, а в огонь, тихо говорит Женя. - Так все сразу не бывает. - Она положила на ящик бушлат и подошла ко мне. - Не бывает, Алеша...

Я растерялся и не могу найти нужных слов. Смотрю виновато в глаза Жени. В них, как в глубокой воде, темно и тревожно.

И ветер, и дождь, и огонь в костре делали свое обычное дело. Им не до меня, не до моих грустных мыслей. Женя стоит рядом. Мне, как никогда, хочется узнать: о чем она в эту минуту думает? О погибшем геологе? Обо мне? О моем нелепом

предложении? Или о чем-то не известном для меня?.. Но я не решаюсь задать этот вопрос.

Дождь прекратился только далеко за полночь. С Женей на руках перехожу быстрый, но уже потерявший силу поток. Прощаемся у шоссе. Женя очень утомилась. Лицо бледное, под глазами темные круги.

С опозданием на пять часов я прибываю на корабль.

7

До подъема остается несколько минут. Легкий туман висит над причалами, мачтами стоящих рядом буксиров и тянется выше, к сопкам, из-за которых уже выкатилось жидкое полярное солнце. Гляжу на залив и думаю, что теперь, после такого опоздания, долго буду ходить по кораблю чужаком. Командир ни в коем случае не поверит в истинную причину моей задержки на берегу. Дышу прохладой утра, а невеселые мысли одолевают меня. Мучит неопределенность в отношениях с Женей, обидно, что так глупо опоздал.

На соседнем буксире раздались шаги. Показался моряк в толстом водолазном свитере, с коротко подстриженной бородой и трубкой в зубах. Вид у него помятый, сонный. Зевнув на солнце, он оглядел палубу, надстройки и, раскорячив кривые ноги, присел на пахнущий туманом брезент. Его явно не пугал новый день. Все его существо так и дышало покоем, крепким сном минувшей ночи.

Неожиданно у моих ног откидывается люк и показывается голова Чмутина.

- Я наказывал дневальному поднять меня, как только ты придешь. - Он поглядел на мое кислое лицо и поспешил успокоить: - Брось изводить себя. Можно считать, что все обошлось с твоим опозданием.

- Что?.. - в эту минуту я готов был верить в самое несбыточное.

- Так вот, слушай. В первом часу ночи, когда дежурный офицер доложил помощнику, что из увольнения не вернулся Вязин, «машина» заработала. Головка первым делом позвонил в комендатуру. Там тебя нет. Вызывает меня и спрашивает: «Знаешь его знакомых?» Отвечаю, что единственное место - Олюнино. Он дал мне пять минут на сборы, и мы на попутной машине вскоре оказались там. Тетя Поля сидит в слезах. Она звонила в Верное. Ей ответили, что вы давно ушли. А дождь хлещет, словно небо наизнанку вывернуло. Поверил помощник тете Поле или нет - не знаю. Перезвонил сам. В Верном трубку взяла женщина. Головка спрашивает: «Приходил с врачом моряк?» Она отвечает: «Да!» Тогда Головка и говорит: «Придет - все равно ноги ему выдерну. Айболит в клешах нашелся!» А у самого такая улыбочка - хоть прикурувай. Вот таковы делишки. А санитарка - прелесть. Откуда-то принесла икону и запричитала: «Не знаю, как вас называть: капитан аль майор, но как перед Богом, так и перед вами... На операцию пошел Алексей-то, помогать Евгению! С добрым делом пошли...»

У меня отлегло от сердца. Туман тем временем рассеялся. Утро согрело землю, на корабле пахло теплыми красками.

- Еще новость! - возбужденно продолжал Чмутин. - Пострашнее всякой атомной бомбы. - Чмутин загадочно улыбнулся. Такой улыбки я не видел на его лице за всю нашу совместную службу. - На корабле поселилась маринистка. Она из института Сурикова. Как оказал замполит, РТС будет вроде бы шефом. Ну, в том смысле, что сторожевик для нее темный лес, а работать придется в условиях корабля.

- Только этого не хватало, - ответил я Чмутину, думая о Жене.

- Маринистку поселили в каюте рядом с нашей рубкой. В отсеке весь вечер стояла толкучка.

- Она что - очень мила?

- Не знаю, - смущенно ответил Чмутин. - Но другие говорят, что когда на нее смотришь - так и пристаешь взглядом, словно репей. Масандров, как узнал о ней, словно сохатый, заломил рога - и в отсек.

После подъема флага меня вызвал замполит, капитан третьего ранга Духов. Это пожилой, страдающий от полноты офицер, служивший на флоте чуть ли не со времен революции. Он начинал с юнги. Ярый противник всякой муштры, он не любил даже, когда ему по всей форме докладывали о прибытии. Если кто-то по незнанию и делал это, он тяжело поднимался, расправлял тучную грудь и, выслушав, говорил:

- Как струна, тянетесь передо мной! А спрошу о деле - крутить начнете, как блесна-вертушка. Кому нужна такая служба?..

Я не помню случая, чтобы кто-то из нас сказал ему неправду. За глаза матросы называли его точно и коротко - «Рентген».

- Присаживайтесь, Вязин, - ответил Духов на мое приветствие. - Разговор предстоит у нас небольшой, но важный. - Замполит тяжело заворочался в кресле, забарабанил пальцами по настольному стеклу и, видимо, обдумывая предстоящий разговор, долго смотрел на меня выцветшими голубыми глазами.

Теряюсь в догадках - к чему такое вступление? Если бы предстоял разговор о моем опоздании, Духов оказал бы коротко: «Выкладывай от и до!.. А за «регалиями» зайдешь потом к помощнику».

- Так вот, Вязин, - заговорил наконец Духов. - На борту сторожевика находится девушка из института Сурикова. Это очень талантливый человек. У нее задание - сделать серию работ из жизни моряков Северного флота. Мы всеми возможными для нас средствами должны ей помочь. Сторожевик становится в ППР. Во избежание несчастного случая приказываю вам выделить человека, который станет ее сопровождать до конца ремонта. Ваша служба самая подходящая. Образование у всех - не ниже среднего. Предупреждаю, и это передайте всем остальным, если кто-то хотя бы взглядом допустит лишнее - собственноручно высеку. Сейчас я ее позову.

Духов вышел и вскоре вернулся в сопровождении художницы. Я встал.

- Знакомьтесь, Лира Александровна. Это ваш временный опекун. Я ему все объяснил. О частностях договоритесь сами.

- Вязин, - представился я.

Она подала мне руку - чуткую, легкую, - такая бывает, наверно, только у художников. Глядя ей в лицо, я невольно вспомнил слова Чмутина о взглядах.

- Если вопросов ко мне нет, вы оба свободны. - Духов осуждающе посмотрел на мою заляпанную суриком робу.

Выходим в тамбур отсека.

- Я должен вас, Лира Александровна, проинструктировать, - говорю я твердо.

- Хорошо. Пройдемте ко мне в каюту, - предлагает она и, стуча каблукками, направляется к своей двери.

В каюте, где до этого жил какой-то флагманский специалист, уже чувствуется присутствие женщины, не знакомой с морскими порядками. Иллюминатор еле-еле держится на подвеске, задрайки откинута как попало, отопительные батареи, хотя и тепло, не отключены, кресло закреплено по-штормовому. Хочу Лиру Алек-

сандровну тут же, на деле, убедить в том, что наша опека не излишня. Подхожу к иллюминатору и осторожно дотрагиваюсь рукой до подвески. Иллюминатор с грохотом бьется о борт. Лира Александровна от неожиданности вздрагивает.

- Видите: малейшая зыбь - и что может произойти? А если здесь случайно окажется ваша рука?..

Она смущенно отводит взгляд. Показываю, как пользоваться подвеской иллюминатора. Отключаю отопительные батареи, раскрепляю кресло. Лира Александровна следит за каждым моим движением. Она мне чем-то напоминает Женю. Та же мягкость в жестах, тот же наклон головы, тот же прищур глаз.

Познакомив Лиру Александровну с особенностями каюты, я приступаю к главному:

- Духов, от которого мы только что пришли, приказал выделить человека, который ознакомит вас с кораблем, - говорю я намеренно сухо, стараясь придать голосу как можно больше официальности. - Сторожевик становится в ремонт. А это еще больше усложнит вашу работу в условиях корабля. Вас могут ожидать десятки непредвиденных опасностей. То ли оголившийся, по недосмотру, высоковольтный кабель, то ли что... Непосвященному человеку подобные штуки угрожают серьезными неприятностями. Следовательно, пока вы не освоите корабль, вас кто-то постоянно будет сопровождать по объектам, где сочтете нужным работать.

Лира Александровна улыбается. Может быть, ей кажется забавной моя официальность, а может, просто приятна такая забота. Я невольно обращаю внимание на ее улыбку, осторожную, мягкую, по всему лицу, она теснит глаза, словно освобождая место ровному ряду ослепительно-белых зубов.

- И кто мой ангел-хранитель? - Лира Александровна бросает на меня короткий, чуть насмешливый взгляд.

- Через несколько минут он появится здесь.

- Хорошо.

В тамбуре отсека встречаю Масандрова. При виде этого «морского волка» мне не удается сдержать улыбки. Ботинки начищены до синевы, воротничок вытравлен добела.

- Вот что, Масандров. Идите в пятую каюту и доложите, что прибыли по моему приказанию. Там поджидает вас маринистка. Ознакомьте ее с кораблем. И впредь, до окончания ППР, сопровождайте ее по кораблю. Зовут ее Лира Александровна. - Последних слов я мог и не говорить, Масандров знал это лучше меня.

Одернув идеально чистую робу, копируя походку старых моряков, раскачиваясь и широко расставляя ноги, он спешит исполнить приказание. Признаться, каким-то краешком души я завидую ему в эту минуту.

Не дожидаясь вызова Головки по поводу опоздания, иду к нему.

- Пришли оправдываться, Вязин? - не глядя на меня, говорит помощник. - Идите и занимайтесь службой. Посидите месяц без берега.

- Ясно, есть!

Да, Головка поступил со мной слишком гуманно. За такое опоздание следовало бы разжаловать и дать суток пятнадцать ареста.

Перед обедом я прошелся по кораблю и заметил несколько праздно прогуливающих матросов и старшин. Их намерение нетрудно понять. Каждый хочет «случайно» повстречать маринистку, а может, в какой-то мере и себя показать.

После обеденного перерыва в офицерском отсеке лицом к лицу столкнулся с Масандровым. Вид у него такой, словно его произвели в адмиралы. Когда

Масандров спускался по трапу, я заметил на его робе несколько свежих пятен масляной краски. Это не что иное, как открытый намек на его причастность к Лире Александровне.

Иду курить на бак. Там, как правило, собираются не только курильщики, но и заядлые любители «морского козла». Как ни странно, я вижу только Коровкина в обществе Обливача и Малинкина. Заметив меня, они притихли. Малинкин что-то спрятал под рубашку робы. Чувствую, что мое появление некстати.

- Что у тебя? - спрашиваю у пушкаря, кивнув на вздувшуюся робу.

Пушкарь мнется, смотрит на Обливача. По опыту я знаю: где Обливач, там что-то не так. Меня разбирает любопытство.

- Покажи, - наконец распорядился Обливач.

Малинкин вытряхнул из-под робы несколько флагов расцветивания. То, что это флаги, я догадался только по расцветке. Они напоминают груды рваных тряпок.

- Откуда это?

Пушкарь молчит и опять глядит на Обливача.

- Машка наколесила. Сигнальщики повесили сушить на мостике, а она...

В это время из-за банкета первого орудия вывернулась медведица. В уголках пасти у нее болтались обрывки цветных нитей.

- Смотри, что делает... - Обливач бросил на палубу розовый лоскут.

Зверь мгновенно преобразился. Загривок распушился, кончики ушей привстали. Схватив лоскут, Машка на наших глазах превратила его в мелкие обрывки. При этом она как-то странно дышала и дико смотрела глубоко вдавленными глазами.

- Завтра же сошью ей намордник, - оказал Обливач.

Он надеялся, что о порванных флагах я не доложу командованию. О моей слабости к зверю знали многие. Я ни разу не приходил с берега, чтобы не принести Машке то банку сгущенного молока, то конфеты.

Коровкин и Малинкин подобрали с палубы клочки материи. Этих приятелей за последнее время я все чаще встречаю вместе. Они, видимо, подружились в госпитале. Пушкарь после случая с торпедой попал в ту же больницу, в которой лежал Коровкин. Два человека, две полных противоположности по характерам и привычкам. Но что-то их сблизило. По всей вероятности, достоинства одного и недостатки другого так удачно сочетались в службе, что приятели напоминали зубья двух смежных шестеренок, которые, вращаясь одновременно, представляют очень слаженный механизм.

По распорядку дня - на корабле мертвый час. Но, кроме сигнальщиков, никто не спит. Койка Масандрова пустует. Чмутин лежит с книгой, но не читает, а прислушивается к разговору в кубрике. Откуда-то из угла доносится сочный, будто из тумана, голос:

- Мне что она?.. Интеллигенция. Она хороша в городе - для выхода. В деревне с ней пропадешь. А жизнь - она, брат, как спицы в колесе. Не успеешь тельника флотского сносить, как появится один уа-уа, другой... Они есть запросят. Им крашенные пальчики в рот не положишь. - Оратор засопел, заворочался, и под его грузным телом заскрипела койка.

- Брось дождить глаза, - не согласился сосед. - Пока она малевала на ЗКП, ты бинокля не выпустил из рук. А еще - «интеллигенция, крашенные пальчики»... «Для выхода!» Скажи - котелка нашего на нее не хватит. Она учится, а мы тут... Не для нашего брата она.

- Ну и что?.. Подумаешь, ученая, - забасил Коломиец. - Я тоже поступлю в институт.

- Поступай! - ответил все тот же голос, который только что говорил о крашенных пальчиках. - На четвертом десятке ты получишь диплом. Нужен ты кому... Всему свое время.

Кто-то опять заговорил о маринистке, но появился Масандров, и все притихли. При нем открыто разговаривать о Лире Александровне побаивались. Обливач поспешил перевести разговор на другую тему:

- Я, как только приеду домой после службы, в первый же день пойду к председателю колхоза и скажу: «Теперь давай мне трактор и дивчину, и чтоб под обоими земля одинаково гудела. Остаюсь в деревне».

- А шо тоби наперед треба? Чи трактор, чи дивчина? - не упускает случая связвить Коломиец.

- Шо... шо?... - передразнивает его Обливач. - Ты, конечно, на моем бы месте сначала потребовал дивчину. На трактор ума не хватит...

- Тю... - проворковал откуда-то из угла Коровкин, и волна дружного смеха прокатилась по кубрику.

Вечером заступаю дежурным по низам. После вечерней поверки прошу «добро» у дежурного офицера и иду спать. Рассыльный поднимает меня в два часа ночи. Бегу в умывальник. Бросаю в лицо несколько пригоршней холодной воды и окончательно освобождаюсь от сна.

Выхожу на верхнюю палубу. Бело как днём. Только по слежавшемуся седому туману видно, что стоит глубокая ночь. Люди в это время спят и видят сны. Оглядывая причал. Даже на нем выпала роса. Он кислотовато пахнет деревом и землей. Что делает сейчас Женья? Конечно, спит. Спит, наверное, обняв во сне ту самую подушку, на которой я лежал зимой...

Думая о Жене, я не замечаю, как идет время. Туман над заливом расслоился пластами, скоро он ляжет на воду и вспугнет дремлющих чаек. Кое-где по воде расходятся осторожные круги - это тюлени. Что они делают здесь ночью - я не знаю. А по вечерам - мы в этом убеждены - они слушают музыку, доносящуюся с причалов. Вдруг слышу сдавленный женский крик. Я ни о чем не успеваю подумать. Бегу в отсек, к пятой каюте.

Дверь распахнута настежь. По ковру раскиданы тюбики краски, кисти, рассыпан зубной порошок, а среди всего этого - Машка дерет на клочья красивый, с крупными цветами, халат Леры Александровны. Глаза зверя укатились вглубь, а с желтых клыков хлопьями свисает пена.

Пригрозив Машке ремнем, выпроваживаю ее за дверь. Смотрю на Лирю Александровну. Она, видимо, уже успела побороть испуг и смущенно улыбается.

- Как это случилось? - спрашиваю шепотом, так как в отсеке раздаются шаги. По всей вероятности, прошел рассыльный.

- Не могу понять, - тоже шепотом отвечает Лира Александровна. - С вечера почитала справочник боцмана и легла. Снилось что-то, а что - не могу и припомнить. Вдруг слышу: около меня кто-то дышит. Открываю глаза и вижу зверя... А вы как здесь оказались?

- Я услышал ваш крик.

- Значит, я нашумела на весь корабль?

- Нет. Я стоял рядом с вашим иллюминатором.

- Странно. Чем ей не понравился мой халат?

- Зверя нетрудно понять, - вступаюсь я за Машку. - Она выросла на корабле и ничего подобного не видела. Даже для меня ваш халат - это вещь из другого

мира... - Последние слова выщелкнулись из меня, как из пересохшего стручка горошины. После них в глазах Леры Александровны я просто дикарь. Но вместо того, чтобы улыбнуться, она долго и грустно смотрит на меня.

- Трудно служить, Вязин?

- Не знаю. Я привык. Сравнить с чем-то другим не могу. Призвали - не было девятнадцати, а сейчас уже двадцать три.

- Лучшие годы, - четко и твердо, как приговор, произносит Лира Александровна.

За дверью снова слышались шаги и дзинькнул трап. Видимо, проснулся дежурный офицер и, поднимаясь по трапу, кортиком задел за поручень.

- Если я завтра доложу командованию о визите Машки - зверю несдобровать.

- А что, и на зверя распространяется устав корабельной службы? - полушутя, полусерьезно спросила Лира Александровна. - Если так, то не докладывайте. Пусть это останется между нами.

- Договорились.

Посоветовав в дальнейшем держать дверь запертой, я вышел из каюты.

Уже поднявшись на верхнюю палубу, случайно заметил, как в тамбуре нашего кубрика метнулась тень. Это явно не дежурный офицер и не рассыльный. Кто-то в белой робе. Не исключена возможность, что о происшедшем в пятой каюте будем знать не только мы с Лирой Александровной.

После подъема для дежурного по низам начинается обычное хлопотливое утро. Кроме того, как старшина команды, я непременно должен присутствовать на утреннем осмотре. Как всегда, выхожу из строя и вдруг чувствую неловкость. Если раньше по этой команде матросы и старшины оживали, осматривали друг друга, переговаривались, то на этот раз все молчат и как-то странно смотрят на меня. Такое ощущение, словно я раздет донага. Я растерялся. Первым делом, как всегда, оглядываю Коровкина. Он опускает взгляд, но в глазах не обычная робость, а какое-то недоверие. Обливач вроде бы совсем не замечает меня. Лишь Чмутин глядит так, словно собирается набросить на меня хомут. Что случилось?

Вскоре строй распускают. Личный состав расходится по боевым постам. Иду со всеми вместе, но ко мне нет ни обычных просьб, ни вопросов. Такого еще не бывало. Не чувствуя ног, иду за своей тенью. Она ломается на надстройках, падает под чужие ноги, и ее топчут.

Спускаюсь в кубрик и сажусь на рундук. От недосыпу побаливает голова. Хочется лечь и забыть обо всем. Снимаю бескозырку. На ее подкладке много выпавшего волоса, сухого, с белыми отмершими корешками. Меня охватывает чувство гадливости. Я неприятен себе оттого, что начинаю лысеть.

Чтобы не заснуть, ухожу на боевой пост. Около шлюпбалки встречаю Чмутина. Он ищет меня. Со станцией опять что-то неладно. Опускаемся в отсек. Проходим мимо пятой каюты. Дверь приоткрыта. Лира Александровна сидит за столом и что-то пишет. Повернувшись на наши шаги, она улыбается. Чмутин видит это и ускоряет шаг.

Станция под напряжением. У экрана сидит Обливач и нервно крутит ручки настройки. На экранах грубой и точной дальности ни одного отраженного сигнала.

- Смотри. Я ничего не могу понять. - По голосу Чмутина догадываюсь, что он в смятении. - Вчера работала нормально, а сегодня...

Обливач уступает мне место. Переключаю диапазон дальности обнаружения и до предела ввожу усиление. На всех экранах, как тенета на ветру, дрожат шумы. Включаю поглотительную заслонку - она преграждает путь к излучению магнит-

ных волн в эфир. Вместе со щелчком тумблера на индикаторе точной дальности вырастает устойчивый сигнал. Это отражение от заслонки. Значит, приемопередатчик в исправности. Но почему станция не «видит» даже береговой черты?

Обливач считается лучшим специалистом по этой станции. Смотрю на него. Он молчит. Обстоятельства более чем серьезные.

В рубке молчание. Даю еще несколько оборотов антенны и снимаю высокое напряжение. За время моей службы подобной неисправности не бывало. Не медленно нужно идти к Приклонскому и докладывать.

Приклонский знает, что по пустякам к нему никто не приходит.

- Чем порадуете, Вязин? - он поднимается из-за стола тяжелый и настороженный.

- Отказала станция...

- Что?.. - Под глазами командира дернулись и тут же застыли темные морщинки. - Конкретней! Что отказало?

- Станция не видит даже береговой черты. Причин могут быть сотни.

Приклонский смотрит на мою повязку дежурного.

- Передайте Головку, что я приказываю подменить вас на дежурстве. Идите и выясните причину неисправности. О результатах доложите мне.

Возвращаюсь на пост. Палуба устлана схемами. Чмутин и Обливач, ползая на коленях, склоняются то над одним, то над другим описанием. Здесь же и Масандров. Он мне в эту минуту почему-то очень неприятен. Не сдержавшись, я повышаю на него голос:

- Вы почему не на месте? Вам приказано сопровождать маринистку!

- Она по каким-то причинам плохо себя чувствует. От моих услуг любезно отказалась.

- Да?! - наигранно подхватил Чмутин. - Совсем недавно она так мило улыбалась. Вязин, по всей вероятности, не мог не заметить этого...

Масандров хихикнул. Чмутин отвернулся, только Обливач остался безучастным. Он погружен в схему приемопередатчика.

У меня какая-то интуитивная уверенность, что все приборы в пределах рубки исправны. Есть же сигнал от поглотительной заслонки. Следовательно, станция излучает в эфир, а усилитель работает. В чем же тогда причина?

- Володя, - обращаюсь к Обливачу. - Мне кажется, что ты не то смотришь.

- Почему?

- Судя по шумам и отраженному сигналу от заслонки, второй прибор в исправности.

- Что касается шумов - я согласен. С сигналом от заслонки - нет. Чтобы получить от нее отражение, требуется миллионная доля мощности передатчика.

Теоретически Обливач прав.

Прошу Чмутина еще раз включить станцию. После прогрева подаю высокое напряжение. Опять ввожу в действие поглотительный клин. Из практики прошлых лет я знаю: если магнетрон вырабатывает электромагнитные волны, то заслонка, поглощая их, издает очень характерный звук, напоминающий мышинный писк. Прислушиваемся. На слух работа станции вне подозрений. Киваю в сторону поглотительной заслонки.

- Ну, кто что скажет?

- Да... - протянул Обливач и свернул свою схему.

Масандров и Коровкин занялись регулировкой вспомогательных приборов. С их помощью мы можем замерить рабочие параметры станции как в целом, так

и по отдельным узлам. Коровкин работает с оглядкой на меня и Чмутину. Ему не хватает практики. Распределяю весь расчет поста по отдельным блокам. При такой организации у людей больше самостоятельности. И, как правило, скорее устраняется неисправность.

Обливач хотя и согласился с моими доводами, но опять развернул схему импульсной линии. Я молчу. Пусть каждый делает то, что считает нужным.

Уже под вечер на индикаторе осциллографа мы просмотрели выходные импульсы всех сомнительных узлов станции. У меня ломит в висках, горчит во рту, пальцы потеряли чувствительность к ручкам настройки. Обливач и Чмутин - не в лучшем состоянии, не говоря уже о Коровкине, который позеленел и едва стоит на ногах. Результатов никаких.

После ужина начинаем все заново. Мы в отчаянии, и самое страшное - теряем веру в себя. Чмутин просит разрешения проследить работу станции при выдвинутых блоках. Это самое грубое нарушение правил техники безопасности. Но я разрешаю Чмутину подобный эксперимент. Я не совсем уверен в новом ламповом испытателе, которым мы пользовались, а иногда бывает так, что опытный глаз по степени накала ламп может определить хотя бы примерный характер той или иной неисправности.

Замыкаем блокировочные контакты. Подаем питание. Чмутин расстилает по палубе изоляционные коврики, надевает защитные очки, натягивает резиновые перчатки. В таком облачении он похож на хирурга. Обливач занимает место у силового щита. При необходимости он мгновенно обесточит установку. Чмутин склоняется над блоками. В руках у него высоковольтный щуп, которым он аккуратно касается выходных клемм. Контрольная лампочка фиксирует исправность той или иной цепи. Коровкин впервые видит работу станции с выдвинутыми блоками. В его глазах не то отблески накала ламп, не то просто тревожные огоньки. Мне все время кажется, что Чмутин сделает одно неосторожное движение, раздастся крик и...

- Выключить станцию! - приказываю как можно спокойнее и чувствую, как на лице, особенно у глаз, непослушно дергаются жилки.

Утихает гул агрегатов. Обливач с недоумением смотрит в мою сторону. Мне неудобно признаться, что подвели зашалившие нервишки. В это время дверь в рубку распахивается и появляется Приклонский.

- Как дела?

- Пока выяснить ничего не удалось.

- Еще раз напоминаю, Вязин: по окончании работ о результатах доложите лично мне. - Командир уходит, мрачный и бессильный чем-либо помочь.

Если мы не справимся своими силами, Приклонский даст заявку в отдел флота, и оттуда пришлют мастеров. Но что будет потом? Командир просто-напросто усомнится в нас как в специалистах. А мы-то знаем, что это такое!

Объявляю получасовой перерыв. Поднимаемся на верхнюю палубу. На шкафуте, по правому борту, вытянулся строй увольняющихся на берег. Лучше бы мне остаться в рубке. Думать о Жене не хочу и не думаю. На душе тревожно. Я никак не могу понять, что плохого сделал Чмутину, Обливачу, Коровкину. Вот и сейчас они стоят рядом и молчат. Молчат, потому что в чем-то мне не доверяют. Где-то я оступился. Я верю им больше, чем самому себе.

Бросив недокуренную сигарету за борт, возвращаюсь в рубку. Необходимо посмотреть старые эксплуатационные журналы станции. Быть может, с их помощью

раскроется тайна загадочной неисправности? Открываю сейф. Листаю пропахшие временем записи, но даже намек на подобную неисправность не нахожу.

Вскоре весь расчет станции вернулся в рубку. Отпускаю Масандрова и Коровкина. Они здесь больше не нужны.

- Что теперь делать? - спрашиваю Обливача и Чмутина.

- Я не знаю, - признается Чмутин и опускает взгляд.

- Легче всего сказать: я не знаю! - возмущается Обливач. - Если мы не устраним неисправность, Приклонский нам больше не поверит и на ломаный грош!

- А ты что предлагаешь? - Чмутин оскорблен.

- Начать все сначала.

И опять поток ламп, сопротивлений, контуров, конденсаторов.

...Смотрю на часы. Время далеко за полночь. Меня мутит от отвратительного запаха канцелярского клея, которым густо заляпаны порванные схемы. Условные обозначения радиоламп мне уже кажутся розоватыми ягодами, а отметки сопротивлений конденсаторов двоятся, образуя параллельные линии.

- Пора кончать, - говорю Обливачу.

- Все, хватит! - Он швыряет схему. - Больше не могу. Завтра начнем с подъема.

Чмутин и Обливач уходят.

Оставшись один, в бессильной злобе смотрю на аппаратуру. На память приходят слова Жени: «Все так сразу не бывает, Алеша». Облизываю пересохшие губы и вслух отвечаю: «Бывает, родная, правда не то, что ты имела в виду. Сегодня утром от меня отвернулись друзья. После этого отказала станция, за опоздание получил месяц без берега. А ты говоришь - не бывает!» Долго вслух разговариваю с Женей, и от этого на душе становится легче.

Заставляю себя еще раз включить станцию, хотя бы для очистки совести. Решаю проверить волновод, Для этого необходимо спуститься во вторую машину, а может, и подняться на мачту, к самой антенне. Захватываю с собой неоновую лампочку и ухожу.

В машинном отделении отыскиваю выход волновода. Где-то здесь, в изгибе, находится соединительное колено. Отыскиваю и подношу к нему лампочку. Не загорается. Значит, утечки электромагнитной энергии в волноводе нет. Но я уже ни во что не верю и на всякий случай еще крепче подтягиваю головки винтов. Странно! В пазах стыка проступают капельки воды. Неужели в волновод попала вода? Каким образом? Сломя голову бегу на пост и выключаю станцию.

Возвращаюсь в машинное отделение. Отпускаю соединительные винты. Прямо в рукав робы сбегает струйка воды. Оказывается, все обстояло намного проще, чем мы предполагали. Вода в волноводе скопилась оттого, что корабль встал на ремонт, машины остыли, а в герметически плотном канале волновода произошел процесс конденсации. Дигидратор же, который осушает волновод, со своей задачей не справился.

Запускаю агрегаты станции. После подачи высокого напряжения на экранах появились устойчивые отраженные сигналы. Облегченно вздохнув, заполняю эксплуатационный журнал и ухожу из рубки.

Белая ночь. Кажется, весь мир заснул нагим, открытым, и ты стыдишься подглядывать тайну его сна. Небо высокое, чистое - и в этой бодрящей пустоте просторно и чувствам, и мыслям. Я не заметил, как оказался на баке, - и опешил. Укутавшись в плащ, около волнореза стоит Лира Александровна. Я хочу укрыться за банкетом орудия, но она окликает:

- Это вы, Вязин?

- Я, Лира Александровна. Вы почему не спите?

- Люблю белые ночи. А здесь они совсем особенные. Да и трудно днем работать. Десятки любопытных глаз, так и кажется иногда - не забыла ли я одеться?..

- Верю. Трудно быть знаменитостью.

- Еще трудней - быть просто женщиной.

Стоим молча и смотрим на осклизлые сваи причала. От них пахнет водорослями, пеной, ракушками и еще чем-то далеким, что приносит с собой прилив.

- По всей вероятности, - первой заговорила Лира Александровна, - вы единственный человек на корабле, который умеет молчать. - Она посмотрела на чистый, не тронутый кистью холст и чему-то улыбнулась.

В это время в тамбуре кубрика гулко стукнула задрайка двери. Сонно тараща глаза, пробежал дежурный радист. До подъема оставалось несколько минут.

- Мне пора, Лира Александровна.

- Мне тоже.

Утро почти лиловое. Залив сочится первыми бликами. Чайки, переминаясь с крыла на крыло, сонно ощипываются, готовые подняться с воды и прокричать свое вечное «кайу». Не доходя шлюпбалки, оглядываюсь. Лира Александровна смотрит на подступившие к причалу сопки. Она мне все больше и больше напоминает Женю. И за это я мысленно благодарю ее.

8

Вот уже несколько дней подряд сторожевик готовится к продолжительному плаванию. На причале с утра и до позднего вечера стоит гул моторов. Интенданты пополняют продовольственные запасы. Я с нетерпением жду минуты, когда корабль отойдет от причала. В походе жизнь однообразна, но она меньше тяготит. У меня остается еще около двух недель без берега. От Жени получил открыточку, с которой не расстанусь ни на минуту. Это своего рода отдушина в иной мир.

После случая с волноводом станции мой авторитет как специалиста вырос в глазах подчиненных. Но отчужденность и недоверие тоже окрепли. Люди, с которыми я совсем недавно делил последний сухарь и тепло спасательного жилета, отвернулись от меня. Иногда мне кажется, что я украл у них самое дорогое. Но что? Когда? Как это произошло? Думая об этом, я каждый раз упираюсь в невидимую стену.

Однажды под вечер, захватив в кубрике ведро с мусором, я вышел на причал и направился к ящику с отходами. Это был предлог, чтобы немного посидеть на берегу. Ставлю ведро и оглядываюсь. Сразу за причалом начинается крутой подъем на сопку. Лето в полном разгаре, Оттого, что круглые сутки светит солнце, зелень приобрела темноватые оттенки. На березках висят мелкие листья на коротеньких, но твердых ножках. Многие из них не увидят золотой осени. Мороз скует их неожиданно. Они не успеют пожелтеть и опасть и останутся на зиму зелеными.

Шаг за шагом я все дальше и дальше ухожу от причала. По дороге попадают неизвестные мне цветы. Они похожи на узколепестный жабрей. Срываю несколько стебельков и втыкаю в нагрудный кармашек робы. Только хочу повернуть назад, как замечаю Малинкина, сидящего в прикрытии валуна. У него странная поза. Мочки ушей у самых плеч, руки сложены на груди, а ноги подобраны, точно связаны в узел. Увидев, меня, Малинкин нехотя пошевелился. Подхожу ближе.

- Спиридон, что ты здесь делаешь?

Пушкарь расслабился всем телом и беззвучно, по-рыбьи несколько раз раскрыл рот. На лице отрешенность, в глазах тоска.

- Что случилось?

Малинкин упорно молчит. Где-то под нами гнусаво вскрикнула чайка. Ей отозвалась другая. Эти вечно голодные птицы, видимо, ссорились из-за добычи. И только тут замечаю, что пушкарь мнет в кулаке лист бумаги. Догадываюсь, что это письмо.

- Дома что-то не так? Да?

- Три с половиной года ждала. А вот с другим умотала в город, - сипло заговорил Спиридон. Его острый кадык ушел куда-то к подбородку, а потом разом выпал и задрожал. - Умаслил ее Митька, городом сманил. Сволочь он. Всю жизнь по городам мотался, а за девкой в деревню потянуло. Чего ему в городе не хватило? А? Скажи, Вязин, почему люди в городе живут, а за бабой в деревню едут? - Малинкин смотрел не на меня, а на свои квадратные кисти рук, словно от них ждал ответа. - Нет, Вязин, и ты этого не знаешь. Чтобы понять это - нужно знать жизнь. А мы ее еще не знаем. - Пушкарь тяжело поднялся.

Я не знаю, чем успокоить Малинкина. В прошлом году такое письмо пришло Обливачу.

- Ох, Катька! Неужели три месяца не могла повременить. А что Митька? Лучше меня? Звезды, что ль, с неба срывает? Такой же, как и я. Разве что под боком оказался...

Я понимаю, что мне надо уйти. Пусть человек побудет один. Слова тут ни к чему. Гляжу на увядшие в кармашке цветы и начинаю жалеть, что сорвал их. Бросить их на глазах Малинкина не могу. А почему - и сам не знаю. Но мне что-то мешает.

- Ей нарвал? - сухо спросил Малинкин, кивая на поникшие головки цветов.

- Кому - ей? - не понял я пушкаря.

- Маринистке. Кому же еще? - В голосе пушкаря звучит открытое презрение ко мне. - Зря ты, Вязин, впутался в это дело. Все на тебя в обиде...

- О чем ты, Спиридон? - меня точно обожгли его слова.

- Уговор был. Но раз попал под руку, выскажу. Зачем ты совратил девку? Мы-то о ней думали: красавица, недотрога, блюдет себя. Я ее даже с Катькой сравнивал, да и не только я... Другие тоже... А получилось так, что на другую же ночь и не устояла. По низам ты дежурил...

- Что-что?..

- Зря ты это сделал. Пусть бы она ходила, как бог. Глядя на нее, лучше бы верилось. А теперь только и слышно, что все они «маринистки».

Смотрю на бледное лицо пушкаря и вижу только глаза - злые, с припухшими веками.

- Врешь! - реву я, не в силах сдержать обиду. - Кто сказал? Ну!.. - хватаю Малинкина за робу и чувствую, что пальцы немеют.

- Не трожь... - шипит пушкарь. Пойдем, спросим кого нужно.

- Говори тут! - я с силой, которой не ожидал от себя, толкнул Малинкина.

Он с трудом удержался на ногах, выругался и, облизывая пересохшие губы, сказал:

- Пошли. Он тут рядом.

Опустились с сопки. Малинкин круто повернул в сторону от залива. Вскоре оказались в небольшой впадине с глубоким чистым озерком. Пахло дымом.

- Смотри. Это он. - Малинкин показал на другую сторону озера.

По глазам пушкаря я догадался, что он выдал чью-то, пусть подлую, но тайну. Всмотриваюсь. Вначале вижу небольшой, словно оброненная звезда, костерок, а около него Масандрова и Лиру Александровну. Малинкин остается на месте, а я направляюсь к ним.

- Прошу тебя, Вязин... Пусть это выглядит... - пушкарь, видимо, не нашел подходящего слова и не договорил.

Первой обратила на меня внимание Лира Александровна. В ее руках застыла кисть, и, глядя на меня поверх холста, она широко, доверчиво улыбнулась. Масандров же вздрогнул, растерянно затоптался на месте.

- Вы меня извините, Лира Александровна, - говорю не своим голосом. - У меня к Масандрову служебный разговор. Мы удалимся, мешать не будем.

- Ну что вы, Вязин. Вы мне ничуть не мешаете. - И ее рука вместе с кистью опять задрожала по ту сторону холста.

- Я слушаю, Вязин, - подчеркнуто громко произнес Масандров.

- Отойдем. Тут не место.

Пропускаю Масандрова вперед и иду за ним. Подходим к Малинкину.

- Ну?.. - круто поворачивается ко мне Масандров.

- Вот что, Масандров. Сегодня, после отбоя, ты расскажешь в кубрике, в моем присутствии, все, что ты говорил о моих отношениях с Лирой Александровной. А потом те, кто тебе тогда поверили, решат, как поступить с тобой дальше. Расскажешь все слово в слово. Ясно?

- Я могу это повторить и сейчас! - выкрикнул Масандров, словно ужаленный, и его тело повело винтом.

- Ну что ж, в таком случае позовем Лиру Александровну. - Я с трудом сдерживаюсь от того, чтобы не ударить Масандрова.

- Не прячься за ее спину, Вязин! Не укроешься. Я все видел своими глазами. Скажи, для чего перед бабой снимать ремень? А потом шептаться? Ты хоть бы рот ей прикрыл. Никому не секрет, что кричала. Рассыльный подтвердит. Ну? Чистеньким хочешь оказаться? А той ночью, когда станция вышла из строя, вы опять шептались на баке. Дежурный радист видел...

Не помню, что произошло дальше. Но когда я уходил в сопки, вдогонку мне неслось:

- Под трибунал пойдешь! Руки распустил!..

В себя я пришел где-то среди сопок. Солнце уже скатилось глубоко к западу и высвечивало в небе обрывки розовых облаков. В какую сторону идти - не знаю. Вокруг сопки, а от них тени - густые, мрачные. Иду наугад. Снова выхожу к озерку. Костер еще кудрявится дымком. Значит, прошло не так много времени. Ни Масандрова, ни Леры Александровны уже нет. Направляюсь к причалу. Думать о последствиях стычки с Масандровым не хочется. Пугает только одно: а вдруг Лира Александровна узнает о причине нашей ссоры? На утреннем осмотре все всплывет наружу. Кажется, я ударил Масандрова в лицо. Духов же имеет редкую привычку военного человека: смотреть не на форму одежды, а заглядывать в наши лица, глаза. Если даже Масандров скажет, что наткнулся на что-то, - и это меня не спасет. Духов непременно вызовет меня. А я знаю: проще обмануть себя, чем его.

Подхожу к причалу. Ведра моего нет, забрал кто-то из наших. В окружении осклизлых валунов, около самой воды, стоит Лира Александровна. Рядом с ней -

ни привычной раскладушки, ни холста, ни красок. Не исключена возможность, что она уже побывала на корабле и поджидает меня.

- Помогите мне, Вязин, выбраться, - увидев меня, тихо попросила Лира Александровна.

Каменистый берег во время прилива вымок и резко пах йодом. Спускаюсь вниз и подаю ей руку. Заранее знаю, о чем она меня спросит.

- Вязин, скажите, что случилось?

- Вы мне первому задаете этот вопрос?

- Да. Масандров почему-то не вернулся и без предупреждения - чего не было раньше - ушел на корабль. Малинкин помог мне нести холст и краски. Его я ни о чем не спрашивала.

- Ничего особенного. Масандров, видимо, завтра извинится, что ушел без предупреждения.

Как когда-то на баке, стоим молча и смотрим на залив. Я думаю о Малинкине, который, наверное, укрывшись в банкет орудия, в сотый раз перечитывает письмо. Смотрю на Лиру Александровну. Пушкарь прав: каждый из нас ее с кем-то сравнивает. Я тоже сравниваю ее с Женей.

- Пора, Вязин. Скоро вечерняя поверка, - тихо произносит Лира Александровна, и мне кажется, что слова так и засыпают на ее скупно сжатых губах.

По остывающему причалу возвращаюсь на сторожевик.

Пятнадцать суток простого ареста близились к концу. Соседями по камере, в которой я оказался на другой день после «служебного» разговора с Масандровым, были двое старшин команд. Один из них, кудрявый и крепкий, как степной дуб, сидел за опоздание из краткосрочного отпуска. Другому, его звали Костя, просто-напросто не повезло. В одно прекрасное утро он вышел от зубного врача. Из-за угла вывернулся береговой патруль. Костя после получасовой близости с бормашиной имел не совсем приглядный вид и дюже гадкое настроение. Молодой лейтенант, старший патруля, оказался на должном уровне. Он без лишних слов приказал старшине «дыхнуть». Костя через несколько минут был доставлен в комендатуру. Но то, что этот запах исходил от кусочка ваты, смоченного в спирте, судьям не приходило в голову.

А у меня все произошло так. Во время утреннего осмотра, на котором Масандров не присутствовал, ко мне подошел Головко и приказал зайти к нему в каюту. От помощника я вышел в сопровождении вооруженного вахтенного. В записке об аресте формулировка была такой: «За нетактичное отношение к товарищу на берегу». Вероятно, командование корабля решило не ворошить подробностей происшедшего. Все, кто как мог, оберегали покой Леры Александровны.

Итак, через трое суток срок моего ареста истекает. После завтрака нас выстроили на дворе гауптвахты, и начался развод на работы. Каждый из нас получил веник и совок для мусора. Нашу группу ведут в сторону залива. От конвойных узнаем, что будем подметать дощатый трап, насчитывающий более трехсот ступеней. Это один из знаменитых трапов нашей базы, который тянется от гражданского причала до самой вершины сопки.

Иду рядом с Костей. Он вглядывается в лица прохожих моряков с надеждой встретить кого-нибудь со своего эсминца. Тем же занят и я.

Мы уже у самого залива. Смотрю на свой причал. Около него нагромождение гражданских и военных судов. Корпуса сторожевика не видно. Неужели ушел в

море? А я даже не успел предупредить Чмутина, чтобы он, как только введут машины, вскрыл волновод. Перед выходом его необходимо прогреть, сбить разницу температур между машинным отделением и каналом волновода. Если этого не сделать, дигидратор опять окажется бессильным. Станция «ослепнет».

Приступаем к работе. Выметаем и скребем под каждой лесенкой с присущей флоту тщательностью. Время клонится к обеду. Кучки собранного мусора тут же сжигаются. Весь склон сопки курится дымками. На прохожих я уже давно не обращаю внимания. Перед глазами мельтешат флотские прогары, сапоги и изредка гражданские ботинки на модной толстой подошве. Но вот чьи-то осторожные и не похожие на сотни других шаги. Заметаю в совок очередную партию окурков. Несколькими ступеньками выше меня поблескивают носки женских туфель. Делаю занятой вид, но сам чувствую чей-то настойчивый взгляд.

- Вязин!

Поднимаю голову и вижу перед собой веселую, солнечную Лиру Александровну. На ней легкий стального цвета пыльник, туго перетянутый пояском. Неловко, по-стариковски, разгибаю спину, гляжу на совок, окурки, веник и смущенно улыбаюсь.

- Ну, здравствуйте, Вязин, - оглянувшись на конвойного, тихо произносит Лира Александровна.

- Здравствуйте! - я с опаской подаю ей пропахшую землей и дымом руку.

- Я ходила в клуб офицеров. Там организуется выставка художников Севера. А как у вас дела? - она смотрит мне в лицо и улыбается. Лучи солнца застряли в ее влажных густых ресницах, а в глазах высвечивают голубые тени.

- Скоро приду на корабль. Но почему его нет у причала?

- Утром сторожевик ушел, но с часу на час должен вернуться.

- Я попрошу вас, Лира Александровна, передать Чмутину, чтобы вскрыл волновод, как только введут котлы. Для чего - он знает.

- Хорошо. Я передам.

Пока мы разговаривали, Лира Александровна с загадочным вниманием разглядывала меня, словно видела впервые.

- Знаете, Вязин, - она почему-то смущенно опустила взгляд, - Масандрога списали на другой корабль.

...Лира Александровна уходит. До тех пор, пока она не скрывается за поворотом, я провожаю ее взглядом. В последнее мгновение, по крайней мере мне так показалось, она оглядывается. Опять склоняюсь к совку. Ветер несет в лицо горький бумажный дым. Грустно. Даже небо надо мной пустое - ни птицы, ни облачка.

- Твоя была? - с нескрываемой завистью спрашивает Костя.

Я не хочу его разочаровывать и грустно отвечаю:

- Да, моя...

9

Вот уже около месяца сторожевик патрулирует отведенный нам район моря. Основная тяжесть дозора легла на плечи радиометристов. Круглосуточно работают все средства технического наблюдения. С боевых постов по несколько раз в сутки поступают доклады на ГКП о том, что техника перегревается и срабатывают аварийные термореле. Но приказ есть приказ.

От акустиков захожу в рубку станции. Вахтенным оператором сидит Обливач. На экранах станции ни единой цели. В зоне обнаружения - бесконечная водная пустыня. Просматриваю вахтенный журнал. За все время в графе целей ни одной пометки. Последняя запись от третьего июля: «Наблюдались естественные помехи». В примечании сноска: «Шел снег».

С ГКП поступило приказание о переходе на секторный поиск. Обливач переключает антенну, устанавливает заданный сектор. В рубке жарко, как в котельном отделении. Обливач то и дело утирает лицо беретом. Через час я обязан его сменить, а пока ухожу на верхнюю палубу.

Вода в этих широтах густая, темная. Небо над ней серое, выгоревшее. Жадно ищешь, за что бы ухватиться взглядом, но вокруг пусто. Изредка, вспарывая воду, мелькнет спина касатки - и мгновенно пропадет. Вот уже несколько дней на умывание не дают воды. Опреснители с трудом обеспечивают котлы и камбуз. Смотрю на стеллажи глубинных бомб. В складках брезента от выпавшей в ночь росы скопилась вода. Тороплюсь в кубрик и возвращаюсь с кружкой. Аккуратно скатываю брезент и сливаю в кружку застоявшиеся небольшие лужицы. Этого для меня вполне достаточно, чтобы побриться и почистить зубы.

Около торпедного аппарата встречаю Лиру Александровну. С начала похода мы с ней не виделись. Оказывается, она плохо переносит качку. Бледная, с полукружиями теней под глазами, она мучительно старается улыбнуться.

- Вязин, сколько еще продлится поход?

- Этого никто не знает. Вернемся в базу, как только придет замена сторожевику.

- Я узнала от радистов, что они опять приняли неважный прогноз.

Сторожевик, меняя курс, заваливается на борт, и я опрокидываю кружку. Что делать? Придется довольствоваться забортной водой.

Смотрю на море. Линия горизонта не проглядывается. К концу суток можно ожидать резкой смены погоды. Волна у бортов ломается, пускает пузыри, которые, попадая в кильватерный след, рвутся и превращаются в пену. Ноги уже давно не ощущают зыбкость палубы. Лишь ластообразные взмахи рук изредка напоминают о том, что под тобой вечно живая пучина воды, вечно беспокойное северное море.

Стою и думаю: а за что человек любит море? Что это за необъяснимая любовь, напоминающая болезнь или разлуку?

- Лира Александровна, как вы думаете, за что человек любит море?

- Скорее всего за то, что эта свободная стихия дает человеку возможность познать истинную цену грешной земли. И, любя море, он вдвойне любит землю...

Провожая Лиру Александровну до каюты, а сам иду в рубку и заступаю на вахту.

Два часа проходят незаметно. Через каждые пять-шесть минут меняю диапазон дальности обнаружения. В радиусе наблюдения станции - пусто. Сменяет меня Чмутин.

Опять поднимаюсь наверх. От пропотевшей тельняшки по всему телу пробегает дрожь. Обхожу бак, ют, заглядываю на мостик ЗКП. Непонятно, но я кого-то ищу. Ищу настойчиво, помимо сознания. Несколько раз обойдя, корабль и почувствовав усталость, спускаюсь в кубрик. Бросив под голову бушлат, ложусь на рундук. Даже засыпая, не могу избавиться от ощущения, что я должен кого-то найти. Перед глазами то зыбь дуется море, то низко нависает серое небо. Постепенно видения перерастают в ощущение сна, граничащего с явью. Под вечер с головной болью иду заступать на вахту.

Докладываю на мостик. Делаю запись в вахтенном журнале. Теперь ничего лишнего - и глаза, и мысли только на экране станции. Ветер настолько усилился, что, поднимая волну, создает помехи. Признаки надвигающегося шторма отчетливо доносятся в рубку. Сначала заскрипел в отсеке трап, за ним стали хлопать неприкрытые двери кают - и постепенно ожило все, что могло двигаться и создавать звуки.

К концу моей вахты сторожевик то гудит, проваливаясь вниз, то, скрипя стальными суставами, опять заползает на волну. Вдруг на экране грубой дальности, как всплеск, подскочил отраженный сигнал. На глаз определяю, что расстояние до цели не более сотни кабельтовых. Определяю пеленг, дистанцию, классифицирую цель и докладываю на ГКП.

- Опознать цель! - раздается по АТС взволнованный голос Приклонского.

Не успеваю дотянуться до гашетки запросного устройства, как по сторожевику объявляют боевую тревогу. Только тут до моего сознания доходит, что неизвестный корабль в запретной зоне.

Цель на запрос не отвечает. На шкале экрана отметка «нос корабля» перемещается в сторону нарушителя. Сторожевик берет курс на сближение. У меня нет данных о видимости, но я твердо знаю, что пока мы не подойдем на визуальную близость, цель не должна покинуть экрана станции. За спиной тяжело дышат Обливач и Чмутин.

- Как мы ее просмотрели? - вслух рассуждает Чмутин.

- Может, айсберг? Пройти никто не мог! - Обливач над моим ухом облизывает пересохшие губы.

До боли в пальцах давлю гашетку запросчика, но ответного сигнала не получаю. Первый раз за все время своей службы пишу в вахтенном журнале: «Чужой». От этого, казалось бы, всем знакомого слова в душе остается неприятный осадок. Обливач и Чмутин тревожно переговариваются:

- Может быть, чей-то транспорт сбился с курса?

- Исключено, - не соглашается Обливач.

- А что тогда?

- Увидим...

Через каждые тридцать секунд докладываю о запеленгованной цели. Вдруг антенна дернулась и после нескольких толчков замерла на месте.

- Почему нарушаете режим работы станции? - гремит по АТС голос командира. Он, видимо, стоит у индикатора кругового обзора.

Сию ни живой ни мертвый. Руки невольно тянутся к переключателю вращения антенны. Электромоторы гудят от перегрузки. По их звуку догадываюсь, что неисправность где-то на мачте. Бросаю взгляд на щит питания станции. На голове шевелится берет. Одна из контрольных лампочек подогревания антенны смотрит на меня мутным бельмом. «Застыла смазка», - мелькает в сознании.

- Вязина на мостик! - раскатилось в динамике.

Поднимаюсь вверх и ничего не вижу. Туман настолько плотен, что кормовые надстройки утопают в нем, словно в молоке. Под ногами лед. Ветер резкий, холодный. Сторожевик идет полным ходом. Волна гулко разбивается о корпус корабля. Султаны брызг вырастают почти до самого мостика.

Приклонский, пряча в горсти трубку, разговаривает по УКВ. Закончив, поворачивается ко мне.

- Что произошло, Вязин?! Почему техника отказала в самый ответственный момент?! Даю вам на устранение неисправности десять минут. Идите!..

Обливач и Чмутин поджидают меня около мачты.

Сторожевик, не сбавляя хода, продолжает идти в туман, в неизвестность. Каждую минуту в этих широтах можно ожидать подводного толчка.

Гляжу вверх. Подъемные скобы и ствол мачты обледенели. Мачта раскачивается, как маятник огромных опрокинутых часов. Возможно ли по ней подняться? Обливач и Чмутин смотрят на меня и ждут окончательного решения. Еще раз осматриваюсь. Ветер взмесил туман и море. Волна растет. Нужно спешить. Беру с собой отвертку и разводной ключ. Решаю просто-напросто удалить застывшую смазку. Другого выхода пока нет. Если это ничего не даст, то вслед за мной на мачту поднимется еще кто-нибудь. Он захватит все необходимое для ремонта системы подогревания. Отсылаю Чмутину за ацетоном. Он облегчит удаление застывшей смазки.

Обливач до отказа надувает мой спасательный жилет. Плоскую канистру с ацетоном подвязываю к поясному ремню. В груди холодеет, руки дрожат, а ноги словно прилипают друг к другу. Не хочу, чтобы Чмутин или Обливач заметили мое состояние. Хватаюсь за первую скобу.

Ствол мачты с каждым креном пытается вырваться из кольца моих рук. Я уже на уровне труб сторожевика. В лицо пахнуло теплом и запахом мазута. Чувствую, что подошвы сапог обрастают коркой льда. Соленые брызги стучат по жилету, робе, попадают в рот. Через каждые три-четыре скобы сбиваю с сапог предательскую наледь. Нахожусь на высоте седьмого этажа. Одна из скоб оказалась подогнутой, и я едва не сорвался вниз. Этого было достаточно, чтобы ледящее чувство страха сковало меня. Невольно закрываю глаза и чего-то жду... Руки намертво обхватывают ствол мачты. До антенны остается несколько метров. Но я никак не могу заставить себя отпустить руки. Пытаюсь переставить ногу на следующую скобу, но подошвы скользят. Сбросить сапоги нельзя - в их голенищах ключ и отвертка.

Время идет, а я беспомощно продолжаю висеть в нескольких метрах от антенны. С каждым креном сторожевика описываю в воздухе немислимые круги. Внизу проносятся то гребни волн, то сопла труб. Кажется, что если я сорвусь, то непременно упаду или в море, или в одну из труб.

- Внимание, Вязин! - раздается по трансляции верхней палубы голос Приклонского. - Меняю курс, воспользуйтесь креном!

Услышав голос, в какой-то мере освобождаюсь от скованности. В это же время перестаю ощущать тяжесть своего тела. Вместе с мачтой лечу словно в пропасть. Сторожевик описывает крутую дугу. Это единственное, чем мне могли помочь. Подо мной уже не палуба, а море. Если сорвусь, то упаду в воду. Постепенно прихожу в себя. Внизу, у мачты, стоят Обливач и Чмутин. С ними еще кто-то третий.

Неужели Лира Александровна? Она, наверное, услышала голос Приклонского и вышла из каюты.

Напрягаюсь из последних сил и тянусь к площадке антенны. В глазах темнеет, но цели достигаю. Тело сразу обмякло, а в ушах странный певучий звон.

Снимаю кожу. Вся механическая часть обледенела. На трущихся поверхностях смазка застыла и превратилась в вязкую, как смола, массу. Ацетоном поливаю наиболее загустевшие места. Скребу отверткой, но смазка тянется и большей частью остается на старом месте. Поджигаю вымоченную в ацетоне ветошь.

«Нам и раньше не однажды приходилось бороться с обледенением, но не в таких размерах»

В прикрытии кожа даю ей разгореться. Задыхаясь от копоты, подогреваю смазку. Вскоре застывшие волокна ослабли и стали распадаться, превращаясь в потеки. Тщательно протираю приводную шестерню. Ветоши не хватило, пришлось снять с головы берет. Сигналю вниз. Чмутин бежит в рубку. Через минуту загудели электромоторы. Поступило питание. Роба и жилет окончательно обледенели. Покидаю площадку, спускаюсь на несколько скоб ниже и смотрю на лепестки антенны. И вот они дрогнули, описали круг, за ним второй, третий...

Даже когда я слез на палубу, то и тут какая-то сила все еще тянула меня вниз. Желание ухватиться за что-нибудь судорожно подергивало все тело. С трудом и не без страха выпускаю из объятий ствол мачты. Рядом Обливач и Лира Александровна. Но для чего тут же санитар и военврач Хуратов, я не понимаю.

Направляюсь в отсек. Сторожевик, подрезая бортами волну, идет самым полным. Не доходя до двери рубки, присаживаюсь на люк. Усталость пришла разом, меня словно подкосило. В ушах по-прежнему эвон. Обливач и Лира Александровна стоят у двери каюты и переговариваются. Из рубки доносится голос Чмутина:

- Пеленг 160, дистанция 12 кабельтовых...

Напрягаю слух и прислушиваюсь. Через несколько минут подойдем к нарушителю на визуальную близость. Что это? Айсберг? А если нет?..

Вдруг по всем линиям корабельной трансляции слышится голос Приклонского:

- Отбой тревоги! От мест отойти!

Кидаюсь в рубку. Не успеваю дотянуться до микрофона АТС, как с поста акустиков по переговорной трубе доносится бас Коломийца:

- Четвертый! Это наша контрольная подводная лодка. Пришла сменять нас. Идем в базу!

Покидаю рубку и опять присаживаюсь на люк. Я все еще не могу прийти в себя. Руки дрожат, перед глазами мельтешат черные сопла труб.

- Вязин, у меня в графине вода. Идите в каюту, умойтесь.

Поворачиваю голову и вижу рядом Лиру Александровну. Не успеваю переступить комингс каюты, как вновь слышу ее голос:

- Что с вами? Вы, кажется, поседели? - на меня в упор смотрят ее округлившиеся глаза с голубыми тенями.

Гляжу в зеркало. Лицо черное от копоты и смазки. На висках туманится белизна. Хватаюсь за голову и чувствую под ладонями грубый, просоленный волос.

- Это соль, Лира Александровна. Это ничего, это пройдет...

СЛУЧАЙНОСТЕЙ НЕ БЫВАЕТ

Послесловие читателя

Александр ЧУРБАНОВ • МОРЕ СОЛЁНОЕ

В феврале 2020 года в вологодском «Обществе борьбы со скукой» состоялось обсуждение повести Александра Чурбанова «Море солёное». Если идти не дальше «голового» факта, то появление на столе Общества именно этой книги можно было бы объяснить случайностью, и не более того. Но в таком случае следовало бы признать цепочкой случайностей и всё то, что предшествовало этому появлению. Да, самих случайностей здесь не очень много, но все они какие-то очень уж... случайные. Не стоит ли за ними сокрытая закономерность?

Не странно ли, что: книга, написанная и изданная в Вологде в 1970 году, отсутствует (утеряна или не вошла изначально?) в фондах Вологодской областной библиотеки; в лихолетье 90-х один экземпляр спасается в домашней библиотеке архангельской семьи; спустя три десятка лет его находит там и увозит в Вологду работник... вологодской же областной библиотеки (есть и другие, не столь «знаковые» странности). И заключительный шаг: повесть досконально изучается членами Общества, что знаменовало, по выражению журналистки Ольги Кузнецовой, «возвращение Александра Чурбанова». Прекрасно!

Но чем объяснить состоявшийся гораздо ранее уход Александра Чурбанова? Отсутствием широкого читательского интереса к его книге, как это поверхностно заключает та же Ольга Кузнецова? («Будь аудитория, к которой он адресовал повествование, шире, у книги была бы иная издательская судьба»). С таким «причинно-следственным» заключением вряд ли можно согласиться.

Чудом сохранившийся (архангельский) экземпляр книги свидетельствует об ином: о длительном его пребывании во множестве рук; о том, что книга эта отдала себя читателям полностью: она изрядно зачитана, имеет следы читательских пометок в тексте и на полях (достойные признаки читательского внимания) и другие признаки общения с человеком. Думается, что повесть была изначально адресована широкому, любознательному и, судя по выразительности образов и утонченности лирических отступлений в ней, тонко чувствующему читателю.

Вероятнее всего, книга исчезает одновременно с исчезновением страны, в которой она была написана и востребована; страны, идеалы которой она выражала. Повесть теряется, когда духовно-нравственные ценности, носителями которых выступают ее герои, программно вытесняются «ценностями» зоологическими, измеряемыми в рублях и других единицах потребления. Перед фронтальным натиском сытого цинизма не может устоять даже насквозь «просоленное» произведение, и богоспасаемая повесть, подобно подводной лодке, «залегает на грунт» - оседает на десятки лет в недрах уютной домашней библиотеки...

Только в 2019 году Божественным промыслом, реализованным руками человека - И. Н. Трапезниковой - библиотекаря по духу и букве, книга вновь всплывает на волнующую поверхность житейского моря. Покинув отчий дом, она вскоре ложится на стол вологодского «Общества борьбы со скукой». Итак, после длительного заточения книга вновь явила себя людям. Но в каком качестве? Просто старой книгой с обновленной внешностью? Конечно, нет!

Книге, как и человеку, предопределена программа жизни, присуща своя судьба. «Цепочка случайностей», составляющих предыдущую жизнь книги «Море солёное», есть, хотя и большой, но все же фрагмент ее судьбы. Это не набор

случайностей, а отрезок отнюдь не случайного пути книги к раскрытию цели и смысла своего существования. Книга «Море солёное» играла роль поведенческого ориентира: обращая советского читателя к сравнительно недавнему прошлому, формировало в нем ближайшее будущее. А что есть для читателей эта книга сегодня? Роль повести, как и отношение к ней, думается, далеко не однозначны.

По выходе из анабиоза, длившегося более тридцати лет, книга попадает в мир, чуждый ее героям. Много изменилось в среде обитания, деформировалась «вниз» и «вширь» ценностная шкала обитателей, повысился «средний уровень» бытового комфорта, цинизма и прагматизма... На родном для Вязина со товарищи Северном флоте (и не только!) сегодня уже нет тех, кто четыре (!) года бескорыстно служит и защищает: там теперь есть только те «сыны-добровольцы», которые оказывают маме - Родине платные (!) услуги (!) по ее защите; военно-патриотический дух многих призывников подавлен страхом потери (на один-то год!) такого привычного домашнего комфорта. Естественно, таким читателям «Море солёное» - как вилок в глаз! Слишком уж разнятся нравственные портреты ровесников тех и этих лет; там - мужественные юноши, здесь - вечные мальчишки.

Однако реакция на повесть читателей, для которых понятие «патриотизм» есть всего лишь анахронизм (раздражение? усмешка? равнодушие?) не является определяющей, не она «делает погоду» в судьбе возродившейся книги: есть еще и та категория молодых людей, для которых «Береги честь смолоду!» - не пустой звук, а формула самоуважения. Вспомним пронзительную мысль Вязина в ситуации, экзаменующей его профессиональный авторитет: «Если мы не справимся своими силами... командир просто-напросто усомнится в нас как в специалистах. А мы-то знаем, что это такое».

Повесть А. Чурбанова - удивительное произведение. В нём - все настоящее, и поэтому оно не только охотно читается, но и с желанием перечитывается. Характерная «окраска» повествования - скромность, притягательная черта его главного героя - совесть. «Доверенное лицо» автора, старшина Вязин, неукоснительно следует ее голосу и в штатных, и в нештатных условиях службы, и даже в «экзотической» ситуации - женщина на военном корабле. Автор не учит читателя, не предлагает ему следовать за собой (вопреки армейскому принципу обучения «Делай как я!»); он демонстрирует возможности: духовные, душевные и физические, и не более того.

Если постулат «Научить - нельзя, научиться - можно» верен, то следует сказать, что у каждой из новелл сборника «Море солёное» (был бы только на это личный запрос) можно «учиться, учиться и учиться» многому. Но главное - умению подавлять зоологические инстинкты силой человеческой воли - в адекватных жизненных ситуациях. «Это - вполне достижимо», - утверждают герои повести своими повседневными поступками. Естественно, не каждый читатель поверит в свои силы, прикидывая на себя ситуации повести. Но тот читатель, который под ее воздействием попытается (хотя бы!) изменить себя в рамках своей повседневности, и есть один из тех, для кого написана эта книга...

Повесть о настоящих мужчинах, носителях высоких нравственных качеств, по достоинству и с пониманием оценят российские амазонки, успешно замещающие сегодня изнеженных нытиков от «сильного пола» в поредевших рядах защитников Отечества... Поведение героев книги может стать моделью настоящего мужского поведения для настоящих же (то есть далеко не всех!) мальчишек и родителей их.

Вырисовывается одна из миссий книги: это - осязаемо доступное пособие для тех, кто всерьез задумывается - «сделать бы жизнь с кого»; это - книга из умозрительной серии «Самоучитель человеческой порядочности». Причем с высоким коэффициентом полезного действия (точнее - нравственного воздействия).

Есть еще одна, к сожалению, малочисленная, категория благодарных читателей: это ровесники - соратники (в широком смысле) героев повести. Надо ли говорить, ЧТО есть она для них, тех, кто в воинской службе видел почетную обязанность, а не тягостное бремя?! Да, «бойцы поминают минувшие дни»...

О героизме советских моряков в годы военного лихолетья написаны прекрасные книги - большие и малые. Это замечательно! Так и должно быть! Но об их послевоенной службе, героической по существу, книг не так уж много. Повесть «Море солёное», изданная в Вологде в 1970 году, в какой-то степени и в течение определенного периода восполняла недостаток произведений этой тематики. Но, к сожалению, вскоре исчез запрос на духовные ценности.

Случайностей не бывает: выход книги в нужное время и в нужном месте явление закономерное - справедливость требует того. Возрождение повести обусловлено созревшей необходимостью восстановить «распавшуюся связь времен». Вторая жизнь книги - это запоздалая дань памяти тем, кто унаследовал героизм моряков военных лет и перенес его дух на «мирную почву» - в послевоенную флотскую службу. Иными словами, «Море солёное» - это литературный памятник всему морскому корпусу страны пятидесятых-шестидесятых годов прошлого века. Естественно, скромный автор не предпослал тогда своей повести эпиграф, но думается, что лермонтовское: «Да, были люди в наше время...» - вполне могло быть им сегодня.

И в заключение: существует убеждение, что всё, возвратившееся из небытия и забвения, обречено на долгую жизнь. Пожелаем «Морю солёному» в его новой жизни - не знать покоя!

Герман МУРАВЬЕВ

Свет родимых берез

Писатель о писателе

Родным гнездом известного русского поэта Василия Михайловича Мишенёва многие считают деревню Берёзово. Но это не совсем так.

Василий Мишенёв появился на свет в деревне Пахомово, что стоит на холмистом месте, а понизу открывается большая луговина. Со всех сторон к пашенной земле примыкают перелески и ельник с чередой осин и ольхи. И в Пахомове до перестроечных времен кипела жизнь. За околицей в весеннюю пору весело рокотали трактора, прокладывая первую борозду. Над пахотой в тонком розовом мареве струился прогретый воздух, кружились грачи...

Василий родился третьим ребенком, а всего у родителей подрастало семеро детей. Отец, Михаил Андреевич, никак не хотел вступать в колхоз и, чтобы не мозолить глаза местным выдвигенцам, устроился на работу в лесхимартель, которая создавалась на речке Чонове. Здесь начали строить смолокурный завод. Для работников срубили барак, а для семейных - несколько изб. Одну избу отвели Михаилу Андреевичу, мастеру на все руки. Он превосходно плотничал, столярничал, мог сложить печь, знал лесное хозяйство.

- Мне в эту пору было около полутора лет. Позднее запомнилась зима, ели в пушистом снегу, стоящие над Холодным ключом, тропинка к проруби, куда ходили за водой. На ели и березы иногда безбоязненно садились тетерева, - вспоминал впоследствии поэт.

Уже будучи взрослым, он часто навещал речку Чонову, колыбель своего детства, и посвятил ей стихотворные строки. Давно уже нет на речке смолокурного завода, и даже не сохранилось остатков строений. Зато здесь грибное приволье. В урожайное лето можно насобирать под завязку белых ядреных грибов, подберезовиков, груздей.

А в потаенных омутах еще не перевелся серебристый хариус.

Когда старшему сыну Михаила Андреевича, Николаю, пришла пора собираться в первый класс, семья была вынуждена переехать на постоянное жительство в деревню Берёзово. Глава семейства купил дом, перестроил его. Отремонтировал двор, завел корову - кормилицу и поиллицу ребятишек.

А с огородом дела обстояли неважно. Поскольку отец не являлся колхозником, каждую весну на приусадебном участке появлялся бригадир. Убавлял несколько соток земли, ставил тычку-отметину и виновато говорил: «Далее начальством садить картошку и луку не дозволяется». Бригадир смущенно откланивался и спешил удалиться за калитку. Такая процедура повторялась почти каждый год. В конце концов за двором осталось лишь пять соток земли, где курице негде порхнуть.

Михаил Андреевич всё же сыскал выход. Своей супруге Фаине Николаевне сказал: «Придется заводить огород в лесу, где и мужики из лесопункта завели огороды». В трех километрах от деревни стали корчевать пни, убирать валежник, распахивать землю. Проблему с сенокосом решили так: каждое лето всем семейством уходили за десять-двенадцать километров, косили по болотам и лесным чищенкам.

Долгими студенными зимами за задворками избы бился ветер, мела из поля поземка. Хорошо было в это время лежать на печке, укрывшись мягким тулупом, представлять себе, как в лесу бродит серый волк, голодный и одинокий, которого, по правде говоря, становилось жалко. Или почти наяву видеть тетерева, укрывшегося в глубине дремучего ельника. Приходила на печку кошка Мурка, ложилась рядом с

мальчиком, пела однообразную песенку, под которую легко засыпалось.

Наслушавшись сказок от матери, маленький Вася потянулся к детским книжкам. Вначале смотрел разноцветные картинки. Затем захотелось узнать буквы, складывать их в слова и предложения. Помогала мать. В четыре года одолел грамоту.

Начальная школа была устроена не в самой деревне, а где-то посредине между Березовом и другой близлежащей деревней - Бродовицей. С началом учебного года пятилетний мальчик поспешно одевался.

- Ты куда? - спрашивала озабоченная мать.

- В школу, - отвечал Вася.

- Так ты еще малёхонек. В первый класс тебя не примут.

Но Вася закрывал за собой на крючок калитку и вслед за мальчишками бежал в школу. Входил в класс и садился на порожек. Учительница поняла желание мальчугана: «Садись-ка, дружок, за парту. Будешь у меня внештатным учеником».

Когда Василий уже достиг школьного возраста, его наставник, ветеран войны Иван Павлович Сорокин, стал заниматься с Васей индивидуально, поскольку он хорошо читал, знал арифметику.

После окончания начальной школы Василий Мишенёв определился в Пермасскую восьмилетку, а потом перешел в Никольскую среднюю школу №2. Здесь проявил себя прилежным и активным учеником. Когда в 1975 году страна отмечала тридцатилетие Великой Победы, Василий Мишенев был признан лучшим учеником района. В составе вологодской делегации побывал в Москве, где вместе с другими вологжанами сфотографировался у Знамени Победы. После окончания школы был награжден значком ЦК ВЛКСМ «За отличную учебу».

Как и многие сверстники, Василий Мишенёв писал стихи «для себя». У одних это увлечение со временем заслоняется другими или вовсе иссякает; другие продолжают совершенствовать свое творчество, надеясь достигнуть зрелости, но и из них в поэзии остаются единицы, люди одаренные, я бы

сказал - одухотворенные, озаренные внутренним светом.

Будучи еще учеником девятого класса, Василий Мишенёв попробовал напечататься в районной газете. После колебаний и раздумий он принес в редакцию газеты «Авангард» не стихи, а прозу. Мне кажется, это было верное решение. Стихотворцем при желании можно сделаться быстро, а поэтом - нельзя. Муза рождается в муках, в смятении чувств...

Первый опубликованный рассказ Василия Мишенёва назывался «Журавли». Потом последовал другой - «Одноухий». Сюжеты для рассказов дала природа, впечатления от общения с нею. Каждый день мы бываем на улице. Частенько спускаемся полевой тропой в сосновый бор, просвеченный мягким августовским солнцем, и не замечаем его красоты. Берем в жаркий полдень на сенокосе ключевой водицы - и не видим, что дно водопадика выстлано красной глиной, а на ней белые камушки, как алмазики. Много в своей повседневности опускаем как нечто незначительное и тем самым обедняем себя.

Василий Мишенёв умеет быть зорким, отчего и удались его первые рассказы. Они не прошли мимо внимания читателей. Преподаватель городской средней школы №2, где учился Василий Мишенёв, ознакомившись с его рассказами, предрек ему удачу в нелегком литературном деле. Ким Петрович Павлов в своем прогнозе не ошибся.

...Берёзово! Туманным утром рождается за недалёким лесом рассвет. Розовая полоска едва видима глазу. Постепенно её свет густеет, поднимается над вершинами дремотных елей. Полоска округляется и становится подобна мячику. От него во все стороны разбегаются лучики, пробуждая ото сна птиц и зверей, поникшую под росой траву, цветы и кусты. Рассвет рождает утро, настраивая на вдохновение. И родной деревеньке, и речке Чонове будут потом посвящены многие стихи. Но это произойдет не скоро. В другой раз и в другой день...

Ростислав ПАНОВ,
поэт, прозаик, журналист

Русская песня Василия Мишенёва

Летом 2021 года вологодское издательство «Родники» выпустило новую книгу стихов Василия Мишенёва. Называется сборник «Васильки», предисловие к нему написал известный русский поэт Геннадий Иванов. Кстати, Геннадий Викторович, как и Василий Михайлович, - давние авторы «Вологодского ЛАДА». Вот что уроженец Тверского края пишет о своем вологодском друге (публикуется в сокращении).

Надо ли писать предисловие к течению реки, к пенью жаворонка, к солнечному свету, к девичьей улыбке, к доброму мужскому рукопожатию?..

Вот и к стихам Василия Мишенёва вряд ли надо писать предисловие. Они настолько естественны, природны, искренни и просты, что их сразу поймёт и примет даже самый неискущённый в поэзии читатель.

Стихи Мишенёва – это душевные движения того рубцовского «доброе Фили», которому «даже нечего крыть». И вроде даже и говорить-то не о чем.

Живёт он и живёт своей то счастливой, то печальной жизнью родного Никольского района где-то на берегу речки Юг в северном вологодском краю. Про это и пишет. Порой из этой своей деревни видит всю Россию - и о ней пишет...

Всё у Василия понятно, и не надо бы никакого предисловия.

Поэзия Василия Мишенёва - словно русская песня.

СНЕГОПАД

*Не пугаюсь я тёмного неба,
Доверяю его тишине,
Если шорох летящего снега
Приближается сверху ко мне*

*Всё вокруг замирает. Ни звука.
Лишь снежинки сквозь
сумрак летят.*

*Рассосется сердечная мука,
Посветлеет задумчивый взгляд.*

*А родные поля забелели,
Будто летится таинственный свет
От полей на ближайише ели,
На дорогу, где путника нет.*

*Я люблю эти тихие дали,
Пусть в избе одиночество ждет,
Но как можно поддаться печали,
Если снег так спокойно идет...*

Сколько в этом стихотворении музыки, смысла - и всё это облечено поэтической тайной, сопереживанием, и верой, и надеждой...

Русская песня - она сокровенна, многословна, она уважает слушателя (читателя), даёт ему возможность поразмышлять над потаённым смыслом, подключить свой жизненный опыт к словам песни (стихотворения). Всё сказанное вполне относится и к стихам Мишенёва...

Геннадий ИВАНОВ,
первый секретарь правления
Союза писателей России

Лирическая проза Сергея Багрова

Размышления над книгой «Последняя передышка»

Когда читаешь повести и рассказы Сергея Петровича Багрова, кажется, что ты оказываешься в прибранной с любовью, чистой и светлой горнице, где веет свежий воздух, где душа чувствует особую защищённость и родство с людьми, которые в ней живут. Хозяин этой горницы добр, но и строг, в нём чувствуется уверенность, что всё доброе возрастёт, а всё недоброе - искоренится.

Подобные произведения, эмоционально и духовно воздействующие на читателя и создающие у него особое состояние души, литературоведы называют лирической прозой. Но, как и любой термин, это название очень ограничено и обобщённо определяет суть подобного художественного стиля. Возникает потребность в конкретной характеристике особенностей мастерства писателя. Именно поэтому мы и начали размышления над его новой книгой с картины - символа того впечатления, которое возникло в нашей душе при чтении его рассказов и поэтических миниатюр. Причём отметим, что лиризм писателя Багрова связан не только с изображением эмоционального состояния повествователя или его героев. Источником этого лиризма является то собственно народное самочувствие, которое витает в его произведениях и передаётся писателем неувлимым образом.

В наше тревожное и суетное время мы начали терять этот спокойный, добродушный и уверенный тон, характерный для состояния русской души. Поэтому, читая рассказы и очерки С. П. Багрова,

начинаешь напитывать своё сердце и ум спокойной духовной силой.

Эта душевная гармония возникает, когда человек чужд суеты ума. Святитель Иоанн Златоуст задавал вопрос: «*Что такое суета ума?*» - и отвечал: - *Занятие суетными предметами*». Далее он поясняет: «*Послушай, возлюбленный! Не дела Божии назвал Екклезиаст суетными, отнюдь нет: не небо суетно, не земля суетна, нет! - Ни солнце, ни луна, ни звезды, ни наше тело. Ибо все это - добро зело*». Златоуст называет суетой погоню за богатством, почестями, гордостью, тщеславие, высокомерие. «*Почему, однако ж, это суетно?* - *Потому что не имеет никакой доброй цели*» [2].

Нет суетности ума у героев рассказов С. П. Багрова, простых жителей северных деревень, сёл и небольших городов. Нет суетности и в самом повествовании писателя о их жизни. Отсюда возникает чувство соучастия к их судьбе, к их миру: как будто встретил на страницах его книги своих родных и близких людей и увидел до боли сердечной знакомые пейзажи своего детства и юности.

***

В творчестве Сергея Багрова лирическая проза представлена в различных жанрах: это и лирические отступления от повествования, это и стихотворения в прозе, кроме того, лиризм пронизывает эпические сюжеты рассказов Багрова.

В данной статье мы обратимся к его лирическим миниатюрам, их в книге С. П.

Багрова пятнадцать. Как поэт и философ, писатель созерцает Божий мир в самых прекрасных его проявлениях на восходе и на закате. «Вечер и утро особенно благодатны» [3: 17-23]. Его стихотворения в прозе «Божья милость» и «Иду-у» продолжают православную традицию русских поэтов, лирические произведения которых восходят к молитве «Свете тихий» [4: 122-143]. Чистой душой писатель встречает восход солнца июльским утром и благодарит Бога за вновь воскресающую жизнь:

БОЖЬЯ МИЛОСТЬ

Дивно было увидеть в ночи, как встаёт из земли, без лучей, без сиянья, огромное алое солнце. Такое бывает только в начале июля. Чёрные крыши домов, застывающая листва, пролетевший с мышью в когтях хищный филин.

Нет. Земля не погасла. Не к смерти она подбирается - к воскресению. И спасёт её, как всегда, тихий свет, разливающийся над миром. Православный народ называет его:

- Божья милость...

Молитвенному созерцанию заката лета и начала осени, когда «есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора» (Ф. Тютчев), посвящено стихотворение С. Багрова «Иду-у!» [1: 185]. В книге оно напечатано как прозаический текст, однако в нём есть стихотворный ритм, он представляет собой поэтический период, части которого соединяются анафорическим повтором слова «когда». Весь текст членится на строки, в соответствии с паузами, когда мы делаем остановку и осмысливаем предыдущие строки и готовимся к последующим. Эти паузы при чтении стихотворения совпадают с ритмом нашего сердца и дыхания. Покажем это, записав этот текст поэтической строфой:

Иду-у!

Земля прекрасна на закате лета.

Но ещё прекраснее

*В плену осенних дней,
Когда вблизи чернеющей реки
Висят, как паруса, прохладные
туманы.*

*Когда сторожко, как карась,
Крадётся по реке не вспугнутое
солнце.*

*Когда, кивая хохолком,
Летит к рябине бойкий свиристель.
Когда на избяном стекле танцуют
Быстрые лучи.*

*Когда в просторы солнечных полей
Спускается полуденный покой.*

*Когда, как откровение,
Вдруг открываются ворота неба,
И в них ты видишь чистое лицо
С глазами Бога,
Который тщательно
рассматривает нас,*

*Дабы понять,
Кому он в этот миг всего нужней.
И кто-то с колотящимся
от счастья сердцем*

*Услышит среди сонма звуков
Негромкое, но чёткое:*

- Иду-у!

В стихотворении мастерски используется особый приём ритмической композиции, который обозначают музыкальным термином «каденция». Во время каждой мгновенной паузы содержание текста, его смысловая вязь не прерывается, а наоборот, усиливается. Словесный текст закончен, а его смысл продолжает звучать в душе. Всё это создаёт молитвенное настроение при чтении этого произведения.

В творчестве С. П. Багрова есть не только радостные созерцания Божьего мира, как в рассмотренных выше стихотворениях в прозе, а также в подобных им: «Связь» [1: 197], «Лилипуты» [1: 196]. Есть у писателя и горестный взгляд на печальный вид нашей родной матери-земли, брошенной и забытой её суетными детьми. Писатель пристально всматривается,

чутко вслушивается и слышит её стон. Именно так называется одна из лирических миниатюр [1:197]:

СТОН

*Неубранный хлеб. Целую ночь он стоял,
опрокидываемый метелью.
Унялась непогода к утру. Светло и бело.
По полю от окраины города к алой
заре побежала лыжня торопливого че-
ловека. Манила его прогуляться по полю
девственно-белая бесконечность. Идти бы
по ней и идти, принимая душой чистоту и
свежесть первого снега, да мешал громкий
скрип. Казалось, не снег скрипел под его
ногами, а колосья поваленного ячменя, на
помощь к которым никто не пришёл, и
они, как наказанные, стонали.*

Здесь нет прямой критики, как это бывает в публицистике, хотя тема затронута очень злободневная. Но есть боль за родную землю, за уничтоженное рачительное крестьянство. И такая печаль затронет сердце любого русского человека и вызовет ответную боль, что гораздо сильнее и, надеюсь, действеннее публицистических обвинений и упреков. Таков стиль нашего вологодского писателя Сергея Петровича Багрова!

С каждым годом эта печаль и нешуточная тревога за родную землю нарастает. Одно из стихотворений в прозе так и называется - «Непокой» [1: 238]:

*Великое русское поле, поросшее юным
лесом, чертополохом и лебедой. Здесь
когда-то работали агрегаты, выращивая
хлеба. А теперь тишина. Лишь глубокой
осенью среди дикой травы поднимается*

*что-то бывшее, трудовое. Может быть,
это тень забытого труженика полей,
кого разбудил непокой, и он встал, чтоб
понять: будем жить мы на этой грешной
земле? Или - нет?*

*Неспокойная тишина. Неожиданно в
лоне её что-то чутко зашелестело, как
от лопастей хлебной мельницы, запустил
которую тот, кто опять становится
хлеборобом.*

*Неужели такое не сбудется? - спраши-
ваем себя. И молчим, принимая действи-
тельность полным сердцем.*

Размышляя над этим небольшим, но проникновенным произведением С. П. Багрова, я подумала, что оно по духу перекликается в истории русской литературы с эпохальным романом М. А. Шолохова «Поднятая целина». А что если эта заброшенная земля снова станет поднятой целиной?!

Да, конечно, сейчас иные времена и иные беды, но всё та же русская земля и всё тот же русский характер... Рано их проклинать и хоронить! Именно поэтому русская литература, как плодородная почва, по-прежнему рождает новых и новых писателей, верных сынов своего Отечества.

*Мы внуки земли и огню родичи,
Нам радостны зори и пламя свечи,
Язвит нас железо, одежд чернота,
И в памяти нашей лишь радуг цвета.*

Николай КЛЮЕВ

**Людмила ЯЦКЕВИЧ,
профессор, доктор филологических
наук, член Союза писателей России**

Литература

1. Багров С. П. Короткая передышка: рассказы и очерки / Сергей Багров. - Вологда: Сад-огород, 2019. - 359 с.
2. Иоанн Златоуст. Толкование на послание к Ефесянам // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Издание С.-Петербургской Духовной Академии, 1905. Том 11. Книга 1. С. 5-218. https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_67/12
3. Флоренский П. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2: У водоразделов мысли / П. А. Флоренский. - Москва: Правда, 1990. - 447 с.
4. Яцкевич Л. Г. Православное слово в творчестве вологодских писателей. Науч. ред. В. Н. Бараков. - Москва; Вологда: Инфра-Инженерия, 2019. - 388 с.

Душа хранит

К 85-летию Николая Рубцова

Я был в одном районном городке, в библиотеке...

Сейчас во всех библиотеках - в фойе, в коридорах - есть столы, на которые выкладывают старые книги. Любой человек может просто взять себе любую из них.

Я всегда останавливаюсь у этих столов, перебираю книги, откладываю те, что мне интересны, и потом забираю с собой. Таким образом за последние два-три года моя домашняя библиотека прилично пополнилась...

И вот в этой районной библиотеке, среди этих старых книг, мне попался сборник Николая Рубцова «Душа хранит». Да-да, тот самый, прижизненный, 1969 года издания, третий в творческой жизни Рубцова: девяносто с лишним страниц, почти шестьдесят стихотворений.

Видно, что книгу практически не читали. Обложка и срезы страниц лишь потускнели от времени. На внутренней стороне обложки карандашный небрежный росчерк: «Р» или «Б» первая буква, а дальше совсем непонятно... Кто-то, очищая квартиру от старых книг, всё же не отнёс их в мусорный бак, а принёс сюда, в библиотеку. Ну и спасибо! Теперь эта книга моя. И я буду её читать. Конечно, я знаю все эти стихотворения. Но мне интересно прочитать их именно в книге, в той последовательности, в какой расставил их автор, создавая внутренний поэтический сюжет, пройти с ним от стиха к стиху...

На обложке работы художника В. С. Иванова - дом, дерево, звёзды...

Переворачиваю титульную страницу и там, перед стихами, - фотография

Рубцова и биографическая справка. На фотографии он в шапке-«пирожке» (типа папахи), оттопыривающей левое ухо, будто локатор поэтический (его «локатор» слышал и незримых певчих пенье хорвое, и глас веков, и печальные звуки, которых не слышит никто), в демисезонном, кажется, пальто. Шарф не обмотан вокруг шеи, как любят изображать нынешние художники, а аккуратно заправлен, плотно и надёжно прикрывает шею и горло (будто предчувствовал - хранил)... В общем, неплохая фотография - только шапка смешная и, почему-то мне кажется, не его - взятая у кого-то для снимка.

А вот биографическая справка: «Николай Рубцов - автор двух поэтических сборников. Первый его сборник вышел в Северо-Западном книжном издательстве, второй - в Москве, в издательстве «Советский писатель».

В третьей книге «Душа хранит» поэт продолжает свой разговор с читателем. Стихи Н. Рубцова в большинстве своем стихи-раздумья, стихи-акварели. Основные темы их - Россия, родная природа, любовь. Существенное место в стихах Н. Рубцова занимают мотивы славного прошлого нашей страны и мотивы своего жизненного пути».

Не знаю, кто писал эту справку (почти официально-бюрократическую по стилю)...

Перехожу, наконец, к стихам. Вот с чего начинается путешествие души поэта, в которое он зовёт и читателя... И я готов ступить на этот путь...

НОЧЬ НА РОДИНЕ

*Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени.
И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений.*

*И тихо так, как будто никогда
Здесь крыши сел не слыхивали грома!
Не встрепенется ветер у пруда,
И на дворе не зашуршит солома,*

*И редок сонный коростеля крик...
Вернулся я - бывшее не вернется!
Ну что же? Пусть хоть это остается,
Продлится пусть хотя бы этот миг,*

*Когда души не трогает беда,
И так спокойно двигаются тени,
И тихо так, как будто никогда
Уже не будет в жизни потрясений,*

*И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...*

В первой строфе поэт будто осеняется крестным знамением: «высокий дуб» - рука с троеперстием вверх; «глубокая вода» - рука вниз; «спокойные кругом ложатся тени» - рука прочерчивает горизонталь от плеча к плечу. И я, читая, будто бы вместе с Рубцовым налагаю на себя крест...

«И тихо так...» Тишины, тишины хочется, каждому из нас, каждой душе живой... И поэт, найдя эту тишину для своей души, милосердно делится ею...

«Вернулся я...» Откуда и куда вернулся Рубцов? Понятно, что, вечный странник, вернулся он из очередного странствия... Но куда? «Ночь на родине» - называется стихотворение. Что здесь называет он родиной? Деревню Николу? Но там, насколько я знаю, нет дубов над глубокою

водой... Где-то я слышал или читал, что стихотворение написано в селе Погорелово Вологодского района, где часто бывал он в гостях у своего друга Сергея Чухина. За небольшим чухинским домом, действительно, есть пруды, есть и склоняющиеся над ними дубы и липы - остатки усадебного парка... Насколько глубока в тех прудах вода, я не знаю... Вполне может быть, что там, в дружеском мирном приюте, и написал Рубцов эти стихи (или под впечатлением пребывания там). Но ведь Погорелово не родина для него... Или для поэта везде родина, где есть Россия, где есть возможность взглянуть на высоту дуба и опустить взгляд в глубину воды, где овладевает душой пушкинская светлая печаль?..

Осенившись поэтическим крестным знамением, двигаюсь дальше, к стихотворению, давшему название и всей книге...

ДУША ХРАНИТ

*Вода недвижнее стекла.
И в глубине ее светло.
И только щука, как стрела,
Пронзает водное стекло.*

*О, вид смиренный и родной!
Березы, избы по буграм
И, отраженный глубиной,
Как сон столетий, божий храм.*

*О, Русь - великий звездочет!
Как звезд не свергнуть с высоты,
Так век неслышно протечет,
Не тронув этой красоты:*

*Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлен
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времен...*

Вновь сначала смотрим на воду, но видим там, в глубине, не только щуку (древ-

Белые люди и чистый дух

Верно говорят, что все приличные люди из деревни вышли. Поэтому горд я своими бабушками, дедушками и их байками, которые зачастую - про них же самих да про их зятьёв-сватъёв или на них похожих.

Бают, в старые времена всё, что в уши входило, запивали чаем из самовара, с постным сахаром вприкуску. Не забыть мне прибаутку про негров в бане. Наука сказала, что она теперь навеки во мне застряла и вам привет передавала. Потому советую традиций не нарушать - чтобы сладость на языке ощущалась, когда рассказывать буду. И если чего сокру, так не со зла, знайте: для полноты ощущений. А заливать я ещё до рождения умел.

Не знаю, насколько хорошо ваши глаза и уши ловят волну, но через них приходят и добрые мысли. Если чего не ясно будет, радуйтесь: когда вы у меня под крылом, одно хорошо - никто не обидит.

Ну, разливайте чаёк, и мне плесните чашечку...

* * *

Керосиновая лампа, самовар и постный сахар почему-то не живут в городских квартирах. Так и настоящие взрослые истории родом, кажись, из бабушкиной деревни, из красного лета... Так думается многим на заре жизни. В городе-то зимами так напетаешься, устанешь от детства, календарь-то листнёшь вперёд, а толку нет. Снег за окнами еще не стаял, солнце из-за Маслёны лика не кажет. А страсть как хочется чудес! Глаза прикроешь - и не темень в них, а зеленая травушка-

муравушка. Покой и благодать! Так вот примерно и делаешь себе лето, когда по нему соскучишься. Говорят, раньше не запрещалось на него в непогодь глазеть, потому и непогодь другая была, знаете же?!

Иной раз глаза сами сомкнутся, а там - работы непочатый край! Всё мысли, мысли - ловить не переловить. Помню, одну выудил в голове - и вижу: в деревне я о шести домах, в Дресвищах, к бабушке приехал, пацан ещё совсем. Зашел к старушке-соседке, Ульяне Акимовне, как обычно, с утра у настенных её часов завод сделать, а она:

- Дёргай за грушу-то, - рукой машет на длинную цепочку с железной шишкой на полу, - давно чо-то не кукукали... Не оторвау?.. Садись, Шурка, к столу, вот те постный сахарок к чаю. Как русские люди - почаёвничаем.

- Бабушка Уля, говоришь - как русские... А откуда берутся русские люди? - серьёзный для себя вопрос я сразу поставил ребром.

- Откуда?.. - отозвалась Акимовна, разливая кипяток из самовара по чашкам, - Бог сначала негров сделал, в пустыне, на экваторе. Из са-а-амого чёрного мыла, хозяйственного. Потом на солнце их выклат, оне, как надо, запеклись и сразу глазёнками захлопали, как настоящие. Потом их к нам, на север, привезли. Часа три, а то и поболее - в жаркой бане по-чёрному голиками хлестали, шоркали-шоркали - да не мочалками, а щётками для лошадей, пока не побелели, пока вконец не обрусели, негры-те... А от них уже дальше русские пошли, и пока на солнышке не подкоптились, белые-белые скакали. Головы у них

Под черноморским солнцем - семьи вологжан Коротаяевых и Фокиных - Чурбановых. Фото из архива автора

светлые были, умные. Одним словом, белые люди, Шурка! Конечно, были случаи, что нет-нет, да и чернокоженькой проскочит. У кого без браку-то жись зачиналась?!

- Ничего себе! И у нас в семье, значит, негры были... А в нашем огороде тоже чёрная баня есть. Никак в ней тоже негров отмывают?

- Не, паря, давно не видала, чтобы к нам негров завозили. Вот и вымирает русский народ. А ещё... в бане по-чёрному грехи смывают. Не слышал: в чистом теле чистой дух? А чистой дух у нас один - русской.

- Ага, если негры в бане отбеливаются, значит, можно и из немца русского состряпать?! А как? - не унимался я.

- Не всякого, конечно. Говорят: «Что русскому рай, немцу смерть», - смотря какого немца в баню поведёшь. Сначала

надо ведь что?... Свежей сажи с потолка соскрести, грудь, живот, руки-ноги ему вымазать и рожу, сажей-те. Потом на каменку самогонки стакан да кипятку ковшик, с сахаром... три раза обернуться и хлестать веником что есть мочи, приговаривая: «Царица Небесная, Повелительница Ангелов! Ты получила от Бога силу поразить в голову змея-сатану...» - не, не этот приговор-от. Этот тоже, если что, сгодится, но есть другой: «О, приди кнам, Дух Святой, и небесный луч пошли света незакатного, избави от нескончаемых казней, истинно раскаивается туземец наш во всех грехах своих, пошли Духа Твоего...» С приговором пар-от с каменки отскочит, а ты хлещи, хлещи пуще веником-то, пока не прошибёт, пока из нутра на пол всё не скапает. Небо прознает, силу пошлёт - дух, значит. Поначалу отымет силёнки-то, сам дотумкаешь: немочь така-а-ая придёт... из парной ползком ползут некоторые - это тело покидают грехи, чёрные мысли и заморщина всякая. Чуток отпышкаешься, ждёшь - войдут силы-те в тебя, это и будет чистой дух, русской и святой. Ежели так продёржишься час - десять грехов ангелы снимут, ежели два - двадцать. Да у тебя-то грехи откуда, кому я говорю? Всё это для немца твоего ведь...

Волосёнки у меня на голове зашевелились, и я заёрзал на стуле, чай в чашке не допил, сунул сизый кусочек сахара в карман на будущее и уже у порога нашарил ногами сандали.

- Ладно, побегу - бабушку удивлю, у неё-то, поди, грехов дополна.

* * *

Тогда ведь я один в семье рос, годы на пальцах не считал. Времени уйма: сочиняй себе приключения - не хочу, жизнь-то длинная. Верно знал: сестры-братья не запланированы, покуда папа с мамой много работали, и ни гу-гу, ни словечка о

пополнении. А бабулек на меня на одного сразу две штуки было. В Кирилловском районе жила папина, Шура, в Вашкинском - мамина, Клава, с дедушкой Сашей.

Бывало, сразу обе-две срядятся в город, и целную неделю в квартире нашей делёж стоит: ну, к которой меня на лето отправить? А я, совсем не похожий на почтовую посылку, понизу меж юбками туда-сюда мелькаю да подначиваю. Потом возьму да брякну, в корень распоясавшись: «К Шуре поеду!»

- Ну, так тому и быть! - всплеснут обе руками и разведутся по своим сторонущкам. Эх, любимые вы мои!

Живал я и у той, и у другой, и с дедком столярил, и за грибами-ягодами по лесам хаживал, и блудился, и в разные эпопеи попадал, и сам кумекал, как из них выбирать. Кого только папа не привозил - к матери своей ли, к теще ли... Многих именитых людей помню. В банях, на полатах, в домах творчества... Рядом с кем я только ни купался - в реках или морях, Черном или в Балтийском... Уважали они меня, и я отвечал взаимностью. Ручкался с каждым почтительно, потом пару дней правую руку не мыл. Веселился! Не сказать уже, кому в шахматы продул, кого из них, картёжников-то, в дураках оставил! Теперь надежды на память схлынули...

Правда, не забыть, как в Пицунде с шестого этажа порыв ветра рукопись подхватил с балкона у Доризо. Долго в вышине кружились исписанные листочки над загорающей писательской публикой... Если бы не я, света белого, может, невзвидел бы Николай Константинович! Растаяли бы в морском воздухе главные, может быть, песни и стихотворения несслыханными, нечитанными!

А с кем меня только ни парили, какими колючими венниками ни хлестали! На полке под потолком ведь все равны, голые потому что. А вы что, на брудершафт ни с кем не пили? Я так с тех пор со многими на «ты».

Где тут всех упомнишь! А каких экземпляров Василий Белов к нам в гости важивал! Какое было времечко...

* * *

Бывало, отжурчат майские ручейки, настанет и тот день, как случится у папы хорошее настроение: приедет он с работы и весело крикнет мне из-за руля «газика»:

- Садись, Санька, рядом - к бабе Шуре покатим!

Ну и покатим! Зашумит, загремит «газик» всеми своими брякотушками.

- Да и шут с тобой, таким шумным, - брякай себе! - обрадуюсь я предстоящему путешествию.

И мы с батяней, довольные и счастливые, что в дедов пошли, уже победно продираемся по кирилловскому тракту сквозь непроглядные клубы пыли, летящие из-под колёс груженных грузовиков. Вот это и значит - пыль столбом, аж песок в глазах! Давай, думаю, столбись, я пока хоть побалдею на своей волне. И снова в мыслях предстанет ожившее поле за бабушкиным домом, а за этой зеленью - острые верхушки вековых елок; там, под ними, по осени целыми пластами жмутся друг к дружке хрустящие рыжики. Папа на коленках всё там выползает, пока их оттуда, из мокрой осоки, не вытаскает двухведерными бельевыми корзинами, расплнхонькими. «Будет нам с мамой работы - почистить и закатать всё надо», - предчувствую я, и эти чувства мне по душе. То перед глазами мелькнут бабушкины раки, пойманные большим пальцем ноги и ловко выброшенные на берег, то колхозный председатель подивится, куда подевалась вчерашняя лиса с лисятами, - и интересам моим нет конца, только сердце в груди ёкает, и в голове от этих мыслей сладко-сладко.

Скоро, совсем уж скоро кончится эта пыльная бетонка, а там - и саму сказку подавай... А на посошок, перед янтарным небесным закатом, подскочит наш

«газик» на последнем полевом торчке и, как очумелый лось, уткнётся мордой прямо в переполненную лесную речушку: ну, и как нам не затемнить да на тот берег перебраться? Баба Шура, поди, все глаза проглядела.

* * *

Не секрет, что «шестьдесят девятый» - аппарат всепогодный и почти не намокает. Машина зверь, но - дыра на дыре: поддай ему больше шестидесяти, засвистит, завоет ветрище сверху и снизу - кепка с головы вон. Зато, завидев в реке брод, чтобы водой не закидало свечи, «газик» отделается от ремешка вентилятора и, глядишь, уже ползёт в воду на малом газу, - чудо техники какое-то, боевая рептилия! Оказавшись на суше, боевой пловец получает назад свой ремень и, раскрутив вентилятор, с десятков минут молотит почём зря, сушит роговые щитки, приходит в себя, пока долгие потоки льются из его чрева наземь, напоминая ребячьему уму недавние весенние ручьи, уносящие самодельный парусник куда-то в будущее.

Только от берега «отчалили», как нам навстречу Равик Смирнов, шагает себе с длиннющими удочками на правом плече.

- Здорово, Равик! - отец притормозил, толкнул дверцу и выпрыгнул из машины. - Век не видались. На лунную рыбалку лыжи наострил, клюёт рыба-то?

- Витя, привет... Саша, здравствуй - растёшь, гвардеец? Да, решил стряхнуть с себя городской шум, закинуть на заре, - приветствуя друг друга, мужчины крепко обнялись - так, что бороды их почти перепутались. - Там мама твоя целый день всё по окнам, всё по окнам. Едва успокоил. «Раз уж сын обещал, - говорю, - значит, будет к вечеру». Не соврал я ей. Вить, мы по чести живём...

В то время Равик Михайлович в Череповце народный театр Дворца металлургов возглавлял, а в эту глухую деревушку ездил

в отпуске удовольствие получать - рыбачил, грибы-ягоды брал, не единожды меня на закуорках нашивал по окрестным лесам. Он был добрый и, как о нем сегодня пишут, «бесшабашный смельчак, способный своими руками сделать буквально всё», даже атмосферу таинственного закулисья в деревне сохранить.

- Ну, давайте, пойду, здесь неподалёку закину. Да, кстати, там гости к вам в баню приехали, так что не заскучаете...

Уцепившись за известие, отец вскочил за руль, газанул и энергичным движением врубил первую.

* * *

Так бывает, что на столявится сначала чай с рогульками. И только потом выступает телятина с картошкой в чугушке - поспела, поспела, родимая, пропиталась лаврушкой и перчиком в русской печке. Чай, конечно, пришлось сызнова перепивать...

С порога вперемешку с ароматом из печки пахнуло деревенской сосновоеловой избой. Встретили нас тепло, по-свойски. Добрый застольный дух свободно гулял по дому. Когда улыбающиеся гости вышли к нам поздороваться, намётки лёгкого сна уже витали над керосиновой лампой, отбрасывающей блики на циферблат ходиков, стрелки тихонько подрагивали, напоминая, что пора бы и почивать...

Здесь сделаем передышку. Потому как ежели её вовремя не сделать, придётся в самый ответственный час выкраивать новый подходящий момент, а это суета. Или вдруг вскипит мозг, с непривычки-то. Впереди, чувствую, жарковато будет.

Лучше не придумаешь, как сейчас брякнуться под одеяла, подоткнуть низы пологов, чтоб комары ночью не кусали, толком выспаться и к завтраму быть свеженькими, как огурчики... На этом многоточии, думаю, и заночуем.

Виктор Вениаминович и Василий Иванович встречались, конечно, не только в баньке «по-черному». Фото из архива автора

* * *

Следующий день разбудил меня бабушкиным аханьем от удивления:

- Ну, сегодня ты, парень, конечно, дал звону - до обеда проспал, как дядя твой. Ах, столько в деревне ведь не дрыхнут! Эдак и себя проспичь. Мы уж и воду наносили, и баню истопили. Мужики часа уж три назад ушли в первый пар, а наш с тобой - второй, договорились?

- Ага-а. Баб, а, баб знаешь, в твоей чёрной бане все грехи прогоняются вместе с пóтом? И чистый дух с неба в нас обратно сходит. Помнишь, я рассказывал тебе, как можно из немца русского сделать? Только без сажи не получится... Интересно, уже прошибло наших мужиков-то, пора бы уж? Заморщину-то повышибить из них... - ответа не последовало, и бабушка махнула в сторону концом льняного полотенца, перекинутого через плечо:

- Ну, поди, поди... Попей там чаю из самовара, придёшь на завалинку. Вон Ульяна идёт. В позапрошлом лето (пяти тебе не было) ты каждое утро к ней выбегал, весь сахар вытаскал у старушки: поди-ко, тако-ого наслушался! И сейчас она чем-нибудь попотчует. Надо уважить баушку...

* * *

- Шура, сядем на завалинку, чо те скажу-то... Четвёртый час уж парятся, твой-то... Глядела аль нет, чо они там, в бане, замывают, мужики-те? А сходить поглядеть тебе не свербит, всё ли ладно? Может, уж выносить в пору?

- Да я думала... - засуетилась бабушка, - Схожу, раз так...

- Да не ходи топерь-то, я была ужо, садись сызнава, не дрыгайсьё. Обмылись гости твои, обновились, их топерь хоть в

космос... Тока красные ишо, - обелились не полностью. Не волновайся, хорошо всё есть-то...

- Гли-ко, много я слыхивала всякого, много видывала. Да, знать, всё не то. Да что уж истряслось?

- Пошла я нынче за водой. Вон журавель-от - рядом с баней твоей. Взяла ведро, только его на оцеп вешать да опускать в колодец-то, слышу, крик мужицкой по-за спиной, как дикий лесной, вродя: мать-перемать... Ошпарили кому-то, видать, мошницу. Да ведь это Витька твой орёт, парильщик тоже! Всё утро, пока баня топилась, он из дому здря пялился, вздыхал-вздыхал, что дым не оттудова прёт: «Шешнадцатый век! Шешнадцатый век!» Вот топерь и визжит, как резаный. Ну, это я так... Сначала я с тылу к бане сунулась - ничего не видать, слышу, охают внутри, мужики-те... Окошко-то копчѐное у тебя, знаешь? - Ни пса ни видать. - Ульяна набрала воздуху за щѐки и тут же потихоньку спустила его, показывая, будто переживает она. - С Витькой-то у тебя свои аль чужие моются?

- Свои, Ульяна Акимовна, все свои, - успокаивала соседку баба Шура, - здесь, в глуши, кто и был чужой, своим сделался. Гости ко мне приехали. Василий Иванович Белов, писатель из Вологды, с профессором из Японии, приглянулась им наша деревня. Да Витя с Сашей.

- С Японии? А што им от нас надо-то опять? С миром хоть прибыл?

- Конечно, с миром, - скажешь тоже! Он известный в Японии ученый, Рѐхей Ясуи зовут, приехал по Васиному приглашению. Они в его родную деревню съездили, в Тимонику в Харовском районе, теперь в баню по-черному заглянули, - всё это как будто было важно для древней старухи, выставившей левое ухо из-под платка, чтобы городская речь мимо не пролилась. Высшее образование Александры Александровны давало о себе знать даже здесь,

на завалинке: - Там они, видимо, в угоду науке решили деревенский лад по запчастям разложить. Думаешь, хоть один иностранец отличит тебе лавку от скамейки? А «самовар», «ухват», «погреб» - как будет на чужом языке? Во! Ему, японцу, всё интересно своими руками пощупать. Вчера вон спрашивал: «Что значит «русские люди жили - не тужили, когда домовой в доме хозяйничал, а в бане баннушко?»»

Да, японец приехал в Россию понять ее! Прибыл, благодаря Белову ведь, так сказать, в его царство. Разворачивать действительность в пространстве и во времени Василий Иванович умел непредсказуемо круто. И, скорее всего, прямо в Тимонихе, при электрическом свете, подкинул профессору такого леща: мол, не желает ли он взглянуть на «иную Русь», где в цивилизованном двадцатом веке ещё лучины в ходу и бани по-черному топятся? Может, рискнёт он в одной из таких попариться? Как тут откажешься? Учёный согласился.

* * *

- А-а-а, ну-ну, раз ухвата не видал, тогда пускай, - с пониманием покачала головой Ульяна. - Пускай сам всё хорошенько шшупает, нам не жалко. Ну, дальше-то слушай-ко. С тылу-то ни чертушки не видать, так я зашла спереду. Смотрю - батюшки святы! Твой Витька в предбаннике с этим вторым... Беловым-писателем, голышами сидят - красные, как раки, холодянкой из ковшика отпиваются - вдвоём в небо огнём дышат. Меня увидали, полотенцами позатыкали все срамные-то места, кивают из тѐмени-то: «Доброго здоровица, Ульяна Акимовна! Давай к нам, на полочку? Нынче знатный парок!» Я как передником замачала на них, писакэтих: «Постыдились бы, пересмешники!», а им хоть бы что, дурни ишо совсем.

А тут глядь - ишо один из парилки вывалилсѐ, чуть ли не на карачках. Гость-

то ваш. Видала я его вчера, они оба-два прикатили на «уазике». Учёный, говоришь? А глаза-то узкие, и вправду японские. Поздоровкались мы по-нашему, по-русскому, но кивает он, Шур, не по-нашему. А тут - голый, так совсем как наш. Как сосед мой, Сергей, - смотрит так по-умному...

И у этого японца, видать, от жару глаза-то шире стали, чем давеча, вот-те крест. Ну, и подлещик, думаю. Неужто в черной бане весь твой японской дух через щели вышел? Русский-то наш поадрёней будет, он в тебя зайдёт и всё чёрное-то наружу вытолкает. Ну, Шура, тока я это подумала, - Витя с Беловым, значит, уже из предбанника вылезли, в простынках-то на углу бани хохолки свои сушат, а тот как был, в чём мать родила, так эдакой-то и шагнул через порог-от, и рухнул под ноги твоим бородачам, хорошо так шарнулся. Мужики - бородами не ворочают, и я остолбенела, стою, Шура, ни жива, ни мертва, а он голову-то как подымет и тихо так - чуешь? - на чисто русском нашенском наречии, из травы-то: «Думал, - говорит, - придётся погинуть на чужой стороне...» Тут и Коротаев, и Белов впокатушку... Хохочут, баловники-то, слёзы из них брызжут. Они японца-то давай подымать, с земли-то, отряхивать, а он растопырил глазёнки, не моргает, лыбится. Они давай его, неваляшку, на ноги ставить да по плечу похлопывать: «Это, - говорят гостю, - грехи заморские наружу выходят, раз дым из ушей... И как вас занесло-то сюда? Ведь ни электричества, ни врача, ни души кругом... медведи одни... в лаптях. Ну, зато всем своим японским нутром запомните, какова она, русская банька по-чёрному... Да-а-а, обресе-е-ел, Ясуи-сан, от пяток до маковки обрусел. Вдоволь хлебнул, значит, русского духу!...»

Тут старушка взяла да и примолкла. Повисла необходимая тишина, замерли видимые-невидимые зрители, развесив

уши. Даже жаркий воздух застыл, прямо как на сцене народного театра. Видать, и здешние режиссёры знали, у кого мастерство перенимать...

- А топерь, Шура, пойду я, - засобиралась Ульяна Акимовна, благодаря солнечную соседскую завалинку. - Шас уж воротятся, а у тебя и стол не застлан, да и робятёнок твой задремау чо-то, пора уж и вам в парную, не то выстынет. Топерь душа твоя всем заправлена, а остальное у тебя у самой есть, так это мужикам выставь. Коли нету, дак скажи - принесу...

* * *

Я подрядился проводить Ульяну, думал, одна нога здесь, другая - там, и обратно, в баню с бабушкой. Ан нет, вышло не по моему.

Если бы не Ульянино чувство по части режиссуры, навряд ли предбанник настолько бы вовремя отпустил на волю Белова, Коротаева и Ясуи-сэнсэя.

Бегу от Ульяны, бегу - вот уж крылечко наше, только ногу на ступеньку ставить, а там... живая жирная гадюка! - разлеглась, извивается. Опешил я, и как заору, заблажу на всю ивановскую: «А-а-а, змея, змея, укусит!»

Все маленькие таковы, и не только маленькие - помирать-то кто хочет?

Сколько себя помню, в самые острые моменты жизни - почувяв неладное, что ли? - откуда-то из-за угла вдруг появляется папа. На этот раз возник с какой-то длинной дощиной наперевес. Да как подскочит, да как размахнётся (и откуда столько прыти!) - и бац!.. Как врежет доской-то по крыльцу...

- Ну вот, - сорок грехов долой! Прости, господи... - выдохнула за моей спиной, будто из облака возникшая, баба Шура. У меня и мурашки от увиденного, и волосы дыбом. Только когда родные тёплые руки легли мне на плечи, страх ушёл

• ВОЛОГОДСКАЯ ШКОЛА

через макушку. - А ты говоришь - сажей надо...

- Наконец-то! - разрядил обстановку Василий Иванович, подходя к дому с профессором. - Змей - пополам, крыльцо как новое, зрители в ступоре, а Витя - победоносец. Но это он не сам сделал... Не от всех грехов, видно, в бане отмылся, вот небо и подкинуло змея богатырю, надоумило поразить его. Да, Витька, нынче, может, последние сорок грехов списали с тебя!

- Я знаю, я знаю, - без спросу вмешался я, - мне баба Уля рассказывала... Когда заморщина вся уходит вместе с чёрными мыслями, чистый дух в нас поселяется, и человек становится белым. Так, дядя Вася?

- Ай да Саша, ай да баба Уля! Устами ребёнка... Витя, ты чувствуешь себя

в этом райском саду Адамом? - Белов взглянул на японского гостя - как, мол, юмор? - мотнул от удовольствия головой и первым вошёл в дом, обернувшись: - А белым человеком?

- Завтра утром посмотрим, - усмехнулся в ответ отец. - А драконовым останкам здесь не место! - и носком ботинка сопнул располовиненную гадюку с крыльца куда-то в траву.

* * *

К бабушке пришло в ум, что в этот момент надо всплеснуть руками:

- Да что ж мы встали тут? Прошу к столу. Витя, Вася, угощайте гостя.

Только уселись по лавкам, Василий Иваныч взял слово:

Виктор Коротаев у своего внедорожника, который вывозил всюду и всегда. Фото из архива автора

- Среди нас есть тот, кто, попав сюда из другого мира, до этого дня не знал, что так могут жить люди... Без света, без дороги, в такой избе вокруг русской печки, с керосиновой лампой на столе, с баней без трубы...

У сидящих напротив меня заблестели глаза.

Свои пять копеек решил вставить Рёхей Ясуи:

- Да, в 1991 году я впервые побывал у Василия Ивановича, но в такой глухой деревне не был еще. Теперь приехал, помоему, в самый тёмный уголок России... Но я увидел такую чистую природу, таких чистых людей, что неожиданно для себя стал самым светлым японцем. Я по-настоящему счастлив, - сказал от души, и слова его откликнулись у каждого в душе.

Застолье заметно расцвело. Вишенку на торт Василий Иванович припас заранее:

- И сегодня наш учёный банный исследователь, прямо как в русских народных сказках, пройдя огонь и крутой кипяток, буквально на глазах переродился в истинно русского человека. Я поднимаю свой бокал за ваш второй день рождения, Ясуи-сан, вы сегодня - герой!

Во что бы это застолье вылилось, не возьмется предсказать даже издавшие виды вековые тесаные стены избы, тем более, что глаза и уши есть и у них. Потом выяснилось, что бокал над столом Белов поднял, но вина в нём ни на каплю не ubyло. И буквально минут через тридцать, окончательно придя в себя после парилки, Василий Иванович, благодаря хозяйку за тёплый приём, завёл свою машину, посадил рядом преображённого японского гостя, довольного и румяного, - и быстрехонько так легендарный «уазик» превратился в исчезающую точку в никем не написанном летнем пейзаже...

Мы с бабушкой в баню попали уже на вечерней зорьке, потому что подтапливать пришлось. Как я ни уговаривал её сажей намазаться или вымазать хотя бы меня, она не слушала, считая Ульянины рецепты бабкиными росказнями. Может, не догадывалась, что я тоже хочу настоящего счастья; вон, и Белов меня поддержал по поводу избавления от чёрных мыслей, значит, сажа-то действительно полезная: кого хошь добела отмывает.

Талант, самобытность и немного счастья

Размышления о книге
Николая Устюжанина
«Самое счастливое утро»

Книга Николая Устюжанина «Самое счастливое утро» разнообразна по жанровой специфике и включает в себя три повести («Мое советское детство», «Перестроечная» юность» и «Вечернее солнце»), а также рассказы и очерки разных лет.

Особняком здесь стоят, на наш взгляд, «так называемые» дневниковые записи (написанные в 2015 году) «Из армейской тетради», которые содержат именно армейские байки и исторические анекдоты советского времени, которые литературно обработаны и представлены в занимательной читателю форме [3].

Геннадий Сазонов, анализируя художественно-прозаическое начало Николая Устюжанина, справедливо замечает, что представленные в издании повести обладают некой целостностью и цикличностью [1]. Мы наблюдаем две оси: пространственную (Вологда - Москва - Краснодар) и временную (Детство - Юность - Зрелость). Художественный дискурс автора строится, с одной стороны, на пересечении этих осей, а с другой - на пересечении двух нарративов - художественного и мемуарно-эссеистического. Эссеизация художественной прозы и публицистики способна проявляться как в ассоциативности (образы героев выстраиваются в причудливой мозаике), так и в аналитичности (характер обобщений в тексте тяготеет как к художественной типизации, так и к субъективным авторским наблюдениям).

Людмила Яцкевич, размышляя о жанрово-содержательной природе рассказа «Вечная девушка», говорит о том, что в духовном сознании человека могут уживаться два разных представления - о земной и телесной и одухотворенной, почти не видимой красоте [2]. Герой рассказа - молодой человек, стоя в церкви на пасхальном богослужении, был подвержен влиянию собственных стереотипов. Красивая девушка, певшая в церковном хоре, оказалась горбуньей. Конфликт телесного и духовного поверг героя в смятение: он столкнулся с христианским подтекстом личности, которая «не прочитывается» бегло, путем «визуального сканирования», а переживается как собственный духовно-мистический опыт ее созерцающего.

С точки зрения проблематики представленные в издании произведения - это разножанровые эссеизированные

тексты с глубокой степенью авторского участия. Так, главный герой трилогии Юрий Суханов в контексте повествования воспринимается как альтер эго автора, посредством которого писатель стремится передать несколько важных мыслей, или, как сейчас принято говорить, сообщений: 1) действительно, в художественном плане могут обладать самодостаточным романтическим потенциалом и «советское детство», и «перестроечная юность», и то самое «вечернее солнце», которое захватывает постсоветский период - уже после официального разрушения СССР; 2) герой трилогии, не вступая в этический и эстетический конфликты с дискурсом исторического прошлого, намеренно несколько его беллетризирует, порождая при этом эффект медленного и приятного чтения, наполненного случайными и неслучайными событиями; 3) проблематизация дискурса трилогии такова, что любой исторический контекст, становясь прошлым, приобретает форму не самого явления, а рассказа о явлении, и в этом смысле читатель каждый раз способен открывать для себя такие прецедентные феномены/концепты, как «Семья», «Отдых», «Детство», «Юность», «Город», «Телевидение» и многие другие.

Цикл коротких зарисовок «Из армейской тетради» - это несколько открыток, отправленных читателю из советского армейского прошлого. Изображение на них, благодаря тексту, становится объемным. И каждый способен увидеть в

этих голограммах и капитана Гагару, вскрикивающего то и дело: «Ну, всё!», и поражающий воображение «луноход», и «Шурика», письмо которого читала вся воинская батарея, смеясь во весь голос, и многое-многое другое. Такие визуальные образы никого не оставят равнодушным, поскольку заставляют читателя не только идти за авторской иронией, но и строить вслед за ней свой собственный текст.

«Московские зарисовки» и «Южные очерки» - это два прозаических цикла, отражающие именно впечатления автора о тех местах и ситуациях, в которых он побывал. Так, в зарисовке «Айгуль» движение сюжета поражает своей чеховской неожиданностью и парадоксальностью: герой, которого отправили на практику в колхоз куратором, недоумевает дважды - на самой практике, получив неожиданный поцелуй от студентки, и дома, получив от жены незапланированную выволочку.

Оценивая в целом это издание и каждый его текст в отдельности, можно говорить не только о таланте и самобытности Николая Устюжанина как автора, но и о глубокой филологической проработанности его текстов, значимых как с точки зрения авторского художественного сознания, так и в контексте его языковой личности.

Георгий НЕМЕЦ,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры рекламы и связей
с общественностью Кубанского
государственного университета
Краснодар

Литература

1. Геннадий Сазонов. Самый счастливый день // URL: <https://literator35.ru/2021/01/news/gennadij-sazonov-samyj-schastlivyj-den-v-ologde-sostoyalas-prezentatsiya-novojknigi-izvestnogo-prozaika-nikolaya-ustyuzhanina-samoe-schastlivoe-utro-povesti-rasskazy-ocherki-izd-rodniki-ologda-2/> (Дата обращения: 28 мая 2021).

2. Людмила Яцкевич. Священный дар красоты. Размышления при чтении рассказа Николая Устюжанина «Вечная девушка» // URL: <https://literator35.ru/2018/12/writers-word/svyashhennyj-dar-krasoty-razмышleniya-pr/> (Дата обращения: 28 мая 2021).

3. Устюжанин Николай. Самое счастливое утро: Повести. Рассказы. Очерки. - Вологда: Родники, 2020. - 320 с. (https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_11147.html)

Жил-был я

Леонид Щетнев - известный вологодский график, автор множества экслибрисов, участник престижнейших выставок, международных конгрессов. Леонид Николаевич написал книгу о своей жизни, которую (в сокращении) редакция предлагает читателям.

На наш взгляд, она интересна прежде всего тем, что, как говорит автор, в ней он «простыми словами» рассказывает о жизни советских людей в русской провинции во второй половине XX - начале XXI века. Ровесники Леонида Щетнева, полагаем мы, не без удовольствия вспомнят времена своей молодости, а их дети и внуки не без удивления узнают, как была устроена жизнь их родителей, бабушек и дедушек.

Окончание. Начало в номере за 2020 год

ОБ ИВЕНСКОМ

В это время я часто ездил в Вологду. Мне уже было известно о деятельности директора картинной галереи Семёна Георгиевича Ивенского, который устраивал прекрасные графические выставки, издавая к ним чудные по тем временам каталоги. И вот однажды я приехал посмотреть на очередную выставку графики - москвича Анатолия Ивановича Калашникова.

Выставка произвела на меня потрясающее впечатление. Более всего запомнились большие рисунки фломастером, сделанные только что в разных местах Вологодчины. Прогуливаясь по залам галереи, я увидел, как из своего кабинета выходит Семён Георгиевич. Мне давно хотелось с ним познакомиться, и я осмелился подойти. Наслышан был о его коллекции экслибрисов и показал ему свои первые опыты, о которых он ничего мне не сказал, но сразу же пригласил к себе домой. Небольшая комната с огромным рабочим столом вся была заставлена шкафами и стеллажами, на которых были книги и самое ценное - коллекция книжных знаков, которую я тут же принялся рассматривать с разрешения хозяина,

выбирая поначалу папки с известными мне именами. А потом по совету Семёна Георгиевича знакомился с работами совершенно незнакомых для меня авторов, открывая для себя огромный мир, всё более влюбляясь в этот маленький и загадочный листочек бумаги, который называется экслибрисом. И когда у меня уже заболела голова, я понял, что пора уходить.

Надо сказать, что на выставки, устраиваемые С. Ивенским, приезжали люди из ближних и дальних мест. Каждая выставка была открытием и событием для большинства посетителей, а для нас, вологжан, это было радостью вдвойне. Так мы получили возможность видеть произведения графики Герарда Годана из Бельгии, Ярослава Водражки из Праги, Транквилло Марангони и Ремо Вольфа из Италии и других, даже в Москве ни разу до того не выставившихся. Некоторым авторам этих выставок удалось и лично побывать в Вологде. Мне запомнилась встреча с немецким графиком Вернером Клемке, прекрасным иллюстратором и оформителем книги. Были экспозиции и наших соотечественников: Вадима Фролова, Гершона Кравцова, Александра Полякова.

К каждой выставке, как я уже и говорил, издавались оригинальные и прекрасно отпечатанные, чаще всего с авторских досок, каталоги-альбомы. И Семён Георгиевич сам лично следил за печатью! Через много лет, работая в типографии, я ещё застал там двух женщин, которым удалось поработать с Ивенским. Они отмечали его иногда несносный характер, но в обиде не были: «Он научил нас работать». Нет теперь ни этих работниц, ни их старушек-«американок» - станков, на которых они печатали: офсетная печать вытеснила высокую.

Известны работы С. Ивенского, посвященные и живописцам. Например, монография о Ф. М. Вахрушове стала большой редкостью. А ведь и сам Семён Георгиевич - хороший художник. Когда бы я к нему ни приходил, видел новые этюды, и когда он успевал их писать - уму непостижимо. А также им создано порядочное количество экслибрисов, и все они живые, лаконичные, с большой долей юмора и выдумки, что свидетельствует о таланте отличного рисовальщика.

Именно экслибрисом и остался одержим Семён Ивенский. Эта любовь и подвигла его на защиту диссертации по экслибрису, заставляла писать статьи, книги, создавать экслибрисы самому и собирать коллекцию, на основе которой и устраивались выставки, то есть коллекция работала. На основе собрания Ивенского формировались его искусствоведческие взгляды и изыскания в графике и экслибрисе. Книги и статьи Семёна Георгиевича всегда содержат глубокий анализ, обстоятельны и точны, а характеристики автора иногда беспощадно правдивы и остры. Часто доставалось от Ивенского и мне. Почти каждый раз при встрече он напоминал о том, что у меня должен быть свой шрифт, по которому каждый сразу бы мог узнавать мои знаки. И в композицию экслибриса эти буквы должны

вписываться органично, не мешая изображению, хорошо читаться... Много лет я шёл к «своему» шрифту. А за рисунок он буквально разносил меня в пух и прах. Но я понимал, что он прав, и приходил к нему снова и снова, так как эта нелюбимая критика была мне очень полезна. Я, как кроха-сын у Маяковского, нуждался в том, чтобы узнать, «что такое хорошо и что такое плохо». И в этом мне прежде всего помогли С. Ивенский, а также Николай Бурмагин и многие мои друзья, с которыми я познакомился в Вологде.

Художники-графики уважали директора картинной галереи именно за прямоту и правдивость в суждениях и стремились с ним встретиться, подружиться или хотя бы проконсультироваться. Помню, зимой 1982 года я был на творческой даче «Челюскинская». Мои друзья-коллеги Виктор Панидов и Гена Ключин собрались на день рождения С. Г. Ивенского в Ярославль, куда он к тому времени перебрался, и звали меня с собой. Мою кандидатуру в это время обсуждали в Москве на предмет принятия в члены Союза художников, что и помешало съездить с друзьями, о чём до сих пор жалею: ведь было о чём поговорить и что показать и обсудить.

Семен Георгиевич буквально всех заражал графикой и экслибрисом. В конце 60-х - начале 70-х годов многие вологжане, даже живописцы, занимались не только оригинальной, но и печатной графикой. Так, например, у Владимира Корбакова есть хорошая линогравюра «Дом-музей Марии Ульяновой». Гравировали и Николай Баскаков и Юрий Петров, а Нина Витальевна Железняк делала хорошие монотипии.

Бывало, когда я уходил от Семёна Георгиевича, он просил меня опустить в почтовый ящик два-три письма, которые успевал приготовить своим корреспондентам, пока я рассматривал его коллекцию. Переписку он вёл огромную! И писал

он одинаково хорошо и левой, и правой рукой, почерк его был мелкий, разборчивый и красивый.

Семён Георгиевич мне рассказал, что Николай Бурмагин закончил Ярославское училище, приехал в Вологду с молодой женой Гетой. Они занимаются гравюрой и экслибрисом: Генриетта делает эскизы, а Николай гравюрует. И я стал искать с ними встречи.

ПЛАСТМАССА

К тому времени я сделал более 30 знаков на линолеуме, резьбу на котором я уже освоил неплохо, но всё-таки этот материал меня не удовлетворял. Меня всегда привлекали очень тонкие работы, и я восхищался таким мастерством художника-гравёра. Я уже слышал, что режут и на пластике. И вот однажды мой напарник приносит со склада большой кусок белой пластмассы - пригодится, говорит, буквы вырезать для стендов. А мне как будто Бог послал этот кусочек пластмассы, только для неё не годились те резцы для линолеума. Нашёл подходящий надфиль, быстренько сделал из него подобие штихеля, подзаточил - и скорее пробовать... Тонкая линия получилась! Это был идеальный материал для меня!

В то время я уже был знаком с нашим сокольским хирургом Альбертом Александровичем Волковым. Как-то на этюдах в рабочем парке увидел его и пожаловался, что нет резцов, а материал нашёл хороший. Он попросил нарисовать, какие именно резцы нужны, и я сделал такой рисунок. Спустя некоторое время Альберт Александрович приносит мне несколько резцов, настоящих, с ручками. Я попробовал - замечательно! И этот неизвестный мне мастер так эти резцы заточил, что я ими проработал не менее года, не подтачивая. Первый знак на пластмассе я сделал для зубного врача, крупнейшего

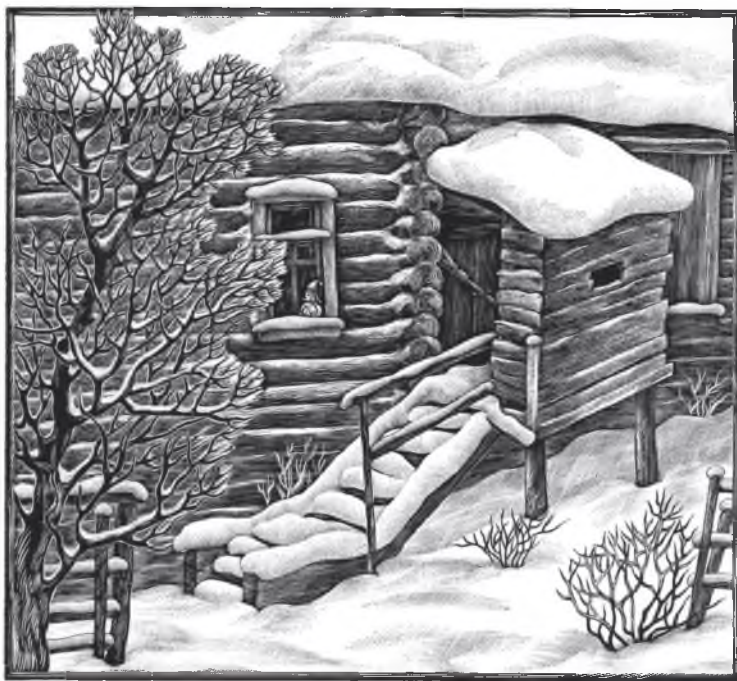
коллекционера экслибрисов, по просьбе С. Г. Ивенского.

А вскорости и для Альберта Волкова сделал два экслибриса, на одном из которых изображено кресло, которое стояло у Волкова на кухне. После этого я на линолеуме почти не резал. За год на пластмассе я сделал более 20 знаков.

НАШ ДОМ СНОСЯТ

Началось всё с того, что рядом с нашим домом стали строить здравпункт бумкомбината. От этого строительства все жильцы нашего дома, и особенно наша семья, испытывали массу неудобств. Вскоре жильцов стали расселять, нашей семье дали трёхкомнатную квартиру на улице Капитана Воронина, в деревянном двухэтажном доме. Плохо было то, что надо топить три печи, с заготовкой дров - проблема. Зато места много. Мы были счастливы! Это был настоящий праздник для нашей семьи.

Вот тогда я и устроил новоселье, даже сделал приглашение. Приехали мои друзья из Вологды: Валя Едемский, Валерий Митрофанов, Тамара Белозерова, а также семья С. Г. Ивенского и другие. Уже поздним вечером повёл я своих гостей показать мезонин, в котором мы жили. Не знаю, какое на них это впечатление произвело. Много лет, уже когда мы жили в Вологде, мне этот мезонин и весь дом наш снились очень часто. Сначала в том реальном виде, как мы оставили его, а потом сны какие-то нелепые пошли: то дом наш на высоких сваях, где-то лестница, до которой никак не могу дотянуться... Просыпался я в каком-то поту и бреду, радуясь, что это был сон. Часто я приезжал в Сокол и непременно заходил к тому месту, где был наш дом. Вот, думаю, здесь было крылечко, а здесь два деревца стояли, чуть подальше бассейка. Ничего нет! Потом сестра сообщила, что кто-то

Замело крылечко снегом. Гравюра на пластике. 1992

увёз наш мезонин в какую-то деревеньку в Междуреченский район и там сделал из него домик, наверно, для дачи.

ИНСТИТУТ И ПРЕПОДАВАНИЕ

В 1968 году мне наконец-то удалось закончить вечернюю школу, на следующий год я поступил на заочное отделение художественно-графического факультета Костромского пединститута. Вместе со мной поступал Валентин Васильев из Пскова, тогда уже известный график и директор детской художественной школы. Мы сразу с ним подружились и жили вместе у бабушки Дуси в келье бывшего монастыря на улице Симановского; у неё в тесной каморке пытались выкраивать время для гравирования. Вечером играли в волейбол, ходили к местным художникам, в музей, в Берендеевку, а то и просто гуляли по Костроме.

Года два мы встречались на летних и зимних сессиях в Костроме. Как-то несколько лет спустя я съездил в Псков к Валентину Васильеву на пару дней. Он подарил мне много своих гравюр, которыми не перестаю восхищаться.

Дотянув до третьего курса, я очень захотел испытать себя в качестве педагога. Так стал я преподавателем черчения и рисования в 10-й сокольской школе. Скоро понял: педагога из меня не получится, я совершенно к этому не способен. Художником-оформителем быть уже не хотелось. Гравирование меня захватило полностью.

ПОКОРЕНИЕ ВОЛОГДЫ

Я часто ездил в Вологду, где и отводил душу, встречаясь с друзьями - Валентином Едемским и Валерием Митрофановым. Тогда Митрофанов работал в часовой

мастерской на улице Мира, и я с автобуса шёл прямо туда. Если его там не оказывалось, шёл к нему домой на Воровского, иногда даже ночевал у него. Он жил с мамой и был прекрасным мастером по ремонту часов, но вдруг неожиданно для всех пошел на курсы ювелиров - и стал прекрасным мастером. Всё же главным делом Валерия была реставрация икон. В реставрационных мастерских у него я бывал много раз, но это было позднее, когда я уже жил в Вологде.

С Вале́й Едемским меня познакомил Валерий Митрофанов. Валентин Ульянович работал на ВРЗ художником. Я шёл к нему на работу, и мы долго засиживались иногда. С Валентином работала Тамара Белозёрова, впоследствии она стала женой Едемского. Работала потом реставратором в картинной галерее.

В Соколе у меня не было таких друзей и возможностей, на что я как-то пожаловался Владимиру Николаевичу Корбакову, который был председателем Вологодского отделения Союза художников. «Вот, - говорю ему, - найти бы в Вологде работу». Спустя месяц или два получаю от него открытку, где был адрес, куда я могу обратиться насчёт работы. Я съездил в Вологду и встретился там с Николаем Николаевичем Чижиковым в филиале института «Оргтяжстрой» (был тогда такой в Вологде). Мы обо всём договорились, и я поехал в Сокол с твёрдым намерением устроиться работать в Вологде.

Но в школе меня не отпускали, пришлось не один раз говорить с директором школы, чтобы он, в конце концов, подписал моё заявление.

ВОЛОГДА, НА КОТОРУЮ ВСЕ НАДЕЖДЫ

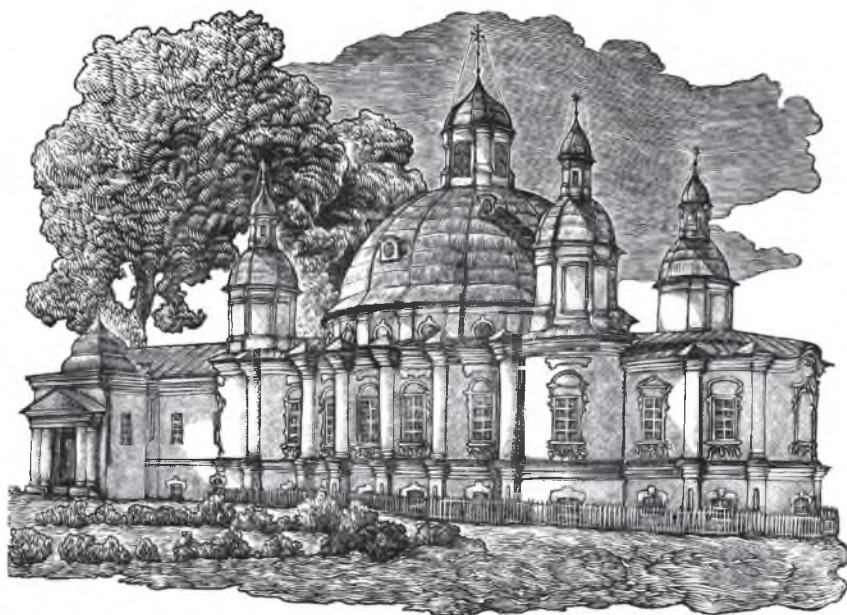
И вот я ехал в Вологду работать, не надеясь на жильё, - об этом и речи не было при устройстве на работу. Это был очень

рискованный шаг и трудный период в моей жизни. Семья оставалась в Соколе. Зарплата небольшая. Но были друзья, которые устроили мне экскурсию по всем достопримечательностям Вологды и много рассказали интересного. Наша организация, в которой я работал, находилась в самом центре города, и у меня была небольшая, но отдельная мастерская. Правда, работа - оформительская, для меня уже неинтересная, но она не пугала.

Только я устроился, с большим трудом прописался в общежитии, как вдруг меня вызывают в областное управление культуры и предлагают стать директором детской художественной школы в Соколе, которую открывают по моему же ходатайству (об этом хлопотал и ещё один художник из Сокола - Рудольф Фуряев). Мы писали об этом в «Советскую культуру», в министерство культуры, в местные газеты, ходили по местным властям. И вот «художку» в Соколе открывают! Это здорово! Как мне трудно было, не скрою, но я отказался от директорства. Меня страшила педагогика, да и хозяйственная деятельность директора вряд ли позволила бы заниматься творчеством, поэтому об этом своём решении не жалею.

Я уже был знаком с Георгием Поповым, самобытным художником, мы были дружны несколько лет. Его жизненные и творческие принципы были мне тогда очень близки, а его творчество и сейчас восхищает меня. Мы готовили его первую персональную выставку и договаривались с музеями и частными владельцами - впрочем, не все из них соглашались дать работы на выставку.

Картины Жоры были у меня и дома, и в мастерской на работе. Многие специально приходили на них смотреть. Однажды пришли ко мне домой с этой целью Владимир Корбаков с Николаем Бурмагиным. Квартиру мы тогда только получили, в ней не было почти никакой мебели - пустые стены. У всех

Воскресенский собор. 130x180 мм. 1998

стен на полу я расставил картины, и мы любовались ими.

Мы с Жорой работали над каталогом его будущей выставки, в котором рассчитывали увидеть и стихи Георгия - кстати, очень неплохие. Это был оригинальный каталог, макет которого я, как умел тогда, сделал и отдал в картинную галерею. Выставка открылась много позднее, к ней издали скромный казенный каталог, что говорило об отношении чиновников к этому художнику. У Георгия позднее много было выставок, но хорошего каталога, а тем более альбома, так и не было издано.

Однажды Попов пригласил меня сходить к Виктору Петровичу Астафьеву. Мы с ним легко и просто общались. У Астафьева дома были две картины Георгия, которые мы и взяли для выставки. Виктор Петрович был в тот день в прекрасном настроении, говорил, что хорошо поработалось, написал 17 страниц, что бывает очень редко. В то время он работал над «Пастухом и пастушкой». Астафьев прекрасно

знал поэзию и любил читать неизвестные стихи известных и неизвестных авторов. Много рассказывал о Рубцове, с которым был дружен. Впервые от него мы услышали несколько стихотворений Дербиной, в одном из них она обещала Рубцову перепутать «все карты твоей блистательной судьбы», что и сделала, к сожалению.

Виктор Петрович попросил сделать знак для него, что я и исполнил с удовольствием, даже три знака сделал. Однажды, придя к Астафьеву, я застал в гостях у него журналиста из «Уральского следопыта» Игоря Тарабукина, и они вдвоем попросили меня написать статью в журнал о Георгии Попове. Когда я пришёл с черновиком этой статьи, Виктор Петрович только в одном месте вставил предложение, от чего статья сразу «похорошела» и всё встало на своё место. Вот что значит настоящий талант, подумал я.

Много было переговорено с ним всего, в том числе и об искусстве. В разговоре Астафьев вспомнил Ван Гога, взял

с верхней полки его «Письма», быстро нашёл нужное место и прочёл любимую фразу. Это было удивительно! Книгами Виктора Петровича я тогда зачитывался, а он мечтал написать, может быть, самую страшную и правдивую книгу о войне. Вероятно, это была последняя книга Астафьева - «Прокляты и убиты». Её трудно читать, но читать надо!

НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

В 1971 году, ещё в Соколе, у нас родилась дочка Лариса, чему мы были очень рады. Старшие дети, Ира и Олег, были к ней внимательны и заботливы, помогая нам во всём. В Вологде мы Ларису с трудом устроили в детский садик. А жена устроилась на работу в типографию, которая была тогда на улице Калинина (ныне Зосимовская).

1972 год был знаменателен тем, что С. Г. Ивенский устроил мою выставку в картинной галерее и издал прекрасный каталог. Это было осенью, а в мае, почти ровно через год после моего устройства на работу в Вологде, мне дали ордер на квартиру. Радости нашей не было предела.

Ещё живя в Соколе, я знал о художнике Эдуарде Фролове, работавшем над оформлением книг для местного отделения Северо-Западного книжного издательства. Заглядывал я иногда и в издательство, где уже вышла небольшая книжка «Сокольский ЦБК» с моей гравюрой на обложке. Там мы и познакомились с Фроловым. Эдуард оказался настоящим тружеником: делал до 10 вариантов обложки книги. Нет, наверно, ни одного вологодского писателя, чьи бы книги Эдуард не оформлял. В 1945 году (ему было 8 лет) он полностью потерял слух после заболевания менингитом. Общаться с ним нелегко, надо писать записки. Иногда он понимает по губам и шутит: «Ты уже целую гору бумаги исписал на меня». Так

и дружим мы с ним до сих пор. Вечерами частенько обмениваемся сообщениями по мобильнику. Мне тоже тогда мечталось работать над оформлением книг.

РАБОТА В «ОРГТЕХСТРОЕ»

А пока опять я окунулся в оформительскую работу: шрифты, стенды. Нашу организацию переименовали, и она стала «Оргтехстроем» вместо «Оргтяжстроя». Гравировать я, конечно, не бросил. Но пришлось искать новые передовые методы оформительского искусства. Разработка шрифта для диаграмм, печатание его через трафарет или фотоспособом, и т. д. Окно в моей мастерской выходило на рынок, теперь называемый Старым. И мне было интересно наблюдать за жизнью рынка. Именно тогда у меня родилась идея посвятить этому рынку графическую работу, и я сделал первый эскиз-набросок. Жаль, что другие дела и заботы отодвинули мою идею на многие годы.

Радовало, что удалось сделать такую же витрину «В мире прекрасного», какую делал в Соколе, работая в цехе переработке бумаги. А выставку о новых технологиях в строительстве с фотографиями и диаграммами мы свезли в министерство, где её одобрили. Несмотря на все наши достижения, организация «Оргтехстрой» вскоре прекратила своё существование, но я успел уйти чуть раньше. Там мне было делать нечего.

СЯМЖЕНСКИЙ КРАЙ - РОДИНА ОТЦА

Мне давно хотелось побывать на родине отца. Помню, как к нам приезжала тётя Маня, папина сестра, с внуком Васей. Потом нам сообщили, что она умерла. Был у отца ещё старший брат Иван Евгеньевич, живший в Крыму, он умер в конце 30-х годов в возрасте около 40 лет. Пытался о нём

узнать, когда он скончался, где похоронен и где работал, но ничего не мог найти. А у Марии Евгеньевны в Сямженском районе были два сына, Сергей и Василий, а также дочь Антонина.

Сначала я навестил Сергея, потом встретился с семьёй Антонины. У неё двое сыновей: Василий и Валентин. Валентин живёт в Сямже, его я тоже потом проведаль. А пока приехал в деревню Ермаковская, где жила Тоня, моя двоюродная сестра, с семьёй сына Василия, у которого было пятеро детей. Тоня жила в двухэтажном доме матери. Дом хорошо сохранился, хотя и очень старый.

Сходил я в сосновую рощу, которая была недалеко, дорогу мне Василий подсказал. Набрал там грибов. А потом с Василием мы ходили на источник, тоже недалеко от деревни, и принесли по ведру родниковой воды. Вот это водица, надо сказать!

В следующий раз я приехал к Шашкиным в деревню с женой. Это было весной и мы даже вскопали грядку, посадили картошку. Тогда у меня зародилась идея купить там, в Сямженском районе, дом. Тоня предложила жить в доме матери, но я хотел не зависеть ни от кого.

Дом мы так и не купили. Вскоре умерла моя двоюродная сестра Антонина. Остался там племянник Василий, дети которого все повзрослели и уехали из Ермаковской. Правда, ещё есть двоюродный брат Сергей в соседней деревне, которому уж 88 лет. О нём мне иногда рассказывает племянник по телефону.

РАБОТА В ТИПОГРАФИИ

Я часто заходил в типографию, там работала моя жена на резательном станке. И рядом находились редакции газет «Вологодский комсомолец» и «Красный Север», где были хорошо знакомые журналисты, я их тоже проводывал. Мне давно мечталось

Фортуна и нищий. Гравюра на пластике.
160x105 мм. 1997

поработать в типографии. Я видел для себя по-настоящему творческую работу, и много работы.

Но когда я стал работать в типографии, понял, что это не так-то просто. Пришлось прежде всего заняться наглядной агитацией: досками почёта и показателей и прочим оформительством. Однажды написал на фасад огромный лозунг в 50 метров длиной. Я познакомился со многими работниками типографии, прежде всего - с Юрием Павловичем Тедерсоном, к которому часто заходил попросить перевести в цинкографию знак или какую другую картинку. Он был хорошим специалистом и всегда мне помогал.

В печатном цехе было несколько тигельных станков-«американок». Я несколько раз заказывал печатать тиражи своих книжных знаков. Именно в это время и сделал я гравюру «Красный

мост», которую мне тогда напечатала небольшим тиражом Валентина. Она мне и рассказывала об Ивенском: «Он научил нас работать».

Тогда же я познакомился с Володей Ивановым, которому помог сделать выставку в краеведческом музее. Часто заходил к нему домой. Он один и помогал типографии в оформлении печатной продукции. Мне, правда, удавалось иногда кое-что делать, но очень редко.

Меня понимал только Анатолий Толкунов, который был тогда директором типографии, но от него не всё зависело. Пришлось уйти из типографии: работать там стало неинтересно. Да к тому же меня пригласили на работу в художественно-производственные мастерские при отделении Союза художников. Меня поддерживал Валентин Едемский: «Да он всё делать умеет». Так я стал работать в мастерских худфонда, где каждую работу принимал худсовет. Поэтому отношение было очень серьёзное и ответственное к каждому заказу.

САНАТОРИИ

Ещё в Соколе у меня были проблемы с желудком, и в Вологде боли возобновились. Пришлось идти к врачу, которая предложила мне съездить на курорт. Есть, говорит, горящая путёвка в санаторий «Миргород». Я, конечно, согласился. И эта поездка мне дорога была прежде всего возможностью встречи с Леонидом Курисом, который жил тогда в Киеве. Мы с ним переписывались, обменивались знаками, а тут представился такой случай!

Тёзка меня встретил на вокзале. Мы ходили с ним по Киеву, зашли во Владимирский храм, где всё было расписано русскими художниками. И потом зашли в букинистический магазин, где Лёня посоветовал мне взять журнал «Москва» - там был напечатан «Сказ о московском

звонаре» Анастасии Цветаевой, который я потом в санатории читал с большим наслаждением, а позднее, в Вологде, и перечитывал.

Но в санатории мне не понравилось. Питание было неважное, всё кашками кормили. Радовало только, что я времени зря не терял, так как взял с собой резцы, приготовленные плашечки и гравировал. Работалось хорошо, никто не мешал.

Приехав домой, через некоторое время мне пришлось снова идти к врачу. И на этот раз она направила меня в больницу, где я провалялся около месяца. Врачи сказали, что у меня язва 12-перстной кишки. За этот месяц я не курил и, разумеется, не пил. Лечение пошло на пользу. При выписке врач посоветовала бросить курить, а пить не более трёх рюмок, то есть знать меру. Надо сказать, что меру-то я, хоть и знал, но не соблюдал; почему-то именно после трёх рюмок забывалось о всяком контроле. И тогда я решил год не пить совсем.

Именно в этот год случились одна за другой две свадьбы у моих племянников! Но я выдержал, хотя на свадьбе у Вити так меня обступили мужики, что очень трудно было не поддаться их «железным» аргументам. Год прошел в активной работе и почти безболезненно. Но когда через год я начал потихоньку выпивать (а, значит, и курить), желудок снова дал о себе знать. Пошёл к врачу, который опять мне предложил ехать на курорт. На этот раз в Эстонию, в Пярну.

Так я почувствовал себя так, словно за границу попал. На Украине, кстати, такого ощущения не было, а в Эстонии всё было не так, как у нас. В магазинах - изобилие всяческих товаров. Мне даже удалось там купить себе модное демисезонное пальто. В книжном магазине много книг; правда, большая часть - на эстонском языке. Я тогда работал над шрифтом и увидел там много

книг по этому вопросу. Удалось приобрести несколько книг Виллу Тоотса, который с тех пор стал моим любимым художником-шрифтовиком - кстати, он познакомил меня с каллиграфией. Прогуливаясь по берегу Рижского залива, я увидел заросли камышей самой разной толщины, из стеблей которых можно было сделать отличные палочки для занятия каллиграфией. Я насобирал этих камышей, и они мне оченьгодились потом в работе.

Пярну - небольшой, но довольно культурный город, где есть свой театр, музей, где много различных заведений, в которых можно провести свободное время и взрослым, и молодёжи.

И в санатории мне всё понравилось. Питание отличное, грязевые и другие ванны, гимнастика лечебная и многое другое очень мне помогли. Хотя я иногда не мог найти общего языка с эстонцами, всётаки в целом эта поездка мне пришлась по душе. Жена тоже несколько раз была в санаториях, а теперь, судя по всему, нам и мечтать об этом нечего.

ПОЕЗДКА В ВЕНГРИЮ

Среди постоянных моих корреспондентов был и Борис Яковлевич Левых из Одессы, с которым нас связывала не просто переписка и обмен экслибрисами, но и общие дела. Однажды он предложил съездить в Венгрию в гости к моему коллеге. Это был Ласло Лазар Надь, прекрасный художник-график, с которым мы обменивались работами. Так мы с женой оказались в городе Цеглед. Правда, не без приключений: в Киеве я отстал от поезда, засмотрелся на лотки с книгами, а поезд опаздывал, и потому отправился раньше, о чём я не знал. А у меня ни документов, ни билетов с собой. Отправили меня дальше на другом поезде, и мы встретились с женой уже в приграничном Чопе.

Утром приехали мы в Сольнок, неподалеку от Цегледа, где нас встречали Ласло и Пирожка на своём «Трабанте». Это машина такая, дешёвая, но вполне приличная. В этот день мы гуляли по городу Цегледу, заходя в некоторые магазины. Вечером были у бабушки Пирожки. Очень большой, двухэтажный дом, где максимум удобств. Всё шикарно и просто. Мы были поражены. Дом отапливается электродвижком (в подвале что-то вроде печи).

На следующий день поехали в горы, были на самой высокой точке горы Матра: 1015 метров, откуда открываются замечательные виды. Заходили в музей карет, повозок, колясок, где есть также и кони, которые содержатся, вероятно, для показательных поездок с каретами. Были в одном шикарном дворце, где когда-то давно располагалась резиденция какого-то венгерского короля и его свиты. По стенам - замечательные фрески, рассказывающие об истории Венгрии.

9 августа поехали на поезде в Будапешт. Очень красивый город. Прекрасен Дунай с мостами. Мы все памятные места посетили и вечером, вернувшись из Будапешта, ещё успели побывать на даче. Площадь всего 15 на 35 метров. Небольшой домик. Персики, яблони, груши и много всего другого. Воду качают пневмонасосом. А в подвале этого домика Лаци сумел себе сделать столик для работы, и именно здесь он занимался травлением своих офортов.

13 августа отправились на Балатон. По дороге запомнились арбузные бахчи. Приехав и разгрузив всё из машины, ходили на пляж (платный) смотреть просто на Балатон. Потом собирали байдарку, а вечером ездили на дискотеку. Танцевать мы с Лизой не осмелились и просидели за столиком, пили напитки, которых здесь было множество, и даже лёгкие вина.

Кстати, пьяных в общественных местах, как и курящих, я не видел. Рядом с дискотекой расположены интерна-

циональные молодёжные лагеря, поэтому здесь молодёжь, можно сказать, со всей Европы. Ведут себя юноши и девушки вполне раскованно и непринуждённо.

На следующий день поехали в Тихань (полуостров на Балатоне), где смотрели внутреннее убранство католической церкви. Очень богато и красиво! Потом в этом же здании в другой части смотрели биеннале венгерской малой графики. Очень много хороших работ, в том числе экслибрисов. Были также на пристани, где видели как причаливали теплоходо-паромы с людьми и машинами.

Пару слов о домике, в котором мы ночевали. Он размером примерно 5х5 метров, деревянный. Электричество, газовая переносная плита, туалет с водой, 4 койки (2 из них над нижними), всё очень удобно и просто. Переночевав две ночи в этом гостеприимном домике, мы собрались в обратную дорогу. Приехав в Цеглед, уже вечером ходили в гости к одной даме. Она работала председателем отдела пропаганды и агитации Цегледского горкома партии. Немного говорила по-русски, поэтому нам было приятно общаться.

Много было встреч в Венгрии, в том числе с художниками, но незнание хоть какого-нибудь иностранного языка затрудняло нам общение. После поездки в Венгрию пытался изучать то эсперанто, то польский, то венгерский, приобретал учебники, но множество других разных дел, да и лень-матушка не давали овладеть хотя бы одним каким-то языком.

Утром на следующий день мы с Ласло ездили на «Трабанте» на завод, в вестибюле которого развесили мою выставку. Потом заехали в типографию, где получили тиражи моих знаков для Лаци.

На следующий день - открытие выставки. Большая речь Илоны, к которой мы ходили как-то в гости. Много народу, раздавал автографы на каталогах, которые издал к выставке Ласло Лазар.

10 дней мы были в гостях у моего друга Лаци, много всего увидели, узнали, от всего этого самые приятные впечатления. Чем я мог отблагодарить его? Сделал как-то выставку Лаци в Вологде, но на большее не было возможностей, к сожалению.

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ЭКСЛИБРИСА В АВСТРИИ

Я уже давно знал о конгрессах, устраиваемых раз в два года в разных странах мира, - и, конечно, была у меня мечта побывать на таком празднике графического искусства. Как-то я узнал об очередном конгрессе экслибриса в Австрии, где президентом был избран Оттмар Премшталлер, с которым мы обменивались экслибрисами, но почти не писали друг другу. А тут я решил ему написать письмо, где объяснил, что очень хочу приехать на конгресс. Нашёл переводчика, который этот текст перевёл, и отправил письмо по обыкновенной почте. Тогда ещё не было компьютеров. Таким образом мы ещё раза три писали друг другу и, наконец, я получил от него приглашение на конгресс.

И я стал готовиться к этому событию. Прежде всего, сделал около десяти заготовок экслибрисов, которые рассчитывал задёшево продать или подарить. И послал оттиски этих заготовок президенту конгресса. Это был 1980 год, когда у нас проходила олимпиада, и я набрал с собой кучу посвящённых этому событию значков. Раздарю, думаю, все будут рады и счастливы, но, забегая вперёд, скажу, что никому эти значки были не нужны. После двух - трёх отказов я не стал предлагать их кому-либо, а, уезжая, оставил на столе в номере отеля.

Конгресс должен проходить в городе Линце. Ехать нужно было до Вены на поезде, а там пересадка. И я отправился в путь, который опять оказался не без приключений. В купе моими соседями

оказались пожилые супруги, ехавшие в Вену работать в торгпредстве. Это сыграло положительную роль. А отрицательная заключалась в том, что меня в Вене никто не встретил, хотя договоренность такая была. И тут меня выручили встречающие моих соседей по купе Вадим и Татьяна. Они увезли меня к себе домой. Вадим (он тоже работал в торгпредстве) сразу же позвонил в Линц, долго разговаривал с кем-то, что-то доказывая, потом мы встретились с тем человеком, который должен был меня встретить. Короче говоря, мне пришлось ночевать у этой доброй семьи и на следующий день меня отправили в Линц. Там меня встретили и провезли сразу в гостиницу, показали комнату, очень маленькую, но на одного. Главное, что окно глядело на Дунай. Это было здорово!

Вечером я заглянул к другим делегатам конгресса на втором этаже, как узнал, они из Чехословакии и Польши. Среди них оказался коллекционер, хорошо говорящий по-русски. Он очень мне помог в общении с другими коллекционерами и художниками. К сожалению, рассказал он, почти все здесь присутствовавшие завтра будут вынуждены уехать, так как денег нет. Дня через два и он уехал домой.

На следующий день было открытие конгресса. После торжественной части состоялся осмотр главной выставки конгресса и обмен экслибрисами. Милые дамы, которые меня встречали на вокзале в Линце, вручили мне книги, каталоги конгресса, главной из которых был толстенный альбом с вклеенными оригинальными экслибрисами, изданный Артуром да Мота Миранда в Португалии. И ещё мне вручили памятный значок конгресса. Также рассказали, что все знаки, оттиски которых я послал Премшталлеру, они разобрали между собой и извинялись, что не могут платить много. Сразу же вручили мне деньги и имена владельцев, которые надо было награвировать. Резцы у меня

Экслибрис протодиакона Николая Воздвиженского

были взяты с собой, и я вечерами допозд-на резал в отеле. Я был счастлив, что всё так прекрасно обернулось для меня. Надо сказать, что я из России был один. Не знаю почему, удивляюсь до сих пор.

Однажды вдруг раздался приятный женский голос: «А кто это тут говорит по-русски?» Это оказалась художница из Испании Элфи Осиандер, с которой мы впоследствии много разговаривали, она оказывала мне помощь в общении с художниками и коллекционерами. Более всего был рад знакомству с Герардом Годаном из Бельгии, с которым мы потом до последних его дней поддерживали связь. Это был мой кумир, таким и остаётся до сих пор.

Конгресс продолжался всего три дня. Все мои новые друзья и старые, как, например, Ласло Надь из Венгрии, уехали, и я тоже стал готовиться к отъезду. Надо было купить подарки жене и детям, и я стал бродить по городу. Нашёл много интересного. Например, на улицах в разных местах стояли автоматы со жвачкой, которую я набрал с собой, у нас в СССР

ещё её не было. Нашёл хороший магазинчик грампластинок, где купил сыну Олегу несколько пластинок групп «АББА», «Бони М» и других, которых в Вологде было не купить тогда.

В Вене мы встретились с Вадимом, который помог мне купить ещё подарок всем нам - магнитофон-кассетник «Филлипс». У нас тогда такой техники, по-моему, тоже не было. Потом Вадим проводил меня на поезд. Так я оказался дома, полный впечатлений и надежд, что удастся попасть и на следующие конгрессы. Тогда я не знал, что попаду на Всемирный конгресс только через 18 лет, в Санкт-Петербург.

СНОВА ИНСТИТУТ

Ещё до поездки в Австрию я глубоко задумался о своей дальнейшей судьбе. И однажды как-то осмелился подать заявление о принятии в члены Союза художников. Мне дали рекомендации Анатолий Наговицын и Владислав Сергеев из Череповца. Владимир Николаевич Корбаков поддерживал меня в Москве. Тем не менее я не прошёл. Сказали, что нужно специальное художественное образование.

Вот тут-то я совсем опечалился. Уже в очередной раз был отчислен из института, в котором учиться совсем не хотелось, а стать членом СХ хотелось. Ведь иногда работу не брали на выставку, если автор не член СХ. И прочие привилегии существовали - закупка работ, например, да и мастерская бы не помешала.

Короче, написал я письмо в Кострому нашему декану Александру Ивановичу Бузину, объяснил всё. Он ответил, чтобы я приехал в институт: «И вместе пойдём к ректору». Восстановили меня тогда в последний раз. И вот в 1981 году я добрался до защиты диплома.

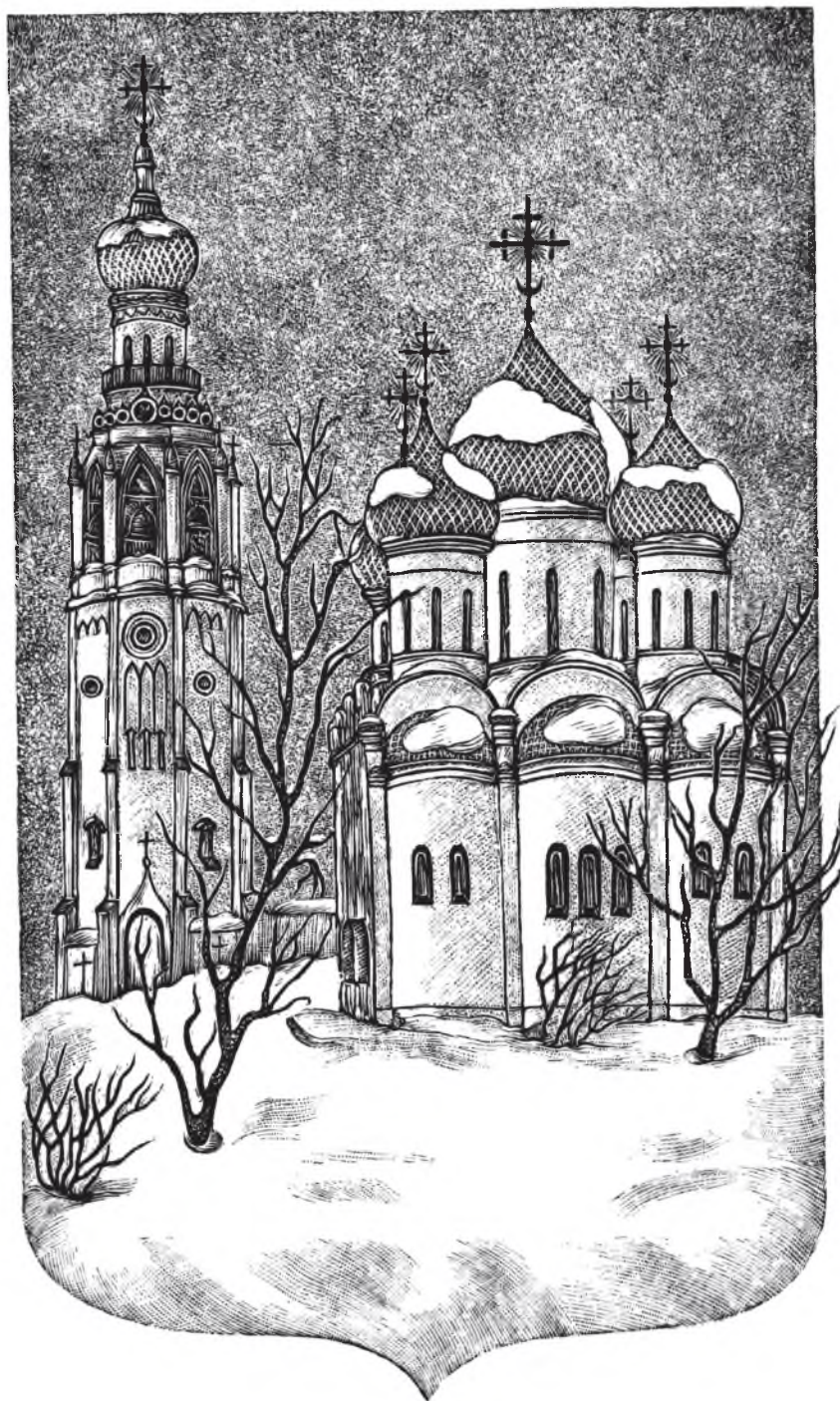
Мой диплом назывался «Книжный знак как вид графической композиции». Суть заключалась в книге-альбоме, где я

рассуждал не только о композиции, но и о важности развивать в ребенке творческую жилку на уроках рисования. Весь огромный текст был написан палочками из камыша, собранного мной в Пярну. Долго я тренировался, чтобы шрифт был красивым. И потом только взялся писать листы оригинала. Тщательно подбирал экслибрисы из своей коллекции в качестве иллюстраций к книге. Саша Смирнов, с которым мы вместе работали, помог мне переплести и оформить обложку. Получилось совсем даже неплохо. Кроме этой книжки, я подготовил несколько планшетов, на которых были мои рисунки, эскизы, книжные знаки - мои и известных мастеров мира из моей коллекции. На защите выступил А. И. Бузин, наш декан, он рассказал, что я был на Всемирном конгрессе в Австрии, о выставках моих. Я показал свои штихеля - резцы, которыми режу, и в итоге получил за диплом оценку «отлично».

Я ЖИЛ «ПРИ КОММУНИЗМЕ»

Как-то в Москве мне удалось купить небольшую книжечку, посвящённую дому творчества «Челюскинская». В ней рассказывалось, что этот дом творчества существует специально для художников-графиков, которые могут два месяца совершенно бесплатно питаться и жить в отдельной комнате, используя любые материалы и станки, и ни о чём не беспокоиться, кроме творчества. Тогда на титуле этой книжки я написал, что мечтаю побывать на этой даче.

И вот моя мечта сбылась. Вспоминаю, как мы добирались до «Челюскинской» с Генриеттой Бурмагиной 11 ноября 1982 года. А руководителем нашей группы гравёров был известный график Николай Иванович Калита, которого я знал по оформленным им книгам. Я восхищался его работами. Бесед с Николаем Ивано-

Храм Софии с колокольней. Гравюра на пластине

вичем, его обаяния никогда не забыть. Все мастера, с которыми посчастливилось там познакомиться, были преданы своему делу и работали буквально днём и ночью. А встречи с гостями: писателями, художниками, поэтами, историками, совместные рисования в студии и на этюдах, походы по окрестностям - всё давало импульсы для раздумий и новых идей. Мне судьба подарила счастье три раза побывать в этом гостеприимном доме, а в общей сложности полгода я пробыл в этом «коммунизме», как называли между собой жизнь в этом доме художники. И самыми ценными для меня были творческие беседы с художниками, или, как говорят, обмен опытом. Именно тогда я осмелился приступить к большеформатным гравюрам.

Нижний этаж главного здания весь был отдан печатным и травильным мастерским. Здесь можно было заниматься и литографией на камне, и офортом, и ксилографией, и линогравюрой. Были печатники, которые помогали печатать, если возникали проблемы. Короче говоря, для работы - всё необходимое. На складе можно было приобрести для работы различные материалы и инструменты: бумагу, уголь, сангину, пастель, фломастеры, карандаши, линолеум, краски... Самое ценное, что нигде не купишь, привозили мастера из Москвы: валики для печати, кусочки самшита, штихеля для гравирования и самые редкие инструменты для офорта. И всё это, надо сказать, было хорошего качества. И была небольшая библиотечка, в которую я любил иногда заглядывать. Ещё запомнилась экскурсия во Владимир и Суздаль. Это незабываемо! И каждый художник мог пригласить к себе на день-два близкого родственника. Только надо было написать заявление на имя директора, и гостю предоставляли питание, которое, кстати, было не хуже, чем на иных курортах. Так у меня в гостях побывали жена и дети. Ведь

Москва-то рядом, а это возможность посетить музеи, Красную площадь и другие значимые места.

Конечно, мы много работали, но и находили время для общения. А поводов для этого было достаточно. Однажды, например, Н. И. Калита привёз из своей коллекции много восхитительных японских гравюр и много о них рассказывал. Помню, как приезжал к нам из Питера Виталий Тамбовцев со своими прекрасными работами. Один вечер был посвящён художнику из Подмосковья, Владимиру Ивановичу Чуркину, который только что побывал в Сингапуре, показывал множество слайдов и увлекательно рассказывал удивительные вещи об этой богатой стране.

В первый мой заезд я познакомился с поэтом и художником Виктором Гончаровым. Он сочинил стихи для «Гимна «Челюскинцев». Эти слова были вытравлены в офорте Борисом Жutowским и отпечатаны, а музыку сочинил Евгений Вагин из Нижнего Тагила, тоже замечательный художник и человек. У него есть прекрасные цветные гравюры на пластике. Мы с ним вдвоём из всей группы гравировали на пластмассе, а потому сразу же стали своего рода единомышленниками. Кроме того, он хорошо играет на гитаре и поёт. Иногда мы отмечали чей-нибудь день рождения.

Зимой 1982 мы встречали Новый год. И столько событий случилось в этот заезд! Однажды Н. И. Калита приехал из Москвы, а он был членом правления СХ, и сообщил мне, что я принят в члены Союза. Это было для меня большим событием, и я устроил праздник, где мы также пели наш гимн. К сожалению, многих уже нет. Вспоминаю Юлия Берковского, который занимался продольной, или обрезающей, гравюрой и был настоящим мастером этой редкой техники. Будучи как-то у него в Москве, я увидел солидную коллекцию карт таро и тоже заразился их изучением на несколько лет.

Мы и сейчас поддерживаем связь с Николаем Домашенко, с Михаилом Верховланцевым. Было приятно, уезжая по домам, получать друг от друга в подарок одну или несколько работ. Со многими художниками мы потом переписывались, поздравляли с праздниками и радовали друг друга новыми небольшими работами. Я очень дорожу работами Александра Дурандина из Санкт-Петербурга и соседа по мастерской на «Челюхе» (как мы её называли) Геннадия Кунгурова из Владивостока. Он только на даче стал осваивать технику гравюры и добился таких результатов, что его на отчётной выставке порекомендовали принять в члены СХ. А какие офорты делал Володя Егоров из Апшеронска! Мы с ним ещё несколько лет поддерживали связь. Уверен, что все, кто побывал на творческой даче «Челюскинская», хранит в сердце своём самые тёплые о ней воспоминания.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Так, помню, называлась одна из картин Жоры Попова. Это программное произведение и очень личностное. Под впечатлением «Лада» В. И. Белова, и не только, у Попова стали рождаться одно за другим произведения на деревенскую тему. Если бы собрать все картины Попова и издать «Лад» В. Белова с ними в качестве иллюстраций, как было бы здорово!

А что сейчас творится в деревне? В Верховажском районе, где мы проводим лето, сначала закрыли клуб, потом школу, недавно закрыли почту, теперь грозятся закрыть магазин. Поля, где росли рожь и пшеница, зарастают бурьяном. Врача нет. Как бы ни болели бабушки, приходится терпеть и умирать без всякой «скорой помощи», которую неоткуда ждать. Жора Попов переживал всем сердцем за деревню. А он ещё был и прекрасным поэтом! Каждый день он работал, несмотря ни на что. Это был девиз его жизни.

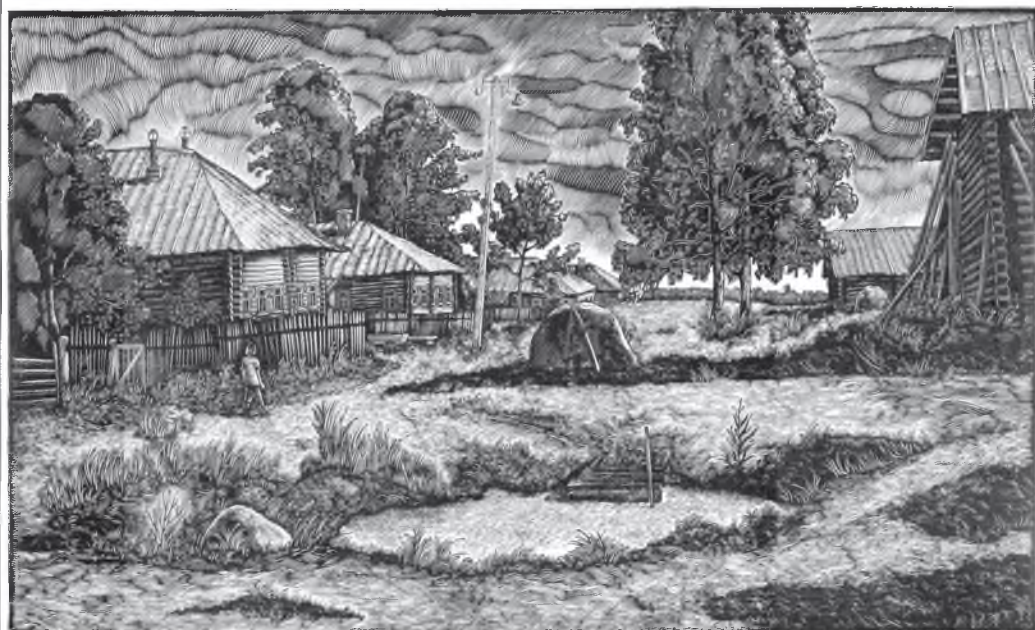
ПЕРВАЯ МАСТЕРСКАЯ

Я же слишком поздно пришёл к пониманию этого девиза. Одно дело выдумать для себя некий девиз - и совсем другое следовать этому девизу каждый день, **КАЖДЫЙ БОЖИЙ ДЕНЬ!**

И вот я в один из таких дней в своей комнатке, заваленной книгами, инструментами, подрамниками и разными другими вещами, вместо того, чтобы работать, в плохом настроении лежу на диване, что со мной случалось часто. И вдруг вспоминаю, что дня два - три назад мне сообщили, что на состоявшемся областном правлении Союза художников мне решили дать мастерскую. А чего я лежу? И пошёл я смотреть мастерскую, перевозить всё из дома. Это была не просто мастерская, а целый деревянный дом! Как я позднее узнал, дом приказчика купца. Находился он на Предтеченской, 12. Пришлось запастись дровами. Самая главная печь грела плохо, и когда я привёл мастера, он был очень удивлён. Я, говорит, таких дымоходов не видел ещё. Так по-настоящему исправить печь и не удалось.

Но работалось мне в мастерской хорошо. Я по-настоящему занялся коллекционированием экслибрисов и гравюр. У меня было много адресов коллекционеров и художников, и я решил всем отправить по бандероли. Языкового барьера у меня не было, так как писем я не писал, а просто посылал около десятка гравюр и знаков. И это срабатывало - за редким исключением. Бывало, за день получал около десятка бандеролей. И сразу же надо было отвечать. Поэтому около года ничем другим я и не занимался, но зато коллекция росла, и каждая бандероля мне доставляла истинное наслаждение. Конечно, кое-что я и гравировал, но проблему формата всё-таки не мог преодолеть.

В это время мне прислали из США Библию на русском языке. И когда не без

Пруд в Заречье. 1992

труда, но всё же одолел эту Книгу книг, понял для себя, что не нужно читать ничего больше, а только перечитывать и перечитывать Библию, открывая для себя всё новые и новые истины. Вспоминал маму, как она читала Псалтырь и плакала. Она понимала многое. А я, как тогда, так и сейчас, ничего не понимаю. Нет, я сейчас ближе к вере, к Богу, но критическая моя душа подвергала всё сомнению. Вспоминая всякие свои прегрешения, думаю: нет и не будет мне прощения ни от меня, ни от Бога.

Тогда меня ещё волновала судьба дома, в котором и посчастливилось мне работать. Вот бы, думаю, отремонтировать его, сделать в нём музей графики и экслибриса и студию графики. Студию мне удалось организовать, ко мне приходили ребята из ВГТУ. Но с домом всё больше было проблем. Главное, я понимал, что реставрацией или хотя бы ремонтом никто заниматься не будет. И тогда я решил покинуть этот дом.

МАСТЕРСКАЯ №2

А тут и случай подвернулся. Ян Крыжевский покидал Вологду, и мне дали его мастерскую, которую он занимал на Советском проспекте. Это была огромная мастерская, которую мне пришлось осваивать. Хорошо, что как раз мне из Москвы пришёл офортный станок, который я заказывал. Намеревался приспособить его для высокой печати, да и офортom хотел тогда заняться. Вспоминаю, как тяжеленные валы поднимали на 6-й этаж, а потом собирали этот станок, в чём очень помог мой друг Валерий Магарёв, который всегда приходил на помощь. И чего он только не делал! Кажется, в это же время он мне сделал целую серию валиков для печати. Было их не меньше пяти - и маленьких, и больших.

Валерий занимался макетами церквей, наличниками окон... Всё, что касается изделий из дерева, ему подвластно. А коллекционер он оказался всеядный. И чего он только не собирает: самовары

и дверные ручки, чайники, утюги, ключи и, разумеется, экслибрисы.

Но вернусь к своему станку. Потом было много мытарств с приспособлением офортного станка для высокой печати, на это примерно месяца два ушло. Это я уж делал один, с пробами и ошибками. Но в конце концов получились оттиски неплохие, и я был очень рад.

ЗАРЕЧЬЕ

Я уже упоминал несколько раз о деревне Заречье, которую мы посещали в детстве с родителями каждый год. Там жила мамина сестра Александра, и муж у неё был тоже Александр. Их фамилия - Смирновы. Дом у них большой, а хозяин был очень мастеровитый. Он делал сани, телеги, да чего он только не делал - всё, что нужно в сельском хозяйстве, он мог.

Но его главным увлечением были лодки-долблѐнки. Однажды на такой лодке он собрался на рыбалку и взял меня с собой, а мне было лет, наверно, шесть. Только, говорит, осторожней в лодке, сел - так сиди. Ловил он на дорожку. Но что-то не ловилось. Я говорю: «А дай мне, дедо, попробовать». Я звал его дедом, хотя он мне просто дядя. «Ну, - говорит, - валяй». Показал, как действовать с дорожкой, как закидывать. И я стал рыбачить. Закидывал блесну подальше, поглубже и крутил катушку как надо. И вдруг мне тяжело стало крутить. А дедо так незаметно улыбается себе в усы: «Наверно, щука крупная». У меня уже силёнок не хватает. Вот, думаю, какая щука! Дедо решил мне помочь. «Щука» вытянула нас почти к берегу, и мы вытащили огромную корягу. Дедо едва выковырял из этой коряги свою блесну, которой очень дорожил. Не помню, какой был у нас улов, но к рыбной ловле у меня интерес надолго пропал.

Первые воспоминания, связанные с рекой, - о том, как мы переправлялись

лодкой, такой широкой, через реку на тот берег. Народу набивалась полная лодка, и лодочник предупреждал, чтобы никто не шевелился. По-за бортом лодки до воды было сантиметров десять.

Потом сделали паром. Это уже был прогресс! Дом паромщика стоял рядом с рекой. Казалось бы, такой порядок навечно, но и паром просуществовал недолго. Ведь не только людей надо было перевозить, но и молоко и другие продукты сельского хозяйства. Мясо сдавали, да и магазин работал тогда, товар надо было завозить. Деревня была большая, и все излишки сдавались государству.

Река Двиница выше переправы делала большой изгиб, образуя своеобразный полуостров из трех деревень: Заречье, Ондроново и Мишаково. И колхоз, образованный из этих трёх деревень, назывался «Красный остров». Вспоминаю, что весной собирались мужики перед посевной и раздумывали, как обмануть власть, которая ещё не велела сеять, а сеять уже надо было. Долго они сидели.

Мы тогда приезжали в деревню в основном на православные праздники. Было много народу. В Заречье было до революции около 80 с лишним домов. На моей памяти ещё жива была деревня Мишаково. В каждом доме пекли пироги и варили пиво, а в некоторых умудрялись и самогон делать. По деревне ходили кругами, останавливались компанией, обязательно с гармонистом. И тут уж пляски, частушки... И редкий праздник обходился без драки. Всего страшнее, когда дрались деревня на деревню. Так и вспоминаются картины Жоры Попова, посвященные деревенским праздникам.

За деревней, как говорили - ближе к той реке (хотя река была та же самая, Двиница), располагались скотные дворы: коровник, телятник, конюшня. Недалеко от дома Смирновых по-за деревней была кузница, в которую я любил иногда заглядывать. Было

любопытно, как из красного огненного прутка получается круглая загогулина.

Помню, я уже подрастал, лет около 10 было, и завёл себе друга в Заречье. Звали его Костя, а я его Костюхой называл. Ещё вспоминаю, как с мамой ходили в лес за грибами, и она рассказывала, какие грибы съедобные, какие нет.

У меня в Заречье был ещё один дом родной, где жила семья Галины Александровны Сеничевой, дочери Александры и Александра Смирновых. У неё были сын Александр и дочь Соня. Я любил ходить к ним, иногда и ночевал у них на повити под пологом от комаров.

У Смирновых были ещё две дочери, старшая - Антонина Александровна, младшая - Таисия Александровна. Старшая жила тогда в Воркуте и каждый год приезжала на родину, любила ходить за грибами и без грибов никогда не возвращалась из лесу - потому что брала сыроежки, а их никто, кроме неё, не брал. О Тасе я уже писал. Она училась в Соколе в ФЗУ и часто заходила к нам.

КОМАРОВО

Кроме Заречья, у нас родственники были и в деревне Комарово, которая находилась на развилке дорог, ведущих в Замощье и в Марковское. Если налево свернуть, сразу будет деревня Турово, а дальше Подольное и Замощье, до которого и ходили автобусы. От Замощья мы уже шли пешком до Заречья.

Но если от развилки ехать дальше, то по правую руку сразу будет деревня Комарово, где жила моя тётя Юлия, мамина сестра. У неё много детей: Христина, Нина, Галина, Мария, Александр и Капитолина. Мы часто бывали и в Комарове. И они все почти бывали у нас в Соколе в маленькой нашей мансарде. Бывало, набиралось до десяти человек, и никто не был в обиде. Спасали широкие полаты, да и на печи

можно было спать. Мы спали на полу на соломенных тюфяках.

Нина всю жизнь проработала на почте. Галина работала в ателье, она была в Кадникове самой известной швеёй. Но потом по стечению обстоятельств перешла техничкой в музыкальную школу, где ей дали комнатку для проживания. Мария много лет жила в Воркуте, а потом приехала в Кадников и приобрела дом недалеко от музыкальной школы, где жила её сестра Галина. Я бывал у Галины несколько раз.

ЗАРЕЧЬЕ ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ

Так сложились обстоятельства, что я много лет, более десяти, не бывал в Заречье. И вот в 1966 году приехал в кадниковский музей по какому-то делу, зашёл к Галине, а она рассказала, что Соня Сеничева работает в Кадникове в пионерском лагере воспитателем. Я пришёл в пионерлагерь и нашёл Соню, которая мне и сообщила, что завтра в Заречье праздник, «Берег» называется. Помню праздник с детства, мы всегда старались в этот день приехать. Соня говорит, что через полчаса отправляется автобус до Замощья. «Поедем!» И мы поехали! Уже собирались гости. А на следующий день я встретил Костюху, и тут началось - пиво, самогон и прочее! Обошли полдеревни, наверно.

Я много фотографировал, все просили фотки прислать. Записывал адреса. Сфотографировал часовню, которая уже была без окон и дверей. Народ ходил по деревне с песнями, частушками и плясками. Но как-то было скучно, всё не то. И народу было намного меньше, чем в детские мои годы. А у меня идея снова заиграла: купить дом в деревне, и именно в Заречье. Утром приехал в Сокол - и встречаю сестру Зою на рынке: «Ты вот тут гуляешь, а жена у тебя сына родила». Я купил цветов - и в родильный дом. Это было событие! Ире

Часовня. 1999

было два года, и родился Олег. Мы были счастливы!

Но меня не отпускала моя идея. Через некоторое время поехал в Заречье. Там посоветовали мне дом Прозорова: хозяин, говорят, живёт в Соколе, продаст недорого. Я в Сокол, разыскал там Прозорова, едва с ним договорился. Надо было ехать в Замошье оформлять договор. Съездили, договор заключили. Дом мне достался действительно недорого: 100 рублей. Стал я дом изучать, а в нём даже свету не было. Купил счетчик, мужики помогли поставить его. Стол откуда-то принёс. Хламу всякого много пришлось выбрасывать. А куда выбрасывать? Пришлось вырыть яму для мусора и потом забрасывать её землёй.

Кстати, в огороде у Прозорова стоял колодец, в котором раньше была, говорят, самая вкусная вода в деревне. Он завален всяким мусором до самого верху. Но самое интересное, что в этом колодце был брошенный кем-то пистолет, о чём

также рассказывали мужики. Уж не знаю, легенда это или нет, но чистить колодец мне не хотелось. И вряд ли в нём оказалась бы хорошая вода. Кроме того, в огороде - сплошные пни и ивовые кустарники. Покорчевали мы с женой пни - и решили бросать это дело.

Пошёл я к Галине Александровне за советом. Она посоветовала сходить к сёстрам (забыл фамилию), у них два дома, может, какой-то продадут. Но они продавать отказались. Пошли мы с Галиной по деревне, она остановилась у высокого дома. Дом хороший, говорит, - может, и продадут? Только владелица живёт в Вологде. Едва я её разыскал в Вологде. Но сначала она отказалась продавать дом. Я сказал, что приду ещё, обещал заплатить, сколько скажет. Она и сказала на следующий раз: «700 рублей». Так я купил дом в деревне. Стали обустраиваться, знакомиться, хотя я был уже со многими знаком, но Лизе все были незнакомы. Правда, с соседкой Иларьей Сапареевой она сразу подружилась и каждый день её навещала. А двоюродная сестра моя Галина в то время уже жила в родительском доме. Родители, Смирновы, уже умерли. Мы к ней тоже ходили часто. Особенно нам нравилось приходить на пироги, которые, как и у мамы её Александры, были аппетитны и вкусны. После её пирогов мы целый день были сыты, и есть не хотелось.

Ещё была жива маленькая банька, срубленная дедом Александром, и мы ходили мыться в ней. Почему-то почти ни у кого не было бань. Неужели, думаю, до сих пор моются в печах? А печи у всех были действительно огромные, и я смутно припоминаю, как мыли меня в печи совсем маленького. Вообще-то баня из нашего окошка была видна, и неплохая вроде бы. Я долго любовался ею, знал, что хозяин жил в Замошье и иногда приходил проведать свой дом и баню. Однажды я осмелился и обратился к нему, он назвал

цену в 700 рублей. На том и кончился разговор. После его смерти я пошёл посмотреть баню: оказалась вся гнилая и сырая.

Но всё вроде складывалось хорошо. Валентина Туленкова давала нам молоко, иногда и сливочное. Лёня Зорин на лошади последней (больше не было) ездил в магазин и давал нам хлеба, иногда кое-что заказывали и другое. Сделал я парник, большой и удобный. Три яблони, черноплодная рябина, смородина красная, чёрная и белая, которая мне нравилась особенно, как виноград. И не забывал творить иногда. Сначала я сделал крыльцо, которое увидел именно зимой, когда пришёл смотреть дом. А однажды искал черёмуху, на которую забирались в детские годы. Какая крупная и вкусная черёмуха была! Той черёмухи не было, но сквозь забор я увидел колодец, а на заборе дырявое ведро. Ведро мне показалось неким символом уходящей деревни.

Эту гравюру я заканчивал на даче «Челюскинская». Долго смотрел на неё наш руководитель Николай Иванович Калита, а потом спросил: «Как ты будешь вырезать небо?» А я уже знал, как его вырезать. Только небо в этой гравюре мне и нравится, а остальное, особенно трава, очень плохо.

Однажды я забрёл на противоположный, южный край деревни и увидел дом бабы Зины, которая жила в Соколе и приезжала на лето в Заречье. Мне так понравился дом, что я быстро сделал с него набросок и побежал быстрее домой делать доску под гравюру. Мне не терпелось гравировать, пока свежа память, и я только добавил саму тётю Зину. А потом была многотрудная гравюра «Пруд».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС В ПИТЕРЕ

Как-то я случайно узнал про конгресс экслибриса в Санкт-Петербурге. Это было

в 1998 году. Вспомнил, как в 1984 году меня пригласил Ленинградский клуб книголюбов. Я тогда собрал всё, что было наработано, и отправился в Питер. Меня встретили Николай Кофанов и Вениамин Худолей, с которыми мы активно переписывались тогда. Народу на встречу со мной собралось много. Запомнилось выступление Андрея Ушина, который раскритиковал меня в пух и в прах. Я знал и любил творчество этого художника, но к такой критике не был готов. Мне всегда казалось, что сильнее самокритики ничего не может быть. Оказалось, может. Хотя всё было сказано справедливо. И тут за меня заступился Игорь Гаврилович Мямлин, известный искусствовед, мы с ним также давно переписывались. Он немного опоздал и, прежде всего, извинился, как истинный интеллигент, за не очень парадный вид (без галстука и в сапогах). Он, видимо, куда-то ездил на электричке за город.

Вспоминая эту поездку в Питер 1984 года, решил написать о своих нынешних проблемах Игорю Гавриловичу. Отвечая на его очередное письмо, рассказал, что очень хочу попасть на конгресс. Он великодушно пригласил меня к себе домой на время конгресса - «и никаких проблем». Так конгресс 1998 года стал для меня реальностью и вторым международным конгрессом - через 18 лет после австрийского. Хотя и на все предыдущие конгрессы я получал приглашения, но, увы, никак не мог выбраться. Я был счастлив и вдвойне счастлив гостеприимством Игоря Гавриловича и его жены. Президентом конгресса был Вениамин Худолей.

Открытие конгресса было несколько необычным. После коротких выступлений участники получили возможность посмотреть на станки печатные и даже получить консультации, увидеть практически, как это делается, - своего рода мастер-класс был проведен. Хороший был

издан каталог к конгрессу. Это уж личная заслуга В. Худолея. Конечно, ему многие помогали, но только он один знал, ЧТО и КАК. Была экскурсия в Петергоф. Все советовали съездить, да все и поехали. И действительно: Петергоф - это красота, это здорово! Фонтаны! И очень интересный рассказ экскурсовода! Это очень яркое впечатление от конгресса.

А ещё запомнилась встреча с Еленой Власовой, тогда, в 70-х, ещё Шутковой. Она начинала свою карьеру в Вологодской картинной галерее. Мы как-то часто пересекались по разным творческим вопросам. Она нашла меня, и мы долго с ней беседовали, как добрые старые знакомые. Она работает, оказывается, в Манеже, в редакционно-издательском отделе Центрального выставочного зала, где и проходил наш конгресс. В последний день конгресса мне повезло: удалось получить несколько заказов, и я поехал домой в хорошем настроении.

КОНГРЕСС В АМЕРИКЕ

После конгресса в Санкт-Петербурге мне захотелось и на следующем конгрессе побывать, который проводили в США, в Бостоне, в 2000 году. Вариантов не было, кроме одного: обратиться за помощью к губернатору области. Долго я не решался. Сочинял письмо Позгалёву. Надежды никакой не было, но всё-таки думал - а вдруг? И я пошёл в этот страшный дом. Мне посоветовали обратиться к Галине Николаевне Новосёловой. Выписали пропуск и указали номер кабинета. Я показал Галине Николаевне моё письмо Позгалёву. «Подождите здесь, - сказала она, - я сейчас». Мне показалось, что она ходила очень долго. И как только она вернулась, произнесла с восторгом: «Леонид Николаевич, разрешили!»

Я долго ещё не верил. Только когда летел в самолёте и смотрел в круглое

окошечко на облака, понял, что мы летим куда-то далеко. Была остановка во Франкфурте-на-Майне на 2,5 часа и пересадка на другой самолёт. А потом ещё 7 с лишним часов полёта.

Странности начались сразу же. Нас никто не встречал. На такси мы добрались до гостиницы, где должны были жить, и долго там ждали у входа. Наконец, нас стали размещать. Делегация наша была не маленькая. Похоже, что направили нас в самую дешёвую гостиницу. Наш номер - на четырёх человек с двумя двухъярусными кроватями, один стул, два торшера, верхнего света нет, стола нет. Очень тесно.

В Бостоне жили хорошие мои знакомые Файнберги, Татьяна и Клим, наши вологодские журналисты, а также их дети, Володя и Игорь. Мы в Вологде встречались частенько, даже справляли свадьбу Валерия Митрофанова в квартире Файнбергов. Жили Файнберги на Пролетарской, в двух кварталах от нас. И вот мне сообщили, что вчера ещё мне звонила Татьяна Файнберг. Я нашёл телефон-автомат и стал звонить. Татьяна сказала, что через час-полтора будет в нашей гостинице: «Будь готов!» Получил выговор - оказывается, она ещё вчера приезжала за мной. А мы с Шуваловым пошли гулять по городу. Дошли до парка, в котором оказалось множество уток, самые разные деревья, чистые газоны, по которым разрешается ходить и даже можно полежать. Я стал собирать вещи и вышел на крыльцо. Наконец, вижу - Татьяна идёт, совсем не изменилась. Издалека, увидев меня, помахала рукой, я тоже. Так я оказался в гостях у Файнбергов.

Но вернёмся к конгрессу, на который собралось 127 человек из 20 стран мира. В программе - более 10 экспозиций экслибриса и графики, самыми значительными из которых были: «Золотая эра американского экслибриса», «Мексиканский экслибрис», персональные выставки Эмиля Орлика и Транквилло Марангони,

итальянца, которого давно люблю. Экспозиция, посвящённая 200-летию нашего великого поэта А.С. Пушкина, была, конечно, в центре внимания. Нам она интересна тем, что в каталоге были описаны знаки трёх вологжан: А. Аверкиевой, Ю. Минакова из Череповца и Л. Щетнева. Наконец, главная выставка мирового художественного экслибриса как отчёт за два года от последнего конгресса в Санкт-Петербурге в 1998 году до нынешнего Бостона-2000. Она включила в себя очень много не только по количеству, но и замечательных по качеству произведений графического искусства, отображающих и культурные особенности, и национальный колорит, и разный душевный настрой, ярко окрашивающий индивидуальность каждого художника. На фоне этой огромной выставки и прошло открытие конгресса в Центральной публичной библиотеке Бостона. В программе проведения конгресса было много интересного, но для меня как художника прежде всего было дорого знакомство с выставками, с художниками разных стран, с коллекционерами экслибриса. Встретился со старыми знакомыми, с которыми познакомился ещё в 1980 году в Линце, на конгрессе экслибриса в Австрии. Это Клаус Рёдель из Дании, крупнейший собиратель экслибрисов и издатель книг, журналов, ежегодной библиографии по экслибрису. Радостной была встреча с Гуузом Виллемзенем из Голландии, с ним мы тоже познакомились в Австрии. Он собирает коллекцию экслибрисов с лошадьми. Им уже издано много каталогов, посвящённых именно лошадям и их изображению в экслибрисе. К моему творчеству особенно проявляли интерес китайцы и испанцы. Американец, автор эмблемы конгресса Р. Вагенер, заинтересовался материалом, на котором я режу гравюры, и долго вертел в руках штихеля, с которыми я работаю. Ещё познакомился я с Алексом Клевицким. Он живёт в

Бостоне 10 лет, приехал сюда из Одессы. На второй день он пригласил меня в кафе, где был шведский стол. Только за вход надо было заплатить 12,5 долларов и сиди хоть целый день и ешь, сколько сможешь. Алекс собирает автографы и очень любит творчество Григорьева, покупает изредка оригиналы и графики и живописи, иногда очень дорогие.

В один из дней мы договорились с Яхниним и Курисом с утра идти в художественный магазин, где продаются всякие принадлежности для художников. Такого огромного магазина я не ожидал увидеть. И чего там только нет: краски всякие, мольберты, этюдники, кисти, ручки, карандаши. Мы с Курисом купили пластик для обрезки бумаги. Валики неплохие были, но не с подшипниками. Сразу не купил, а второй раз в магазин не мог собраться. В последний день мы с Климом ездили к его сыновьям, Володе и Игорю. Живут они в собственных домах со всеми удобствами.

МАСТЕРСКАЯ № 3

И вот я опять в своей мастерской, за аренду которой вдруг так подняли цену, что у меня заболела голова. Пошёл в правление СХ, где мне предложили мастерскую в деревянном доме на улице Гончарной. Опять переезд, труднее всего было с офортным станком - хорошо, ребята помогли. Дом деревянный, большой, двухэтажный, не новый. Говорят, в нём было какое-то училище. Есть отопление, и это плюс. Познакомился с соседями: Юра Зотов, Борис Маракшин, Володя Бжезовский, Виктор Подгорный и другие. Иногда ходили в гости друг к другу. А однажды ко мне приехали на автобусе гости из деревни Замошье - школьники 4 - 8 классов во главе с преподавателями Светланой Рафаиловной и Игорем Геннадиевичем Глуховыми. Я им показал, с

чего начинается гравюра, то есть эскизы. Потом объяснил, как готовится досочка, и так далее - короче говоря, провел мастер-класс. Потом мы с ними печатали, а в заключение визита пили чай. Немного ранее все они приходили к нам в Заречье. Я их тогда угостил блинами с чаем и пригласил в мастерскую в Вологду, где пообещал показать и рассказать, как делается гравюра. Молодцы, приехали!

В той мастерской на Гончарной мне хорошо работалось, но, к сожалению, пришлось уезжать - опять же из-за того, что повысили аренду. Я успел отпраздновать в этой мастерской своё 60-летие и выход на пенсию. Был рад и счастлив тому, что буду получать каждый месяц - хоть и немного, но постоянно. Кому какое дело, что я всю жизнь нуждаюсь в деньгах. Ребята-художники подарили мне свои работы, за что очень им благодарен. И сейчас люблю их картинами!

ПОСЛЕДНЯЯ МАСТЕРСКАЯ

А куда уезжать? Денег таких нет, и впредь я платить не сумею.

Однажды как-то обратился к директору детской художественной школы Марине Юрьевне Черновой с предложением вести в школе гравюру. Напомнил, что вёл гравюру при директоре Ю. А. Баранове, и тогда дела шли неплохо. Многие вспоминали эти занятия. Встретились мы на каком-то вернисаже, и я Марине Юрьевне пожаловался, что лишился мастерской. Через какое-то время она предложила мне помещение в филиале «художки» в районе улицы Конева с условием вести занятия по гравюре.

Так началась моя жизнь в детской художественной школе. Надо было набирать ребят в студию. И здесь мне помогла Валентина Андреевна Лугинина. Как я рад был с ней встретиться снова, ведь на улице Мира у Баранова мы работали вместе,

давно это было. Именно от Валентины Андреевны приходило ребят больше, чем от других преподавателей. В первые же дни я задумал делать выставки графики из своих коллекций. Постепенно стал складываться проект передвижных выставок. Нужны были рамки, которые можно было изготовить за счёт тех организаций, где проводится выставка. И ещё одна идея: выпускать буклеты к каждой выставке. Эту идею мне помог осуществить Евгений Шиперов, а распечатывал я сам. Таким образом провели выставки не только в художественной школе, но и в Сокольском историческом музее, в Кадниковском историческом музее, в учебном центре «Мезон», в Верховажском историческом музее. Выставки небольшие, но очень интересные, и я проводил беседы по каждой выставке, а их - более десяти: «Графика России», «Зарубежная графика», «Обстоятельная графика», «Вологодская графика», «Стасис Красаускас» и другие. Люди специально приходили смотреть выставки, даже не зная, где эта школа находится. Звонили мне, я рассказывал, как найти школу, встречал их у автобуса.

И ещё сделала мини-выставку из трёх планшетов, где показал лучшие работы учеников. Это всем понравилось - и учащимся, и учителям. Были у меня две ученицы, которыми я гордился: Маша Щеникова и Вероника Ратникова. Маша занималась с первых дней, как я появился в «художке», пока не закончила школу. Много она вырезала хороших вещей, гравюр и экслибрисов. Вероника не так долго занималась у меня, но сразу усвоила суть гравюры, она умела творчески исполнить каждую маленькую гравюру. Однажды я ей предложил послать только что вырезанный ею экслибрис в Словению на международный конкурс графики. Как же мы радовались, когда получили сообщение, что работа Вероники завоевала приз и девочку приглашают получить этот

приз в Словению. Сначала они с мамой собирались ехать, но... не получилось, к сожалению. А у меня появилась ещё одна идея: отправлять работы своих учеников на выставки и конкурсы. Увы, вскоре пришлось мне уйти из школы: платить за арсенду было нечем.

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ЭКСЛИБРИСА В ДАНИИ

Конгресс в Дании в 2002 году проходил в маленьком городке Фридериксхавне, где и жил Клаус Рёдель, с которым мы много лет были знакомы. И от Копенгагена городок очень далеко, добираться до него надо на автобусе. На всём протяжении дорога оказалась отличная. Посередине дороги - барьер, который препятствовал столкновениям с встречным транспортом.

Самое яркое впечатление от конгресса - мастер-класс по каллиграфии. Такого арсенала ручек я не видывал: наверно, около 100 различных инструментов - от тончайших стальных и до широких фетровых. А вела мастер-класс супруга давно знакомого мне художника Франка Иво Ванн Дамма из Бельгии. Это было восхитительно! Много было знакомых, даже приехал из Австрии Оттмар Премшталлер, президент конгресса 1980 года в Линце.

Обмен экслибрисами проходил, как нам рассказали, в бывшей конюшне. Это большой зал с добротной каменной кладкой и высокими потолками. Ко мне редко кто подходил. Как я потом догадался, контакт со мной был очень затруднителен из-за полного моего незнания какого-нибудь языка, кроме русского. Заинтересовались работами только китайцы и японцы, но с ними тоже не удалось договориться. Потом долго рассматривала мои работы одна американка, коллекционер и художник. С ней обменялись работами.

В этом же 2002 году я был награждён знаком «За достижения в культуре».

В 2005 году состоялась моя персональная выставка в Вологодском представительстве в Москве. Тогда я познакомился с поэтессой Полиной Рожновой, первые книжки которой я читал ещё в Соколе, где она выросла. Ночевал я в мастерской Льва Дьяконицына. С ним мы знакомились ещё у Семёна Ивенского, он тогда тоже увлекался экслибрисом и писал о художниках статьи. Сейчас он известный искусствовед и художник.

В следующем 2006 году меня приняли в члены Английского общества гравёров. Вообще-то в это общество принимали только ксилографов, то есть гравёров по самшиту, но меня приняли в порядке исключения. Общество каждый год проводило выставки, в которых и я участвовал. Они издавали журнал по гравюре, где и мне удалось опубликовать несколько статей. Приглашали они меня в Лондон, но я никак не мог воспользоваться этим, к сожалению.

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО В ЗАРЕЧЬЕ. 2012 ГОД

В Заречье всё труднее стало добираться: от автобуса приходилось идти с полными рюкзаками за семь километров.... Да и деревня обезлюдела совсем. Умерла соседка Иларья, Фая умерла, к которой мы часто заходили. Сгорел телятник, это была целая трагедия. И через реку перебираться стало всё проблематичней.

Однажды весной мы пришли с Лизой на реку с автобуса и ждём перевозчика. Не видно никого. Река разлилась, никого на воде нет. Мы стали кричать что есть сил. Деревня далековато. Так мы ждали около часу. Долго я любовался на маленькую лодочку, которая тут в кустах лежала и, наконец, решился. На воду поставили её - вроде не течёт. Но она настолько мала, а у нас два тяжелых рюкзака. Нашли что-то вроде весла - так, доска какая-то.

Поехали! Кое-как проехали метров 15, но стоило немного пошевелинуться, как лодка опрокинулась и мы оказались в воде. К счастью, ещё не доехали до русла реки. Лизу я проводил до недалёкой берёзки, а воды по пояс. Давай опять кричать. Минут 15, если не больше, мы кричали. Рюкзаки замочили, Лиза дрожит от ледяной воды. Наконец, видим: кто-то на лодке пробирается на том берегу. Это Мишка Крохинов тогда перевозил: «Вы чего тут, купаетесь?» Да, говорим, купаемся. Едва отогрелись у соседей на печке.

И решили мы заканчивать с этим Заречьем. Справили день рождения Лизы, приглашали всех - и с Замошья, и с Заречья. Народу набралось много, было весело, и все пели, плясали.

Стали готовиться к отъезду. Каждое лето мы приезжали в Заречье, и все деревенские за двадцать лет стали нам как родные. За это время накопилось столько всяческого нужного богатства, что мы едва толку давали, как бы хоть что-то увезти отсюда. Для меня, конечно, важны были, прежде всего, книги и прочие мои богатства: этюдники, краски, рамки...

МЫ ЖИЛИ В СИБИРИ

Осенью этого же года мы переехали в верховажскую деревню Бирючевскую. Это было безумием! За такую даль! Около 300 километров! Но дом вроде неплохой, и Лариса всегда во всём помогала: и материально, и поездками. Нам нравилось, что есть баня, колодец, дровяники и для меня мастерская, которая получилась очень даже хорошей. И веранда, и газовый баллон большой. Магазин в следующей деревне Елисеевской - около километра по дороге. В Заречье ничего подобного не было. Деревня Елисеевская считается «столицей Сибири». А Сибирью называют, видимо, потому, что здесь был Сибирский сельсовет. И много чего было: клуб, школа,

библиотека, здравпункт. Теперь этого ничего нет. Я любил покупать местную газету, брал и центральные газеты, платили за электричество, за мобильники, кое-чего покупали из продуктов. И всё это на почте. Клуб давно прикрыли, врача не стало.

Правда, работать я мог только летом в мастерской. Несколько лет так оно и было. А потом здоровье стало пошаливать; не только работать, но и просто приехать в эту деревеньку стало затруднительно. Да и ехать туда в силу вышеперечисленных обстоятельств нет желания. А в деревню хочется всё равно! Потому что там воздух, там душа отдыхает! И ничто и никто не отвлекает, никакой суеты! Задумал что-то делать, и делай!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

А нужно ли оно? За деревню обидно! И за молодое поколение талантливых графиков тоже. Я уже упоминал о Евгении Шиперове и Эдуарде Фролове. А есть ещё Николай Стрельников, работы которого мне очень нравятся, есть Володя Лупандин, Ярослав Макаров, очень много и активно работающий художник, участвующий во многих выставках у нас в России и за рубежом. Только вот искусствоведы на них почему-то не обращают внимания, а они уже достойны, на мой взгляд, стать членами Союза художников России.

В те далёкие годы я провёл несколько выставок «Вологодской графики». Потом с таким же названием прошла выставка в Москве. О Вологде стали говорить как о своеобразном истинном центре графики, отличном от других. И это было действительно так. Хотелось бы увидеть внушительный альбом вологодской графики - думаю, это сделать в нынешние времена не так уж и сложно, было бы желание.

А время графики, я верю, ещё придёт. И то, чего достигли художники 1960-1970-х годов, не должно предаться забвению.

Александр Конт и его судьба

Встречи случайными не бывают. Каждый встретившийся с нами - событие, если внимательно всмотреться, вслушаться. Живет рядом человек, видим его каждый день, а много ли о нём знаем? А бывают встречи - не просто событие, а подарок судьбы.

Таким даром стал для меня Александр Петрович Конт. Вот как он сам рассказывал о себе в октябре 2017 года, когда писал «Штрихи биографии».

«Родился 15 июля 1926 года в Тверской области в семье выходцев из Прибалтики.

С 1931 года, вследствие репрессированных родителей, воспитывался у бабушки по отцовской линии и у младшего брата отца - школьного учителя.

В 1936 году дядя умер от туберкулёза. Вторично оставшись без опеки, со следующего года воспитывался в казённых учреждениях - побывал в пяти детдомах и приёмниках.

В 1940 году, по окончании семилетки, в 14-летнем возрасте был выпущен из Юношеского детского дома (Грязовецкий район) без чьей-либо заботы о моём будущем».

Скупые строки, за которыми таится у 14-летнего парнишки такой громадный багаж жизненной опытности - иному и к старости столько не пережить.

«Дед мой Юхан (Иван) Конт, выходец из Эстонии, в конце XIX века вместе с молодой женой Марией, моей бабушкой, перебрался в Россию и в Тверской губернии близ села Шапкино приобрёл надел земли. К двадцатым годам прошлого века создал крепкое крестьянское хозяйство, но вскоре был убит грабителями. Продолжил семейное дело вернувшийся из армии старший сын, мой отец Конт Петр Иванович. В 1930 году в хозяйстве было 12 дойных коров, две лошади, немало другой более мелкой живности, сельхозтехника. Хозяйство

Александр Петрович Конт

выгодно отличалось от других подворий в деревне. Будучи единственным мужчиной в семье, в помощь себе на лето нанимал работника. Это-то и стало главным мотивом для раскулачивания и высылки в административном порядке. В те годы одновременно с ликвидацией кулачества интенсивно-принудительно проводилась коллективизация сельского хозяйства.

Парадокс в том, что в деревне Шапкино до официальной коллективизации уже был кооператив по производству молочной продукции, созданный по инициативе отца. Как более грамотный, вёл он в нем всю бухгалтерию и канцелярию и, по сути, мог бы быть полезен для создаваемой новой формы коллективного хозяйства. Но не тут-то было. В 1931 году произошло раскулачивание. Отобрали все. Лишь с запасом еды на несколько дней да узлами ручной кладки специальным товарным эшелоном отправили на Урал и там, в глухой тайге, высадили на берег реки Яйва, где создавался поселок леспромхоза. Тяготы таёжной жизни в подробностях не помню, но выжили мы с сестрой-близняшкой лишь потому, что вскоре взял нас на воспитание младший брат отца Александр Иванович - дядя Аля, сам еще довольно юного возраста, только что окончивший педучилище и назначенный заведующим сельской начальной школы. Дядя Аля был холостым и проживал вместе с бабушкой на родине в Тверской области. Из родившихся в ссылке двух сестёр одна умерла в пятилетнем возрасте, вторая - выжила, но на всю жизнь осталась с проблемным здоровьем. Не касаясь отчаянного состояния семьи, расскажу о хронологии личной трагедии отца: в 1931 году раскулачен и выслан с места проживания. 30 декабря 1937 года арестован в городе Соликамске. 7 февраля 1938 года постановлением внесудебного органа «двойки» приговорён к высшей мере наказания. 10 марта 1938 года расстрелян в Свердловске в возрасте 42 лет. Официально смерть в органах ЗАГС по моему запросу зарегистрирована лишь в 1997 году. По первому случаю репрессий реабилитирован в 1991 году, по второму - в 1958 году. Похоронен на мемориальном кладбище близ Екатеринбургa в числе 18,5 тысячи расстрелянных жертв политических репрессий. Побывала на месте упокоения отца лишь моя сестра

Ангелина 17 июня 2000 года в день освящения Мемориала.

Прожил я в общей сложности с родителями около шести лет, затем пять лет - у дяди с бабушкой. В 1938 году судьба бросила меня в казённые детские воспитательные учреждения. Впечатления от первого моего детприемника в Усолье на Урале - ошеломляющее. Представьте мальчишку «с беспривязным содержанием» и не очень-то управляемым поведением, оказавшимся за высоким забором с колючей проволокой, крепкими охранниками у ворот, с суровым угрюмым персоналом. Угнетающая атмосфера давила на обитателей, не слышно было детского смеха, молча завтракали, обедали, ужинали, каждый замкнулся и переживал по-своему. Видимо, такой «порядок» мало чем отличался от других исправительных учреждений НКВД, которому в то время принадлежали детские приёмники. С каким-то мальчишкой постарше меня начали обдумывать возможность побега. Но вскоре в составе небольшой группы воспитанников в сопровождении охранника был перевезён в Свердловск, кстати, повторив путь отца. На несколько дней там задержались в старинном особнячке в центре города, а затем нас перевели в огромный детприемник-распределитель на берегу реки Исеть. По периметру просторного пустыря, огороженного высоким забором, стояло несколько корпусов, заполненных детьми. В одном из них, приземистом барачного типа, почему-то его именовали «особый», я и оказался. Впрочем, в «особом» были более благоприятные условия для проживания и лучше питание, нежели в других корпусах. С чего бы это - непонятно. Не успели обжиться на новом месте, как группу из 12 воспитанников с сопровождающей посадили на поезд Свердловск - Ленинград. Пункт назначения - неведомая Вологда. Ехали более суток, унылое состояние сменилось положительными

дорожными впечатлениями, перезнакомились. Запомнились сестры-близнецы полячки Грюнвальд, украинец Филин - сын военного, китаец Ора Янчунжан, брат и сестра Петровы - все осиротевшие в результате репрессий родителей.

Ранним солнечным утром прибыли в Вологду. Побросав нехитрые свои пожитки на встречающую нас подводку, по бульжным мостовым Набережной Свободы (ул. Мира) и улицы Чернышевского гурьбой двинулись к месту нового обитания. Отшагали пешком километров 15 по пыльному Кирилловскому тракту, у деревни Дубровское свернули в сторону и вскоре увидели белоснежную ограду и храмовые постройки Заоникиевского монастыря. Приуныли - опять высокие заборы. Но ворота у этой ограды, оказывается, не закрывались, полотна беспомощно висели на неисправных петлях и запорах. Отлегло. У входа примитивная вывеска: «Первомайский детский дом Вологодского облоно».

«Красный Север» в 2008 году опубликовал письмо А. П. Конта под заголовком «Не храним красоту», где Александр Петрович с теплым чувством вспоминает о том времени.

«Главный монастырский храм в то время особо не пострадал, в приделе его была дизельная электростанция, а в самом храме - что-то вроде столярной мастерской, доступ куда был свободен. И вот мы, мальчишки, забегая иногда туда по своим делам, сразу затихали, зачарованно подолгу рассматривали росписи сводов и стен храма. Содержание живописи мы не очень понимали, но поражали её великолепие, яркость красок. Эти впечатления, видимо, и породили в наших бесшабашных душах тягу к прекрасному. Многие из нас стали по клеточкам воспроизводить понравившиеся картинки. Ватмана у нас, конечно, не было, и мы использовали предвзвешенно отшлифованную фанеру.

После высоких заборов и колючей про-

волоки детских приемников нами было положительно оценено здешнее «беспривязное» содержание. Нас пересчитывали по головам лишь на утренней и вечерней линейках, в остальное время, за исключением редких коллективных мероприятий, - полная свобода. Нам не составляло никакого труда самостоятельно сбежать в Вологду, поглазеть на городскую жизнь (автобусного сообщения тогда не было), сходить километров за семь-восемь в сторону Кубенского озера искупаться на Пучкасе или в лес за ягодами. Лазили по скрипучим ветхим лестницам к монастырским колоколам, куда не рисковал добраться ни один воспитатель, корзинами ловили в прудах карасей (в качестве приманки использовали хлеб, за что нам крепко доставалось от директора детдома Моисеева). Этот факт возымел свое действие: по сей день я не могу выкинуть корку хлеба в мусорку.

Не сковывалось и наше более полезное творчество. Сами мастерили себе игрушки. Мальчишки столярничали. Девчонки шили, плели, помогали на кухне и в столовой.

Питание было хорошее. Отношение воспитателей и воспитанников друг к другу - благожелательное. Не помню конфликтов нашей «вольницы» и с местным населением, хотя не исключались и набеги на окрестные сады-огороды.

Школа-семилетка располагалась в одном из зданий монастыря, где учились и детдомовцы, и деревенские ребята. Запомнился забавный случай на уроке немецкого языка. Предмет этот вела старушка-немка (в нашем понимании старушка) Кетти Карловна, плохо говорившая по-русски, но очень удивлявшаяся, почему мы не можем изъясняться по-немецки. Моим соседом по парте был мальчишка Механиков, прибывший в детдом из армии в связи с ликвидацией там института полковых воспитанников. Он

был одет в красноармейскую гимнастерку с петлицами. Какая-то шалость соседа вывела из себя Кетти Карловну:

- Механикофф, фитти класса!

Тот на окрик никак не отреагировал. Тогда возмущенная учительница подошла к нашей парте и решила сама вывести нарушителя из класса. Схватила рукой за ворот гимнастерки. А там, с внутренней стороны ворота, под петлицей была иголка с намотанной на нее ниткой на случай мелкого ремонта обмундирования, как и положено красноармейцу. Иголка вонзилась в пальцы учительницы. Взвизгнув от боли, она закричала: «Покушение на учителя, к директору!» Чем это кончилось для Механикова, не помню. Одно ясно - познаниями немецкого мы не отличались».

Только через 70 лет Александр Петрович вновь увидит стены Заоникиевского монастыря совсем другими глазами:

«Главный храм находится в удручающем состоянии. Купола, куда мы уединялись от взоров воспитателей, отсутствуют, вместо них в сводах зияют огромные дыры. Стены полуразрушены, на них кое-где просматриваются остатки фресок. Шлаком от козегарки, находящейся в приделе, всё завалено внутри и снаружи. Монастырская ограда и башенки беспрепятственно помаленьку разбираются и растаскиваются, подтверждение чему - там и сям стоящие стопки заготовленного монастырского кирпича. Вот так, в течение одного поколения, уже после эпохи воинствующего атеизма, на глазах местных властей и населения рушится былое великолепие. Храмовые и монастырские сооружения всегда отличаются от мирских построек своей красотой, неповторимостью, оживляют города и сельские пейзажи. Даже только из-за этого надо было их сохранить. Ведь не представляем мы сейчас Санкт-Петербург без шпиля Петропавловской крепости и Исаакиевского собора,

Париж - без Эйфелевой башни. Полуразрушенные афинский Акрополь и римский Колизей строжайше охраняются государством. Как-то услышал постулат: «Смысл жизни - в приращении красоты». Если не можем её сейчас прирастить, так хотя бы сохранить созданную пращурами красоту мы обязаны. Так пусть наши полуразрушенные храмы остаются до лучшей поры в неприкосновенности местными «колизеями». Для этого, видимо, требуется более системное признание за этими сооружениями. Что касается Заоникиевского монастыря, то ещё в канун его 400-летия в 1987 году районными властями ставился вопрос перед облисполкомом о его государственной охране, но это не изменило судьбу монастыря. А жаль. Вот такие впечатления и мысли возникли при посещении монастыря моего детства».

Как интересны наблюдения 12-летнего подростка за людьми и событиями того времени! Они отражают состояние его души, которая впитывала, как губка, всё доброе и жизнеутверждающее, необходимое как строительный материал для духовного стержня. Этого человека хочется назвать героем нашего времени. Сколько тепла в воспоминаниях о медичке Груше, которая посвятила парнишке целый день своей заботы и внимания, когда после неудачного кульбита с лошади с переломом руки он побывал с медсестрой в Вологде, где мальчишке наложили гипс. Карусели в парке ВРЗ. Обед в ресторане «Золотой якорь». Подарки: краски и еще что-то для рисования. И белый пароход на реке, увиденный впервые. Так судьба приоткрыла будущее: вся жизнь А. П. Конта будет связана с Сухонским пароходством.

И о чем бы ни говорил Александр Петрович, он ни разу ни о ком не сказал плохо. Память его хранит то, что впитывала детская душа, что потом будет ее формировать. Как учил директор уважать

Ирина Цветкова на передачу «Утренний гость» пригласила Александра Петровича Конта и Светлану Юрьевну Василенко. Вспоминали Заоникиеву пустынь...

и ценить чужой труд, как заботлива была медсестра. Даже отношение к животным - это тоже из Заоникиева. После трудовой колонии для беспризорников детдом унаследовал лошадей, замученных и тощих, как одры. Очутившись в заботливых руках директора, конюха, мальчишек, они быстро оправались и уже более походили на кавалерийских коней.

«Опускаю подробности проживания в этом детском доме. Отмечу лишь, что под руководством директора Моисеева там были налажены приличный быт, добротное питание, царили доброжелательность воспитателей и лад между воспитанниками. Такие условия смягчили тягостное состояние, вроде бы всё налажилось. Но через год, в 1939-м, помещения монастыря потребовались то ли для размещения пленных поляков, то ли для военных, намеренных вблизи строить аэродром. Так или иначе, детдом расформировали. В результате я оказался в Юношеском детском доме, что в Грязовецком

районе. Он тоже был в монастыре, на берегу реки Нурма. Чудесная природа, речка, подпертая мельничной плотиной, чего не было в Заоникиеве, только бы радоваться. Но все это омрачалось чёрствостью и равнодушием персонала, разобщённостью воспитанников. В детском коллективе не было никакого спортивного и игрового инвентаря. Сами, как могли, мастерили примитивные лыжи, коньки, ледянки. Кормили нас откровенно, потому шастали по огородам и закромам, летом рыбачили, ловили раков. Запомнилась ежедневная на завтрак жидкая-жидкая, с синеватым оттенком, манная каша, сваренная на воде. После этого долгие годы не мог я смотреть даже на добротню приготовленную манку.

Не знаю, чем мы, несколько мальчишек, приглянулись воспитательнице Агрипине Бодровой. Она иногда тайком, обычно после ужина, подкармливала нас какими-то заранее припасёнными столовскими остатками. А вообще-то любимчиком в детдоме быть не следует - «заклюют» лишённые такого же внимания сверстники. На всех и на каждого в отдельности никакой любви не хватит. И жалеть приютского, в особенности принародно, тоже не стоит.

В 1940-м, на четырнадцатом году своей жизни, закончил я в Юношеском семилетку. Дальше в то время в детдоме пребывать не полагалось. И поныне удивляет меня равнодушие руководства родного приюта. В конце августа, в преддверии осени, выпустили меня даже без верхней одежды. Не нашлось, видите ли, в учреждении пальтишка или фуфайки, будто бы не знали, что потребуется. Все моё выпускное приданое состояло из двух пар белья да коричневого в клеточку костюмчика. В кармане свидетельство об окончании школы, справка от детдома да 60 рублей выходного пособия (минимальная зарплата тогда была примерно 180 рублей). Не

было свидетельства о рождении - документа, удостоверяющего личность несовершеннолетнего, что в дальнейшем сразу же вызвало проблемы. Никаких напутствий и ориентиров на дальнейшую жизнь никто дать не удосужился, не поинтересовались моими намерениями. Так я и отправился во взрослую жизнь из детства в отрочество пешим ходом до Грязовца и далее поездом до совершенно чужой Вологды. Опущу, где и как обитал в течение месяца, пытался устроиться на учёбу в незнакомом городе. Вотчаянно хватило даже ума обратиться за помощью в областной отдел народного образования облисполкома на улице Ленина. Но всё тщетно. Запомнились лишь отрешённые лица тёток-чиновниц да гулкие длинные коридоры этого учреждения. Видимо, и им не понравилось моё социальное происхождение.

Правдами и неправдами, изменив под условия приёма в своей детдомовской справке возраст до 16 лет, к 1 октября я все же поступил в школу речного ученичества - ШРУ. Через два месяца ШРУ было преобразовано в ремесленное училище РРУ-3, где учащиеся были на полном государственном обеспечении. Это училище и стало соломинкой, ухватившись за которую, остался я на плаву и преуспел в дальнейшей жизни.

Начавшаяся через год война уравнила в тяготах и безотцовщине практически всё детское поколение того времени. Но дети репрессированных родителей в полной мере свою долю трагедии и несправедливостей познали значительно раньше и по сути, и по закону были наказаны по политическим мотивам чуть ли не с пелёнок. В частности, мы с сестрёнкой-близнецом репрессированы и позднее официально реабилитированы с пятилетнего возраста, а младшая сестра - со дня рождения в 1931 году. А репрессии - это не только пятно в биографии, но и всяческие негласные ограничения в жизни.

В 1941 году войну встретил практикантом парохода «Авиатор». Вскоре часть команды была призвана на фронт, а меня произвели в матросы. Следующие три навигации работал рулевым, а затем четыре года вторым и первым штурманом буксирных пароходов «Капустин», «Турк-сиб», «Псков».

В августе 1949 года переведён в судоходную инспекцию Вологодского участка на должность инспектора. Через два года, в 1951 году, назначен руководителем этой участковой инспекции.

В 1969 году занял должность заместителя начальника Судоходной инспекции Северного бассейна по Сухонскому пароходству с местонахождением в Вологде.

В 1988 году по возрасту подал в отставку и ещё восемь лет проработал в инспекции на разных должностях.

В Заоникиевой пустыни. Александр Петрович Конт и насельник обители иеромонах Маркелл

Прошёл все ступени профессионального образования. Помимо РРУ-З, учился на трёхмесячных курсах помощников капитана, окончил 1,5-годичную школу командного состава при Великоустюгском речном училище, заочно получил аттестат зрелости, заочно же окончил Ленинградское речное училище и Ленинградский институт инженеров водного транспорта.

Государственные награды: медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда» и другие, в том числе юбилейные, всего 11 штук.

Многочисленные поощрения от министра речного флота и областных властей, в том числе дважды «Отличник речного флота».

Остаюсь неравнодушен к настоящему, прошлому, да и к будущему тоже, особенно к истории судоходства на Сухоне. Делюсь своими воспоминаниями, расширяю свои познания в этом через литературу и Интернет. Постоянно выписываю газету «Красный Север» и «АиФ», приобретаю книги на исторические темы.

В последние годы только в областной газете «Красный Север» опубликовано свыше 30 моих писем и статей на различные темы.

Поскольку круг сверстников, в силу возраста, неумолимо сокращается, ценю всякое общение с интересными людьми.

Вот так о себе: сухо, по-военному кратко, по-эстонски немногословно. Он не выглядит на свои 95. Лет 25 спокойно можно сбросить. Ежедневно в любую погоду гуляет. В день записи на радио воспользовался тросточкой, только когда стал подниматься на третий этаж по высоким ступеням. Фигура крепкая, ладная. Очками не пользуется. С малознакомыми его лицо и глаза как бы не общаются, некая дистанцированность и разведка: сей-

Вместе с Александром Петровичем в пустыни побывала петербурженка Ольга Леонидовна Урванова, мастер по ремонту скрипок. Её отец тоже был в Заоникиевском детдоме, учился с Александром в одном классе. Дочь об отце ничего не знала, тот рано умер, и Александр Петрович помог Ольге Леонидовне прояснить некоторые факты отцовской биографии

час я тебя просканирую. Но в разговоре с родственными душами ему «забрало» мешает, и видишь, что он человек открытый, с добрым юмором, внимательный и всегда готовый на помощь.

Думалось: в чем секрет его долгожительства, активности, прекрасной памяти, гибкости ума, юношеской заинтересованности в окружающей его жизни? Даже не спрашивала. Ответил сам. Он вообще с лету всё глазами в тебе читает. Очень часто слышала от него: «Я должен... Это мой долг...» И стало ясно: он в ответе за всё, что происходит. Он должен написать воспоминания о каждом человеке, кто был ему знаком и прошел войну, будь то на фронте или в тылу. Он должен сдвинуть вяжущее чиновничье равнодушие и наплева-

тельское отношение к людям и их заботам, что топит всякое живое движение и слово в бездеятельном и согласном кивании «премудрыми властными главами» в ответ на его многолетние старания добиться создания на Вологодчине музея речного судоходства. Его статьи: об императоре Петре, о героическом труде людей, связанных с речным флотом, о войне, об удивительных перспективах, положительной динамике и доходности туристического и музейного дела при необходимых заботах и финансовой поддержке власть предержащих, и об убогости музейных реалий при нынешнем, по сути, вредительском отношении к своей истории и культуре - заставляют испытывать боль и стыд, понуждают встать с ним рядом и помогать добиваться того, на что тратит этот человек столько последних сил и лет своей жизни. Недаром его знают «все водоплавающие». Несмотря на то, что он по своей службе был на Сухонском пароходстве тем, кем являются работники ГИБДД для водителей, но его компетентность, такт, справедливость, мягкая, но твердая настойчивость никогда не создавали почву для раздражения и сопротивления в отношениях с ним.

И главное - он оптимист. Он верит в людей, в добро, умеет мечтать и воплощать мечты в жизнь. И не только свои. Он и сейчас для кого-то очень важен и нужен. Нужен со своим музеем. С идеей

встретиться с бывшими воспитанниками Заоникиевского Первомайского детского дома или их родственниками. Со своим строгим отношением к себе (после радиопрограммы заявил, что совсем не удовлетворен своим выступлением, хотя никто не понял, почему он так решил). Он нужен с внимательным взглядом на жизнь, решительным стремлением изменить к лучшему то, что нужно изменить на благо людей, страны. Нужен, чтобы быть живым примером того, как в самых тяжелых условиях жизни остаться достойным человеком. Он говорит и пишет о том, что еще совсем недавно держалось при последнем издыхании: долге, чести, исторической памяти, сохранении красоты, уважении к труду и труженику, о доблести, заботе о детях, стариках и болящих, о совести.

Я думаю: мне очень повезло, что встретила с ним. Десять лет назад впервые прочла его статью в газете. Не раз делала попытку найти, встретиться. И только совсем недавно это удалось. Я рассказываю о нем детворе. И теперь, когда в сердцах начинаю «пылить», молодежь, улыбаясь, шутит: «Ай-ай-ай! Видел бы тебя сейчас Александр Петрович Конт!» Весь мой пыл в один миг пропадает, а на душе становится легко и спокойно. Так бывает, когда уверен, что всё будет хорошо.

Светлана ВАСИЛЕНКО

Откровенный разговор

о поэзии, школе, страхах и победах

В окружении книжных полок филиала Вологодской областной библиотеки на улице Конева мы встретились и побеседовали с Ириной Леонидовной Кемаковой, членом Союза писателей России, автором трех поэтических книг.

Ирина Кемакова в гостях у областной универсальной научной библиотеки во второй раз (о первой встрече с вологжанами «Вологодский ЛАД» рассказывал в номере 1(37) за 2019 год). Тогда, выступая перед вологжанами, Ирина Леонидовна обещала вернуться с новыми стихами, и нынешняя встреча планировалась как публичная, но, ввиду объективных обстоятельств, стала приватной, камерной, но, что примечательно, не менее интересной. Ирина открыта, легко позволяет заглянуть на творческую «кухню» поэта. Живёт Ирина Леонидовна Кемакова в живописном селе Кречетове Каргопольского района Архангельской области. В ее деревне всё ещё стоит каменный тройник (зимняя и летняя церкви и колокольня), их на Севере осталось совсем немного. Когда-то жители выкопали яму, добывая глину для строительства храмов, и чудесным образом получилось озеро - забили на дне родники.

Работает Ирина в школе - той самой, где училась сама, где уже 28 лет учит детей русскому языку и литературе. Земляки стихи Ирины Кемаковой знают: «Вон даже у меня муж, который книги в руки со школы не брал, твою прочитал от корки до корки!» Приятно узнавать в строчках стихов соседей и родственников, открывая красивую, новую книгу...

Ирина Кемакова приезжает в Вологду с радостью, и вологжане с радостью слушают ее стихи, читают книги Ирины...

Книг у Ирины пока три (издательство «Лоция» издаёт со вкусом, оформляет их Надежда Старицына, односельчанка и ученица Ирины). Самую первую - «Вот так и жить» - Ирина в этот приезд подарила областной универсальной библиотеке, а вот третью, «Книгу осени», называет своим лирическим дневником: «Это я и есть!» Предваряя вопросы читателей (она вообще умеет многое предварять и делает всё быстро, чётко - сказывается семейная трудовая школа, где дед - председатель сельсовета, а бабушка - председатель колхоза) рассказывает, что стихи каждый день не пишет: «Бывает, молчу 7-10 месяцев. А вот этой весной, когда я удалилась из всех соцсетей, стало появляться по несколько стихов в день».

Земля и люди Генриха Асафова

Никто не ожидал, что юбилейный 2020 год станет последним в земной жизни одного из самых ярких и самобытных живописцев Вологды - Генриха Алексеевича Асафова. Он всегда жил и творил по-своему, без оглядки на расхожее мнение, сторонился публичности, уезжал практически на всё лето из города или закрывался у себя в творческой мастерской, куда отправлялся с утра, проходя пешком чуть ли не полгорода. Философ и затворник, сокровенные думы о самом важном - жизни человека на Земле он воплощал в холстах, обращаясь к символике цвета и формы, или превращал мысли в образные стихи и эссе.

Заслуженный художник РФ Генрих Алексеевич Асафов (1940 - 2020)

Генрих Асафов родился в 1940 году в деревне Чирково Усть-Кубинского района. «Я глубоко признателен своей матери, - писал позже художник, - что она не унесла с собой ... маленькую тайну, поведала мне, уже взрослому, не слишком для нее понятному, что я и родился-то прямо в избе 19 апреля, в самый ледоход... А я все думал, почему я так люблю ледоход, в который я не раз купался, а кататься на льдинах было высшим счастьем».

Эта связь с родной землей у Генриха Асафова не прерывалась никогда. Покидая свою родину, он не переставал думать о ней и, в конечном счете, вернулся на Вологодчину, не помышляя больше о других берегах. Пройдя серьезную школу профессиональной подготовки сначала в Ярославском художественном училище, а затем в Московском художественном институте имени В. И. Сурикова, он приехал в Вологду с убеждением, что нашел свою главную тему в творчестве, и тема эта - человек на земле. А еще понял, что воплотить ее в живописные образы он сможет только на родной земле, где жили и живут его герои, где хочет жить и он сам.

Темы картин Асафова 1970-х - начала 1980-х годов были сродни темам деревенской поэзии и прозы вологодских литераторов, находили непосредственную перекличку с тематикой произведений современных ему вологодских живописцев и графиков, имевших, как и он, деревенские корни. Своей убежденностью, неподкупностью взглядов на большие вопросы времени, на задачи и цели искусства Генрих Асафов, едва появившись в Вологде, закрепил за собой авторитет идейного лидера, каковым и остался на все последующие годы.

Земля для Генриха Асафова - не абстрактное понятие, а живой источник красоты, мысли, традиций. «Казалось бы, ну, что может быть проще земли, по которой мы ходим, порой абсолютно не

Генрих Алексеевич Асафов (1940 - 2020)
Материнское. 1977. ДВП, масло. 77 x 57.

вникая в ее «глубину». Но одно то, что земля - кормилица! - уже говорит обо всем. Ну а для мыслящего художника земля - это еще и бесконечность цвета и мысли. Она всегда дышит, творит, и ее творческое движение неуловимо богато, как вся Вселенная. Все чудеса красоты и таланта рождает земля... И только сонные и слабые существа не видят, не слышат, не знают о существовании радужной красоты в «темном» цвете земли, никогда не задумываются о ее тревоге и грусти в запустелых и покореженных местах...». Читая эти слова художника, мы находим в них те главные, движущие идеи, на которые и опиралось его раннее творчество, которые и рождали «программные» темы, язык и форму его «земляных» картин. Уже в самих названиях таилась нескрываемая душевная боль автора за покинутые деревни, где когда-то ключом была жизнь («Деревня Шпылиха», «Деревня Афроси-

Проект «Беловский круг Генриха Асафова» в музее-квартире Василия Белова продолжился выставкой портрета Валентина Распутина. Генрих Асафов нарисовал свой первый портрет Валентина Григорьевича в 1983 году, однако позже закрасил его. Новый портрет Распутина Генрих Алесеевич написал в 2003 году. Долгое время он хранился в мастерской художника и впервые был выставлен в музее-квартире Василия Белова в 2018 году

нино»), за стариков, на которых когда-то держалась жизнь, а теперь брошенных доживать свой век в глухих далеких углах («Молодые», «За жизнь»).

Всё шло из детства, всё, что заложено было тогда родителями, оказалось важным. «И вот уже деревня Лукачево... - вспоминал автор. - Как будто во сне, я вдруг увидел совсем молодую свою мать, Катюшу Блохину, и тут же выскочил молодой отец и надел ей на палец свою подковку... Да, моя мать родом из Лукачево, а отец - из Богослова, и бегал он эти четыре километра, не чувствуя ног, и ковал в дедовой кузнице свое Асафовское счастье, которое досталось и мне... А вот уже и само Богослово. Где, где эти две дедовские кузницы? Нет... Нету. Только за ручьем мелькнула снежная звезда моего деда, раскулаченного и сгинувшего где-то под Мурманском в мои годы. Я абсолютно уверен, что Бог дал мне ума и таланта за

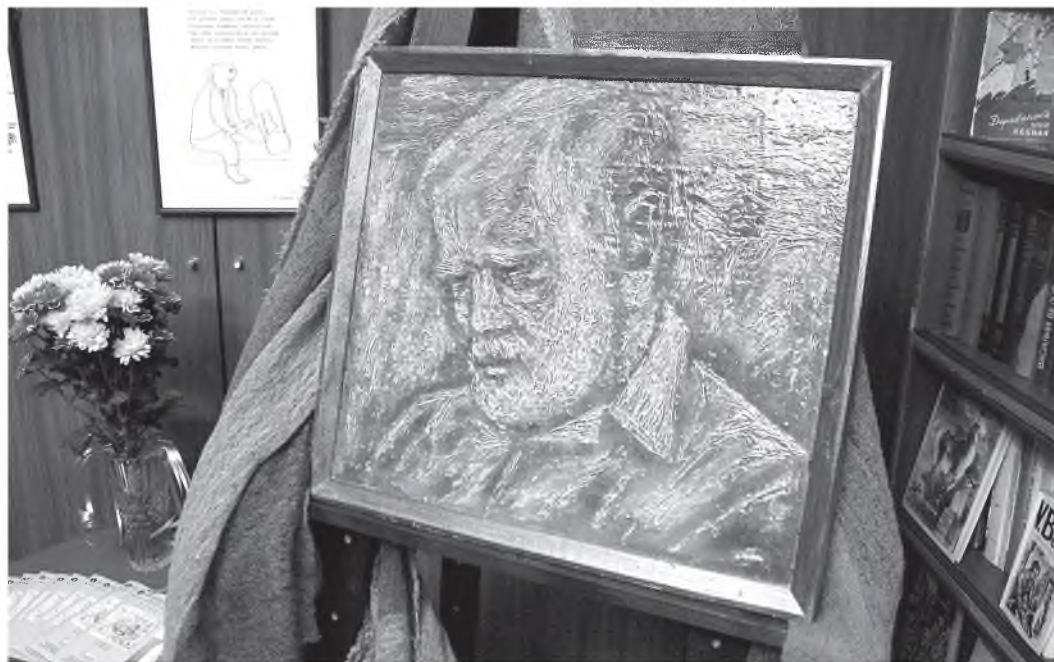
горькую судьбу моего деда Володи, в которого я уродился («Весь в деда!» - говорил отец)».

В отличие от многих современных ему авторов, Асафов не мучился поиском главного героя своих картин, им изначально стал простой человек, рожденный и живущий на земле, а проще говоря, землянин - синоним слова «крестьянин». Художник восхищался его трудолюбием и смекалкой, мудрым отношением к земле, умением жить в согласии с природой и ее правилами, искать и находить в ней простые и мудрые ответы на все вопросы жизни. Он прекрасно понимал, что тот герой, о ком пишет и неустанно говорит он, это своего рода идеал, который живет в душе художника. «Я, конечно, понимаю, - писал Генрих Алесеевич, - что в окружающей

нас действительности происходит утрата нравственных критериев, идет разгул разрушительных страстей, и потому решительно и смело не верю в утопию патриархальной крестьянской замкнутости, а верю в природную силу и мощь крестьянского образа мышления и труда (выделено автором статьи - Л.С.). И потому мой герой - монументален, мажорен и ярок, готов перейти в мозаику и фреску, ибо это - искусство».

В полную силу талант Асафова зазвучал с конца 1980-х годов в метафоричных образах картин-притч, когда он кардинально поменял форму своих «протестных» темных работ на язык полновзвучной красочности и открытого гимна, воспевающего радость жизни человека на земле. И форму эту, и колдовство, и обаяние цвета подсказали ему образцы народного искусства: деревенская вышивка на рубахах и полотенцах, роспись на крестьянских

В музее-квартире В. И. Белова в Вологде в 2018 году с успехом прошла выставка портрета Василия Ивановича Белова кисти Генриха Асафова. Эта картина открыла серию выставок «Беловский круг»

шкафах, сундуках и прялках... «Художник, чувствующий под собой родную землю, впитавший в себя ее глубочайший колорит, слившийся с ее чаянием, обязательно будет красив и оригинален формой...». Так появились в творчестве Асафова символические полотна: «Лен стелют», «Катюша», «Ключ», «Сток», где тема созидательного труда на земле и полнокровное приятие радости жизни вплотную переплелись с традициями восприятия мира в народной культуре. Как свободно и радостно дышали и жили герои в пространстве народных лубков и крестьянских декоративных росписей, так же образно и многогранно зазвучали форма и цвет в его картинах крестьянского мира.

«Для меня народное творчество всегда свежо, оно глубоко западает в душу, ... потому как, расписывая дверцу шкафа, художник пел душой песню самой природы, гениальней которой ничего нет... Вот почему нам бесконечно интересен и

дорог Казимир Малевич своей крестьянской серией, где его космическая философия органично переплелась с земным крестьянским трудом. Вот почему такой величайший из гениев живописи, как Матисс, докапывается до «детства» живописи, радуется своим находкам, умиленно высвечивая в непосредственном пятне весь цветной мир жизни своей». Создавая на холстах мир своей жизни, наш современник, вологодский живописец конца XX - начала XXI века Генрих Асафов находит единомышленников в своих гениальных предшественниках и оборачивается к их художественной практике, чтобы еще и еще раз убедиться в правоте и верности своего творческого пути.

Любовь СОСНИНА,
искусствовед

Автором использованы статьи художника, опубликованные в сборнике:
«Генрих Асафов. Статьи о творчестве Г. А. Асафова. Статьи Г. А. Асафова». Вологда. 2006.

Лепельскому пехотному училищу - 80!

Страна отметила трагическую дату в истории страны - 80-летие начала Великой Отечественной войны. И как тут с благодарностью не вспомнить командование, преподавателей и выпускников одного, с точки зрения многих военных историков, незаслуженно забытого военно-учебного заведения страны - Лепельского пехотного училища.

В январе-феврале 1940 года училище было сформировано на территории военного городка Боровка Лепельского района, в 10 км северо-восточнее города Лепель Витебской области Белорусской ССР. В мае 1941 года было передислоцировано в Череповец. По воспоминаниям ветера-

нов, первый эшелон с преподавателями и курсантами, прибывший в Череповец 9 мая 1941 года, город встретил бушевавшей вовсю метелью. И это после только что покинутой, по-летнему тёплой Белоруссии! Училище разместили на окраине города, недалеко от железнодорожного моста.

Курсанты военного университета радиоэлектроники на почетной вахте у памятного знака в память о погибших на фронтах Великой Отечественной войны сержантах, установленного в Череповце в сквере около университета радиоэлектроники

Бывшие казармы Лепельского пехотного училища. Современный вид. Пос. Боровка Лепельского района

21 мая 1941 года, на основании приказа Военного совета Архангельского военного округа № 088 от 21.05.1941 г., Лепельское пехотное училище было переименовано в Череповецкое пехотное училище. В сентябре 1941 ему снова вернули первоначальное название. И с ним военно-учебное заведение просуществовало всю Великую Отечественную войну, пока 4 сентября 1947 снова не стало «Череповецким пехотным...»

Вклад училища в нашу общую Победу велик. Так, белорусский исследователь, историк-краевед, библиограф Национальной библиотеки Беларуси, автор книги «Лепельское пехотное училище» (Смоленск, 2018) Барановский Андрей Леонидович приводит следующие данные:

«Среди курсантов были представители более тридцати народов и национальностей СССР, в т. ч. русские, белорусы, украинцы, евреи, казахи, грузины, абхазы, татары, марийцы, азербайджанцы, узбеки, вепсы, дагестанцы, чеченцы, ингуши, чувашы, башкиры, коми, калмыки и др.

Училище воспитало 18 Героев Советского Союза, 26 кавалеров высшей награды Советского Союза - ордена Ленина, 12 кавалеров полководческих орденов: Суворова, Кутузова, Александра Невского и Богдана Хмельницкого, 18 кавалеров солдатского ордена Славы,

13 кавалеров высших наград иностранных государств.

12 выпускников достигли высших офицерских званий. Один из них - генерал армии, трое имеют звание генерал-полковника; трое - генерал-лейтенанта и пятеро - генерал-майора...».

Хочется сделать акцент на Героях Советского Союза - наших земляках-вологжанах. Считаю обязанным назвать их всех поименно: сержант Прокатов Василий Николаевич (уроженец деревни Кузовлёво Харовского района), младший лейтенант Серов Николай Васильевич (уроженец города Бабаево), сержант Гаврилов Петр Иванович (уроженец деревни Иванцево Череповецкого района), гвардии старший лейтенант Заседателей Вячеслав Васильевич (призван Сокольским РВК), красноармеец Карташов Алексей Александрович (уроженец деревни Мокошево Кадуйского района), лейтенант Гуцин Павел Фёдорович (уроженец деревни Антушева Гора Тотемского района).

В числе первых, кто был удостоенных этого высокого звания, стал сержант Василий Николаевич Прокатов, закрывший своей грудью амбразуру вражеского дота 12 декабря 1942 года. Василий Николаевич повторил подвиг нашего же земляка Александра Панкратова.

Именами девяти выпускников названы улицы в 11 городах, поселках и деревнях трех стран - России, Беларуси и Украины. В честь выпускников училища в 20 городах, поселках и деревнях этих стран установлены памятники, памятные знаки, стелы, бюсты и мемориальные доски.

Автор данной статьи гордится своим отцом, Созиным Аркадием Ивановичем, и тестем, Подобедовым Борисом Сергеевичем (оба 1925 года рождения), которые маршевыми курсантскими ротами летом 1943 года убыли из Череповца к месту формирования резерва Ставки Верховного Главнокомандования, а затем на Карельский фронт, приняв своё боевое крещение при форсировании реки Свирь (4-й сталинский удар) в составе миномётной роты 1-го батальона 303-го гвардейского полка 99-й гвардейской стрелковой дивизии 37-го гвардейского стрелкового корпуса.

На протяжении послевоенной истории ЛПУ внесло достойный вклад в подготовку офицерских кадров для армии. Его командиры, преподаватели и выпускники проходили службу практически во всех военных округах СССР и за его рубежами.

Среди выпускников училища десятки фамилий почётных граждан городов и сёл, заслуженных работников различных отраслей народного хозяйства, деятелей культуры, докторов и кандидатов наук, профессоров.

Интересные факты собрал в Центральном архиве МО РФ (г. Подольск) военнослужащий Военного ордена Жукова университета радиоэлектроники Евгений Владимирович Лукачев. В приводимых им документах указано, что за время Великой Отечественной войны Череповецкое (Лепельское) пехотное училище подготовило и провело 28 выпусков общей численностью 18147 человек, из них: 7075 офицеров, 2355 политбойцов и 8717 во-

Закладной камень в сквере, где со временем должна появиться стела с именами погибших в годы войны выпускников Лепельского училища

еннослужащих сержантского и рядового состава для гвардейских частей.

Вернёмся в наше время. Нельзя сказать, что сегодня училище начисто забыто. На территории военного университета, где оно дислоцировалось, создан мемориал защитникам Отечества, одна из стел которого возведена в честь курсантов Лепельского пехотного училища, с надписью «Лепельским (Череповецким) курсантам 1940 - 1957 гг. - с благодарной памятью курсанты ЧВВИУРЭ». Здесь же, в комнате истории Вологодской области, развёрнута экспозиция «За Россию, Родину, Отечество!», включающая ряд материалов и по нашей теме. В музее университета представлены портреты выпускников-лепельчан, получивших высшие офицерские звания.

В Череповецком музейном объединении хранятся документы и фотографии, рассказывающие о Лепельском (Череповецком) училище.

В юбилейный для страны и училища год создана инициативная группа, куда вошли представители Вологодской региональной общественной организации

Во время торжественной церемонии в честь закладки памятного знака играл военный духовой оркестр

«Ассоциация ветеранов военной разведки», командования и ветеранской организации Военного ордена Жукова университета радиоэлектроники, городской администрации Череповца, Вологодского областного совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, Клуба деловых людей Вологодского землячества в Москве, Вологодской писательской организации, белорусской научно-исследовательской группы военной истории «Рубон» и ряда других организаций.

В планах многое: от проведения научно-практической конференции, приуроченной к 22 февраля - годовому празднику части (дню вручения училищу Боевого Знамени - 22.02.1940 г.), возвращения Боевого Знамени в Череповец, создания аллеи Героев до установки мемориальных досок в Боровке и Череповце на казармах бывшего училища, - и, главное, возведения памятника преподавателям и курсантам училища. Считаю, что было бы полезным обращение мэрии Череповца к руководству города Лепеля и деревни

Боровка Лепельского района с предложением стать побратимами.

В социальной сети ВКонтакте создана группа «Лепельское училище. Череповец» (<https://vk.com/club194847663>), призванная консолидировать все заинтересованные стороны в поиске и публикации новых материалов, имён и ранее неизвестных фактов, в реализации планов инициативной группы.

Конечно, это лишь малая толика того, что заслужили наши героические предшественники, которые буквально легли костями на полях сражений. Из каждых 100 выпускников Лепельского пехотного училища, ушедших на фронт, к концу войны уцелело трое. Из шести наших земляков, ставших Героями Советского Союза, четверо получили это звание посмертно...

И кому, как не нам, живущим сегодня благодаря их подвигу, восстановить историческую справедливость, отдав дань памяти нашим известным и безызвестным героям!

Сергей СОЗИН,
член Союза писателей России

• СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА	
Андрей Сальников. Высокий полёт.....	1
ВОЛОГОДСКАЯ ШКОЛА	
Читай, Россия, про тебя написано!.....	79
Дмитрий Ермаков получил награду «Гранатового браслета».....	99
Ростислав Панов. Свет родимых берёз. <i>Писатель о писателе</i>	176
Людмила Яцкевич. Лирическая проза Сергея Багрова. <i>Размышления над книгой</i> «Последняя передышка».....	179
Дмитрий Ермаков. Душа хранит. <i>К 85-летию Николая Рубцова</i>	182
Александр Коротаяев. Белые люди и чистый дух.....	185
ДАТА	
Сергей Созин. Лепельскому пехотному училищу - 80.....	236
ЖИВАЯ ПАМЯТЬ	
Леонид Щетнев. Жил-был я. <i>Окончание,</i> <i>начало в номере за 2020 г.</i>	196
Светлана Василенко. Александр Конт и его судьба.....	222
ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ	
«Художники, наставники. Николай Константинович Воздвиженский и Алевтина Петровна Кротова».....	Цв. вклейка
Гибкая ива. <i>О первой книге Аллы Касецкой</i>	12
Сказки и миниатюры Татьяны Андреевой.....	20
Для любителей родной старины. <i>О книге</i> <i>Людмилы Яцкевич «Детство на Шексне»</i>	43
«Северной Фиваиде» - 20 лет.....	44
«Настроив душу на добро...».....	50
«Северное ожерелье».....	59
Загадки «Автографа».....	78
Авторы нашего журнала отмечены литпремиями.....	83
«Семьиструнка».....	107
Русская песня Василия Мишенёва.....	178
Георгий Немец. Талант, самобытность и немного счастья.....	194
И НЫНЕ, И ПРИСНО	
Новая книга о Нило-Сорской пустыни.....	63
ИСКУССТВО	
Юрий Воронов: «Всю жизнь их рисую...».....	Цв. вклейка
Любовь Соснина. Земля и люди Генриха Асафова.....	232
КНИГА В ЖУРНАЛЕ	
Александр Чурбанов. Море солёное. <i>Повесть</i>	114
НОВОЕ ИМЯ	
Мария Суворова. Великоустюгским котам.....	105
Симона Йори Маканда. Восемь стихотворений.....	108
Николай Цыганов. Совсем простая песня.....	111
ПОЭЗИЯ	
Ольга Фокина. Замедлите шаг!.....	2
Надежда Юрова. Перелётная птица счастья.....	5
Алла Касецкая. Воспоминанье нежных лет.....	9
Людмила Новикова. Вологодский говорочек.....	13
Николай Дегтерёв. Поздняя любовь.....	16
Василий Мишенёв. Живу понемножку........	21
Евгений Некрасов. Всё ладится на Божьем свете........	24
Александр Пошехонов. Я с веками веду разговор........	28
Инга Никитина. Когда-нибудь на этом берегу. <i>Венок сонетов</i>	32
Елена Саблина. Люблю пустые вечера.....	36
Николай Александров. Ковчег Белозерья.....	39
Павел Широглазов. Меняхватило ровно на любовь.....	45
Александр Швецов. Живём на родине добром.....	48
ПРОЗА	
Сергей Багров. О друзьях-товарищах. <i>Литературно-</i> <i>художественные очерки о писателях.</i>	51
Александр Ломковский. Новый день. <i>Рассказы</i>	55
Светлана Чернышева. Маленькая Галя. <i>Рассказы о детях и для детей</i>	60
Лидия Сычёва. О встречах и разлуках. <i>Рассказы.</i>	64
Станислав Мишнёв. Савельюшка.....	75
Игорь Ваганов. «Парашотист». <i>Из цикла</i> <i>«Хроника линейной бригады»</i>	80
Виктор Плотников. Зима девяносто третьего. <i>Из романа</i>	84
Виктор Зайков. Витькин костюм. <i>Рассказ</i>	100
СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ	
Летописец Заполярья. <i>О новых книгах</i> <i>Василия Белоусова.</i>	27
Ирина Трапезникова. Откровенный разговор о поэзии, школе, страхах и победах.....	230

На 1-й и 4-й страницах обложки - репродукция картины Евгения Носова «Журавли»

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД

Литературно-
художественный
журнал

2021, № 1 (39)

В 1991-1995 годах
выходил под названием
«Лад. Журнал
для семейного чтения».
С 2006 года -
«Вологодский ЛАД»

Главный редактор - **А. К. Сальников**
Адрес редакции: 160009, Вологда, ул. Козлёнская, д. 33, оф. 309
Телефон: (8172) 72-42-90, e-mail: salnikovandre@yandex.ru

Адрес типографии: ООО ПФ «Полиграф-Периодика»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Тираж 700. Объем 15 п.л. Формат 70x100/16. Печать офсетная. Подписано в печать 30 августа 2021 г.
Время подписания номера по графику - 10 час., номер подписан в 10 час.
Дата выхода номера - 15 сентября 2021. Заказ № 1306. Свободная цена.

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.

Учредитель - автономное учреждение Вологодской области
в сфере средств массовой информации

«Вологодский областной информационный центр»

Адрес издателя: АУ ВО «Вологодский областной информационный
центр», юридический адрес: 160000, Вологда, ул. Козлёнская, д. 33;
почтовый адрес: 160000, Вологда, ул. Козлёнская, д. 33, оф. 309

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
по Вологодской области, регистрационное удостоверение
ПИ № ТУ 35-069 от 28 декабря 2011 г.

16+

Земля и люди Генриха Асафова

Иллюстрации к статье Любови Сосниной (см. стр. 232)

Ключ. 1990 - 1995.
ДВП, темпера, лак. 120 x 110.
ВОКГ ОФ-15978

• ИСКУССТВО

Деревня. 1992.
Картон, масло.
57 x 67.
ВОКГ ОФ-15208

Лен стелют. 1983.
Картон, масло.
130 x 157.
ВОКГ ОФ-14687

Муза. 1988 - 1992.
ДВП, масло. 113 x 128.
ВОКГ ОФ-15717

Танго. 1988.
ДВП, масло.
150 x 115.
ВОКГ ОФ-13843

• ИСКУССТВО

Август. 1980.
Картон, масло. 77 x 97.
ВОКГ ОФ-7547

Иван да Марья. 1998.
Картон, масло. 79 x 121.
ВОКГ ОФ-17676